

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЛЯБИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»**

**FEDERAL STATE
BUDGET-FUNDED EDUCACIONAL
ESTABLISHMENT OF HIGHER VOCATIONAL
EDUCATION
“THE CHELYABINSK STATE ACADEMY
OF CULTURE AND ARTS”**

**МОЛОДЕЖЬ
В НАУКЕ
И КУЛЬТУРЕ
XXI ВЕКА**

**YOUTH
IN SCIENCE
AND CULTURE
OF THE XXIst CENTURY**

**Материалы
международного
научно-творческого
форума**

**Proceedings
of the International
Scientific and Creative
Forum**

1–2 ноября 2012 г.

November 1–2, 2012

Часть I

Part I

**Челябинск
2012**

**Chelyabinsk
2012**

УДК 378
ББК 72+71=74.58
М75

Молодежь в науке и культуре XXI в.: материалы междунар. науч.-творч. форума. Челябинск, 1–2 ноября 2012 г. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2012. – Ч. I. – 358 с.

ISBN 978-5-94839-371-1

ISBN 978-5-94839-372-8 (ч. I)

ISBN 978-5-94839-373-5 (ч. II)

В сборник вошли научные материалы молодых ученых: аспирантов, соискателей, докторантов и кандидатов наук, подготовивших доклады и сообщения на международный научно-творческий форум «Молодежь в науке и культуре XXI века».

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинской государственной академии культуры и искусств

Научное издание

Составитель Елена Викторовна Швачко

МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

Материалы международного научно-творческого форума

Часть I

1–2 ноября 2012 г.

В редакции авторов статей
Компьютерная верстка Т. А. Жолобовой

Сдано 26.10.2012. Подписано в печать 29.10.2012. Формат 60х84 1/16.
Объем 20 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1300

Отпечатано в Челябинской государственной академии культуры и искусств. Ризограф
454091 Челябинск, ул. Орджоникидзе 36а

ISBN 978-5-94839-371-1

ISBN 978-5-94839-372-8 (ч. I)

ISBN 978-5-94839-373-5 (ч. II)

© Челябинская государственная
академия культуры и искусств, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приветствие губернатора Челябинской области Михала Валериевича Юревича участникам форума.....</i>	9
--	---

Раздел I

ДИСКУРСЫ XXI ВЕКА В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Алдошина М. И.</i> Этнокультура и проблемы формирования этноэстетической культуры студентов в университете.....	10
<i>Андропова Т. В.</i> К вопросу о взаимосвязи интеллектуальной культуры и Интернета	13
<i>Антонова Н. И.</i> Проблема конституирования отечественной «философии спорта» в контексте современных социокультурных стратегий и вызовов	16
<i>Антонова Н. В.</i> Маргинальность в гендерном измерении	19
<i>Биче-оол В. К., Айназаров П. Д.</i> История танцевальной культуры Узбекистана	21
<i>Борченко И. Д.</i> Роль мультикультурности в современной коммуникации.....	26
<i>Бредихин С. С.</i> Человек трудящийся в теологических системах Средних веков	29
<i>Бушев А. Б.</i> Элементы христианской религии в воспитании	32
<i>Важенина О. А.</i> К понятию национальной идеи	36
<i>Ветошкин А. П., Кружкова Т. И.</i> Базовые ценности делового мира России: исторический опыт	38
<i>Гаврилова К. А.</i> Hip-hop как молодежная субкультура	44
<i>Гаврилова Е. М.</i> Китайская мифология как репрезентация культового отношения к документу	46
<i>Гендова М. Ю.</i> Ценности культуры: духовные традиции и современность	50

Даутова Е. В. Имидж губернатора – имидж региона: особенности формирования.....	55
Замогильный С. И., Горемыко М. В. Культурная политика и образование как факторы формирования среднего класса	58
Загорулько И. А. Культура питания современных россиян: к постановке проблемы	64
Зубанова Л. Б. Художественная культура региона: ключевые направления исследований	65
Исламов П. Г. К вопросу о мотивации субъектов преступления.....	69
Калинина В. М. Стилистические особенности русской фарфоровой скульптуры XIX – начала XX века.....	74
Капитова Н. А. Из истории развития афиши как феномена культуры	80
Кокорина С. В. Книжная культура Российской Империи начала XVIII века: этнокультурный контекст	82
Кокшаров Е. Н. Национальные исторические черты, оказывающие культууроформирующее влияние на становление производственной культуры россиян	86
Кузнецов А. Н. Исторические предпосылки формирования понятия «имидж»	94
Ланганс Е. Г. Тема самоопределения человека в русской философии начала XX века	97
Маркова А. В. Коммуникативные регистры в диалогах семейных ситкомов	100
Мордасов А. А. Развитие паратеатральных форм в современной культуре	102
Мартынова Н. Э. Культуротворчество в контексте этнокультурной досуговой деятельности	106
Миляева Е. Г. Российская философская антропология о свободе как основной проблеме существования человека в современном мире	108

Мошкина О. В. Роль медиакультуры в процессе саморазвития человека	110
Нагевичене В. Я. Старообрядчество как религиозная форма социального протеста	115
Новак О. Ю. К вопросу о формировании общего коммуникативного пространства в молодежных многонациональных сообществах (из опыта организации поликультурной проектной деятельности в новосибирском академгородке)	126
Пеннер Р. В. Соотношение обыденного понимания свободы и попытка синтеза юридического и психологического ракурсов ее рассмотрения	130
Позднякова Ж. С. К вопросу формирования управленческой культуры	132
Помелов В. А. Эскапизм детской сказки и эскапизм видеоигры. Эстетико-философский аспект ...	134
Родионов В. В., Биче-оол В. К. Культура народов Таймыра в процессе глобализации	136
Рожкова К. Е. Роль религиозного философа Василия Васильевича Розанова в художественной критике начала XX века	139
Сафонова Н. А. Теоретико-методологические аспекты изучения традиционной культуры	143
Сейма А. А. Восприятие смысла как главный фактор адекватной реакции на современные социокультурные вызовы	145
Синецкий Н. С. Особенности арабской цивилизации	147
Соколов П. И. Позитивная сила отчуждения: к постановке вопроса	151
Солдаткин В. Е. Церемония как структурная единица программы личностного юбилея	153
Соломко Д. В. Театральное действие: культурфилософский аспект	156
Стожко К. П., Шадрин О. В. Социально-философская характеристика феномена трудовой стоимости в современном обществе	161

Терентьева Н. А. Хореографическая культура: категориальный анализ содержания	168
Тузовский И. Д. Глобализация: семантика термина в контексте методологического принципа большей длительности	171
Усанова Д. О. Трансформация культуры досуга и языковых практик под влиянием интернет-технологий	176
Фукс Д. А. Социокультурные ракурсы медиакультуры: на примере телевизионных шоу-программ	180
Хомяков А. В. Значение обрядовой культуры в развитии личности детей. Культурологический аспект	182
Чернов А. В., Семенов П. П. К вопросу о социализме как социальной доктрине христианства	185
Шадрина О. В., Стожко Д. К. Диалектика понятий «институтция» и «институт» в истории науки: философский аспект	189
Шугаева А. В., Хомяков В. И. Специфика омской блогосферы	194
Яблонская Е. А. Онтология звука в контексте речевой коммуникации	197

Раздел III

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Алимова У. А. О некоторых формах и способах существования виртуального музея	200
Бабаева Е. В. Строительные отряды вузов Москвы как форма студенческого самоуправления. 1971–1980 гг.	203
Ваганов А. А. Музеи при учебных заведениях Уфимской губернии в дореволюционный период	209
Демаков В. Г. Поездка адмирала А. В. Колчака на Урал в феврале 1919 года	215

Ерыкалина А. Ю. Становление и развитие краеведческой деятельности на Южном Урале в начале XX века	220
Лаврова К. Б. Библиотечные архитекторы дореволюционной России: XIX – начало XX в.	224
Лешуков А. Г. Личность предпринимателя в развитии российской рекламы в 1861–1900 гг.	230
Пельков Д. Е. Кризисный период в развитии сети народных домов в Уфимской губернии (1905–1912 гг.)	233
Панькин И. Д. Проблема использования исторического источника в историографическом исследовании	237
Пелькова Т. Ю. Организация архивного дела в Челябинской губернии в первые годы Советской власти	240
Переверзев В. В. Китайско-индийский пограничный конфликт 1962 г. в отражении советской периодической печати	244
Свичкарь И. Г. Проблемы сохранения, охраны и защиты историко-культурного наследия	248
Терехов А. Н. «Нас в пехоту сражаться послали...» (Морские пехотинцы Челябинской области – Герои Советского Союза)	250
Федоров Н. С. О некоторых аспектах деятельности научных обществ учащихся при изучении старообрядчества южноуральского региона	254
Фурсова А. Ю. Формирование и развитие профессиональных творческих коллективов театров кукол на Южном Урале в 70–80-х гг. XX века	257
Шуляк Е. В. Повседневная жизнь и служба земского медицинского персонала – актуальная проблема исторической науки	260

Раздел III

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МУЗЫКОЗНАНИЯ

Ванина Е. В.

Вёрджинельная музыка в свете преемственности с органной и лютневой
исполнительской традицией 262

Евсикова И. А.

Музыкально-критические статьи городской газеты 1950–1959 гг.
о творческой деятельности Магнитогорской хоровой капеллы 264

Коростина Е. П.

Концептуалистический подход к анализу духовно-хоровых сочинений
на примере хорового наследия С. З. Трубачева 268

Котикова Т. И.

«Дихотомия смыслов» как принцип организации
художественного мышления В. Гаврилина 273

Кузьмина О. В.

Проблемы нотации в музыке для гитары 275

Литвин Е. В.

Музыкально-компьютерные технологии
как средство развития творческого потенциала учащихся 277

Мугалимова А. В.

Особенности тематизма концерта-симфонии для трехструнной домры
с оркестром М. Д. Смирнова 278

Тимошенко Л. А.

Игра в системе начального музыкального образования 287

Чернов А. В.

Б. М. Теплов: основные черты его психологической концепции
музыкальных способностей 290

Юровская О. Л.

История собирания и изучения духовных стихов на Урале 297

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА К МАТЕРИАЛАМ ФОРУМА..... 308

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 349

*Приветствие Губернатора Челябинской области
Михаила Валериевича Юревича
участникам форума*

Уважаемые друзья!

Поздравляю вас с открытием XI Международного научно-творческого форума «Молодежь в науке и культуре XXI века»!

Искренне рад, что он собирает на южно-уральской земле ведущих научных деятелей и молодых ученых России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Столь представительный состав форума обусловлен, без сомнения, значимостью и актуальностью поднимаемых им тем.

Сегодня на новых перекрестках развития никакое продвижение невозможно без сильной науки, одаренных ученых, настоящих профессионалов. Обществу нужны самые современные знания и высококлассные специалисты мирового уровня.

Талантливая, целеустремленная молодежь – главный ресурс любой страны. В перспективе это ведущие ученые и специалисты, которым строить сильную экономику, развивать культуру, социальные институты на основе лучших традиций.

Убежден, что темы, поднимаемые XI Международным форумом «Молодежь в науке и культуре XXI века», играют важную роль для раскрытия научного и творческого потенциала для каждого его участника.

Желаю вам плодотворной и интересной работы! Новых успехов и достижений на вашем пути!

М. В. Юревич

Раздел I

ДИСКУРСЫ XXI ВЕКА В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

СЛОВО НАСТАВНИКА

М. И. Алдошина

Орловский государственный университет

ЭТНОКУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Национальная культура аккумулирует многовековой социокультурный опыт человечества. Высшей ее ценностью и образным звучанием является человек. Именно это определяет национальную культуру живительным духовным источником знаний о человеческой природе и душе народа, гарантирует процесс преемственности поколений и обогащения культуры. В контексте формирования менталитета и духовных основ личности мы рассматриваем аспекты взаимосвязи традиционной этнокультуры, этноэстетического развития и формирования мировоззренческих основ личности, детерминации личностного и профессионального становления

Художественная культура, по мнению В. С. Соловьева, воспроизводит не самые предметы и явления действительности, а типичные характерные черты, эстетический элемент природных явлений, очищая и усиливая красоту форм и красок. В художественной культуре, искусстве он видел «идеализированное воспроизведение тех явлений из истории человечества, в которых заранее открывался высший смысл нашей жизни» [4, с. 84–85]. Актуально звучат сегодня слова И. А. Ильина: «Каждый народ имеет свой инстинкт, данный ему от природы. У каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Так, каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает, по-своему женится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет и отчаивается; по-своему улыбается, смеется и радуется... по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... У каждого народа особый душевный склад и духовно-творческий акт... Различны травы и цветы в поле. Различны деревья, воды, облака... И каждому народу подобает и быть, и красоваться, и Бога славить по-своему...» [3, с. 53]. Следовательно, можно продолжить мысль великого философа, каждый народ и готовить специалистов должен по-своему

Следует отметить, что своеобразие конкретного народа не только самоценно, но и отражается на механизмах трансляции исторического опыта. Н. А. Бердяев художественную культуру понимает в контексте творчества. Он отмечал, что «...творить можно только культуру, то есть ценности логические, этические и эстетические...» [1, с. 127]. Творческий акт он определил как откровение человека, отражение его свободного духа и себя в мире. В творческом художественном отношении к миру, восприятии мира в красоте есть «прорыв через уродство «мира сего» к миру иному» [1, с. 217–218]. Эстетическая основа национальной культуры в совокупности с ее сильным творческим началом позволяет надеяться на целенаправленное формирование личности.

Современное состояние культуры позволяет выделить следующую проблему: исчезновение многих элементов традиционной культуры в условиях массового общества, распространения массовой культуры приводит к образованию в сознании людей своеобразного вакуума. Не будет ошибкой утверждение, что тысячелетняя история развития человека связана и с формированием его как музыканта, танцора, певца, сказителя и т. п. В мире нет ни одного народа, в культурной сокровищнице которого нет музыки, песни, танца. В традиционных обществах весь уклад жизни построен так, что с детских лет человек постоянно реализует свои образно-ассоциативные возможности естественным путем – в общении с природой, в коллективных праздниках, хоровом пении и т. п. Например, песня сопровождала человека с первой до последней минуты жизни. «Разрушение традиционной культуры с ее богатейшим художественным и песенно-музыкальным фондом не может не приводить к образованию в сознании людей своеобразной «этнокультурной ниши», которая заполняется культивируемыми по американскому образцу суррогатами массовой культуры, чуждой нам по своей социальной психологии и не способствующей развитию в личности духовных и нравственных ценностей» [5, с. 164]. Образование в сознании людей этнокультурной ниши – одна из причин все возрастающей дегуманизации личности и общества, как на Западе, так и на Востоке, утраты механизмов межкультурного и межпоколенного взаимодействия.

Всякая культура есть исторически непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений данной социальной среды, причем каждая отдельная культурная ценность имеет целью удовлетворение определенных (материальных или духовных) потребностей всего данного социального целого или входящих в его состав индивидов. Поэтому всякая культура производит в пределах данного социального целого нивелировку индивидуальных различий его членов. В культурных ценностях, получающих признание, ступшеваются отпечатки слишком индивидуальных черт их творцов и слишком индивидуальный тон потребностей и вкусов отдельных членов данного социально-культурного организма. Происходит это естественным образом, в силу

взаимной нейтрализации полярных, т.е. максимально противоположных, индивидуальных различий. В результате на всей культуре лежит отпечаток некоторого среднего для членов данной социальной среды психического типа. Чем больше индивидуальные различия членов социально-культурного целого, тем расплывчатей и неопределеннее, безличнее средний тип, воплощающийся в культуре. Если представить себе культуру, творцом и носителем которой является все человечество, то ясно, что безличность и расплывчатость в такой культуре должны быть максимальными. В этой культуре должны воплощаться лишь те психические элементы, которые общи всем людям. Вкусы и убеждения у всех людей различны, индивидуальные колебания в этой области чрезвычайно сильны – но логика у всех одна, и материальные потребности в питании, экономии труда и т.д. тоже у всех более или менее одинаковы. Поэтому ясно, что в «однородной общечеловеческой культуре логика, рационалистическая наука и материальная техника всегда будут преобладать над религией, этикой и эстетикой, что в этой культуре интенсивное научно-техническое развитие неизбежно будет связано с духовно-нравственным одичанием. Не обогащенная духовным углублением логика и материальная техника, высушивая духовно одичавшего человека, и то же время не только не облегчают, но затрудняют ему путь к истинному самопознанию и укрепляют в нем гордыню. И, таким образом, однородная общечеловеческая культура неизбежно становится безбожной, богоборческой, столпотворенческой. Напротив, в культуре национально ограниченной всему тому, в чем проявляются интимные духовные потребности и предрасположения, эстетические вкусы, нравственные стремления – словом, весь своеобразный моральный и духовный облик данного народа, – отводится почетное место. Вся духовная часть такой культуры, проникнутая своеобразной национальной психикой, интимно и органически близка ее носителям» [9]. Воплощение в культуре духовного облика и духовного опыта похожих и родственных натур облегчает отдельным членам данного национального организма работу личного самопознания. И поэтому именно только в пределах такой культуры могут возникать морально положительные, духовно возвышающие человека ценности.

Современный молодой человек, замечает Л. П. Буюва [2, с. 12] воспитывается «видеорядом», готовыми «картинками» телевидения. Он перегружен образными структурами, несущими различную, по уровню, информацию, интерпретацию событий, лишен возможности самостоятельной их оценки. Эстетическая информация о многообразии ее форм, линий в живописи и скульптуре, равно как нота и ритм, гармония и мелодия в музыке, остаются невостребованными для выпускников школ, институтов и не входят в культурный контекст образования. С помощью «языков» и «текстов» художественной культуры должны формироваться человеческие чувства, культивироваться формы проявления переживаний, волеизъявле-

ний и действий человека. «Язык» человеческих чувств, его сложность и утонченность выражения, напрямую связан с развитием мира человеческой чувствительности. Особенностью русской культуры выступает то, что ее язык имеет не только формальные проявления (плавность линий в танце, ритмичность, аккумуляция средств воздействия), но и непосредственные содержательные акценты: логичность и последовательность в рассуждениях, т.е. плавность мышления и изложения, ритм в необходимости проявления от одной ступени восприятия к другой, от явных к высшим эстетическим чувствам, соединение образного, тактильного, вербального, музыкального и иных средств проявления прекрасного для усиления значимости результата, действенности проявления суммы стимулов. Красота и пластика человеческого тела, выразительность и одухотворенность движений, могут сложиться на занятиях ритмикой, танцем и музыкой, но они не входят в «образование для всех» и складываются стихийно.

Таким образом, именно концепт национального несет на себе смысловую нагрузку в определении особенностей народа, его ментальных основ. Значение этнокультурного материала для воспитания и развития личности специалиста вытекает из универсальности этноэстетического, проявляющегося во взаимоотношениях национального человека с природой, национальным искусством, обществом, с самим собой и охватывает всю сферу сознания и деятельности. Обращение к богатому наследию национальной культуры способствует формированию не только мировоззрения личности, основ ее ментальности и гражданственности, но и национального самосознания, этнической идентичности личности.

-
1. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства / Н. А. Бердяев. В 2 т. – М., 1994. Т. 1
 2. Буюева, Л. П. Социальная среда и формирование гармоничной личности / Л. П. Буюева. – М.: Знание, 1971.
 3. Ильин, И. А. Путь духовного обновления. – СПб: Библиополис, 2006. – 448 с.
 4. Соловьев, В.С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1991.
 5. Трофимов, В. К. Душа русского народа: Природно-историческая обусловленность и сущностные силы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.

Т. В. Андропова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИНТЕРНЕТА

Значимость проблемы исследования интеллекта и интеллектуальной культуры в первую очередь определяется той ролью, которую они играют в разрешении комплекса социальных и индивидуально-психологических проблем человека. Интеллект опосредует успешность деятельности, вы-

полняемой человеком, от него зависит разумность его поведения и взаимоотношений с окружающими, социальная ценность и социальный статус индивида. Интеллект играет важнейшую роль в структуре целостной индивидуальности.

Вместе с тем интеллект остается многозначным понятием, отражающим способности к познанию, достижению целей, адаптации, решению проблем и многое другое. Этим понятием пользуется не только психологи, но и им оперируют также в знания философии, социологии, педагогике, кибернетике, физиологии и других областей научного знания. Также оно существует в обыденном сознании, является понятием житейским. В каждой из областей знания вырабатывается свои представления об интеллекте.

Согласно академику Н. Н. Моисееву, интеллект – это, прежде всего, целеполагание, планирование ресурсов и построение стратегии достижения цели. Развитие интеллекта у человека выделило его из животных и стало началом развития социума, а затем и человеческой цивилизации [1; с. 88].

Принято различать два основных смысла термина «интеллект» – эволюционный и дифференциальный. С эволюционной точки зрения, интеллект присущ всем членам вида и способен развиваться. Иными словами, все люди обладают определенными умственными способностями, которые отличают их от других видов, и эти способности изменяются на протяжении жизни. В дифференциальном смысле интеллект – характеристика, которая варьирует у разных индивидов внутри одного вида. С этой точки зрения, люди отличаются друг от друга по типу или уровню интеллекта.

По аналогии с понятием человеческого интеллекта в литературе употребляются термины: интеллект животных и искусственный интеллект. Кроме того, в философии существует понятие социальный интеллект в двух разных значениях: первое – способность индивида к социальному общению и второе – интеллектуальный уровень общества на некотором этапе его развития.

Характерной чертой современности является стремительное распространение Интернета. В настоящее время невозможно представить своей жизни без его участия в ней в связи с появлением интернет-магазинов, возможности оплаты счетов и определения месторасположения, а также общения в социальных сетях с людьми, которые находятся на определенном расстоянии друг от друга, а то и в соседних комнатах. Влияние интернета на все аспекты жизни постоянно растёт. Среди них особое внимание привлекает его влияние на человеческий интеллект.

Интернет – это объединение компьютерных сетей, образующее глобальное информационное пространство. Важнейшим компонентом этого пространства служат информационные технологии. Непосредственная связь между развитием информационных технологий и ростом возможно-

стей человеческого интеллекта является очевидной. Такие изобретения как письменность, книгопечатание, телеграф, телефон, радио, кинематограф, телевидение, компьютеры и, наконец, Интернет можно рассматривать в качестве этапов отсчёта человеческой истории.

С тех пор как интернет стал стандартом, появился спор по поводу его влияния на социальное благополучие пользователей. Есть две группы людей, которые спорят по поводу целесообразности использования интернета. В первую группу входят те, кто утверждает, что социальные медиа и интернет позволяют достигать более богатого уровня социальной жизни, чем раньше. Вторая группа – это те, кто утверждает, что с увеличением количества времени, проводимого в сети, люди становятся в большей степени отделенными от других и начинают испытывать недостаток настоящих человеческих отношений.

Дело в том, что интернет учит пользователя мыслить поверхностно - американские ученые установили, что активное увлечение интернетом отражается на состоянии мозга человека. Интернет способствует развитию способности быстро принимать решения и улучшает кратковременную память, а с другой стороны – отучает пользователя глубоко вникать в проблему.

«Навык к быстрому и постоянному просматриванию сайтов – серфингу в интернете – ведет к тому, что интеллектуальная деятельность становится поверхностной», – считает американский специалист в области кибернетической информации Николас Карр. Этот факт порождает недоверие к выводам, что в итоге приводит к заблуждениям.

Исследования медиков показали, что у тех, кто проводит в интернете много времени, зоны мозга, ответственные за детальный анализ и глубокое обдумывание проблемы, остаются без нагрузки и постепенно утрачивают способность к интенсивной работе. В результате активные пользователи интернета превращаются в импульсивных людей, не способных к интеллектуальной деятельности.

В связи с разнообразием многочисленных пессимистических прогнозов, следует обратить внимание на то, что на протяжении всего исторического процесса существования человечества, именно интеллект и созданные с его помощью технические средства позволили человеку выжить и стать абсолютно доминирующим биологическим видом.

В настоящее время интеллектуальная деятельность человека достигла значения, которое определяет не только будущее его вида, но и всей нашей планеты. Более того, современная наука установила наличие космологической взаимосвязи между величинами фундаментальных физических параметров нашей Вселенной и возможностью появления в ней разумной жизни. Эта взаимосвязь, получившая название «антропный принцип», состоит в том, что уже во время Большого взрыва, соответствующему моменту зарождения нашей Вселенной, значения и соотношения константы

скорости света, постоянной Планка, массы электрона и др., приняли значения, при величине которых смогли образоваться атомы химических элементов, являющихся основой белков и, в конечном итоге, появился человек, обладающий интеллектом. Если бы эти параметры отличались от своих наблюдаемых значений лишь на небольшую величину, разумная жизнь не могла бы образоваться.

1. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев. – М., 2000. – 224 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Н. И. Антонова

Уральский государственный университет физической культуры

ПРОБЛЕМА КОНСТИТУИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ «ФИЛОСОФИИ СПОРТА» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ СТРАТЕГИЙ И ВЫЗОВОВ

По справедливому замечанию представителей инициативной группы, сделавшей попытку организовать открытый семинар по философии спорта в одной из учебных аудиторий философского факультета МГУ, интерес к данной теме в нашей стране «дисциплинарно и институционально не оформлен» [5]. Следует заметить, что отсутствие какой-либо масштабной научной деятельности в этом отношении происходит на фоне «бурного развития» названной философской дисциплины на Западе, также как и на фоне «приоритетной роли спорта» в национальной экономике и социокультурной жизни страны. На это последнее обстоятельство, в частности, обратил внимание Председатель координационной комиссии Международного Олимпийского Комитета Жан-Клод Килли после очередного рабочего визита в Сочи и последовавшей за этим встречи на высшем уровне (имея в виду прежде всего Зимние Олимпийские Игры–2014) [4]. Официальная позиция России, прозвучавшая с трибуны XVIII Генеральной ассамблеи Ассоциации национальных олимпийских комитетов (АНОК), прошедшей в апреле 2012 года в Москве, такова, что спорту в России отводится роль «катализатора экономического роста и развития», также как и показателя «качества социальной политики» [2].

Но если статус спорта в нашей стране столь высок, то почему же, в таком случае, названный феномен не вызывает «дисциплинарно оформленного» интереса у представителей отечественной философии?

Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим, как возникала и оформлялась «Философия спорта» на Западе.

Обращение философии к спорту как непосредственному объекту исследований произошло в конце 60-х – начале 70-х годов XX века в Северной Америке, что и привело впоследствии к возникновению самостоятель-

ного академического направления: философии спорта. Став «важным национальным достоянием» (М. Новак), «второй религией» в американском обществе, спорт вынудил философию снизойти с высоты вечных вопросов бытия до исследования своих повседневных проблем. Одной из первых работ, заставившей представителей философской науки относиться к играм и спорту серьезно, стала книга известного американского философа Пола Вейса «Спорт: философское исследование». Вслед за этим примером Вейса последовали другие «серьезные» ученые. После выхода в свет книги Р. Бойла «Спорт – зеркало американской жизни» спорт был объявлен «моделью американского общества» [1, с. 446]. В 1972 году под председательством П. Вейса было создано «Философское общество по изучению спорта»: международная научная организация, начавшая выпуск по сей день функционирующего «Журнала по философии спорта» [1, с. 447].

Не трудно заметить, что, будучи близким по духу американскому менталитету, заняв место «важного национального достояния» (и даже вознесясь до уровня «второй религии»), спорт, аксиологически релевантный «модели американского общества», становится неформальным центром общественного внимания – и, в том числе, объектом научно-философских исследований.

Какова же «спортивная» ситуация в России? Почему при всей «приоритетной роли спорта» в национальной экономике и социокультурной жизни страны «философия спорта» как отдельная дисциплина никак не выкристаллизовывается? Можно назвать несколько причин. Остановимся на одной из них, на наш взгляд, самой существенной.

Проблема, о которой далее пойдет речь, хорошо просматривается в рамках статьи А. А. Предельского, представившего «качественно новое видение современного спорта как социально-политического института» на материале анализа результатов олимпиады в Ванкувере [3]. Остро polemичный материал автора указанной работы – доктора наук и тренера высшей квалификации, – решенный в контексте философско-социологического подхода к анализу темы, содержит, на наш взгляд, две принципиальные посылки, два глубоких замечания, определяющих существо современного российского спорта.

Первое замечание звучит так: «спорт, став одним из влиятельных политических институтов современности, переродился, превратившись из организации по развитию спортивной деятельности в организацию по сохранению и отправлению спортивно-политической власти [выделено нами. – Н. А.]» [3].

Второй ключевой момент, отмеченный нами, заключается в следующем: «социально-политический институт спорта есть не что иное, как бюрократический механизм, создающий оптимальные условия для перспективного функционирования не спорта самого по себе, а спортивной бюрократии, то есть той же распределенной институциональной власти [выделено нами. – Н. А.]» [там же].

Следует заметить, что посылки взаимосвязаны и соотносятся как *частное* к *общему*. Если первая позиция определяет *место* современного спорта в структуре отечественной культуры (в широком значении этого слова), его сферу деятельности, роль и функции в обществе – *общее*, то вторая позиция вскрывает направление, способы или *методологию* (методы и порядок их применения), с помощью которых названная деятельность осуществляется – *частное*.

Эти две посылки А. А. Предельского, по-существу, отвечают на вопрос, почему философия спорта как рефлексия данного феномена культуры не развивается в России (в отличие, например, от описанной нами ситуации в Америке). В нашей стране, несмотря на внешнюю декларативность высокого статуса спорта, ФИЛОСОФИЯ СПОРТА не видит, не может обнаружить собственный предмет исследования в рамках отечественной действительности, так как, по-существу, он подменен *симулякром*: копией, не имеющей оригинала в реальности, другими словами, – **СОВЕРШЕННО ИНЫМ ЯВЛЕНИЕМ, ОТНОСЯЩИМСЯ К РАЗДЕЛАМ И ОТРАСЛЯМ социально-политических НАУК.**

Специфические особенности спорта как феномена, включающие проявление состязательности и соревнования, активности, воли к победе, стремления к достижению высоких результатов – так называемый спортивный дух, – не определяют национальный менталитет сегодня, так как этот «дух» парализован специфической деятельностью бюрократической системы. Спорт не является **ГЛАВНЫМ ДОСТОЯНИЕМ В АРСЕНАЛЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ** подавляющего количества граждан, обратное справедливо **ЛИШЬ** для отдельной **КАТЕГОРИИ** (отдельных Категорий) **СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ.**

Таким образом, «бюрократический механизм, создающий оптимальные условия для перспективного функционирования не спорта самого по себе, а спортивной бюрократии» является главной причиной отсутствия дисциплины «Философия спорта», так же, как и предмета этой дисциплины – здорового и полноценного спорта в нашей стране.

1. Антонова, Н. И Спорт как микромодель общества: философские аспекты современной спортивной проблематики / Н. И. Антонова // Актуальные проблемы и перспективы развития студенческого спорта в Российской Федерации: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Челябинск: Уральская Академия, 2011. – С. 446–451.
2. Новиков, К. Владимир Путин поставил перед страной олимпийские задачи / К. Новиков // Российская газета: Столичный выпуск. – № 5756 (83). – 16.04.12; См.: электронный ресурс <http://www.rg.ru/tema/avtor-Konstantin-Novikov/index.html>.
3. Предельский, А. А. Спорт и власть/А. А. Предельский // Электронный ресурс: <http://powerlifter.ru/forum/index.php?topic=823.0>
4. См.: Группа сайтов РИА НОВОСТИ: электронный ресурс: http://ria.ru/olympic_games/20120214/565729876.html
5. См: Электронный ресурс: <http://www.runiver.net/event/2801001>

Н. В. Антонова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

МАРГИНАЛЬНОСТЬ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

В системе отношений «Человек – Мир» и «Человек – Человек» маргинальность описывается в терминах потери целостности образа «Я», восприятия окружающей реальности как «ничейной» территории, нормы которой довлеют над ценностями и интересами маргинального индивида и вызывают состояние внутриличностного конфликта и борьбы за выживание и отстаивание своей самости, для чего необходимо преодолеть границы собственного жизненного пространства и даже своей идентичности, чтобы, пожертвовав частью себя, стать «своим» среди «чужих», освоив новое жизненное пространство и культуру.

На основании основных положений концепции социальной маргинальности автором выводится понятие и типология гендерной маргинальности. Гендерная маргинальность – это положение гендерных общностей, характеризующееся неопределенностью идентичности, низким социальным статусом или нежеланием следовать нормам предписанного гендера и не имеющих возможности включаться в предпочтительные виды деятельности из-за их несоответствия принятым гендерным нормам; состояние индивидов, находящихся на периферии природного пола и желаемого гендера.

Классификация форм гендерной маргинальности может быть приведена по ряду оснований.

В зависимости от сферы проявления можно выделить биологическую и социокультурную гендерную маргинальность (политическую, экономическую и социальную).

Также можно рассматривать макро-, мезо- и микроуровень анализа социокультурной гендерной маргинальности и виды гендерной маргинальности на каждом из этих уровней – гендерную маргинальность социального статуса, социальной роли и социально-психологических свойств личности.

Следующая типология гендерной маргинальности формируется в зависимости от принадлежности к тому или иному полу и типу сексуальной ориентации: выделяют маргинальность женщин и маргинальность мужчин с гетеросексуальной и гомосексуальной ориентацией.

Своего рода биологическими и социокультурными гендерными маргиналами в истории и философии вплоть до середины XX века считались женщины. Их отсутствие в политической и экономической системе многими западными философами объяснялось несовершенством женской природы, основными характеристиками которой считались ограниченные познавательные способности, социальная и политическая пассивность, мо-

ральное несовершенство и неискренность. На сегодняшний день, как отмечает Сара Элдер, сотрудник отдела тенденций занятости МОТ, женщины на рынке труда по-прежнему не пользуются теми же привилегиями, что и мужчины. Так, например, женщины чаще, чем мужчины, вынуждены соглашаться на низкооплачиваемую работу (заработная плата женщин составляет в среднем около 70 % от заработной платы мужчин), поскольку это позволяет им сочетать профессиональную деятельность и обязанности по дому, в то время как мужчины с подобными проблемами не сталкиваются [1]. Кроме того, многие работодатели не стремятся принимать на работу женщин, имеющих маленьких детей, опасаясь производственных издержек.

Однако мужчины, по мнению активистов мужских социальных движений, также испытывают негативные последствия из-за ограниченности норм мужской гендерной роли. Представители либеральных мужских движений и ряда теоретических направлений исследования маскулинности считают, что система патриархата наносит гораздо больше вреда мужчинам, чем женщинам. Они также утверждают, что феминизм только усугубляет ситуацию – он создает новые возможности именно для женщин, а не для мужчин: женщины добились права выбора между карьерой и положением домохозяйки, у мужчин же такого выбора нет.

В контексте современной культуры «классическими» гендерными маргиналами являются гендерквир, которые отказываются принимать двухполюсную гендерную систему и идентифицируют самих себя как «иного», «другого».

В рамках теорий мужской и женской «природы», а также идентичности гендерквиров можно выделить следующие объяснения гендерной маргинальности: сущность женской гендерной маргинальности кроется в материнстве и семейной организации жизни мужчин и женщин; причины маргинальности мужчин – в потере властных позиций, ограниченности мужской гендерной роли, утрате духовной основы маскулинности; причины маргинальности гендерквиров выводятся из их биологической сущности и отсутствия толерантности со стороны господствующей культуры.

На основе проведенного анализа можно построить следующую классификацию гендерных маргиналов:

1. Социокультурные маргиналы: женщины, исключаемые из системы общественного управления, экономики, науки и других значимых социальных сфер под предлогом «несовершенства их биологической природы», которая ставила их ниже мужчины в социальной иерархии и служила оправданием их низкого социального статуса; мужчины, не сумевшие реализовать все требования мужской гендерной нормы, соответствующей гегемонной модели маскулинности;

2. Биологические маргиналы – люди со стойким психическим неприятием своего биологического пола или с нетрадиционной сексуальной идентичностью (транссексуалы);

3. Маргиналы-бунтовщики: женщины, которые осмеливались бросать вызов патриархатным законам и занимались «неподобающей» их полудеятельностью; мужчины – активисты либеральных движений за гендерное равноправие.

Таким образом, маргинальность выступает не просто как «пограничность», переходность какого-либо состояния объекта, но и как внутренняя характеристика самого бытия, и в особенности человеческого бытия, разделенного биологическим полом и гендером индивида.

Теоретическая и практическая значимость исследования феномена гендерной маргинальности заключается в конкретизации ключевых категорий и концепций гендерных исследований, которые могли бы составить основу философской антропологии гендера и способствовать формированию новых представлений о сущности и предназначении мужчин и женщин в современном обществе. Решение проблемы гендерной маргинальности может стать одним из центральных направлений социальной политики на всех уровнях государственной власти. Понимание данного феномена позволит СМИ корректировать выходящие в эфир или появляющиеся в печати сообщения с целью снижения уровня внутриличностной и социальной напряженности при помощи «внедрения» новых гендерных стереотипов, в большей степени соответствующих реалиям современного мира.

1. МОТ: женщины на рынке труда активнее мужчин [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/career/news/963254/zhenschiny_na_rynke_truda_aktivnee_muzhchin – Дата обращения: 16. 04. 2012.

В. К. Биче-оол, П. Д. Айназаров

ИСТОРИЯ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Узбекистан по праву гордится своей самобытной культурой, которая формировалась в течение тысячелетий. Как богата и разнообразна история этого древнего края, так и насыщена его культура, как мозаика, сложившаяся под влиянием разных правящих династий и народов, населяющих Узбекистан.

У народа Узбекистана с незапамятных времен существовали танцы, которые были связаны с бытом, религиозными обрядами и праздниками. Об этом свидетельствуют археологические находки и древние наскальные рисунки, изображающие танцующие фигуры.

Философия национального узбекского танца заключается в выражении вечных общечеловеческих эмоций и чувств – счастья и горя, радости и печали, любви и ненависти. С помощью завораживающих движений раскрываются вечные темы жизни и смерти, восхищение человека красотами природы и преклонение перед величием стихии. Узбекские народные танцы представляют собой особый вид восточных танцев, стилистически близкий к пантомиме. По стилю и движениям узбекские танцы близки к арабским и турецким, однако, существуют и отличия. Во-первых, это сложные и выразительные движение рук, а во-вторых – богатая мимика. Старинный узбекский танец был медленным и необычайно сдержанным, он отличался своеобразной замкнутостью.

Его исполняли во внутренних дворах «ичкари», куда посторонним мужчинам было запрещено входить, об открытых выступлениях не могло и речи. Танцовщица не поднимала руки выше плеч, же бросала прямых взглядов и не использовала широких жестов. А современное исполнение отличается искрометностью движений, открытым, а иногда и лукавым взором, а также гордой статью танцовщицы. Сегодня в народном танце царит необычайное разнообразие, он может быть веселым и лиричным, юмористическим и драматичным. Но неизменным остается традиция превращать каждый номер исполнительницы в мини спектакль, где эмоциональный смысл мелодии и движение становится зримой музыкой. Красиво и изящно узбекский танец продолжает нести в себе женственность и очарование.

Мимика и жесты тесно связаны между собой в повседневности, они активно участвуют в процессе общения, это – самые непосредственные «выразители» наших эмоций. Именно эти лежащие на поверхности выразительные средства «приходят» последними в процессе обучения, долгое время, оставаясь в тени. А ведь без них движения бедрами и грудью выглядят неестественно. Современные восточные танцы в большой мере утратили фольклорную основу, перестали «рассказывать истории» и выражать конкретные эмоции. Они стали ближе к современной хореографии, чья эстетика отличается от эстетики народного танца, и максимальное внимание уделяется именно мастерству, соразмерности, сложности и чистоте выполнения движений. В узбекских же танцах активно используются все выразительные средства, дополняя танец актерской игрой, возвращая в него импровизацию.

До сегодняшних дней национальный танец дошел в классической и народной формах, и оба эти направления несут в себе региональные отличия. На современное исполнение большое влияние оказали такие традиционные школы, как ферганская, бухарская и хорезмская. Ферганскую танцевальную традицию «ката уйин (большая игра)» отличают особая нежность и пластика движений. В то же время «Андижанская полька», один из самых знаменитых мужских танцев Ферганской долины, необычайно динамичный и задорный. Бухарский стиль «маком ракси» совсем другой. Ему

присущи, прежде всего, резкость движений и откиннутые плечи. А основным атрибутом является традиционный костюм, богато расшитый золотом, шарфы головного убора бухарской танцовщицы закрывают лицо. Необычная легенда рассказывает о происхождении особенности хорезмского танца «маком уфар». Его технику называют «сломанные пальцы».

Существует поверие, что у хорезмского правителя была прекрасно танцующая любимая наложница, которая однажды сломала пальцы рук. И когда любимый господин приказал ей станцевать во время пира, она не посмела его послушаться. Никто из гостей и зрителей не заметил, что женщина танцует с травмой, все решили, она придумала особый стиль, впоследствии ставший очень популярным в Хорезме. Нельзя также забывать о том, что богатые и разнообразные движения рук улучшают моторику и координацию, снимают усталость с кистей рук. В арабских танцах руки зачастую лишь красиво обрамляют танец, они почти не несут драматургической нагрузки, а мимика в арабских танцах также достаточно сдержанная.

Кстати, ноги в узбекских танцах тоже «другие». В отличие от арабских танцев – где используется преимущественно VI-я позиция – во время узбекского танца они принимают и I, II, III, IV, VI позиции (минуя V). Это также расширяет диапазон движений и позволяет улучшить походку.

Далее рассмотрим отдельно узбекские танцы – классические и народные. В узбекском народном танце представлены практически все 12 областей республики. Здесь царит необыкновенное разнообразие. Узбекские народные танцы оживают на всех семейных, деревенских, городских праздниках. Как и любой народный танец, узбекский танец – танец индивидуальности, душа и тело в нем соединены в единое целое. Исполнительницы порой не имеют специальной подготовки – отработанной техники, однако их движения точны и выразительны.

Узбекские народные танцы передаются от поколения к поколению, в них сохраняются старинные танцевальные традиции, а также реальный или уходящий быт. Каждый узбекский народный танец – это мини-спектакль: вышивание золотом, работа на хлопковом поле, сбор фруктов, восточный базар, выпекание лепешек в тандыре.

Среди классических узбекских танцев можно выделить танцы ферганской, бухарской и хорезмской танцевальных школ. Поэтому и воспринимать классический узбекский танец следует в совокупности этих трех школ. Своя бытность, своя этнография, своя философия – философия красоты и задора.

Ферганские танцы. Ферганский стиль сразу завоевывает к себе пристальное внимание. Как правило, в узбекских танцах достаточно жестко регламентированная хореография. Однако для ферганского танца характерно необыкновенное разнообразие хореографических средств. Движения рук – плавные, округлые, «текущие» змеевидные. Сами руки могут принимать практически любую из восьми классических балетных позиций, с од-

ним лишь существенным отличием: кисти рук во время исполнения ферганского танца должны быть развернуты вверх. Поступь исполнительниц ферганских народных танцев – плавная, легкая, летящая. В танце активно используются стремительные, страстные вращения и изящные, томные повороты корпуса. Ноги в ферганском народном танце – так же, как и руки – могут занимать с первой по восьмую классические позиции, что вообще крайне редко встречается в восточных танцах. Корпус танцовщицы – прямой, как стрела, голова гордо поднята, движения шеи и плеч выразительны и величавы. Это очень эмоциональные, лиричные, задушевные танцы, в них огромную роль играет богатая и яркая мимика танцовщицы.

Бухарские танцы. Танцевальная культура Бухары богата, многообразна и вобравшая в себя самые разные танцевальные традиции Востока. В отличие от томных и задушевных ферганских танцев, бухарские танцы гораздо более энергичны, зажигательны и четко ритмически организованы. В них много элементов, служащих именно для тактового оформления рисунка танца: сложных «пружинящих»: движений ног, притоптываний, хлопков в ладоши, вздрагиваний, поворотов, бесконечных стремительных вращений – на одном месте и по кругу, резких движений плеч, быстрых и выразительных движений рук. Этой же цели служат наряд и многочисленные тяжелые украшения, непременно для исполнительниц бухарских танцев: расшитый Золотом парчовый халат с широкими рукавами, длинные серьги, нагрудные украшения, «занги» – массивные браслеты на запястьях. Все это великолепие своим звоном и шуршанием прекрасно декорирует музыкальный и ритмический рисунок танца. Одним из наиболее важных хореографических средств в бухарском танце являются движения верхней части корпуса – плечевого пояса и рук танцовщицы: плавное покачивание, трепетная дрожь, ломкие выразительные движения всего корпуса. Осанка при исполнении бухарских танцев может быть различной – то «приземистая» с чуть согнутыми ногами, то – наоборот, несколько выгнутая, с резко развернутыми назад плечами, запрокинутым вверх лицом и движением на полупальцах. Ноги в бухарском танце могут принимать также выворотную балетную позицию.

Для бухарского танца характерен очень яркий танцевальный прием смены ритма: быстрые, резкие, четкие движения сменяются мягкими и плавными, порой танцовщица даже замирает в изысканно-изящной позе. Это очень радостные, зажигательные, веселые танцы, мимика танцовщицы эмоциональная, оживленная, яркая и выразительная, как и во всех узбекских танцах.

Хорезмские танцы. Хорезм расположен на северо-западе современного Узбекистана, в низовьях реки Амударьи. Это очень древнее поселение. Возраст Хорезма насчитывает около пяти тысяч лет – на месте Хивы, Ургенча еще в третьем тысячелетии до нашей эры жили люди. Через Хорезм пролегал северное ответвление Великого Шелкового пути – это был

один из центров торговли, ремесла, высокой культуры и искусства. В незапамятные времена еще до завоевания арабами, жители Хорезма исповедовали древнейшую религию – зороастризм и поклонялись очищающему огню. Эти старинные ритуалы отразились на всей культуре Хорезма, и не в последнюю очередь – на зажигательном ритме хорезмского танца, совершенно уникального и прекрасного, Наверное, именно поэтому хорезмские танцы – самые страстные и темпераментные из всех узбекских танцев, здесь больше всего огненной импровизации и неподдельного творческого экстаза. Темп музыки, под которую выступают хорезмские танцовщицы, быстрый уже в начале, к концу танца неудержимо нарастает.

Самым выразительным и самым известным хорезмским танцем по праву считается «Лезги»; еще один «фирменный» танцевальный номер – яркий сольный «Танец на тарелке», который танцовщица исполняет, не сходя с тарелки и ни разу не повторив ни одного движения. Еще один знаменитый хорезмский танец – «Танец сломанных пальцев» – был описан нами ранее. Среди особенностей хореографии хорезмского танца – полусогнутые ноги, преобладание мелкой, похожей на цыганскую, тряски плечами и руками, неуловимые и прекрасные стремительные «порхающие» движения кистей рук, акцентированный ключ ногами и знаменитое движение шеи справа налево и слева направо – один из самых ярких и узнаваемых элементов, любимый всеми почитателями узбекского танца. Мимика при исполнении хорезмского танца невероятно экспрессивна и эмоциональна. Узбекистан может по праву гордиться своей богатой танцевальной историей и культурой. В 20-х годах прошлого века танец стал формироваться как массовое искусство, у истоков которого стояли О. Камиллов, Ю. Кизик Шакарджанов, М. Кариякубов, Тамара-Ханум, М. Тургунбаева, И. Акилов. На международную сцену узбекский танец вышел в 1936 году, когда на всемирной выставке в Париже танцевала легендарная Тамара-Ханум. и делегация республики была награждена золотой медалью.

В 1956 году родился ансамбль «Шодлик («Радость»)), внесший большой вклад в развитие классического национального искусства, в 1957 году великая танцовщица М. Тургунбаева создала ансамбль «Бахор»(Весна), который прославил Узбекистан на всю планету, а в 1958-м начал свое существование коллектив «Лязги». Все эти ансамбли не раз принимали участие в различных престижных международных фестивалях, демонстрируя всему миру самобытность, колорит и красоту национального танца. Легендарные исполнительницы К. Достмухамедова, К. Миркаримова и их коллеги не раз покоряли родного и зарубежного зрителя своим мастерством. Их эстафету подхватили и достойно пронесли известные танцовщицы 80–90-х годов XX в. Д. Джаббарова, М. Ахмедова, М. Эргашева и многие другие. Сегодня в Узбекистане уделяется колоссальное внимание развитию и сохранению уникального узбекского танце-

вального искусства. По инициативе президента страны И. Каримова в 1997 году после издания Указа «О развитии национального танца и хореографии в Узбекистане» было создано национальное объединение «Узбеккракс» (Узбекский танец). С тех пор в республике проводится ежегодный смотр-конкурс национального танца имени М. Тургунбаевой, были созданы новые танцевальные школы и коллективы. Яркие и разнообразные национальные танцы ведут свою интереснейшую историю с далеких времен, но по сей день являются гордостью узбекского народа

-
1. Все о балете: словарь-справочник сост. Е. Я. Суриц. – М.: Музыка, 1966. – 455 с.
 2. Курс лекций по теме «История Узбекистана»: Ташкентский университет информационных технологий, кафедра истории Узбекистана. – Ташкент, 2010.
 3. Каримова, Р. Хорезмский танец / Р. Каримова. – Ташкент: изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1975.
 4. Каримова, Р. Бухарский танец / Р. Каримова. – Ташкент: изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1977.
 5. Балет: энциклопедия. – М., 1981.
 6. <http://www.centrasia.ru/>

СЛОВО НАСТАВНИКА

И. Д. Борченко

Уральский государственный университет физической культуры

РОЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном мире невозможно найти этнические общности, которые не испытали бы на себе воздействие как со стороны культур других народов, так и более широкой общественной среды, существующей в отдельных регионах и в мире в целом. Это выразилось в бурном росте культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями и отдельными индивидами разных стран и культур. Расширение взаимодействия культур и народов делает особенно актуальным вопрос о культурной самобытности и культурных различиях, а так же взаимодействии разных культур. Культурное многообразие современного человечества увеличивается, и составляющие его народы находят все больше средств, чтобы сохранять и развивать свою целостность и культурный облик. Эта тенденция к сохранению культурной самобытности подтверждает общую закономерность, состоящую в том, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия.

В контексте этих тенденций общественного развития становится чрезвычайно важным уметь определять культурные особенности народов, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания.

Процесс взаимодействия культур, ведущий к их унификации, вызывает у некоторых наций стремление к культурному самоутверждению и желание сохранить собственные культурные ценности. Целый ряд государств и культур демонстрирует свое категорическое неприятие происходящих культурных изменений. Процессу открытия культурных границ они противопоставляют непроницаемость своих собственных и гипертрофированное чувство гордости своей национальной самобытностью. Различные общества реагируют на влияния извне по-разному. Диапазон сопротивления процессу слияния культур достаточно широк: от пассивного неприятия ценностей других культур до активного противодействия их распространению и утверждению.

В связи с этим, в настоящее время активно ведется модернизация содержания образования. Вводятся новые дисциплины, приоритетным направлением которых является создание условий для развития потенциальных возможностей учащегося. Ощущается потребность не просто в хорошо подготовленных специалистах, способных действовать в условиях неопределенности, вести самостоятельный поиск путей решения сложных проблем, но и специалистах в ориентации на понимание научной картины мира, на духовность, на социальную активность, на формирование культуры общества в целом.

Мультикультурное образование – это образование, создающее равные для всех этносов возможности реализации своих культурных потребностей, приобщающее молодежь к культурным и нравственным ценностям других стран и народов. Именно в мультикультурном образовании реализуется в полной мере принцип диалога и взаимодействия культур. Мультикультурное образование формирует мультикультурную личность. Признающую культурный плюрализм и активно содействующую ему, стремящуюся защищать национально-культурное многообразие [3].

Мультикультурализм, в свою очередь, как одна из форм либеральной идеологии призван осуществлять политику согласия и стабильности, содействовать культурному плюрализму и защищать культурное многообразие.

Мультикультурализм – политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология. Важным отличием от политического либерализма является признание мультикультурализмом прав за коллективными субъектами: этническими и культурными группами. Такие права могут выражаться в предоставлении возможности этническим и культурным общинам управлять обучением своих членов, выражать политическую оценку и так далее [2].

Мультикультурализм – один из аспектов толерантности, заключающийся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле

массовой культуры. Идея мультикультурализма выдвигается главным образом в высокоразвитых обществах Европы, где издавна существует высокий уровень культурного развития. В современной Европе мультикультурализм предполагает прежде всего включение в ее культурное поле элементов культур иммигрантов из стран «третьего мира» (в том числе из бывших колоний европейских стран) [1, с. 49].

Процесс глобализации, как мировой тенденции развития современных обществ, приводит к активным взаимодействиям, интегрированию национальных сообществ, регионов, стран. Глобализация сопровождается ростом напряженности межнациональных конфликтов, миграционными процессами, влияющими на этнокультурную и социальную жизнь обществ. Понимание этих процессов и первые попытки решения образовательных и социальных проблем семей мигрантов подвели гражданское общество большинства стран к осознанию феномена мультикультурности.

Сегодня понятие мультикультурной коммуникации является одним из ключевых при подготовке специалистов различных профилей, что продиктовано практическими потребностями реальной жизни. Если в XX веке идея диалога культур осуществлялась в контексте философских, исторических, культурологических и психологических исследований, то сейчас она переходит в сферу практического применения. Это связано, в первую очередь, с тем, что в современном мире в ситуации глобализации проблема взаимопонимания между народами становится все более и более острой. И одна из главных задач – научиться преодолевать трудности, возникающие при контактах, общении, а иногда и столкновении представителей разных культур, что обусловлено различием их исторического, политического и культурного развития. Тем более что эффективная мультикультурная коммуникация не может возникнуть сама по себе, ей необходимо целенаправленно учиться.

1. Малахов, В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. – М.: Модест Королев и Дом интеллектуальной книги, 2001. – с. 49

2. Википедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

3. PSYHO.RU. – Режим доступа: <http://www.psyho.ru/dictionaries/bolshoj-psixologicheskij-slovar/multikulturnoe-obrazovanie/>

С. С. Бредихин

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ЧЕЛОВЕК ТРУДЯЩИЙСЯ В ТЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Современная тупиковая ситуация человеческого бытия¹, когда исчерпаны прежние источники развития, обнаружены конкретные пределы человека и его существования¹ требует философского поиска путей преодоления своего негативизма. Одним из перспективных направлений в этом вопросе является философская антропология труда, поскольку именно радикально измененный¹ (а может и «уничтоженный»¹) труд может стать той силой с помощью, которой человек, наконец-то «научится жить»¹ в условиях современных цивилизационных сдвигов и вызовов. И в этом философском поиске нам следует обращаться ко всем «учителям жизни» в том числе и к отцам церкви.

По большей части философия Средневековья есть эклектичное собрание идей, продуцированное осмыслением древнегреческой философии (в основном Платона и Аристотеля) через призму теологии. При таком положении проблема труда должна решаться в данную эпоху по линии столкновения теологии и платоновско-аристотелевской мысли.

Понять суть проблематики труда в общей теологической модели нам поможет Ветхий Завет и конкретно Книга Екклесиаста – своего рода программная работа о труде. Труд здесь совершенно ничтожен – он суетен и бесполезен и не имеет никакой пользы для человека (Екл. 1; 2-4), мир как объект труда понимается в качестве изначально проклятого (Быт. 5; 28-29). Труд сам по себе он есть суета о ничтожной телесности и мире, но когда он соприкасается с Богом, тогда и только тогда труд получает смысл (Екл. 2; 22, 24; Екл. 3; 12-13).

¹ Мы придерживаемся взгляда, согласно которому современное положение человека и его мира верно характеризовать не как кризис (эпоха кризисов закончилась в середине XX века), а именно как фундаментальный тупик.

¹ Наиболее ярким тезисом, своего рода венцом наступления этих пределов, является знаменитое положение постмодернизма о смерти человека, звучащее в устах М. Фуко следующим образом: «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [6, с. 404]; и «Именно в смерти человека исполняется смерть Бога» [7, р. 128].

¹ Следует помнить, что именно труд тот же М. Фуко называл в качестве одного из трех феноменов опосредующего сегодня бытие и мышление (наравне с жизнью и языком), а одним из трех столпов служащих основанием для всей современной континентальной философии является Маркс (два других это Фрейд (если руководствоваться схемой Фуко, то его мысль это, безусловно, мысль жизни, как самовозобновления) и Ницше (его мысль о воле к власти в случае со схемой Фуко может быть понята через призму постмодернистского взгляда, где язык есть власть *par excellence*)).

¹ «Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить». (Маркс, К. *Немецкая идеология* / К. Маркс, Ф. Энгельс //

Соч. – изд. 2-е – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 3. – С. 192).

¹ О необходимости «наконец, научиться жить» пишет в своей работе, ставшей для него поворотной, Ж. Деррида (Деррида Ж. *Призраки Маркса* / Ж. Деррида; пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Logos-altera, 2006. – С. 8).

Таким образом, труд в теологической модели определяется как суетная материальная деятельность, обращенная к проклятому Богом миру¹, ставшая уделом человека вследствие грехопадения; как таковой, труд ничтожен и бессмысленен, ибо он является лишь элементом по сути ложной реальности телесно-материального мира. Единственный смысл труд обретает лишь тогда, когда с ним соприкасается Бог, тогда и только тогда человек может найти благо, но благо это не принадлежит самому труду, который сам по себе тлен и суета, а принадлежит Богу.

Теперь проанализируем, как преломляется эта общая теологическая концепция труда в творчестве Августина, ориентированного на платонизм и неоплатонизм. Августин в полной мере согласен с положением, что труд есть наказание за грехопадение [1 (Т. 2), с. 430, 508], причем при воссоединении с Богом, человек избавится от труда [1 (Т. 4), с. 580]. При этом избавление от труда будет реализовано в ходе становления Града Божьего, когда человек от труда как наказания и рабства придет к труду как он был дан до грехопадения – труду наслаждению. Этот труд есть труд сопричастный Богу, и будет он служить «удовлетворением духовного желания, а не... нужды тела» [1 (Т. 2), с. 508]. Материальность, нужды тела, а вместе с ним и труд будут нивелированы, а человек станет трудиться лишь для наслаждения, для духа. В таком понимании труд есть своеобразное отсутствие благости, зло телесности и материальности, лишенных божественной формы. Более того, труд необходим человеку, постольку поскольку он лишен целостности (единства с Богом): «Ибо в целом, т. е. в полном совершенстве, заключается покой, а в части – труд» [1 (Т. 3), с. 506]. В результате этого и приобщение к истине через веру и Писание обречено на зло труда: «Из-за этого происходит так, что даже эти Писания мы изучаем с трудом» [Там же]. При этом очевидно, что, сколько бы человек не трудился, путь его предопределен, и никакие труды и заслуги его не изменять этого, ибо благодать дается лишь по избранию и в справедливость ее можно лишь верить. Труд даже и полезный есть лишь наказание для человека, но не его заслуга, а значит избегать его грех, но равно грешно и искать в нем путь спасения [1 (Т. 4), с. 556]. Труд есть свидетельство ничтожности человека выраженной в его телесности – ложной реальности данной в наказание, тогда как истинная реальность есть реальность духовная; однако же человек настолько подвержен власти низшей чувственности и материальности мира, что для него «нет ничего труднее, как не трудиться» [Там же, с. 437]. В конечном счете, труд есть атрибут частичного неполноценного, лишенного блага телесного мира и человека, атрибут греховной природы соотносящийся в настоящем с безтрудовым и безгреховным прошлым (через память) и таким же безтрудовым и безгреховным будущим (через веру и Писание), и в то же время труд оказывается неуст-

¹ Следует отметить, что сам Бог вследствие всемогущества никогда не трудится. Этому вопросу Августин посвящает специальное место в своем труде [1 (Т. 2), с. 393–394].

ранимым элементом греховного настоящего, но исключительно в качестве наказания, необходимого зла проявляющегося в отсутствии божественной благодати.

У аристотелиста Фомы Аквинского¹ труд не призвание и не наказание, но естественное предназначение человека, которое он должен выполнять в соответствии с божественными установлениями относительно социальных функций. Цель труда состоит в нравственном спасении души, при этом в рамках реализации данной цели труженик не должен пренебрегать достойным обеспечением себя и своей семьи, так как личное счастье соответствует естественному закону. При этом ценность труда определяется не затратами сил труженика, а его социальным положением, которому он должен всегда соответствовать и в труде и в затратах². Важным моментом является определение Фомы относительно рабочего времени: критикуя ростовщичество, Фома обосновал положение о равенстве времени для каждого человека, исходящем из божественного установления.

Таким образом, труд в томистской концепции фундирован обожествленной социальностью, главное место в которой занимает иерархичность (соответствующая иерархическому устройству бытия) и временность (соответствующая равенству обладания времени).

Понимание материального мира в качестве низшего средоточия греха и суэта в противопоставлении с высшим миром Бога, отводит для труда место бессмысленного и ничтожного элемента по сути ложной неподлинной телесно-материальной реальности. Труд есть наказание греховного, неполноценного человека (Августин) или в лучшем случае его простое естественное предназначение, социальная функция (Фома Аквинский). Несмотря на то, что труд по-прежнему во многом депроблематизирован включением в модель общей универсальной необходимости, заданной божественными установлениями, сделан шаг вперед в его проблематизации в связи с онтологическим положением человека как духовно-материального существа и духовно-нравственным положением человека как греховного, но спасающегося существа.

Итак, несмотря на то, что труд в теоретической модели Средневековья по-прежнему во многом депроблематизирован включением в модель общей универсальности необходимости, заданной божественными установлениями, сделан шаг вперед в его проблематизации в связи с онтологическим положением человека, как духовно-материального существа и духовно-нравственным положением человека как греховного, но спасающе-

¹ Теория Фомы, по словам отечественного специалиста по вопросам его хозяйственно-этической концепции, является выразителем взглядов схоластов и несмотря на разрозненность составляет «обстоятельное учение». [4, с. 171–205].

² Причем социальное положение и соответствующая ему справедливая цена за труд есть в конечном счете движение соответствующее божественным установлениям и награда (в виде временных благ) за это исходит из «того божественного движения, посредством которого людские желания подвигаются к исполнению этих дел» [5, с. 424].

гося существа; идеи о фундаментальном равенстве труда и труде как наслаждении свидетельствуют о движении в направлении высвечивания фундаментальных оснований проблемы труда, а глубокая связь труда с проблемами онтологии и этики говорят о повышении значимости труда как предмета специального философского исследования.

В то же время философия труда Средневековья страдает рядом серьезных недостатков: неразвитость и несистематичность учения, периферийность теории труда, депроблематизированность труда, религиозная догматизированность, эсхатологичность, понимание труда извне.

Ряд оригинальных идей, предложенных философией Средневековья так и не получили своего дальнейшего развития вплоть до наших дней. В то же время общее теоретическое основание понимания труда, заложенное Августином и Фомой Аквинским, становится основанием соответственно для протестантской философии труда и теологии труда XX века. Таким образом, теоретический потенциал философской антропологии труда предложенной в теологии средних веков по-прежнему существенен и должен быть актуализирован в связи с поиском стратегий в ответ на современные цивилизационные вызовы.

1. Августин Аврелий. Творения. Т. 1–4 / А. Августин; пер. с лат. – СПб.: Алетейя, 1998–2000. – Т. 1. – 742 с.; Т. 2. – 751 с.; Т. 3 – 596 с.; Т. 4. – 590 с.
2. Деррида Ж. Призраки Маркса / Ж. Деррида; пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Logos-altera, 2006. – 256 с.
3. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 3. – С. 192.
4. Стецюра, Т. Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского / Т. Д. Стецюра. – М.: РОССПЭН, 2010. – 303 с.
5. Фома Аквинский. Сумма теологии / Фома Аквинский; пер. с лат. – К.: Ника-Центр, 2010. – Часть II–I. – 577 с.
6. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко; пер. с фр. Н.С. Автономова. – СПб.: А-скад, 1994. – 406 с.
7. Foucault, M. Introduction à l'Anthropologie de Kant. Thèse complémentaire pour le Doctorat ès lettres (Texte inédit) / M. Foucault. – Paris: Bibliothèque de la Sorbonne, 1961. – 129 p.

СЛОВО НАСТАВНИКА

А. Б. Бушев

Филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Твери

ЭЛЕМЕНТЫ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ В ВОСПИТАНИИ

Как показывают все статистические опросы, за последнее время растет количество людей, идентифицирующих себя как верующие, расширяется обрядность, религиозное паломничество, конфессиональная проблематика с большими трудностями и первыми неудачами пришла в круг предметов школьного цикла.

Необязательно смотреть на клерикальность как нечто отсталое, иррациональное, выражающее подавленность социума. Для развивающейся личности можно смотреть на религиозный компонент воспитания как эстетически и этически весьма значимый компонент, фундированный тысячелетней традицией. Чего стоит опыт русской религиозной философии, который – хотим мы этого или нет – вновь приходит в общество с христианскими истинами, преданием и Писанием.

Так, например, христианские службы года, службы церковного круга, словно бы рисующие наново жизнь Христа – от Успения Богородицы до Рождества Христова и Пасхи, заставляют детей философствовать на темы жизни земной и небесной.

Или возьмем эстетический компонент. В этом году в наш собор начала прошлого века в стиле модерн, что возле нашего дома, была привезена Феодоровская икона Божьей матери. Глаз не оторвать, красивый темный лик, золоченые ризы, икона двухсторонняя – когда несли, то на обратной стороне виден был прекрасный образ святой Великомученицы Параскевы. Как я прочитал позже, образ, связанный с супругой Александра Невского. Икона Федоровская же – из костромского собора, та самая, которой был благословлен на царство Михаил Романов. Помню, смотрел хронику, как семья последнего императора поехала на колеснике к этой иконе в год трехсотлетия Дома Романовых. Сюжет, выводящий к острейшей социально-философской проблематике и философии истории, философии власти!

К христианским первоосновам выводят службы Страстной недели – воспоминания о Тайной вечере, вынос плащаницы, снятие с креста. Свечи в руках. Цветы, прекрасный хор. Долгое чтение Евангелий. Людно, исповедь, подготовка к причащению. Много духовенства. Все готовится к кульминации. Ведь Пасха – это не просто покрасить яйца, купить «кекс праздничный» и обратиться на родных могилах.

Поучения святых отцов представляют острейшие темы антропософии! Иоанн Кронштадский – это и проповедь, и исповедь, и молитва, и миссионерство, и мудрость старчества. Иоанн Кронштадский – это и черная сотня, и отрицание Толстого.

Вот его слова:

- *Нужно любить всякого человека и в грехе его и в позоре его. Не нужно смешивать человека – этот образ Божий – со злом, которое в нём.*
- *Ты ненавидишь врага – ты глуп... люби врага – и ты будешь премудр.*
- *Надо помнить, что в том и христианская вера состоит, чтобы любить врагов.*
- *Смотри на всякого человека, домашний он или чужой, как на всегдашнюю новость в мире Божиим, как на величайшее чудо Божией премудрости и благости, и привычка твоя к нему да не послужит для те-*

бя поводом к пренебрежению его. Почитай и люби его, как себя, постоянно, неизменно.

Значим труд изучения церковно-славянского языка. Ибо что такое писатель или поэт?! Это прежде всего язык. Язык древнерусской литературы, язык житийной литературы – этой своеобразной серии ЖЗЛ дореволюционной России, язык протопопа Аввакума, Курбского, Державина, языко-творчество Хлебникова, Хармса, Пригова. Без церковно-славянского языка нам будет недоступна и литература XVIII – XIX века. Державинская ода «Бог», пушкинский «Пророк», Толстой, Достоевский, Куприн, Шмелев, Тютчев, Ахматова- поэт русского православия, Хомяков, Г. Иванов, Ходасевич. Без церковно-славянского языка непонятны прекрасные труды деятелей русской культуры – Аверинцева, Лосева, Лихачева, Н. И. Толстого.

В современном русском языке можно проследить сохранение связи с церковно-славянским языком, в котором сохраняются «корни, связующие нас с Богом» (В. А. Маслова): *соре́внование* – это не современное состязание, а совокупность духовных усилий, ревность ко Христу, *убогий* – это не ущербный, а от быть у Бога. *Послушание* – услышать слова Христа и исполнить их, *чудо* от чути, т.е. слышать, *успеть и успех* – слова родственные, происходящие от «успеть спастись», *судьба* тесно связана с судом Божиим, *человек* – словек – Слово, *славяне* – награжденные особым даром слова, *безобразие* – утрата, потеря образа Бога, *святой* – несущий свет, *Русь* – русский, светлый. Величественны слова молитв, псалмов.

Красив и таинственен язык священного Писания:

Благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших! = Пусть будет хорош твой ребенок, потому что он спасет нас.

Оценим, как исчезает волшебное обаяние слов в переводе, исчезает особое благозвучие.

Тексы Библии воспринимаются в образовании как кладезь поздней античности, основание европейском культуры. Библиеизмы в современном языке как особый рефлекс в языке и особый стилистический прием воздействующей речи: *венец премудрости; вкушать от древа познания добра и зла; влачить бременное существование; возвращается ветер на круги своя; всякое даяние благо; глас вопиющего в пустыне; да минует меня чаша сия; земля обетованная; золотой телец; ищите и обрящите; камень преткновения; не сотвори себе кумира; не хлебом единым жив человек; отделить зерна от плевел; хлеб наш насущный; хранить как зеницу ока; чти отца твоего и мать твою; краеугольный камень; злчное место; корень зла; кто не работает, тот не ест; злоба дня; соль земли; блудный сын; заблудшая овца; нести крест; соломоново решение; терновый венец; время жить и время умирать; кинуть камень; сучок в глазу другого; что есть истина; бесплодная смоковница; скрижали; суeta суeta; иудин поцелуй; тридцать серебрянников, да минует меня чаша сия; выпить чашу до дна; страшный суд; геенна огненная; Содом и Гоморра; манна небесная; обетованная земля; зарыть та-*

лант в землю; Вавилонское столпотворение; камня на камне не оставить; альфа и омега; вложить персты в язвы; знамение времени; построить дом на песке; жнет, где не сеял; не мечите бисер перед свиньями; глас вопиющего в пустыне; книжники и фарисеи; взявший меч да от меча и погибнет; кость от кости и плоть от плоти; имя им – легион; козел отпущения; по образу и подобию; в поте лица своего; иерихонская труба; потряхнуть прах от своих ног; почитать от дел; колосс на глиняных ногах; невзирая на лица; нищие духом; не сотвори себе кумира; Фома неверующий; беречь как зеницу ока; упасть на достойную почву; притча во языцех; тайное стало явным; никто не пророк в своем отечестве; верблюду пролезть в игольное ушко; посыпать пеплом главу; Ноев ковчег; всемирный потоп; семь пар чистых, семь пар нечистых; отделить овнов от козлы, от лукавого; око за око и зуб за зуб; ничтоже сумняшеся; власть предержащая; райские кущи; изгнать из рая; змей-искуситель; отделить плевелы от пшеницы; на йоту; святая святых; скрежет зубовный; не от мира сего; оливковая ветвь; кто посеет ветер, пожнет бурю; запретный плод; бросать слова на ветер; кесарю кесарево; не убий; не ведают что творят; не судите не судимы будете; блудника вавилонская; мерзость запустения.

Это и связь с историей края, города. Вспомнились престолы Николая в Замоскворечье – св. Николы в Толмачах, св. Николы в Листах, в П пыжах. Церкви, имеющие свое лицо. Рядом – Троицы в Вишняках, св. Климента и конечно же, Б. М. Всех Скорбящих Радости. Восстанавливается все, вняли гласу разума. Недаром известный москвовед Л. Колодный писал, что со сломанными Николаями центра Москвы Москва – не Москва.

Издательским советом Русской Православной Церкви, Центрально-Черноземным книжным издательством, Ассоциацией «Лермонтовское наследие» подготовлен и издан и альманах «День Православной поэзии» (Москва-Воронеж, 2008). Главным редактором является поэт и работник Министерства культуры А. В. Шацков, председателем редакционной коллегии – А. Д. Дементьев. В альманахе помещены стихотворения более двухсот российских поэтов-классиков (первая часть) и современников (часть вторая).

В обращении Патриарха Алексия Второго, помещенном в предисловии к альманаху, говорится о желании поэтов воспеть красоту Божьего мира, об их желании думать и говорить по-христиански, «сохранить убежденность в превосходстве небесного над земным, которое во все века возгревала великая русская литература».

В первой части сборника помещена поэтическая классика, уместная в таком тематическом альманахе. Российские поэты размышляют над темой Бога со времен Ломоносова и Тредиаковского. Стоит вспомнить «Рождество» Пастернака, стихи Волошина, «Молитву» Ахматовой, библейские ее стихи, «Бог» Державина, «Пророк» Пушкина, лирику Блока. Человеку золотого и серебряного века русской культуры многое было при-

сущее генетически, по праву рождения, например, знание церковных праздников, икон, фресок. «Лучший способ сохранить религиозное чувство, – писала Марина Цветаева – исполнять все обряды, предписываемые церковью». Люди девятнадцатого века, воцерковленные в силу традиции, получившие соответственное воспитание в семье и обществе, где церковь была неперенным государственным и общественным институтом, видели мир и себя в нем иначе.

Бунинские стихи о Троице, помещенные в сборнике, заставляют вспомнить патриархальную Россию:

*Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда в дары простые
приношения:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву –
и смирение...*

1. День Православной поэзии. Альманах. Ред. А. Шацков. Москва – Воронеж, 2008.

О. А. Важенкина

Южно-Уральский государственный университет

К ПОНЯТИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Национальная идея – многоаспектный социокультурный феномен, изучением которого занимается широкий круг исследователей из различных социогуманитарных областей: философии, истории, политологии, геополитики, социологии, экономики и культурологии.

Проблема трактовки термина «национальная идея» весьма актуальна, так как большинство ученых не выявляют концепт данного понятия, а наполняют его конкретным содержанием, исходя из того, о чьей национальной идее идет речь: того или иного государства, нации или этноса.

Нашей целью является выработка концептуального определения национальной идеи в рамках культурологии, основываясь на анализе определений, сформулированных в рамках различных научных подходов к пониманию данного феномена.

В ходе нашего исследования мы выявили общие черты, характерные для всех (или большинства) существующих определений. Они заключаются в следующем:

– национальная идея базируется на фундаментальных ценностях, интересах наций, определяя, таким образом, смысл бытия, цель существования определенного этноса или народа (присутствует в философских, культурологических, политологических и социологических текстах) [1];

– функции национальной идеи сводятся к формированию толерантности, сохранению культурного достояния, исторической памяти, поддержанию социальной справедливости (философия, культурология и социология) [2];

– национальная идея может быть представлена как в форме социально-философских текстов, так и текстах художественной культуры, иметь как рациональное, так и образное выражение [3] (философия, культурология и политология). Анализ различных взглядов на содержание национальной идеи привел нас к выводу о том, что религиозное начало, присутствующее в содержании национальной идеи, указываемое некоторыми исследователями как определяющее, не является актуальным на сегодняшний день. Это свидетельствует о том, что в современном российском обществе отсутствуют прочные связи с религией и сегодня она не может быть использована в качестве основного источника для формирования национальной идеи. Что касается идеологического начала национальной идеи, то на сегодняшнем этапе развития государственности сложно отрицать его доминирующее значение как основного источника артикулирования и поддержания анализируемого конструкта.

Стоит отметить, что национальная идея как сложный феномен во многом определяется типом культуры, присущим конкретному обществу, функционирует в его социокультурном пространстве. Соответственно, данный феномен невозможно изучать, опираясь лишь на научные подходы и тексты, которые мы, безусловно, рассматриваем как основной источник анализа. Однако мы полагаем, что его полнота может быть обеспечена обращением и к текстам массовой культуры (в том числе к сети Интернет) и к текстам художественной культуры.

Важным моментом в сформулированном нами определении является возможность представления национальной идеи в образной форме, так как это позволит нам в дальнейшем рассмотреть конкретные формы выражения национальной идеи, существующие в современном российском кино.

-
1. Коровникова, Н. А., Предпосылки и перспективы формирования национальной идеи современной России / Н. А. Коровникова. – М., 2009. – 185 с.
 2. Пушкарь, А. И., Российская идея в социокультурном континууме / А. И. Пушкарь. – Казань: 2004. – 105 с.
 3. Дроздова, О. В., Национальная идея в социокультурном пространстве России / О. В. Дроздова. – Иркутск: 2009. – 156 с.

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ДЕЛОВОГО МИРА РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Любая цивилизация, как свидетельствует история, с момента своего рождения и до конца своего исторического пути сталкивается с проблемой формирования, сохранения и укрепления своей собственной культуры. Хозяйственная практика в этом смысле предполагает свою особую культуру хозяйствования, носителем которой, в первую очередь, выступает *деловой мир* той или иной страны. В качестве социального и культурного феномена *деловой мир* представляет собой тот социальный организм конкретного социума-этноса, который является защитником и хранителем конкретного *культурного ядра*, присущего данной цивилизации.

Российский деловой мир как историческая и культурная общность формировался в результате длительной эволюции, в соответствии с характером и динамикой развития экономической культуры нашего общества. Элементами экономической культуры как системы ценностных приоритетов субъектов хозяйственной деятельности были и остаются общественные институты – совокупность норм и правил, определяющих взаимодействие людей в сфере хозяйственной деятельности. В условиях глобализма и информационных технологий происходит определенная конвергенция различных (специфических) институциональных оснований деятельности делового мира, как в нашей стране, так и в других странах.

Для западных представителей деловой среды характерен, прежде всего, индивидуализм и рационализм. Это было выявлено еще М. Вебером в книге «Протестантская этика и дух капитализма». Рассуждая об отличиях западного и российского менталитета, Н. А. Бердяев писал: «Западная душа более рационализирована, упорядочена, организована разумом цивилизации, чем русская душа, которая всегда остается иррациональной, неорганизованной» [1]. Это, конечно, не означает, что деловой мир России менее организован, сплочен или однороден, чем в Европе. Просто иные ценностные ориентации определяли и несколько иное отношение человека к хозяйству и, прежде всего, к труду.

Исторически первой ценностной чертой *делового мира* России является отношение к труду *как к моральному долгу*. Справедлив вывод о том, что даже в трудные исторические эпохи «моральным мотивом оставался труд как духовно-нравственное деяние, а не как средство получения материальных благ» [2].

Важнейшими характеристиками такого отношения в деловой среде российских предпринимателей были коллективизм, соборность, артельность, кооперация. Собственно, сам деловой мир России исторически формировался как *коллективистская* общность. «Так сложилось, что в России существует особое понимание взаимоотношений личности и коллектива. Личность в отрыве от целого у русских не рассматривалась, а служение общественному делу было целью всей жизни. В Европе и Америке акцент всегда делался на индивидуальность, личностную самооценку. Борьба за индивидуальные права и свободу выражения личности пронизывает всю западноевропейскую историю» [3]. Человек сам по себе никогда не был в нашей стране абсолютной ценностью [4]. Поэтому и права личности в России всегда воспринимались как составная часть целого, под углом зрения необходимости соблюдения в первую очередь общественных прав и свобод. Попытки объявить такую иерархию ценностей социализмом неправомерны, поскольку под социализмом поднимается обобществление интересов всех и каждого, полное уравнивание личности с обществом. А такой социализм был чужд российскому деловому миру, да и подавляющей части населения страны.

Об этом свидетельствует М.Горький в пьесе «Васса Железнова», в которой главная героиня жестко обличает лицемерие и краснбайство российских социалистов: «Социалист, видишь ли! А ему социализм как Прохору – бог: по привычке молится, а душой не верит» [5].

Итак, исторически сложившееся в сознании русского человека подчинение личных интересов общественным интересам и огромное трудолюбие, послужило базисной основой формирования делового мира России. В современной ситуации, когда осуществляется экспансия западных («рыночных») идеологических установок и ценностей, традиционные приоритеты делового мира России подвергаются существенной деформации. Возникает своеобразный *«сепсис»* общественного и личного сознания, *культурное ядро* которого разрушается, а новые институциональные установки не получают своего закрепления и конструктивного развития в силу объективно иных, чем на Западе, условий хозяйствования. По существу, происходит то, что С.Кара-Мурза назвал «способом манипуляции сознанием» [6].

Это ведет к разрушению исторически сложившегося *духовного кода* всей хозяйственной деятельности делового мира в нашей стране и, как следствие, к колоссальному упадку ее производительных сил [7]. А ведь Россия – не Европа. Сегодня почти $\frac{3}{4}$ российской территории занято зоной вечной мерзлоты. А на остальной ее части глубина промерзания почвы достигает 1,5 м. Это объективно ведет к более высоким затратам на строительство промышленных и жилищных объектов, на производство сельскохозяйственной продукции, на добычу углеводородов и т.д. К примеру, себестоимость одного барреля кувейтской нефти составляет 4\$, а тюмен-

ской – 14 \$, т.е. в 3,5 раза выше. Биопродуктивность в РФ колеблется от 10 до 150 ц/га, а в США – от 150 до 300 ц/га [8].

Важным признаком хозяйственной деятельности представителей делового мира России исторически служила ее *особая мотивация*, в частности, ориентация не на максимизацию прибыли в ущерб окружающим, а создание нормальных условий для ведения своего хозяйства (бизнеса) в долгосрочном периоде. Кроме того, представители российского бизнеса часто посвящали себя служению высокой идее, широко практиковали благотворительность. В связи с этим подчеркивается, что понятие «*соборность*», исторически характерное для менталитета представителей делового мира России, предполагало не только коллективизм в хозяйствовании, но и присутствие в деловой практике некоей высокой идеи. Именно поэтому она составляет один из важнейших элементов нравственной «*семирамиды*» российского предпринимательства [9].

Важным институциональным основанием деятельности представителей делового мира России служило хозяйственное и социальное творчество, инновационная направленность. Не случайно утверждение о том, что в России «хозяйственный процесс есть творческий процесс» [10].

Людей, которые не соответствовали перечисленным выше характеристикам, в российском обществе называли *дельцами*, в отличие от *деловников* – представителей социально и нравственно ориентированного бизнеса. Как справедливо отмечал В. В. Колесов, понятия «стервец», «подлец» и «делец» в какой-то момент стали вдруг почти синонимичными [11].

Новые экономические явления, связанные с ускоренной капитализацией национальной экономики России по западному образцу, в определенном смысле даже отвергались духовным, морально-нравственным строением русского человека, они ему были чужды. Об этом, в частности, писал В. П. Воронцов. Он отмечал, что «русскому крестьянину, занятому в земледелии или в промышленности, невозможно состязаться в производительности труда и заработках с западноевропейскими рабочими, поскольку у них разный менталитет, разная трудовая культура, разный тип профессионального мастерства» [12]. Рассуждая об идеализации некоторыми учеными и хозяйственниками капиталистической организации хозяйства, автор указывал, что капитализм – «это идеал только мыслимый, но вовсе не вероятный. Идеал – это кучка фабрикантов и землевладельцев, командующих среди необъятного пространства (например, России) сравнительно небольшими группами рабочими. Этот идеал представляет до того нелепую и безобразную картину, что нет возможности смотреть на нее иначе, как на логическое последствие каких-нибудь нелепых посылок» [13].

Деловой мир России исторически характеризуется важной социальной особенностью, сущность которой заключается в том, что труд для его представителей является одновременно процессом хозяйствования и *образом жизни*. Представители делового мира нашей страны не только явля-

лись хозяевами, управленцами, но зачастую сами непосредственно занимались трудовой деятельностью.

В России во второй половине XIX и в начале XX веков получили свое развитие самые различные формы предприятий. Между государством и представителями делового мира, вкладывавшими капиталы в различные отрасли промышленного производства, в торговую деятельность и т.д., складывался определенный тип социально-экономических взаимоотношений, который сегодня стало модным называть «*государственно-частным партнерством*». Однако смысл этого понятия сегодня не только не прописан законодательно, но и слабо разработан с научной точки зрения. Точно также, нет законодательного определения и понятия «*социальная ответственность бизнеса*», которая составляла основу такого государственно-частного партнерства в начале XX века. Все это тормозит реализацию многих проектов в данной области. А о том, что современный деловой мир России восстанавливает свои исторически сложившиеся ценностные конструкты, свидетельствуют многие примеры. Так, в Екатеринбурге в рамках государственно-частного партнерства уже несколько лет застраивается огромный микрорайон «Европейский», в котором возводится социально доступное жилье. И по России таких примеров можно назвать достаточно много. К сожалению, в силу бюрократизации системы управления экономикой и коррумпированности многих чиновников между бизнесом и властью в большинстве случаев установились сложные отношения, которые можно охарактеризовать не как сотрудничество, а как конфронтацию. Деловой мир России сегодня сталкивался с огромными трудностями, так как до сих пор у нас все еще не сформировались *правовое государство* и *гражданское общество*, используется жесткая регламентация хозяйственной деятельности представителей делового мира.

В ряде отраслей и регионов нашей страны по существу нет конкуренции. В отличие, от современной ситуации государственная власть в дореволюционной России эффективно боролась с монополизмом. Она способствовала развитию *артельного движения* в нашей стране. Артели (товарищества) представляли собой едва ли не самую популярную организационно-правовую форму развития малогсреднего предпринимательства. Как писал А.А.Исаев, начиная с 60-х годов XIX века «среди наших малообеспеченных классов стали возникать союзы для удовлетворения потребности членов в кредите, приобретении сырья, съестных припасов, совместного производства, получившие название *артелей*. Появились артели ссудосберегательные, потребительские, сыроваренные, кузнечные и другие» [14]. И далее: «Во всех союзах, за которыми народ закрепил название «артель», мы подмечаем господство *начала равноправности*...Начало равенства во внутренней жизни союза есть отличительный признак артельного общения» [15].

В основе деятельности участников артели как особой формы предпринимательства лежали договорные отношения. В качестве самоуправляющегося союза, артель предоставляла своим участникам равные права и возможности, что скреплялось договором. Только два вида артелей (тюремные и солдатские) таких договоров не практиковали. Артели получили свое наибольшее распространение в отраслях наименее сложного труда, не требующих крупных капиталов (лесоразработки, извоз, ремонтные работы и т.д.). Разнообразие артелей поражает воображение: на рубеже XIX – XX веков в России насчитывалось свыше тысячи различных видов артелей. При этом распределение дохода между участниками артели (*дуван*) ставилось в зависимость от личного вклада каждого из ее участников.

Тот факт, что артельная организация предпринимательства в России оказывала существенное влияние на развитие духовно-нравственных начал бизнеса, отмечали разные авторы [16]. При этом артели не исключали использование наемного труда принципиально, поскольку использование наемной рабочей силы составляет основу предпринимательства как такового. Но в большинстве артелей России наемный труд либо не применялся, либо условия труда наемных работников были существенно более комфортными, чем на фабриках или заводах. Основу деятельности артелей составлял *личный труд, личное участие*. Это исключало паразитизм и люмпенство в отношениях между трудом и капиталом по определению.

Одной из характерных черт деятельности представителей делового мира России было открытие *региональных фирм с многопрофильной деятельностью*, производивших комбинированные торговые, промышленные, комиссионные и транспортные операции. Часть делового мира России, сферой которой была торговля, составляли наиболее многочисленную и экономически сильную группу. К числу таких сильных предприятий на периферии, например, можно отнести торговые дома «Братья Алферовы», «Братья Колмаковы» и др. Торговый дом «Братья Колмаковы», например, был одной из крупнейших компаний Западной Сибири. Фирма имела свои отделения в городах Ялуторовск, Тюмень, Ишим, Бийск, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Она крупными партиями продавала пушнину и сырье. Товары скупались не только в Сибири, но и в Монголии.

Наряду с разработкой законодательной базы, регулировавшей деятельность представителей делового мира, в стране существовала хозяйственная практика, не имевшая под собой законодательной основы и опиравшаяся исключительно на *традицию*. Эта неформальная институциональная основа бизнеса включала различные ритуалы, обряды, процедуры, правила взаимоотношения, нормы этики и морали. Именно на основе традиции появилась уникальная организационная форма ведения бизнеса, практически не прописанная законом – *«торговый дом»* [17]. Никакого специального юридического положения (закона) о *торговых домах* в дореволюционной России по существу не было. В связи с этим наиболее крупные единоличные пред-

приятия носили марку *условных торговых домов* с добавлением в названии после фамилии владельца «... и К^о». Очень интересными формами деятельности представителей делового мира России на рубеже XIX – XX веков стали товарищества заводчиков, ассоциации предпринимателей, промышленные союзы и некоторые другие до сих пор слабо изученные социальные образования.

Среди важнейших принципов – базовых ценностей представителей делового мира России были и во многом остаются до сих пор:

- отношение к труду как жизненной необходимости и одновременно как к способу самосовершенствования личности;
- экологическое самосознание, в основе которого лежит осознание единства человека с природой;
- высокая степень предприимчивости и приспособляемости представителей делового мира, обусловленная высокими уровнями рисков в осуществлении хозяйственной деятельности;
- понимание относительной ценности материальной и абсолютной ценности духовной компонент богатства (большая часть представителей делового мира России традиционно отдавала приоритет именно духовному здоровью и нравственному состоянию);
- осознание необходимости конструктивного коллективистского взаимодействия самих предпринимателей с наемными работниками, детерминированное историческими, природно-климатическими, геополитическими и социокультурными условиями.

В силу изложенных выше обстоятельств деловой мир России можно и нужно рассматривать как особый, сложный и одновременно уникальный социокультурный феномен, как определенный социум, обладающий всеми признаками целостности и креативности. Данный феномен свидетельствует о том, что представители делового мира нашей страны (при всех их внутренних различиях) обладают своим особым менталитетом и психологией, мировоззрением и мироощущением, субкультурой и социальными технологиями. Их научный анализ, выявление закономерностей их развития представляют собой серьезный интерес, как для современной науки, так и для современного российского общества в целом.

-
1. Бердяев Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М., 1991. – С. 253.
 2. Платонов О. А. Русский труд / О. А. Платонов. – М., 1991. – С. 88.
 3. Титова С. Ю. Дух народа: русский и западноевропейский менталитет / С. Ю. Титова // Воспитание духовности. Сб. статей и тезисов. Межвузовский сборник. – Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 1998. – С. 69.
 4. Корнеева Т. С. «Арифметическая ментальность» и русская душа / Т. С. Корнеева // Воспитание духовности: сб. ст. и тезисов: межвуз. сб. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 1998.
 5. Горький М. Собрание сочинений. В 18 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры. Т.17, 1963. – С. 428.
 6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С. 243.

7. Стожко К. П., Михалев А. В. Экономическая безопасность в условиях современного глобализма: духовное измерение // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2010. № 1 (27). – С. 5–10.
8. См.: Кондаков В. А. Энтропия в механизме антилиберальной трансформации российского социума // Гуманитарные стратегии российских трансформаций: Материалы I Международной научно-практической конференции. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. нефтегазовый ун-т, 2008. – С. 83.
9. Философия российской экономики / Под ред. Н. Н. Целищева, К. П. Стожко, Т. С. Орловой. В 2 т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. Т. 1. – С. 133–150.
10. Ильин И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М., 1998. – С. 308.
11. Колесов В. В. Культура речи – культура поведения. – Л., 1988. – С. 67–70.
12. См.: Кравченко А. И. Трагический путь русского капитализма // В кн.: Воронцов В. П. Экономика и капитализм. – М.: Астрель, 2008. – С. 12.
13. Там же. С. 69–70.
14. См.: Берви В. В. – Н. Флеровский. Положение рабочего класса в России // Берви В. В. – Н. Флеровский. Избранные экономические произведения в 2-х томах. – М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры. Т. 1. 1958. – С. 207–208; Воронцов В. Р. Экономика и капитализм. Избранные сочинения. – М.: Астрель. 2008. – 981 с.; Исаев А. А. Артели в России // В кн.: Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 423–494; и др.
15. См.: Кружкова Т. И. Деятельность представителей делового мира Урало-Сибирского региона (во второй половине XIX – начале XX вв.). – Екатеринбург: РГПУ, 2002. – 341 с.

К. А. Гаврилова

Уральский государственный университет физической культуры

HIP-HOP КАК МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА

В настоящее время современная молодежь очень увлечена танцевальной hip-hop культурой, так как он определяется как сложное, динамичное, многомерное явление социального характера, постоянно развивается. Молодежь использует танцы для знакомств и общения, самовыражения, и как способ выделиться из общей массы.

Hip-hop является одним из самых доступных, ярких и популярных стилей современного танца, ставший культовым, превратившийся в целый пласт современной культуры, включающую в себя разные составные: музыку, граффити, определенный стиль одежды.

Hip-hop является одним из наиболее коммерчески успешных видов современной развлекательной музыки и стилистически представлен множеством направлений внутри жанра. Разнообразие стилей и направлений музыки hip-hop не позволяют выделить конкретно танец hip-hop.

Характерные движения hip-hop культуры заимствования, которые происходили и вследствие эволюции музыки шли эксперименты и в области хореографии.

Танец в стиле hip-hop – это отдельное широкое направление в танцевальном искусстве. Ярким образцом этого танцевального направления является его характер, актерская составляющая.

Направления hip-hop танца:

1. Hip-hop уличный, Street Style, Street dance, old school – это фундамент, те стили что зарождали направление, breaking + верха (Popping, funk, иллюжен) появившийся в буквальном смысле как элемент уличной, альтернатива официальной культуре и тесно перекликающийся с так называемым Street jazz (уличная импровизация). Развиваясь, популяризируясь, а значит и более коммерциализируясь hip-hop переместился в танцзалы, клубы, на сцену.

2. Соревновательный классический (базовый, исполнительский) hip-hop – это четко разделенные направления hip-hop танца по технике, лексике, манере исполнения и музыке, созданные конкретными людьми или коллективами, имеющие базу эти стили не имеют массового количества исполнителей высокого уровня, потому что главная задача не эксперимент, а чистота исполнения, техничность.

3. Соревновательный альтернативный, фристайл (миксовый, фанковый) – это различные, объединенные в связку техники или даже скорее манера исполнения, где не доминируют элементы breaking. Это «верха», с небольшим использованием элементов джаз танца, где характерное движение приземленный кач (раскачивание), с акцентом вниз или вверх, объемные, широкие сильные, амплитудные движения с акцентом на восьмой ноте характерным баунсом или прыжковым движением (new-djek-swing) чередуются с манерой пафосного, исполняется под любую музыку, открытый для экспериментов.

4. Коммерческой (сценический, попсовый) hip-hop наиболее признаваемый зрителем и профессиональными хореографами за комбинирование в равной мере элементов breaking, «верхов» и техники джазового танца. Это сценические хорошо отработанные шоу номера, объединенные единой режиссурой, сюжетом, хореографией, почти без импровизации, много синхронных связок и музыкальных экспериментов, а характер исполнения менее агрессивный.

5. Клубный hip-hop – исполняется на танцполе и сцене клуба в виде свободной импровизации и связок в стиле GO-GO танец. Ограниченность пространства не позволяет широко применять элементы breaking, поэтому преобладают «верха». А специфика клубной музыки позволяет экспериментировать движениями, и в частности это и породило такие пограничные формы hip-hop, как fristhail, Vogue, dance house.

Новичку чтобы заняться hip-hop для начала нужно научиться слушать музыку, такты, ритм, чтобы соответственно под него начинать двигаться. В hip-hop – это качание корпусом, так называемый, «кач» или пружинка. Когда танцор раскачивает тело в такт музыки, он начинает одновременно улавливать музыку и делать базовые движения, тут идет работа всего тела. Обязательно нужны силовые нагрузки, сначала нетрудные, но с каждым разом они должны усложняться и увеличиваться. Все начинается с отжиманий, для того, чтобы укрепить руки, чувствовать, где и как зафиксировать

сировать мышцы. Так же, обязательной является растяжка – мышцы нужно не только накачивать, но и немного растягивать, чтобы они были более эластичными, что тоже помогает в танце.

Hip-hop, как правило, танцуется на восьмой ноте с характерным баунсом и строится в основном на разных прыжковых движениях. Исполняется под музыку в стиле RAP в темпе от 105 до 111 ударов в минуту. Впитывая в себя лучшее из стилей верхнего брейк-данса: popping и locking и других направлений.

Современный конкурсный hip-hop сегодня представляет собой яркое, захватывающее зрелище и является самым популярным танцевальным направлением во всем мире, по которому проводятся Чемпионаты мира и мировые кубки.

Hip-hop неизменно входит в программу мастер-классов международных фитнес-конвенций. Сегодня он содержит гораздо больший процент хореографии, чем break dance. В отличие от уже сложившегося и в своей основе не меняющегося break, hip-hop танец оказался настолько гибким, что он готов принимать в себя все новые и новые элементы и стили, будь то ruggu, latina, jazz, modern, salsa, funk, pop, bellydance и другие стили. В движениях, которые делают в клипах и на сцене знаменитые звезды (J. Timberlake, Jennifer Lopez, Janet Jackson, Beyonce, Usher и мн. др.) и их танцоры, есть немного locking, popping, krump, crip walk, rhythm'n'blues, R&B, house, tecktonik, go-go и все это вместе всеобъемлющий, многообразный, всегда стильный hip-hop new style.

1. Гиршон, А. С. Импровизация и хореография / А. С. Гиршон. – М., 2007.
2. Гмызина, Э. В. Человек в мире современной культуры: учебное пособие. Ч. 2 / Э. В. Гмызина. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2004. – С. 20–22.
3. Добровольская, Г. Н. Танец. Пантомима. Балет / Г. Н. Добровольская. – Л., 2005. – 123 с.
4. Звездочкин, В. А. Хореограф века / В. А. Звездочкин // Хореографическое искусство: теория, история, методика обучения. – СПб.: СПбГУП, 2003. – С. 6–12.
5. Луков, В. А. Особенности молодежных субкультур в России / В. А. Луков // Социол. исследования. – 2002. – № 10. – С. 79–87.
6. Мирович М. И., Шрагина Л. И. Технология творческого мышления: практическое пособие / М. И. Мирович, Л. И. Шрагина. – М.: АСТ, 2000. – 432 с.
7. Молодежные субкультуры: пособие по курсу «Основы социологии». – Самара, 2005. – С. 9.

Е. М. Гаврилова

Уральский государственный университет физической культуры

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТОВОГО ОТНОШЕНИЯ К ДОКУМЕНТУ

Будучи одним из ключевых элементов социальной коммуникации, документ выступает как особый способ передачи информации во времени и пространстве. Своеобразие документных коммуникаций актуализирует

научное изучение статуса документа как социокультурного явления. В данной статье обосновывается наличие культа документа в китайской культуре на примере мифологического материала.

Под культом документа мы понимаем феномен преклонения и почтения форм документированной информации, основанный на эмоциональном и рациональном (прагматическом) отношении к данному каналу коммуникации [1]. Доказательствами культового статуса документа могут служить такие явления, как коллекционирование документов; появление субкультур, основанных на документах; языковые явления (устойчивые словосочетания, пословицы и поговорки о документах); особые художественные практики людей. Первоосновой же формирования культа документа видится мифология.

После изучения наиболее известных мифов древних и традиционных культур (армянских, бирманских, вавилонских, восточнороманских, вьетнамских, греческих, грузинских, египетских, индийских, индусских, иранских, кельтских, корейских, мансийских, монгольских, осетинских, семитских, скандинавских, славянских, тибетских, тюркских, хурритских, шумеро-аккадских, эстонских, якутских), а также буддийских, иудейских, мусульманских и христианских можно с уверенностью говорить, что документные мотивы встречаются в мифах многих народов. Анализ мифов позволяет выделить следующие сюжетные линии, которые претендуют на статус мифологем документа:

1. Сверхъестественные «документаторы».
2. Персоны-«документаторы».
3. Фиксация судьбы, поступков человека в особых документах.
4. Обряды с использованием документов.
5. Сакрализация делопроизводства.
6. Документы в легендарных историях.
7. Чудесные обретения или появления документов (надписей).

Китайская мифология не только содержит документные мотивы, но и более того, имеет черты, не встречающиеся в мифах других культур. Белорусский ученый С. В. Шамякина выделяет «странную особенность» данной мифологической системы – «уподобление небесного и подземного миров чиновничим управам, состоящим из палат, которые заведуют различными явлениями мира» [3], и называет это бюрократизацией мифологии. Мы же данный феномен в контексте документного подхода предлагаем называть сакрализацией делопроизводства. Рассмотрим эту и другие выше-обозначенные мифологемы подробнее.

Мифологема «сверхъестественные «документаторы»» иллюстрируется мифами о Паньгуань («судья») (Пар, Пхар, Шэнь-пань («божественный судья»)), такой категорией обозначается «общее название «секретарей» главы загробного мира Янь-вана, ведущих записи в Книге судеб, а

также гражданских или военных чиновников в свите какого-либо божества» [2, с. 426].

Мифологема «персоны-«документаторы»» связана с мифами о Сюй-чженьцзюнь («истинный государь Сюй», «праведный владыка Сюй»), могущественном герое, победителе драконов и усмирителе наводнений, который оставил 120 стихотворений, используемых как гадательные тексты [2].

Мифологема «фиксация судьбы, поступков человека в особых документах» представлена в мифах о Симин («управитель жизни», «повелевающий судьбой») – божестве, от которого зависит жизнь человека. По даосским представлениям, он живет во дворце нефритовой пустоты, ведет список заслуг и проступков людей, сокращая жизнь тем, кто много грешит, и продлевает ее тем, кто творит добрые дела; соответствующие ходатайства представляет верховному божеству Тайи [2].

Мифологема «обряды с использованием документов» представлена в мифах о гуй, что обозначало душу (дух) умершего. С распространением буддизма данное наименование стало общим названием демонов и обитателей ада. Считалось, что он боится крика, чтения классических конфуцианских книг или буддийской «Сутры Авалокитешвары», календарей [2].

Мифологема «сакрализация делопроизводства» передана в мифах идеей о диюй («подземное судилище»). Так именовался ад, который состоит из 10 судилищ, каждое из которых имеет 16 залов для наказаний. В шестое судилище попадают люди, непочтительно обращавшиеся с исписанной бумагой и книгами. В этом судилище вырезают сердце и бросают на съедение псам. В девятом судилище казнят грешников, изготавливавших дурные книги. Им отсекают голову, разрезают на мелкие части или удавливают веревкой [2].

Мифологема «документы в легендарных историях» показана в мифах о Лаоцзы («старый ребенок») (Лаозцзюнь, Тайшан лао-цзюнь), считавшимся легендарным основателем даосизма в Китае, жившим будто бы в конце VII в. до н.э., которому приписывается «Даодэцзин» («Книга о Пути и его проявлениях»). Прожив, согласно легендам, чуть ли не 200 лет, он верхом на черном быке отправился на запад. Проезжая пограничную заставу, передал ее начальнику книгу «Даодэцзин» [2].

Мифологема «чудесные обретения или появления документов (надписей)» иллюстрируется мифами о Цилинь, линь – чудесном звере-единороге, рассматриваемом древними авторами как воплощение морально-этической категории «жэнь» («человеколюбие», «гуманность»). Считалось, что его появление было знаком предстоящего рождения мудреца. Так, согласно «Ши и цзи» («Записки о забытом», ок. 6 в.), рождению Конфуция предшествовало появление Цилинь, который исторг из рта нефритовое письмо с пророческими словами о правлении дома Чжоу [2].

Адекватная и объективная интерпретация мифов представляет собой весьма сложную задачу. Еще с античности известны аллегорическое, сим-

волическое и эвгемерическое толкования мифов. Предпримем попытки интерпретации мифов, связанных с документами:

1. Аллегорически возможно толковать мифы с сюжетом фиксации судьбы и поступков человека. В них документы связаны с аллегориями Судьбы; сущности, определяющие судьбу человека, фиксируют ее в книгах, списках, таблицах, что, на наш взгляд, даже усиливает ощущение предопределенности через закрепление сведений в *независимых от памяти* материальных объектах. Также документы связаны с аллегорией Мудрости (божества, олицетворяющие мудрость, создали и письменность) и Справедливости (фиксация добрых дел людей в документах – надежда на спасение при переходе в иной мир).

2. Символически можно толковать практически все рассмотренные мифы. Документы часто являются сакральными символами (например, Священная книга), ибо созданы или дарованы богами; в обрядах и ритуалах документы становятся символами сверхъестественной связи человека с высшими силами.

3. Эвгемерическое толкование мифов подвергается современной научной критике, но, на наш взгляд, в сочетании с принципом аналогии является самым продуктивным в плане описания роли документа в культуре. Мифы о документах представляют собой своеобразную «кальку» документных процессов в древних и традиционных культурах. Документ предстает как значительное социальное явление (боги, первопредки, культурные герои и другие персонажи создавали и использовали документы), значит, в таких обществах имелаась практика документирования информации. Документы сопровождают управление, экономические процессы, правовую сферу, науку и образование, мантику, медицину, частную жизнь.

Подытоживая, можно утверждать, что анализ мифов, связанных с документами, позволяет сделать вывод об огромной роли документа в культуре. Мифологические системы различных народов содержат сюжеты, связанные с документами, спектр которых весьма многообразен – от грандиозных идей писцов судеб человечества до божества кистей для письма. Документ не только обслуживает повседневные надобности человека в древних и традиционных обществах, но становится *«самостоятельной сущностью»*, реализующей сакральную коммуникацию, примирение человека с неизбежной судьбой, сопровождение людей в узловых моментах бытия – в болезни, на Страшном суде, в аду... Интерпретация мифологии документа позволяет увидеть дуальное отношение в документе: с одной стороны, позитивное (*чудо*), но с другой – негативное (*всемерная зависимость от документа*). Подобное противоречие и лежит в основе культа документа.

1. Гаврилова, Е. М. Культ документа: феномен и понятие / Е. М. Гаврилова // Вестник ЧелГУ. Философия. Социология. Культурология. Выпуск 17. – 2010. – № 16. – С. 20–24.
2. Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – 4-е изд.-М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 736 с.

3. Шамякина С. В. Особенности развитой китайской мифологии [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. – Режим доступа: [//http://www.bsu.by/Cache/pdf/209073.pdf](http://www.bsu.by/Cache/pdf/209073.pdf) (дата обращения 09.10.2012).

М. Ю. Гендова

Детский театр балета, г. Владимир,
Академия русского балета им. А. Я. Вагановой, г. Санкт-Петербург

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ: ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Современный мир представляет собой единую социально-культурную, информационную систему, характеризующуюся процессами демократизации общества (расширения прав и свобод граждан), а также глобализации, интеграции и диалога таких объектов как: культура, искусство, наука, мораль, идеология и прочих производных духовной культуры общества.

Духовная культура – результат взаимодействия внутреннего духовного потенциала множества личностей в определенном культурно-историческом контексте. Это нематериальный продукт общественного производства, вбирающий в себя общечеловеческие ценности.

Ценность – то, что важно и принято обществом в целом; тот фундамент, на котором строится духовно-нравственный аппарат человечества, по средствам которого реализуются две важнейшие функции культуры: аккумуляция и трансляция выкристаллизованного опыта предков последующим поколениям.

Поэтому, духовные ценности не подлежат девальвации, они устойчивы и трансформируются в традиции. При этом не носят характер догматического конгломерата, а согласно идеям В. фон Гумбольдта, представляют собой «плоды сотворчества» и взаимодействия личностей, представляющих разные этносы [1].

Итак, каким же образом, подобные философские категории коррелируют с вопросами воспитания ценностного аппарата у будущих артистов балета?

Существует множество определений понятия «артист балета», и каждый автор подчеркивает важные на его взгляд качества, необходимые для становления танцовщика с учетом запросов рынка труда [2, 3].

Очевидно, кроме технического потенциала, который сегодня возведен в ранг первоосновной важности; не менее значимым, а, пожалуй, более ценным в наше время становится духовно-нравственный потенциал человека: шкала ценностей, взгляды и жизненные позиции артиста. Так, Р.Захаров отмечал: «Артист балета – художник, создающий на сцене глубоко-психологические образы», через движения, раскрывающий чувства и

мысли героев [4]. По мнению В. Уральской: «Артист – не только транслятор, но в большей степени носитель феномена русской школы классического танца (ее тайны), всегда отличавшейся «осмысленностью исполнения движений и особой пластической кантиленностью координации этих движений» [5].

Следует особо подчеркнуть, наличие идентичных аспектов в представленных цитатах, ориентацию на специфику профессии артиста балета: невербализированность, когда мы призваны выражать мысли, чувства своего героя при помощи движений, жестов, мимики. Речью становится танец, наполненный чувством. От степени наполненности содержанием зависит масштаб и сила выразительности танца, а значит понятность и приятие классического танца зрителем. Наблюдается прямая зависимость «мысль-движение». Подобные вопросы затрагивал и К. Сергеев [6], указывая на пустоту непрочувствованного движения, движения лишенного «душой исполненного полета».

Формально выполненное движение теряет объемность скульптуры, оставляя лишь четко прорисованный графический контур. Что мы зачастую массово наблюдаем в репертуарном театре и в масштабах динамично развивающегося конкурсного движения.

В связи с тенденцией к «пустому» техницизму, в последние годы возник вопрос: «Кто вы, господин артист? Инструмент, настроенный для исполнения хореографического спектакля, интерпретатор или творец сценической роли? Школа, столь важная для артиста балета, мастерскими руками педагога, многовековой системой методики, безусловно, дает профессиональные умения, обучает и научает артиста балету тому ремеслу (читайте – искусству), без которого немислимо выйти на стезю театра. А дальше? Состоится Артист, или нет?» (В. Уральская) [7]. Результат зависит от тех целей, которые ставят перед собой участники воспитательного процесса:

- сам артист балета (личность с художественным типом мышления, широким кругозором и активной жизненной позицией; стремящийся к субъект-субъектному обучению);
- педагоги (непосредственные трансляторы профессиональных навыков и ценностных категорий; осуществляющие педагогическое сотрудничество, акцентированное на культурной природе процесса (Л. Выгодский, «психология творчества»)[8];
- государство (реализующее культурную политику и выбирающее определенную образовательно-воспитательную парадигму)[9].

Очевидно, что ввиду ежедневного тесного контакта ведущими компонентами воспитательного процесса являются педагог – учащиеся.

Триада «инструмент-интерпретатор-художник» максимально отражают ступени созревания и становления артиста балета в стенах «Школы».

На первом этапе обучения (1–3 класс) приоритетной задачей становится овладение канонами профессии, фундаментом классического танца.

Фактически ребенок на данном этапе обучения является хорошим ремесленником (или инструментом). Подобный механизм педагогического сотрудничества возможен только при высокой нравственной, интеллектуальной и безукоризненно профессиональной культуре наставника; ребенок в данной ситуации «губка», берущая за образец высококачественный продукт – опыт наставника. Также важно заложить в маленького воспитанника осмысленное, не механическое исполнение любого движения. Приучить ребенка начинать каждое движение «из корпуса», из своего нутра. А. Я. Ваганова в своей книге подчеркивала, что «танец “из корпуса” обеспечивает надежную опору и артистическую окраску *pas*» [10]. Необходимо привить мысль о том, что проходных движений не существует. В этом педагогу помогает музыкальное воспитание (как аккомпанемент на специальных дисциплинах, так и как самостоятельный предмет). Данный вопрос, рассматривал Н. И. Тарасов еще в 1958 г. в своих работах [11]. Указывая на то, что «музыка не только метроритмическая основа танца, а его художественная сущность, органически связанная с содержанием танцевального произведения. Никогда не надо забывать, что мы готовим артистов музыкально театра, что им предстоит «танцевать музыку». Если же ограничиться только внешним музыкальным ритмом сопровождения урока, то это неизбежно приведет к тому, что учащиеся хорошо овладеют моторикой и формой движения, а не живой и творческой выразительностью танца» [12].

На втором этапе (4–5 класс «Школы») происходит оттачивание уже имеющихся умений и навыков и дальнейшее освоение лексического материала классического танца: выработка устойчивости и начальное освоение технических навыков, учащиеся все чаще становятся посильными участниками сценической практики, приобретают опыт музыкально-пластического мышления. «Только эмоционально-образное содержание танца», – по мнению Н. И. Тарасова, – «является источником рождения сценической выразительности [...].

[...] Музыка способна развивать образное мышление учащихся, подталкивать их творческое воображение к ежедневному неформальному (!) исполнению танцевальных движений. Если содержание музыки станет для учащихся сознательным, активным творческим началом, внутренним чувством действия, которыми они могут управлять, значит, школа хорошо подготавливает своих питомцев к сцене», – утверждал Н. И. Тарасов [13]. Наблюдается дальнейшее углубление музыкальной интеграции ребенка в профессию, а также усиление образно-эмоционального и художественного компонента за счет актерского мастерства, классического, характерного и историко-бытового танца и сценической практики (4–5 класс «Школы»).

Третий этап обучения (студенты I–III курса) характеризуется, прежде всего, потребностью в интеллектуальной интеграции и попытками стать самостоятельными интерпретаторами канонов профессии. К этому момен-

ту времени учащиеся, становятся творчески-мыслящими личностями, с достаточным багажом профессиональных знаний и умений, открытыми к взаимному сотрудничеству с целью повышения культурно-образовательного уровня. Людьми, способными к рефлексии, поиску и созданию самостоятельных сценических образов; проявляющих черты индивидуальности ежедневно на различных дисциплинах и в обыденной жизни (появлении собственного стиля и почерка). Но «индивидуальность танцовщика формируется не одним балетным репертуаром и не одними балетными впечатлениями. Каждый спектакль вбирает в себя невероятно много – впечатления действительности, встречи с искусством иных Муз, общение с людьми иных профессий – все, решительно все вплетается в наш творческий процесс. Самой существенной для будущности артистов балета является сложная непрямолинейная связь балета (и театра и школы) с жизнью, с событиями и явлениями реального мира; с событиями, свидетелями которых становится каждый из нас. Что еще раз подчеркивает актуальность и интегрированность нашего искусства в жизнь» (К. Сергеев) [14]. На этом завершающем этапе обучения студенты встают на путь «художников сценических образов». «Необходимо добавить, что достижение полной координации всех движений человеческого тела (цель всего процесса обучения – прим. авт.) заставляет воодушевлять движения мыслью, настроением, то есть придавать им ту выразительность, которая называется артистичностью» [15].

Развить артистизм, помочь ребенку научиться выражать свои мысли и эмоции через лексику – позволяет любой спектакль классического наследия. В каждом спектакле есть пантомимные эпизоды – простор для импровизации. «Сегодня каждый исполнитель призван отыскивать свои нюансы, ему позволено окрашивать роль своей индивидуальностью. Но исполнительская инициатива, ни при каких условиях не может выйти за предел строго, категорично, окончательно заданных обстоятельств» [16].

Связь времен, преемственность поколений, хранящих заветы своих предшественников и наследующих огромные ценности, передающих их учащимся, на этом основывается фундамент традиционности образования, это залог его качества.

Именно третий этап – момент интеллектуального становления, становится все более востребованным в контексте возрастающей междисциплинарной интеграции искусств друг в друга, – приоритетное направление в условиях сегодняшней жизни.

Добиться расширения кругозора, активного погружения учащихся вглубь социокультурной среды возможно за счет усиления внимания к предметам художественно-эстетического цикла (балет – искусство пространственное (как архитектура) и временное (как музыка)). Учебные дисциплины этой направленности позволяют решить не только образовательные задачи, но прежде всего, адаптационно-развивающие, на которые

ориентированы, – это является важным в личностно-ориентированной педагогике и принципах гуманистического обучения. В рамках данного цикла (история театра и балета, история искусств и МХК) у учащихся формируется целостная картина мира, отражающая положение человека во времени и пространстве, позволяющая ощутить аромат изучаемой эпохи.

Не менее, важной является интеграция в окружающую среду – экскурсии в садово-парковые ансамбли и изучение архитектуры Санкт-Петербурга, в качестве спецкурса факультативного плана. Такое новшество будет способствовать развитию у воспитанников «Школы» наблюдательности, сравнения, анализа; позволит учащимся убедиться на практико-ориентированных примерах в целостности окружающей жизни (не зря балет называют «ожившей музыкой», а архитектуру – «застывшей музыкой»). Необходимо на практике показать, что нравы, мораль, ценностные ориентиры, в разный периоды времени отличаются лишь приоритетными позициями в шкале ценностей. Они отражаются во всех проявлениях человеческой деятельности, и нематериальных объектах духовной культуры – танце, драматическом театре, скульптуре, живописи, архитектуре, музыке, книгах.

Важно, донести до учащихся, что любая исполняемая роль, это не столько отдельно взятый характер, сколько человек, погруженный в социокультурное пространство на конкретном историческом отрезке времени. Значит, кроме образа героя, артист балета должен обращать свое пристальное внимание на стиль эпохи. В этом большую роль играют отдельные учебные занятия посвященные стилю в разных видах искусства, желательны подкреплять такие уроки, практикой экскурсий, погружая учащихся в атмосферу города (архитектуру, скульптуру), картинных галерей, видео-курсов, способствующие ценностному восприятию духовной культуры изнутри.

Не маловажную роль, в процессе интеллектуальной интеграции может сыграть музей учебного заведения. Тематические занятия и посещение экскурсий, в котором также способствуют проявлению интереса и возникновения мотивации к постижению профессии артист балета, не поверхностно, а глубоко.

Именно, такой подход позволит сохранить и в дальнейшем продолжит развивать – основополагающий завет предшественников – одухотворенный традиционализм. Важно ничего не разрушая, сохранять школу фундаментального мастерства, отвечающую современным запросам общества. Артист балета – мыслящий профессионал «знающий, понимающий, и самое главное, любящий свое дело» (В. Ванслов) [17]. Артист балета – активная личность с высоким культурным уровнем развития, умеющая быстро реагировать на меняющийся мир.

1. Гулыга, А. В. Философская антропология В. фон Гумбольдта / А. В. Гулыга // Вопросы философии. – № 4. – 1985. – С. 105–108.

2. Уральская, В. И. Актеры правят ремесло? / В. И. Уральская // Балет. – 2008. – № 2 (150). – С. 64.
3. Захаров, Р. Артист балета – художник, творящий образ: из автореф. дисс. «Балетмейстер и сфера его творческой деятельности» на соискание учен. ст. д-ра искусствоведения. – Москва, 1986 // «Балет». – 1996. – № 6 (86). – С. 65.
4. Там же, с. 65.
5. Уральская, В. И. Актеры правят ремесло? / В. И. Уральская // Балет. – 2008. – № 2 (150). – С. 64.
6. Сергеев, К. М. Мысль и движение / К. М. Сергеев // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. – 2009. – № 2 (22).
7. Уральская, В. И. Актеры правят ремесло? / В. И. Уральская // Балет. – 2008. – № 2 (150). – С. 64.
8. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М. Искусство, 1986.
9. Филановская, Т. А. Культурная политика и хореографическое образование: культурно-исторический аспект / Т. А. Филановская // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. – СПб. – 2009. – № 1 (21). – С. 19–35.
10. Ваганова, А. Я. Основы классического танца / А. Я. Ваганова. – СПб.: Лань, 2000. – С. 8.
11. Тарасов, Н. И. Вопросы хореографического образования / Н. И. Тарасов // Бюллетень № 1, хореографическое училище ГАБТ СССР. Методический кабинет, 1957/1958 уч. год, Москва.
12. Тарасов Н. И. Методика классического тренажа / Н. И. Тарасов, В. Э. Мориц, А. И. Чекрыгин. – М., 1940. – 384 с.
13. Там же.
14. Сергеев, К. М. Мысль и движение / К. М. Сергеев // Вестник АРБ им. А. Я. Вагановой. – 2009. – № 2 (22). – С. 42.
15. Ваганова, А. Я. Основы классического танца / А. Я. Ваганова. – СПб.: Лань, 2000. – С. 12.
16. Сергеев, К. М. Мысль и движение / К. М. Сергеев // Вестник АРБ им. А. Я. Вагановой. – 2009. – № 2 (22). – С. 37.
17. Модестов, В. В. Ванслов / В. Модестов // Балет. – 2007. – № 1 (143). – С. 12–13.

Е. В. Даутова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ИМИДЖ ГУБЕРНАТОРА – ИМИДЖ РЕГИОНА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Переход цивилизации от индустриального к постиндустриальному типу привел к тому, что основным объектом внимания стали воображаемо-конструированные образы, а не материальные объекты. Параллельно в этот же период возникают процессы, предполагающие не только партнерство, но и конкуренцию между регионами. Стремление завоевать и расширить собственное место на рынке заставляет органы власти обращать особое внимание на создание индивидуального образа территории, позволяющего выделиться среди себе подобных. В это время возникает понятие «имидж территории». Сейчас это один из основных ресурсов, которые определяют экономическую, политическую, социальную перспективу региона.

Когда мы говорим об имидже региона, нам сразу представляется его лидер. Позиционирование имиджа политического лидера территории является важной составляющей формирования имиджа самого региона.

В глазах обывателей, да и не только, руководитель региона – это молодой, умный, успешный человек, который защищает интересы жителей,

развивает и улучшает свою территорию. А из чего складывается подобный имидж?

Имидж Губернатора складывается из мнений о нем разных целевых аудиторий: горожан, представителей бизнеса, руководителей органов местной и федеральной власти и так далее. Этот список можно продолжать очень долго. В данной статье рассмотрим подробнее некоторые из них. По нашему мнению, всю аудиторию можно разделить на три группы:

1. Внутренняя аудитория.

Это в первую очередь жители региона. Для формирования их лояльного отношения к Губернатору необходимо соблюдать ряд простых правил:

- *оперативность в решении проблем населения;*

Начиная с самых мелких (очереди в больницах, отключение горячей воды, отсутствие света в подъезде), и заканчивая более крупными, относящимися к региону в целом (развитие инфраструктуры городов, строительство дорог, увеличение рабочих мест и т.д.).

- *открытость информации;*

Открытость информации повышает степень доверия населения.

- *доступность Губернатора;*

Каждый горожанин независимо от его социального положения в обществе может обратиться к Губернатору и будет услышан. Это показывает участия Губернатора в жизни региона.

- *качества личности;*

При всем этом Губернатор также должен быть достойным человеком, умным, порядочным, образованным, разносторонним.

- *поощрение положительных инициатив горожан.*

В качестве возможных инструментов можно использовать: общественные приемные граждан, интернет-приемные, официальный сайт, блог, участие во всех мероприятиях.

2. Внешняя аудитория.

Сюда входят потенциальные инвесторы, туристы, ученые, высокопрофессиональные специалисты различных сфер, деятели культуры и искусства, выдающиеся спортсмены и все те, кто может помочь развитию региона.

Сторонние люди, не находящиеся внутри жизни и деятельности региона, в первую очередь, складывают мнение о руководстве из упоминаний в средствах массовой информации. Поэтому здесь необходимо уделить особое внимание публикациям в прессе. Также влияния имеют официальные рейтинги.

3. Высшее руководство и коллеги.

Здесь речь идет о высшем руководстве страны, главах других регионов и непосредственной команде Губернатора.

Руководство страны уже не будет обращать внимания на статьи в газетах и блогах, их интересуют конкретные показатели. Помимо первооче-

редных и объективных аспектов, таких как строительство дорог, развитие инфраструктуры области, усовершенствование системы ЖКХ, для улучшения качества жизни очень важны и достижения региона. Это могут быть современные научно-технические разработки, выдающиеся ученые, международные и континентальные соревнования, олимпийские чемпионы, заслуженные артисты и т.д. Чем больше достижений, способных прославить не только регион, но и всю страну, тем лояльнее отношение высшего руководства к Губернатору. Поэтому привлечение и поддержка подобных проектов – инструмент формирования позитивного имиджа Губернатора для данной целевой аудитории.

Что касается непосредственной команды главы региона. Достижение высоких показателей в каждой сфере жизни области зависит не только от Губернатора, но и от его команды, тех людей, которые непосредственно выполняют ту или иную деятельность. Если среди членов команды руководитель имеет уважение и доверие, специалисты будут выполнять его поручения добросовестно, следовательно, результат общего дела будет наивысшим. А наивысший результат уже работает на имидж не только Губернатора, но и региона в целом.

Подводя итог, отметим, что все факторы, описанные выше, тесно взаимосвязаны друг с другом. Инструменты, отнесенные здесь к одной целевой аудитории, с успехом могут быть применены к другой. Нельзя сказать, что блог, как канал коммуникации, работает только на жителей того региона, глава которого его ведет, очень часто его используют как основной источник получения информации о личности Губернатора и событиях, происходящих в регионе. Также как и нельзя сказать, что достижения региона оценивают только представители высшей власти, для многих людей, задумавшихся о переезде в другую область, это тоже весьма значимый аргумент. Качества личности Губернатора не менее значимы для высшего руководства, чем для горожан. Эту цепочку можно продолжать бесконечно. И только рассматривая перечисленные элементы как целостную систему, можно добиться наивысшего результата в создании имиджа Губернатора, а впоследствии, и в развитии региона.

1. Абашкин, Е. Имидж политического лидера [Электронный ресурс] / Е. Абашкин. – Режим доступа: <http://azps.ru/polpsy/lib/image.html>.
2. Выгонский, С.И. Что такое региональный имидж? [Электронный ресурс] / С.И. Выгонский. – Режим доступа: <http://sv-psycho.narod.ru/regionimage.html>
3. Карпова, Т.Ю. Маркетинг Челябинской области [Текст] / Т.Ю. Карпова // Челябинская область: энциклопедия. – Челябинск, 2005. - Т. 4 : М-О. - С. 132-133.
4. Осетрова, А. «Имидж региона»: формула успеха [Текст] / А. Осетрова // Publicity. – 2006. - № 1.
5. Панкрухин, А.П. Маркетинг территорий: учебное пособие [Текст] / А.П. Панкрухин. - М.: РАГС, 2002. - 328с.
6. Сидельников, О.С. Блоги Губернаторов как элемент формирования имиджа региона. [Электронный ресурс] / О. С. Сидельников. – Режим доступа: <http://sidelnikov.name/pub/blogi-gubernatorov-kak-element-formirovaniya-imidzha-regiona>.

7. Шалагинова, Л.В. Политическое лидерство в условиях различных политических систем. [Электронный ресурс] / Л. В. Шалагинова. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/politleader2.htm>.

8. Шаталов, Г. Образ, имидж, бренд и репутация региона – что это такое? [Электронный ресурс] / Г. Шаталов. – Режим доступа: <http://regionpr.ru/page122.html>

СЛОВО НАСТАВНИКА

С. И. Замогильный,

М. В. Горемыко

Энгельсский технологический институт

Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА¹

Обсуждение методологических предпосылок социальной теории выдвигается на первый план в момент глубоких социальных изменений, а следовательно, и кризисов социальных систематизаций. Эффективная концепция развития должна опираться на теорию социальной дифференциации, в которой выявлены ее носители, способы их интеграции, тенденции развития и формы их сознания. Теория социально-классовой структуры выступает в качестве ядра социальной науки, и именно здесь находится «стык» философии и социологии, политэкономии, истории и политологии. Политизация общества предполагает осознанную ориентацию интересов больших групп населения на практические действия. Опыт развитых стран показывает, что в них шли циклические процессы смены приоритетов по отношению к результатам социальной дифференциации и по профессиональному, и по социально-классовому признакам. Можно упомянуть как о «революции белых воротничков» в развитых индустриальных странах Запада, так и о создании «техноструктур» и так называемого среднего класса в Южной Корее и Тайване.

Формирование среднего класса провозглашено правящей элитой России в качестве одного из стратегических направлений развития и ключевым моментом модернизации. В данном случае политики не открывают ничего нового: средний класс уже проявил себя во всех развитых индустриальных странах как ключевое звено социального организма, придающее ему необходимую гибкость и стабильность, цементирующее его социальную структуру и создающее высокий уровень социальной ответственности.

Последний аргумент наиболее важен в контексте перемен и разломов времени, поглотившего «старые» социальные группы, приведшего к шоку невиданной маргинализации рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, кризису власти и управления. Передел собственности приводит к вопросу о том, кто всем этим распоряжается – конкретные люди

¹ Статья выполнена в рамках гранта РГНФ-БРФФИ № 10-06-01303а/Б

или некая безликая, анонимная и распыленная сила? Современный этап развития российского общества показывает кардинальные изменения в ее социальной структуре, углубление процессов дифференциации по групповому, классовому и национальному признаку. Между отдельными социальными группами, обществом, группами власти и группами богатства существуют жесточайшие формы отчуждения.

Бюрократическая власть расширяет сферу своего влияния над миром, но уровень ее профессиональной компетентности и нравственной ответственности снижается. Она не только неспособна сегодня поднять активность своих граждан в решении нарастающих глобальных проблем, но, наоборот, отключает их от адекватного реагирования, притупляет бдительность. Власть малоэффективна, поражена системной коррупцией. Политические императивы основаны на авторитарно- административных способах управления с использованием репрессивных органов, сильный средний класс отсутствует. Общество потребления не может вернуть человеку чувство значимости и самоуважения, уводит его в иллюзорную реальность и поощряет благосостояние как таковое с призрачными шансами на выживание.

«Средний класс сегодня – это сложный конгломерат составляющих его социально-профессиональных групп, субъекты которых привыкли действовать индивидуально, не осознают пока общности своих интересов и зачастую не только не идентифицируют себя с группой, но и не чувствуют себя представителями среднего класса. Во многом это связано с преобладанием в медиапространстве «западного» образа среднего класса с его высоким уровнем жизни, который соответствует скорее высшему слою и который для многих недоступен. Наличие непротиворечивых, однозначных образов среднего класса (предпринимателя, менеджера и профессионала), с которыми индивид мог бы себя идентифицировать, является важным элементом формирования средних слоев в социальной структуре России» [5, с. 122].

Органы власти, политические институты, отдельные политические лидеры в настоящее время не соответствуют требованиям времени. Их формирование осуществляется не в едином социокультурном и правовом пространстве, а в коридорах бюрократии. В то же время действия и стиль мышления правящей элиты требует наполнения новой культурой: нравственно-гуманитарной, экологической, стратегического видения системы управления, гармонизированного функционирования и развития сложнейших социальных систем в постсоветском пространстве современной России.

Наряду со сменой политических режимов происходят эволюционные изменения технологического порядка, связанные с т.н. теорией «Третьей волны», окончательно концептуализированной социологом, журналистом и политологом Э. Тоффлером. П. Гуревич подчеркивает, что Э. Тоффлер «строил свои выводы в русле новейшей американской социологии, в этом смысле он мало чем отличался от Белла или Бжезинского Державная нить

этой социологии – развитие техники и ее роль в преобразении социальных процессов»¹.

«Третья волна», по Тоффлеру, – лавинообразное распространение информационного общества: « Она вызвана повсеместным распространением компьютеров, турбореактивной авиации, гибких технологий. В информационном обществе складываются новые виды семьи, стили работы, жизни, новые формы политики, экономики и сознания... Символы «Третьей волны» – целостность, индивидуальность и чистая, человеческая технология. Ведущую роль в таком обществе приобретают сфера услуг, наука и образование. Корпорации должны уступить место университетам, а бизнесмены – ученым...»².

Во всяком случае, назрела необходимость в теоретических разработках, касающихся перспектив, форм и методов развития среднего класса в России. Для его исследования нужны надежные инструменты его исследования, прежде всего разработки в сфере методологических проблем анализа этого социального феномена. Можно ли говорить о том, какая парадигма является наиболее важной для понимания этого социального феномена: теория социально-классовой структуры или же теория социальной стратификации?

Считается, что наиболее точное определение среднего класса дал Макс Вебер. Согласно его представлениям об этом элементе социальной структуры, средний класс – это промежуточное звено между привилегированным и обездоленным классами – социальная группа мелких собственников и тех наемных работников, кто продавал на рынке труда свои навыки и умения, – крестьян, ремесленников, чиновников, лиц свободных профессий, рабочую аристократию. Таким образом, по логике Вебера к среднему классу относились как те, кто владел небольшой собственностью, так и те, кто не имел собственности, но имел высокую квалификацию [3, с. 154]. Критерии принадлежности к среднему классу весьма разнообразны даже по отношению к средствам производства: от доходов с капитала до зарплаты наемного рабочего. Средний класс неоднороден, он делится на низший, средний и высший слои.

Современные российские исследователи придерживаются двух различных концепций. Согласно первой из них средний класс в России отсутствует. Во второй отмечается аморфность его существования, незавершенность формирования, его неустойчивый характер как социальной страты. Ещё одна часть ученых отождествляет средний класс со средними слоями: что-то типа совокупности лиц с доходами от прожиточного минимума до небольшой группы олигархов (человек 500). Чудовищные ножницы!

Базовые функции среднего класса – это функция стабилизации и функция содействия прогрессу. В научных кругах идут дискуссии по поводу этого

¹ П. Гуревич. А волны истории плещут // Тоффлер Э. Третья волна: пер.с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 781, [2] с. 5.

² Там же. С. 5.

понятия: «Претерпев многократные интерпретации, сегодня оно достаточно размыто, и вряд ли можно ожидать, что в будущем приобретет точную и однозначную трактовку. Нельзя отрицать ярко выраженную эмоциональную окрашенность представлений о среднем классе. Содержательные признаки среднего класса (его ценности, установки, мотивы и стереотипы поведения) приобретают исключительно позитивный и прогрессивный характер, транслируемый посредством СМИ. Все это дает основания полагать, что средний класс – позитивно маркированная идеологема»[5, с. 112].

Почему идеологема среднего класса оказалась востребованной в современной России? «Идеологизированный образ западного среднего класса стал одной из основ идеологии российских либеральных реформ»[5, с. 112]. Российскому обществу был предложен вариант вселенской борьбы за доход, престиж профессии и уровень образования – все, как на Западе. На основе этих общих признаков и поныне формируется мораль, общая идеология, образ жизни и поведение.

Какую роль играют «вторичные» факторы классовообразования? Ответ на этот вопрос позволяет поставить ряд социологических проблем, которые также можно отнести к компетенции теории и истории культуры. Среди них наибольшую важность представляет социологический анализ образования и культуры в формировании среднего класса. Например, какую роль в формировании среднего класса может играть современная социокультурная ситуация в России? Мы должны четко уяснить факторы воспроизводства и усвоение культурных образцов, норм и ценностей в процессе образования, определить место социологии науки как части социологии культуры в формировании среднего класса и мотивацию его социальной ответственности.

В формировании среднего класса огромное значение играет культурная политика и проблемы управления культурой и образованием. Об этом говорит, по крайней мере, наглядный и показательный опыт таких стран, как Южная Корея, Япония или Тайвань. Южнокорейские генералы еще 60-е годы поставили себе целью создание мощного среднего класса за счет реформирования университетов и системы образования и сформулировали задачи государства в осуществлении культурной и социокультурной политики в формировании социально-ответственных субъектов. Феномен Южной Кореи заключается в том, что, на глазах одного поколения, беднейшая страна мира, находящаяся где-то на уровне Папуа-Новой Гвинеи, превратилась в мощнейшую индустриальную державу. Интересна форма ее классовообразования, т.к. Корея – это страна победивших олигархов. Корейские строообразующие гигантские компании, экспортирующие свою продукцию во все страны мира, «чеболи», являются семейными предприятиями. Из президенты – сыновья назначенных 40 лет назад диктатором Пак Чжон Хи руководителей компаний: «Правительство когда-то назначило главных промышленников, которые до сих пор передают компании сыновьям по

наследству» [1, с. 16]. Роль чеболь распространилась далеко за пределы “страны утренней свежести”, и уже сегодня эти финансово-промышленные конгломераты существенно влияют на мировое производство, технологию и торговлю. По своей структуре чеболь напоминают японские дзайбацу. Возникновение первых чеболь относится ещё к периоду японского колониального господства в Корее. Большинство из них имеет семейно-клановый характер, они построены, главным образом, по вертикали, объединяя компании, действующие в разных отраслях промышленности.

Тайвань проводил свою модернизацию на основе китайских культурных традиций и плановой экономики. Технологический прорыв осуществлялся не в безвоздушном пространстве, а в определенной социокультурной среде, которая формировала как специфический типа руководителя, так и уникального исполнителя. В основе «экономического чуда» Тайваня, лежат китайские культурные традиции, в особенности такая важная доминанта, как конфуцианство. Один из крупнейших исследователей истории Тайваня Вэй Воу, называет экономическую модель этой страны «конфуцианским капитализмом». Южную Корею, Гонконг, Сингапур и Японию относят к регионам, имеющим однотипную экономическую структуру. В отличие от них специфику развития Вьетнама и Китайской Народной Республики проф. Вэй Воу именует «конфуцианским социализмом». Отличительные особенности конфуцианского капитализма следующие – наряду со свободной рыночной экономикой, частной собственностью и непрерывным увеличением количества частных предприятий, экономическое развитие находится под полным контролем государства. Но в этих обеих формах ключевым моментом выступает как мораль, так и образование.

Т. М. Малева указывает на ряд обстоятельств, характеризующих средний класс как идеологическую категорию. В России средний класс обозначает скорее «высший средний» слой, а не срединное положение в социальной структуре. Его образ – идеализирован и характеризует ожидания социально и экономически активных групп общества, уровень и стиль жизни которых приближен к стандартам западного аналога. В результате получается, что «все эти элементы долженствования, идеализации в описании установок населения и заимствования образов из чужих социальных сред в описании жизненных стандартов определяют средний класс как весьма сложную мифологию, связанную с перенесением на российскую реальность внешних ценностно нагруженных образов своего потенциального будущего, определяемого через подсмотренное чужое настоящее» [4, с. 17].

Соответственно появление обновленного среднего класса является свидетельством их успеха, тем самым оправдывая их проведение в общественном сознании. Задача формирования российского среднего класса была объявлена приоритетной Комитетом по экономической реформе Правительства РФ в 1998 г., «однако финансовый кризис того же года внес

свои коррективы в положение тех групп населения, которые могли бы быть отнесены к среднему классу [5, с. 112–113]».

В памяти народа сохраняется память о том, чем закончился его порыв конца 80-х-начала 90-х годов к переменам. Те люди, которые выходили на митинги в начале 90-х – были представителями среднего класса, сложившегося при социализме: интеллигенция, служащие, «второй эшелон» власти. Общественное настроение изменялось не в связи с материальными потерями, а в связи с обманом. Для русского духовно-нравственные ценности более важны, чем материальные. Общество в целом и интеллигенция в частности испытывает глубокий психологический дискомфорт на фоне тотальной коррумпированности общества. Специфической приватизации избежала лишь Белоруссия, а возникший на развалинах СНГ и Восточной Европы коррумпированный монстр не имел аналогов в истории, и в этом главное отличие нашего государства, где коррупция стала органическим элементом. Агентство Transparency International отвела нам 147 место из 170 – уровень Кот д'Ивуар, Танзании и Зимбабве. Российский средний класс формируется сейчас как деревце в неблагоприятных условиях тундры – болезненным и деформированным, но, тем не менее, удивительно живучим. Вывести его из состояния угнетённости может не только и не столько политическая воля высшего государственного руководства, сколько существенное изменение системы социальных ценностей в масштабах государства, что немыслимо без нравственной, экономической и аксиологической санации общества, искоренения лжи, коррупции, непорядочности в сфере управления.

1. Бремя белого инженера. Как выпускники российских технических вузов творят корейское экономическое чудо // Русский репортер. – 2011. – 22–29 декабря. – С. 14–28.
2. Варивончик, И. В. Американский средний класс и политика правящих администраций (1993–2012) / И. В. Варивончик // США. Канада. Экономика-политика-культура. – 2012. – № 5. – С. 17–38.
3. Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социол. исслед. – 1994. – № 5. – С. 154.
4. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т. М. Малевой. – М., 2003. – С. 17.
5. Владыкина, М. И. Средний класс России: социальные функции в условиях модернизации общества / М. И. Владыкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18 Социология и политология. – 2012. – № 1. – С. 111–122.
6. Скакун Е. В. Средний класс в республике Беларусь / Е. В. Скакун, Н. С. Кляус // Демографическая и социальная структура общества в период системной трансформации: сборник материалов республиканской науч.-практ. конф., Брест, 12–13 мая 2011 г. Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. – Брест: БрГУ, 2011. – 129 с. – С. 65–69.
7. Collins R. 'Weber's last theory of capitalism: a sistematization'// American Sociological Review. – 1980. – № 45. – Pp. 925-942.

И. А. Загорулько

Челябинская государственная академия культуры и искусств

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Тема питания актуальна всегда, так как человек не может прожить без еды, а приготовление и поглощение еды включает множество различных процессов: приобретение продуктов, из которых готовятся блюда, приготовление и употребление пищи. На современном этапе стремительно меняются условия жизни людей, технический прогресс прочно входит в домашний быт. Вместе с этим изменяются традиционные способы приготовления пищи, да и сама еда вследствие того, что в повседневном обиходе человека используется целое множество новейшей бытовой техники, предназначенной для ускорения и облегчения процесса приготовления пищи. Кроме того, многие люди в нашей стране сегодня все чаще заменяют традиционное для нашей страны домашнее питание (например, ужин) посещением ресторанов, кафе, пиццерий и прочего. Также широкое распространение получила форма доставки ресторанной еды в офис и на дом, что также можно выделить в качестве новой тенденции в современной культуре питания.

Для гурманов открыты различные заведения, где можно попробовать блюда практически всех стран мира, в то же время на рынке присутствует множество продуктов, из которых можно приготовить как традиционные русские блюда, а так же блюда других стран. Многие готовят «экзотику» у себя на кухне, так как любят готовить пищу своими руками. Учитывая материальное положение большинства жителей нашей страны, основная масса россиян, по нашему мнению, все же преимущественно готовит дома, в связи с тем, что существует устойчивая традиция такой практики, а так же потому, что у них нет возможности часто посещать рестораны и кафе в силу достаточно высокой стоимости ресторанного обслуживания и сложившейся привычки повседневно питаться дома.

Современные издательства выпускают большие тиражи литературы, в которой можно найти кулинарные рецепты со всего света и на любой вкус. В рекламных целях издаются журналы и каталоги, из которых мы можем подробно узнать обо всех ресторанах города Челябинска, их месторасположении, и о том, блюда какой кухни там готовят. Так же всю эту информацию можно найти на специализированных сайтах в Интернете.

Снимается и выходит в эфир множество рекламных роликов и кулинарных программ, которые мы видим по телевидению, которых «звезды» и обычные люди делятся своим опытом и своими фирменными блюдами. Так же на дисках и в сети Интернет предлагаются мастер-классы от самых лучших поваров мира, где они наглядно показывают, как правильно готовить любимившиеся нам блюда.

Наряду с вышеобозначенными явлениями, ведется массовая пропаганда здорового образа жизни, здорового питания, диет. Статьями на данные темы заполнены глянцево-журналы и популярные массовые газеты. Ярким примером такого издания служит вестник «Здоровый образ жизни». На эту тему снято множество репортажей и программ. Можно сказать, что следить за своим питанием теперь не только полезно, но и престижно.

Таким образом, современная культура питания россиян, которая включает в себя: покупку продуктов питания, отношение к традиционным и новым практикам питания, отношение к посещению заведений общепита, культура застолья и сервировку стола, формируется под воздействием перечисленных факторов и является достаточно устойчивой, но способной к динамике системой.

Мы можем говорить о необходимости формулирования понятия «культура питания». По нашему мнению, культура питания – это совокупность обычаев, ценностей и норм, связанных с практиками приготовления пищи, ритуалом ее употребления и прочими особенностями реализации практик питания.

Также мы выявили индикаторы понятия «культура питания», среди которых: количество и качество употребляемой пищи, режим употребления пищи, качество продуктов, отношение к традиционным и новым практикам питания, практики покупки продуктов для приготовления пищи, кулинарные традиции, отношение к заведениям общепита, отношение к доставке еды на дом, предпочитаемое меню, традиции проведения обедов и ужинов, традиции проведения праздников, нормы и стандарты сервировки стола, отношение к фаст-фуду, соблюдение принципов здорового питания.

Таким образом, мы предлагаем формулировку понятия «культура питания» и рассматриваем ряд факторов общекультурного контекста, влияющих на культуру питания современных россиян. Нужно отметить и то, что изучение культуры питания значимо для современной России, так как от того, как и каким образом питаются современные россияне, зависит, в конечном итоге здоровье нации.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Л. Б. Зубанова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РЕГИОНА: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

На современном этапе, когда междисциплинарность, комплексность, системность становятся необходимыми показателями качественно осущест-

¹ Основные теоретические и прикладные аспекты, представленные в данной статье выполнены в рамках программы грантов Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – МД-6764.2012.6 «Художественный потенциал Южного Урала: региональные тенденции развития культуры».

вленного исследования, особенно выигрышно выглядят научно-исследовательские разработки, ориентированные на заданные векторы и обеспечивающие полноту понимания анализируемой проблемы. Это, в первую очередь, относится к социокультурной проблематике наиболее эффективным способом исследования которой становится анализ ее отдельных сфер, комплексное диагностирование актуального состояния, выявление общих закономерностей и прогностических сценариев развития. Иначе говоря, составление адекватной картины современного состояния культуры, возможно, прежде всего, при условии системного изучения ее отдельных подсистем, в ряду которых весьма важна и актуальна – художественная культура.

Традиционно художественную культуру и искусство относят к тем ареалам действительности, которым как в научной литературе, так и в сознании человека воспринимающего художественные ценности и образцы, – присвоен статус смысловой неисчерпаемости. Дополнительной сложностью оказывается отсутствие точных и адекватных форм эмпирической фиксации художественно-эстетического воздействия искусства на человека.

Вместе с тем, подобные «преграды» вряд ли могут выступать серьезным ограничением в попытках исследователей выйти к основательному классификационному анализу изучения художественного пространства.

Все многообразие существующих подходов к осмыслению художественной культуры можно классифицировать в зависимости от избираемой «оптики» взгляда исследователей:

- *философско-эстетический подход*: связан с определением художественной ценности произведений искусства, акцентировкой внимания на проблемах художественного творчества, пониманием художественной культуры как совокупности видов искусства в онтологической перспективе исторического развития, оценкой искусства как способа взаимодействия с миром;

- *семиотико-герменевтический подход*: ориентирован на интерпретацию всей совокупности объектов художественной культуры как системы смысловесущих текстов, особый знаково-символический код действительности;

- *психологический подход*: изучение компенсаторно-катарсической функции искусства, акцент на социальных эффектах его воздействия на внутренний мир личности, прочтение аспектов творчества в категориях художественного переживания, адекватности восприятия, мотивационно-поведенческой и эмоциональной вовлеченности индивида в контакт с искусством;

- *социологический подход*: связан с изучением социальных аспектов бытования искусства в жизни общества, рассмотрением художественной культуры как системы создания, распространения (трансляции), потребления и оценки художественных ценностей различными категориями потребителей искусства. Данный подход предполагает опору на методологию структурно-функционального подхода (Б. Малиновский, А. Радклиф-

Браун, М. Глакмен, Т. Парсонс, Р. Мертон, М. Леви) способствующую рассмотрению исследуемого объекта как системы, состоящей из структурных элементов, взаимосвязанных друг с другом и выполняющих определенные функции по отношению к обществу как единому целому.

На наш взгляд, именно **социологический** аспект изучения художественной культуры региона наделен наибольшим эвристическим потенциалом, позволяющим не только фиксировать текущее состояние, но и через исследование «обратной связи» с различными социально-демографическими группами, прогнозировать дальнейшие тенденции развития искусства. В условиях глобального кризиса, в том числе и кризиса культуры, чисто теоретические разработки должны развиваться в тесной связи с практикоориентированным знанием, базирующимся, в том числе, на понимании реальных интересов, ожиданий, мотиваций реципиентов культуры. Социологический подход в изучении аспектов воздействия художественной продукции на потребителя предстает в виде многообразия подходов к выявлению художественных интересов, типов поведения в сфере художественной культуры, уровней эстетических потребностей человека; внехудожественных (социальные, профессиональные, демографические, психологические характеристики) параметров аудитории, коррелирующих с жанровыми, видовыми, стилевыми, сюжетными предпочтениями.

Осуществим классификацию возможных ключевых направлений социологического анализа художественного пространства региона:

1. анализ мотивационной активности в формировании художественного интереса потребителя – базовый уровень изучения, связанный с пониманием того, насколько актуальны художественные потребности и интересы населения, какое место они занимают в сознании потребителя, какова степень их осознания и актуального выражения в виде художественного запроса;

2. исследование интенсивности потребления художественных образцов и ценностей – фиксация периодичности и частоты контактов населения со сферой искусства, включенность контактов с искусством в систему типичных форм проведения свободного времени потребителя, анализ присутствия художественно-эстетических занятий в жизни человека;

3. содержательная конкретизация художественных интересов и запросов личности – рейтинг художественных предпочтений аудитории, выявление содержания существующих запросов (запрос на что? на какую именно продукцию?), оценка их эстетической и художественной ценности с позиций идеального и реального аспектов функционирования искусства;

4. анализ репертуарно-содержательной политики учреждений культуры и искусства региона – оценка действующего репертуара учреждений с позиций установления баланса в дихотомических конструкциях: «классика – современность», «традиционность – авангардность», «отечественное – зарубежное», «общероссийское – региональное» искусство, а

также фиксация жанрово-видового разнообразия системы художественного предложения в регионе;

5. *тестирование степени удовлетворенности потребителей системной предложения региональных учреждений культуры и искусства* – другими словами, речь идет о соответствии индивидуальных ожиданий (субъективного интереса потребителя) и форм «художественного ответа» со стороны учреждений культуры и искусства, фиксации синхронности коммуникации в режиме художественного спроса и предложения;

6. *исследование факторов влияния на побудительную активность в потреблении художественной продукции* – изучение дополнительных условий, способствующих приобщению населения к формам художественно-эстетической деятельности, поскольку формирование художественных запросов и интересов базируется не только на индивидуально-субъективных основаниях (мотивационной стратегии потребления), но и на внешних факторах – финансовой состоятельности потребителя и финансово-экономической политики учреждения в вопросах ценообразования, внешне-имиджевой специфике работы учреждения культуры и искусства, его рекламно-информационной деятельности и т.п.;

7. *мониторинг художественно-исследовательской и информационно-медийной репрезентации достижений художественной культуры региона* – изучение поля дискуссионно-критической среды существования искусства, фиксация проекции реального бытования художественной культуры в информационно-символической среде региона;

8. *наличие и интенсивность деятельности формальных и неформальных институтов и художественно-культурных площадок в регионе* – исследование гастрольной деятельности, фестивалей и художественных акций, обеспечивающих аудитории многофункциональность посылы, ощущение событийности;

9. *изучение социальных эффектов воздействия искусства на потребителя* – один из наиболее сложных вопросов, связанный с привлечением социально-психологических методик исследования, позволяющий фиксировать феномен «продленного воздействия» художественных ценностей на личность реципиента;

10. *прогностические аспекты развития новых форм и способов функционирования художественной культуры региона* – осмысление тенденций развития локального измерения художественной культуры в условиях XXI века, поиск новых форм и способов презентации художественного продукта, усовершенствование виртуально-коммуникативного поля презентации художественной культуры, обеспечение интерактивных контактов различных субъектов художественного процесса в пространстве культуры Южного Урала.

Таким образом, актуальность вопроса о воздействии искусства на аудиторию, факторах приобщения населения к художественному наследию

и эстетическим ценностям региональной культуры не ослабевает со временем, а в условиях массовизации, глобализации, усиливающейся нестабильности социокультурных процессов современности еще в большей мере возрастает интерес к проблемам регулирования художественного пространства, осуществления грамотно спланированной и внедренной культурной политики – вопросам, как нельзя лучше, раскрываемым в ракурсе социологической проблематики.

П. Г. Исламов

Челябинская государственная академия культуры и искусств

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Необходимость повышенного внимания к проблемам расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы, прежде всего обусловлена сложной криминогенной ситуацией, которая сложилась в последние годы в исправительных учреждениях России. В настоящее время в местах лишения свободы значительное число лиц отбывает наказание за совершение тяжких либо особо тяжких преступлений.

Расследование убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы, осложняется рядом факторов: спецификой деятельности исправительных учреждений, стратификацией осужденных; противодействием преступной среды, а в некоторых случаях и противодействием со стороны работников исправительных учреждений. В связи с этим особую значимость приобретает научно-методическое обеспечение расследования указанного вида преступлений.

Криминалистическую значимость имеют следующие обобщенные сведения об убийствах рассматриваемой категории: о психолого-демографических характеристиках субъектов убийств, их месте в системе тюремной иерархии; о мотивации; о способах совершения и сокрытия; об обстановке совершения; о психолого-демографических характеристиках потерпевших и их месте в системе тюремной иерархии [6, с. 13].

Подавляющее большинство убийств (96 %) совершались мужчинами. Большинство убийств, совершенных мужчинами в местах лишения свободы (73 %) совершались в возрасте до 30 лет. Свыше 90 % осужденных, совершивших убийства в местах лишения свободы, не имели семьи, были холосты. Свыше 80 % лиц, совершивших убийство в местах лишения свободы, ранее были судимы, в основном (60 %) два и более раза. Наиболее характерные преступления, по которым были ранее судимы указанные лица - кражи, грабежи и разбои, хулиганство с квалифицирующими при-

знаками, затем следуют нанесение тяжких телесных повреждений, убийства [4, с. 58].

Примерно две трети осужденных, совершивших убийства в местах лишения свободы, отрицательно характеризовались администрацией исправительных учреждений. Больше половины (67 %) из них, имели более трех дисциплинарных взысканий, наложенных на них администрацией.

Около четверти осужденных совершили убийство в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения. Примерно такое же количество имело явно выраженные психические отклонения, прежде всего различные формы психопатии. Для совершения убийств осужденных в местах лишения свободы не характерно совершение убийств в составе группы (5 % от общего числа убийств, попавших в массив изучения) [7, с. 251].

Важную криминалистическую значимость имеет принадлежность субъекта совершения убийства и жертвы убийства к определенной иерархической группе, существующей в среде осужденных. Обоснованным представляется выделение следующих стратификационных групп осужденных:

1) осужденные, относящиеся к категории «воры в законе», «положенцы», «смотрящие» – неформальные лидеры, выполняющие в преступной среде руководящие, координаторские функции;

2) «блатные» и «пристяжь» – группа осужденных отрицательной направленности, действующих под контролем руководителей неформальных лидеров;

3) «мужики» – осужденные нейтральной направленности;

4) «актив» – группа осужденных, являющихся членами самостоятельных организаций, которые работают под контролем администрации;

4) осужденные, относящиеся к категории «объявленных» и «обиженных», т. е. отвергнутых в среде осужденных по различным основаниям [8, с. 502].

Особое место в местах лишения свободы занимают малые неформальные группы осужденных – «семьи».

Частота встречаемости совершения убийств представителями указанных групп характеризуется следующими показателями: осужденные первой группы совершили – 4 % от общего числа убийств, попавших в массив обобщения; «блатные» и «пристяжь» – 41 %; «мужики» – 37 %; «актив» – 8 %; осужденные, относящиеся к категории «объявленных» и «обиженных» – 10 % [2, с. 156].

Мотивация совершения убийства среди осужденных в местах лишения свободы крайне информативна для следствия. В структуре указанной мотивации выделяются следующие классификационные группы:

1. Мотивация, связанная с принадлежностью субъекта убийства к определенной стратификационной группе в среде осужденных. Указанный тип мотивации встречается примерно в 1/3 от общего числа рассматривае-

мых убийств. В структуре данной мотивации выделяются основные подвиды: мотивация, отражающая враждебность к иным группам осужденных либо борьбу за лидерство или завоевание авторитета в определенной группе осужденных; месть члену группы, который нарушил неформальные правила и нормы поведения в группе, приверженность к принципам деятельности определенной группы и некоторые иные подвиды мотивации.

2. Мотивация, не связанная с группой принадлежностью, носящая личностный характер. Соответственно, указанный вид мотивации встречался примерно в 2/3 от общего числа убийств рассматриваемой категории.

Анализ уголовных дел показывает, что месть на почве личных неприязненных отношений («бытовых» оскорблений и обид) является наиболее распространенным мотивом совершения убийства среди осужденных в местах лишения свободы (частота его встречаемости в структуре рассматриваемого вида мотивации приближается к 90 %). Корыстный мотив не характерен для убийств рассматриваемого вида и, как правило, связан с нежеланием возвращать «игровые долги» [5, с. 362].

Для мест лишения свободы наиболее типичными способами убийства являются убийства, совершенные с применением колюще-режущих орудий и предметов производственного назначения, либо руками и ногами. Такие убийства составляли до 90 % от общего числа совершенных убийств. Гораздо реже встречались убийства, совершенные путем удушения – 8 %. Исключительными случаями являются убийства, совершенные посредством применения технических устройств и средств производства, находящихся в производственной зоне.

Орудиями убийства, относящимися к категории колюще-режущих предметов, являлись: незаконно изготавливаемые либо приобретенные осужденными ножи, заточки, лезвия бритвы (60 %). Менее часто при совершении убийств рассматриваемой категории (около 20 %) использовались предметы производственно-технического назначения (молотки, шила, ломы-монтажки, резки по дереву, металлические пруты и трубы). При удушении использовались ремни, предметы одежды и постельные принадлежности, свернутые жгутом.

Наиболее частым способом сокрытия являлось избавление (выбрасывание) орудий убийства. Такой способ сокрытия использовался в 20 % от общего числа убийств рассматриваемой категории, попавших в массив обобщения. В большинстве случаев, орудия преступления выбрасывались в местах общественного пользования [1, с. 169].

Среди элементов криминалистической характеристики убийств рассматриваемой категории преступлений важную криминалистическую значимость имеет обстановка совершения данных преступлений. При совершении убийств среди осужденных в местах лишения свободы непосредственными местами совершения убийств в большинстве случаев (свыше 70 %) являются бытовые (в том числе санитарно-бытовые) и жилые помещения, прилегаю-

щая к ним территория. Далее следуют производственные помещения и прилегающая к ним территория (25 %). До 5 % убийств совершалась в помещениях, связанных с исполнением дисциплинарного наказания.

Отдельным элементом обстановки совершения преступления среди осужденных в местах лишения свободы является оперативная ситуация в местах лишения свободы.

Элементом криминалистической характеристики рассматриваемого вида убийств также является систематизированная информация о психолого-демографических характеристиках потерпевших и о занимаемом месте жертвы убийства в системе тюремной иерархии. Возраст большинства потерпевших (около 65 %) примерно совпадал с возрастом субъектов убийства, т.е. находился в границах возрасте до 30 лет.

В отличие от субъектов убийств, среди потерпевших более высока доля осужденных, относящихся к группе «обиженных» и «активистов». Поведение значительного числа потерпевших носило виктимный характер. Около 40 % потерпевших, относящихся к категории «отверженных», «опущенных» обладали признаками виктимности.

Между положением жертвы и субъекта преступления в структуре тюремной иерархии, а также мотивами совершения убийства имеются устойчивые взаимосвязи.

Если жертвой является осужденный, принадлежащий к категории «блатных», то наиболее вероятно (78 %), что преступление совершено субъектом, который также принадлежит к группе осужденных отрицательной направленности. Доминируют, хотя и незначительно, мотивы мести на почве личных неприязненных отношений, сложившихся в быту между субъектом убийства и потерпевшим, принадлежащими к группе осужденных отрицательной направленности (46 %). Менее вероятно в такой ситуации совершение убийства по мотивам мести за подрыв авторитета субъекта убийства в тюремной иерархии и «криминальном мире» в целом; стремление субъекта убийства завоевать авторитет в структуре тюремной иерархии, в том числе устранить конкурентов, претендующих на лидерство в группе осужденных отрицательной направленности; месть члену группы, который нарушил неформальные правила и нормы поведения в группе осужденных отрицательной направленности (35 %) [7, с. 262].

При расследовании убийств рассматриваемой категории существенный объем доказательственной информации добывается в результате проведения таких следственных действий как: обыск, производство судебных экспертиз, проверка показаний на месте.

Наиболее распространенными объектами поиска при обыске в ходе расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы, являются: 1) орудия убийства; 2) предметы, которые сохранили на себе следы преступления; 3) предметы, свидетельствующие о пребыва-

нии субъекта преступления на месте происшествия непосредственно до и после совершения убийства.

Типичными недостатками производства обыска при расследовании убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы, являются:

– Несвоевременное (запоздалое) проведение обыска осужденных либо помещений, которые они занимают, в целях обнаружения доказательственной информации.

– Подмена обыска как следственного действия, предусмотренного УПК РФ, обыском или досмотром, являющихся режимными мероприятиями. В случаях, когда проведение указанных режимных мероприятий не было обусловлено необходимостью немедленного обнаружения и фиксации следовой информации, и имелась реальная возможность проведения обыска в порядке, предусмотренном УПК РФ, их доказательственная сила вызывает сомнения у судей.

– Недостаточная ориентированность следователей по месту проведения обыска, отсутствие знаний мест сокрытия искомых объектов в условиях исправительных учреждений.

– Недостаточное внимание к вопросам обеспечения личной безопасности следователей и иных участников рассматриваемого следственного действия.

– Неприменение технических средств фиксации хода и результатов обыска, прежде всего видеосъемки [3, с. 207].

-
1. Антонян, Ю. М. Насилие. Человек. Общество / Ю. М. Антонян. – М.: ВНИИ МВД России, 2001. – 282 с.
 2. Добренков В. И. Коррупция: современные подходы к исследованию / В. И. Добренков, Н. Р. Исправников. – М., 2009. – 195 с.
 3. Баранов, Ю. В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю. В. Баранов. – СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2006. – 275 с.
 4. Качнова, Н. А. Клинико-психопатологические аспекты аутоагрессивного поведения жертв сексуального насилия в местах лишения свободы / Н. А. Качнова, А. В. Зосименко // Психическое здоровье и безопасность в обществе: науч. материалы первого нац. конгресса по социальной психиатрии. – М., 2004. – С. 62.
 5. Лоренц, К. Агрессия / К. Лоренц. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 485 с.
 6. Нургалиев, Р. Открытая милиция. МВД активно поддерживает все формы гражданского контроля за деятельностью своих сотрудников / Р. Нургалиев // Российская газета. – 2009. – 6 окт.
 7. Прокопенко, Б. Л. Структура и элементы криминалистического анализа убийств среди осужденных в местах лишения свободы / Б. Л. Прокопенко // Трибуна молодых ученых: сб. науч. трудов. – Воронеж, 2009. – С. 286–296.
 8. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 551 с.

В. М. Калинина

Екатеринбургский музей изобразительных искусств,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург), Институт гуманитарных наук и искусств

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ФАРФОРОВОЙ СКУЛЬПТУРЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Направление развития русского фарфора в течение всего XIX и в начале XX столетия во многом определялось национальной традицией, во многом находилось под влиянием европейских образцов. Само по себе смежное положение фарфора по отношению к основным видам изобразительного искусства – пластике и живописи, а также сочетание в нём творческого начала и производственной деятельности объясняют, почему фарфор – это всегда еще одна грань, иллюстрация более общих процессов, которые происходят в художественно значимых направлениях искусства. В искусствоведении проблему изучения обстоятельств и условий поиска художниками новых образов и форм в области декоративно-прикладного искусства в течение всего XIX и в начале XX столетия можно рассмотреть в общекультурном контексте.

Вместе с тем именно это смежное положение фарфора среди других видов искусств придает особую направленность исследованию этого феномена в историко-культурном аспекте. В самом деле, если в фарфоре, достаточно специфической и вместе с тем традиционной сфере художественного творчества, прослеживаются тенденции, которые обнаруживают себя в живописи, графике, скульптуре в одни и те же временные рамки, значит, они действительно показательны для эпохи. Значит, действительно с этими тенденциями связаны стилевые изменения, общие для культуры рассматриваемого периода. Поэтому цель данной работы проследить историю обращения мастеров-фарфористов к теме народной жизни, к русским национальным образам с теми стилевыми особенностями, которые были присущи определенному времени; проследить историю развития форм фарфоровой пластики на протяжении всего XIX – в начале XX в. с точки зрения осмысления народных мотивов и придания им живой, обновленной силы.

Во второй половине XVIII в. искусство в России развивалось под влиянием западноевропейского, особенно это отразилось в фарфоровой пластике, в копировании образцов более известных немецких, французских и австрийских фарфоровых фабрик, на которых производство фарфора началось раньше. Несмотря на то, что в 1744 г. начала работу первая русская фарфоровая мануфактура, или как ее тогда называли «порцелиновая мануфактура», европейский фарфор в стиле рококо был определяющим в России. По некоторым данным, в 1770 г. в Россию было ввезено

40% всего экспорта фарфора Meissen. Во многих российских городах, таких, как Петербург, Москва, Киев, Ревель, Полтава, в конце XVIII столетия были созданы постоянные склады этого фарфора из-за необычайно высокого спроса на него.

Однако дальнейшая история развития русского фарфора открывает его самобытность и большое разнообразие отличительных черт, лучшее проявление которых может соперничать с продукцией западноевропейских фарфоровых фабрик. Императрица Елизавета Петровна, желая видеть Россию великой во всём, доверила письменным контрактом странствующему немцу И. К. Хунгеру, который до этого работал в Стокгольме, «основать в Санкт-Петербурге завод для изготовления датских тарелок и чистого фарфора, такого какой делают в Саксонии». Хунгер начинал как подмастерье ювелира, позже его заметил Бёттгер, знаменитый алхимик, первый в Европе открывший формулу твёрдого фарфора, и на заводе в Мейсене Хунгер работал в качестве золотника. Но по-настоящему Императорский фарфоровый завод начинает развиваться во время правления Екатерины Великой. Императрица лично провела досмотр завода в 1763 году и приказала выписать, невзирая на расходы, лучших, самых квалифицированных художников, формовщиков и мастеров из Германии, Австрии и Франции. Екатерина была страстно увлечена строительством новых дворцов, и всё, что она строила, было сделано с чувством красоты и великолепия. Для нового Императорского Эрмитажа и Царского Села она собирала коллекции картин, скульптур и фарфора со всей Европы.

В 1776 г. немецкий путешественник И.-Г. Георги выпустил книгу, которая была переведена на русский язык под названием «Описание обитающих в Российском государстве народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей». Это издание привлекло внимание прежде всего своими живописными иллюстрациями. Они послужили отправной точкой для создания целой серии фарфоровых фигурок, которые демонстрировали характерные черты национальных и региональных костюмов разных народов России. Возможно, они частично копировали стиль мейсенского художника Кендлера, но главным в этих скульптурах было использование оригинального местного сырья. Их поразительный успех привёл к созданию ещё одной серии, которая иллюстрировала типы русского крестьянства, торговцев, ремесленников и прочий люд в их профессиональном одеянии и с атрибутами их вида деятельности. Всё это позволило развиваться восхитительному жанру идеализации, который помог исследованию русской жизни в конце XVIII – начале XIX в.

Вскоре после выхода в свет книги И.-Г. Георги на Императорской фарфоровой фабрике начинает работать сын французского скульптора Жан Рашет, приехавший из Копенгагена. Он берется за выпуск этих двух серий фарфоровых фигурок. Его моделировка отличалась сбалансированностью

ритмических композиций, чистотой исполнения и чувствительностью передачи момента, красочным блеском глазури. Талантливая интерпретация этого иностранца русской темы начала новую традицию, которая была продолжена и расширена на других русских фарфоровых заводах в более позднее время на протяжении всего XIX столетия. Рашет оставался на Императорской фабрике до 1804 г., когда ему было присвоено звание государственного советника в знак признания его заслуг в русском искусстве.

Парадоксально, но иностранные художники, которые работали в России, часто были более вдохновлены оригинальностью русских традиций и русской природы, чем отечественные художники, которые зачастую просто копировали новейшие западные тенденции в искусстве, несмотря на то, плохи они или хороши. Знаменитая этнографическая серия «Народы России» способствовала прославлению Российской империи и позволяла более детально знакомиться с народами, населяющими её [1]. Позже, в 1900-е гг. эта серия нашла своё продолжение в продукции Императорского фарфорового завода, когда по моделям скульптора П. П. Каменского была создана одноименная серия фарфоровых фигурок [2].

Освоение техники изготовления и моделирования керамических форм, а также полученные навыки декорирования и нанесения позолоты российскими фарфористами еще в XVIII в. позволило искусству фарфора достичь своего апогея в передаче национального своеобразия в первой половине XIX века при царствовании Александра I и Николая I. В то же время увлечение новыми экспериментами в области цветовых контрастов отодвигает на второй план интерес к чистоте формы. Это привело к более свободному варьированию скульптурного дизайна и росписей. Последние, как правило, преобладали. Интенсивная зелень малахита и изумруда, богатый синий оттенок лазури, нежные розовато-лиловые, ярко-жёлтые и глубокие бордовые цвета занимают всё большее место на чистом, ослепительно белом фоне. Изысканную фарфоровую пластику было принято смешивать с этими цветовыми основаниями.

Именно 1812 г. открыл величие русского народа. В литературе, музыке, живописи прослеживается активное обращение к образам крестьян, к народной теме. Героизм и отвага простого народа в войне против наполеоновской армии поразили многих. Художники-фарфористы создают новые формы, новые модели одухотворенного образа русского крестьянина, в чем-то идеализированный, но выражающий достоинство и силу духа труженика и пахаря, который живет в гармонии с природой и с собой. С особым вниманием и теплотой вырисован народный костюм, в деталях проработаны все элементы русского убранства. В 1809–1830 гг. на Императорском фарфоровом заводе талантливый скульптор, профессор Академии художеств Степан Пименов создал в фарфоре женские образы, по лиричности исполнения созвучные образам крестьянок с полотен Венецианова. Выполненная в академической манере «Водоноска» Пименова характери-

зует фарфор Александровской поры [3]. Эту модель копировали как русские частные заводы (завод Гарднера, завод Попова, завод братьев Корниловых), так и западноевропейские.

Стремление выработать собственный художественный язык в пластике, тенденция реалистичного изображения жизненных ситуаций особенно ярко проявились в фарфоровых скульптурах завода Гарднера в первой четверти XIX столетия. Их отличают тонкий вкус в декоративном оформлении и качество фарфора. Фарфоровая пластика брала свои сюжеты из народной жизни. Первая серия, изображавшая разносчиков и ремесленников, была выпущена в 1810-е – 1820-е гг. по мотивам гравюр из книги «Волшебный фонарь, или Зрелище расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию», изданной в Петербурге в 1817 г. по рисункам художника К. А. Зеленцова. Следующая серия была выпущена в 1830 г. В дальнейшем выпускались скульптуры, которые с высокой точностью передавали крестьянский быт [4]. Сценки полны динамизма и поражают реалистичностью и наивностью при передаче обыденности народной жизни. Эта пластика имела огромный успех и выпускалась впоследствии почти всеми русскими частными заводами. В настоящее время статуэтки «Старого Гарднера», выполненные до середины XIX в., встречаются крайне редко и ценятся коллекционерами выше мейсенского фарфора этого же периода.

Лучшими по качеству считались фарфоровые миниатюры завода Попова, который был главным конкурентом Гарднеров. Мастера поповского завода были в значительной степени бывшими иконописцами и игрушечниками из Сергиево-Посадских слобод. Статуэтки завода Попова непревзойденные по реалистичности исполнения. Среди наиболее известной и до сих пор пользующейся особым спросом скульптуры этого завода – серия обывателей, которую завод начал производить в 1830-е гг. Скульптурные группы «Старуха и девочка с грибами», «Пляшущие крестьяне» отражают русские национальные черты в орнаменте, в одеждах, в фигурах [5]. Русский быт того времени проходит в статуэтках А. Попова в ярких, запоминающихся типах, созданных замечательными ваятелями завода.

В 1860-е – 1870-е гг. на фарфоровом заводе Гарднера создается серия художественных бытовых статуэток, посвященных тяжелой и беспросветной жизни крестьян и городских низов. В фарфоровой пластике нашли отражение и литературные образы. Это серия скульптур «Мертвые души», шаржи-портреты артистов Каратыгиных, писателей Булгарина и Греча. Серия статуэток из бисквита по своим художественным принципам перекликалась с народной тематикой картин художников-передвижников. Многие модели выполнялись по иллюстрациям М. Пикколо и книге А. П. Голицинского «Уличные типы».

В 1900-е – 1910-е в русском искусстве сложится новый художественный язык, новое миропонимание, новый взгляд на эстетику формы. На рубеже веков одновременно с модерном в фарфоре утверждается новое направление, которое заключается в желании оживить исконные формы искусства, чтобы через возвращение к истокам понять суть происходящих в начале XX столетия явлений. В этот период в работе Императорского фарфорового завода активное участие принимали мастера «Мира искусства» и близкие им по эстетическому мировосприятию художники: Л. С. Бакст, В. А. Серов, С. В. Чехонин, А. Я. Головин, К. А. Сомов, С. Ю. Судейкин и др.

Личность художника рубежа веков – всегда многогранная, неоднозначная, до сих пор до конца нераскрытая и непонятая; формирование его мировоззрения, лиричность и музыкальность его художественного самовыражения соответствуют основным тенденциям эстетики начала века, которые помогают раскрыться его лучшим качествам и проявить собственную индивидуальность. Исходя из своих мировоззренческих основ, своих ощущений, переживаний, постижений мира, художник рубежа веков откликается на события и размышляет о вопросах актуальных на данный момент для него самого, для его творчества, для окружающей его художественной и социальной среды. Его взгляды выражают философствование художника как стремление познать мир, передать современное понимание красоты, прояснить свое бытие на уровне метафизического восприятия, на грани чувствования, переживания, индивидуального поэтического видения мира.

Скульптурные группы и композиции К. А. Сомова имели большой успех и сразу же становились редкостью, хотя в небольшом количестве повторялись позже. Интерес Сомова к фарфору был вполне закономерным и с точки зрения эстетической концепции «Мира искусства», и с точки зрения собственных интересов. Фарфор оказался следующей после книжной графики и сценического искусства областью прикладной деятельности. Сомов, оказавшийся наиболее чутким к сакральному миру человека, был наиболее склонен к камерным формам. Камерность фарфора, особая условность преломления в нём крайней чувственности были ему чрезвычайно близки. Сомов лепит своих «Влюбленных» на крохотном островке. Они едва на нём расположились. Сцена, традиционная для фарфора XVIII столетия, во многом отличается в данном случае: художник безжалостно выставляет на показ жеманность, фальшь отношений, их мимолетность. Яркие цвета напоминают о маскараде [6].

В пластике Сомова нет уверенной бодрости и веселой непринужденности, как в скульптурах галантного века. Порывистость формы таит беспокойство, в острых гранях видится колкость. Новый материал позволяет художнику выразить главную идею. Работы Сомова в фарфоре были близки тому общему романтическому стремлению мирискусников к художест-

венному вторжению в жизнь, и одновременно к украшению её. «Чтобы красота в искусстве слилась с жизнью». Этот призыв художников «Мира искусства» к поискам новых путей сближения с жизнью, призыв уничтожить грань между искусством малым и большим, призыв вверить художникам не только искусство, но и производство нашло свое продолжение в последующих работах скульпторов, художников, в частности, в разработках новых, иных, а главное разнообразных форм художественного выражения в фарфоре. Всё искусство 1900-х – 1910-х гг. построено на нюансах и интонациях, что всегда было характерно для фарфора.

Всякий творческий акт можно истолковать как фрактальный по своему характеру, как несущий в себе природу всей культуры в её истории. Художник одинок, и путь его неповторим и своеобразен, и в то же время он опирается на давние традиции, переделывает и переосмысляет всё заново. Прежняя форма не приемлет новые средства, необходимо переосмысление, иное видение модели мира. Фарфор в этом смысле уникальный материал. Возможности фарфора безграничны. Весь XIX век был обращен к мотивам народной жизни с её каждодневными заботами и тревогами. Этой проблематике посвящались грандиозные полотна и литературные произведения. Художники и поэты вдохновлялись национальной идеей, идеей народности. Изысканный и аристократичный фарфор тоже оказался подходящим для создания образов простых крестьян и крестьянок в их обычной повседневной одежде и за их привычными делами. Искусство наделяет привычные вещи скрытым смыслом, некой тайной, одновременно предлагая разгадку через игру символов, череду знаков. Фарфор как неотъемлемая часть искусства ходом своего развития демонстрирует, что поиски нового художественного языка, которые происходили в музыке, живописи, скульптуре, архитектуре в течение всего XIX и в начале XX в., были близки и художникам-фарфористам в их стремлении обновления и совершенствования пластической формы. Нежный отзывчивый фарфор в руках мастера был способен передать всю сокровенную любовь к родной истории.

1. Вербилки. История фарфорового завода Ф. Я. Гарднера. – М., 2005.
2. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904. – СПб., 2004.
3. Марки русского фарфора. 1744–1917 / сост. Р. Р. Мусина. – М., 1999.
4. Попов, В. А. Русский фарфор. Частные заводы / В. А. Попов. – Л., 1980.
5. Соснина, О. А. Русская фарфоровая пластика и художественная культура второй половины XVIII века / О. А. Соснина // Русский классицизм второй половины XVIII – начала XIX века. – М., 1994.

Н. А. Канитова

МБУ «Информационно-аналитический центр»

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ АФИШИ КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ

В истории развития общества и культуры встречалось немало культурных явлений, которые приходили на время либо становились неотъемлемой частью жизни социума. Так одним из уникальных феноменов культуры явилась афиша. Афиша как культурное явление уникальна своей многогранностью. В первую очередь афиша, являясь завершенным самостоятельным произведением искусства, самоценна. Но в то же время афиша отражает ценности современного ей общества, являясь его своеобразным историческим документом, «временным текстом».

Афиша, по мнению специалистов, это – одностороннее листовое издание рекламного содержания, обычно крупноформатное, оповещающее о публичном мероприятии и предназначенное для расклейки [3]. Этот вид графического искусства известен человечеству с давних времен. Еще в Древнем Египте, Греции и Риме его широко использовали для сообщений о спектаклях и коммерческих сделках. Они представляли собой надписи, выведенные красной краской в таких местах, где собиралось и проходило много народа: во дворике бань, у форума, на стенах театра, базилики, у городских ворот и даже на могильных памятниках, расположенных по сторонам оживленной дороги, ведущей в город. Однако, известны и варианты афиш, исполненные на папирусе, каменной, медной и деревянной поверхностях.

Новая жизнь плаката началась в XIX веке. Свою новую историю, а так же толчок в дальнейшем продолжении и развитии афиша получила в 1796 году, когда немцем Алоизом Зенефельдером был изобретен новый способ печати изображений. Благодаря литографии появилась возможность удешевить изготовление плакатов, что превратило афишу в феномен массовой культуры.

Первооткрывателями, родоначальниками плакатного искусства в современном его понимании можно назвать Жюль Шере, Анри де Тулуз-Лотрека, Альфонса Муху. Именно эти художники соединили искусство и технический прогресс. Новшеством афиш, и плакатного искусства в целом, этих знаменитых авторов было то, что смысловая нагрузка с текста была перенесена на визуально-графическую составляющую. Плакаты стали содержать в себе яркую броскую иллюстрацию и лишь немного текста. Жители Парижа – города, в котором афиша стала особенно популярна – восторгались произведениями именитых авторов, часто срывали афиши для своих коллекций, что заставляло охранять тумбы. Со временем пестрые объявления стали привычными взгляду, уже не вызывая бурного обсужде-

ния, по городским улицам их становилось все больше, что неизбежно повлияло на качество их исполнения [2].

К началу XX века когда в Европе интерес к афишам стал угасать, в России афиша только начинает свой путь развития. Толчком в развитии российской афиши послужила Международная выставка художественных афиш 1897 года, которая была организована под покровительством Общества поощрения художников в Петербурге. В истории русского плаката это было событие огромной важности, точка отсчета, первое публично выступление мастеров нового жанра графики, первый общественный смотр его достижений. Выставка собрала более семисот произведений художников тринадцати стран. Наибольшим количеством, более двухсот работ представлена Франция; около ста листов прислали мастера Германии и Америки, чуть меньше – Великобритании. Русский раздел включал всего двадцать восемь афиш. Даже количественное соотношение свидетельствовало о скромном месте, которое принадлежало России на международном форуме плакатного искусства. Одним из объяснений этого факта может быть то, что в России афиша являлась не самостоятельным носителем, а разновидностью печатной рекламы, часто увеличенной репродукцией лубка, книжной обложки, иллюстрации [2, с. 11–15].

Выставка художественных афиш вызвала огромный интерес в первую очередь у профессиональных деятелей искусства. Созданием афиш заинтересовались такие именитые художники, как Валентин Серов, Михаил Врубель. Несмотря на то, что это были единичные произведения, они разительно меняли представления общества об афише. Эти авторы внесли значимый вклад в создание художественной и эстетической ценности афиши.

В 20-е годы искусство создания афиши трансформировалось в плакатное искусство. В этот период над плакатами трудятся такие советские деятели искусства как Владимир Маяковский, Александр Родченко. Особенность плакатов этого творческого союза была не только в уникальной графике и особой стилистике, но и в лаконичных, легко запоминающихся фразах в стихотворной форме: «Трудящиеся! Не страшны дороговизна и НЭП – покупайте дешевый хлеб!».

Далее в ходе истории советского плаката следовала мощная серия агитационных плакатов военной тематики. Реалистичные изображения, лаконичность цвета в сочетании с призывами не могли оставить никого равнодушным. В целом в советское время плакат был распространенным и популярным явлением. Плакаты были различной тематики, направленные на различные социальные группы, что всесторонне формировало идеологию общества.

Вторая половина XX века истории культуры во всем мире связана с развитием кинематографии. Большая часть афиш этого периода создается именно для этой индустрии. Бесспорными лидерами этого жанра были Соединенные Штаты Америки, но стоит отметить, что российское плакатное искусство к этому периоду уже было достаточно сформированным и само-

бытным. Особенно можно выделить киноафиши в стиле «русского авангарда», они отличались особой проработкой сюжета, что выражалось в определенных композиционно-графических решениях [1].

Массовое производство, рыночные отношения, изменения условий создания художественных произведений конца XX начала XXI века повлекли за собой снижение эстетической значимости афиш в пользу коммерческой выгоды.

Не смотря на то, что афиша и плакатное искусство в целом со временем не вызывал восторгов как вид искусства, он всегда оставался наиболее эффективным инструментом воздействия на массовую аудиторию.

-
1. Бабурина, Н. И. Плакат немого кино / Н. И. Бабурина. – М.: Арт-Родник, 2001. – 182 с.
 2. Бабурина, Н. И. Русский плакат. Вторая половина XIX – XX века / Н. И. Бабурина. – Л.: Художник РСФСР, 1988. – 192 с.
 3. Краткий толковый словарь по полиграфии [электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.polygraphy.academic.ru>

С. В. Кокорина

Челябинская государственная академия культуры и искусств,
Свердловская областная специальная библиотека для слепых

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Необходимость осмысления новой роли книги в социально-экономических процессах сегодняшнего дня заставляют обратиться к истокам возникновения национальной книги народов, проживающих на территории современной России. Известно, что возникновение и становление книжной культуры прочно связаны с развитием общества и происходило в конкретно-исторических условиях России. Поэтому исторические закономерности развития национальной книги с точки зрения ее производства, обращения и бытования можно проследить на примере общественной эволюции, что собственно и определило особенности ее формирования, поскольку в разные исторические времена книге приходилось решать конкретные задачи, возлагаемые на нее определенным сообществом.

Конец XVII – начало XVIII столетий знаменательно освоением Азиатской части России, исторически к которой относились все земли, находившиеся за пределами некогда традиционного восточнославянского ареала расселения, обретённые с середины XVI века. Территориально-политическая экспансия России привела к включению в её состав новых обширных земель, что, несомненно, способствовало более интенсивному вовлечению регионов в сферу политической, экономической и культурной жизни российского государства.

Процесс освоения Сибири, Дальнего Востока и других территорий историк Л. М. Дамешек охарактеризовал как процесс «оцентрирования границ», который завершился лишь во второй половине XIX века в период окончательного установления границы Российской империи. Итогом освоения обширных территорий стало превращение России в одно из крупнейших государств мира [5, с. 35–40].

Социокультурное взаимодействие русского «центра» с инородческими регионами Российской Империи происходило в процессе русификации, которая, по мнению историка В. В. Трепавлова, «отнюдь не должна трактоваться, как проявление зловещего умысла удушить этническую самобытность народов. Этот процесс вызывался, прежде всего, объективным обстоятельством – численным и культурным (господствующая религия, язык общения) доминированием русских в России» [12].

Известно, что присоединенные территории исповедовали ислам, буддизм в форме ламаизма, а также свои родовые культы, поэтому одним из важных инструментов русификации всегда была Православная Церковь. Перед русским православием стояла трудная задача – способствовать административной организации края и содействовать распространению христианства среди инородцев. В деле укрепления влияния Российской Империи в присоединенных регионах и приобщения туземного населения к русской культуре важную роль играли православные миссионеры. Деятельность миссионерских обществ по христианизации и просвещения инородцев происходила главным образом при монастырях и церквях, в которых открывались духовные (церковно-приходские) школы. В районах Крайнего Севера данный процесс протекал в местах проведения ярмарок или «торговых съездов», куда съезжались чукчи, юкагиры, эвенки, эвены, коряки и другие северные народы для приобретения русских товаров. Для встречи с ними приезжали купцы в сопровождении казачьих команд и православных миссионеров [11, с. 81–90].

Следует отметить, что появление печатной продукции на национальных языках связано с историей организации различных православных приходов, где с течением времени сосредотачивалась издательская деятельность миссионеров. Перевод священных, богослужебных и поучительных книг на языки местного населения способствовал лучшему осмыслению и пониманию основ христианской религии, поэтому книги не только создавались печатным способом, но и переписывались от руки.

Печатание книг на языках инородцев происходило не только на местах церковно-приходских школ отдаленных территорий Российской Империи, но и в Московской Синодальной типографии. Например, исследователь якутской книги Е. П. Гуляева отмечает, что печатание книг в Синодальной типографии в Москве на якутском, тунгусском языках не имели аналогов не только в Сибири, но и в России вообще [4, с. 58].

Начало XVIII века ознаменовалось многочисленными переменами во всех сферах жизнедеятельности, среди которых следует отметить реформы

Петра I в области образования и книжного дела. Взамен устаревшего церковнославянского шрифта вводится более совершенный и доступный для изучения гражданский шрифт, благодаря чему образование и соответственно книжная продукция стала носить более светский характер [1, с. 178–182].

На пороге нового времени книжный репертуар отражает характерные изменения, происходящие в России или, по образному выражению Ю. М. Лотмана, процесс формирования «культурного многоязычия» [9, с. 154–155]. Поэтому списки произведений литературы довольно разнообразны и обширны. Наиболее показательны в этом плане научные издания, посвященные отечественной и мировой истории, например: «Сборник исторический», в состав которого входит «История о словенском народе и о зачале великаго Нова града ...», «Сборник исторический», содержащий текст знаменитой «Книги записной», первое этнографического сочинения о Сибири «Краткое описание о народе остячком», составленного Г. И. Новицким в Тобольске (1715) [6, с. 13–16].

Продолжая разговор о национальной книге и национальном книгоиздании необходимо отметить научно-исследовательскую деятельность Академии наук и ее типографии, созданной в 1725 году по проекту Петра I [2].

Деятельность типографии Академии наук всегда определялась необходимостью служения развитию науки, культуры и образования. Научные знания по изучению нерусских народов, полученные участниками многочисленных экспедиций, способствовали не только более эффективному хозяйственному освоению, но и социокультурному взаимодействию между народами, что, в конечном итоге, должно было привести к упрочению позиций Российской Империи.

Главным желанием всех тогдашних исследователей, утверждает Е. Вишленкова, было «обнаружить универсум во множественности» [3, с. 34]. Исследователи, фиксируя человеческое разнообразие, стремились найти «природную» общность людского рода. Так как «возврат к «исходной естественности» мог стать основой имперского единства» [3, с. 34].

Подобные исследования получали неплохое финансирование от верховной власти, поскольку экспедиционные карты и зарисовки служили легитимным документом, подтверждающим права российского престола на «новые» земли. Издавая их в виде гравюр, имперское правительство представляло подобным образом свои территориальные и, безусловно, людские приобретения. Ввиду этого, «тщательно фиксировать странности увиденных людей, составлять словари их говоров, зарисовывать тела и одежду (рисовать «костюмы»), делать планы и снимать панорамы» [3, с. 35] стало обязательным атрибутом всех путешественников. Благодаря чему, издательская продукция Академии наук по изучению народов России была визуальна и, как правило, достаточно на высоком уровне.

Реформы Петра I и последующая книгоиздательская деятельность Академии наук способствовали общественному просвещению России, по-

сколько книжная продукция с начала 30-х годов XVIII века активно участвует в ежегодных ярмарках, проводимых в крупных торговых городах России (Нижний Новгород, Ирбит, Нежинск и др.) [10]. Подобная политика содействует распространению книг, увеличивая круг потребителей, что, несомненно, не могло не отразиться на деле общенародного просвещения. Об этом в своих трудах рассуждал известный русский ученый-просветитель М. В. Ломоносов, говоря, что «не токмо по губерниям, но и по провинциальным и по уездным городам разойдутся и распространяться книги, а с ними и учение, и общественное просвещение» [8, с. 356].

Говоря о типографиях XVIII века, нельзя не затронуть деятельность Гражданской типографии в Москве, где будет создан впервые в России арабский шрифт. На основе выделенных материалов и оборудования в последствии будет сформирована походная «турецкая» типография Петра I, которая, по утверждению А. Г. Каримуллина, издаст первое наборное татарское печатное издание – «Манифест» по случаю персидского похода императора. Однако, появление в первой четверти XVIII века книгопечатания в России на арабском шрифте будет носить случайный характер и в том же 1722 году прекратится [7, с. 65–75].

Таким образом, становление и развитие национальной книги, национального книгоиздания в Российской Империи начала XVIII века происходило под воздействием различных сил, и была поставлена в зависимость от политических воззрений царского правительства России.

1. Быкова, Т. А. Из истории русского книгопечатания начала XVIII века / Т. А. Быкова // Книга : исслед. и материалы. – М., 1964. – Сб. 9. – С. 178–182.
2. Васильев, В. И. От «типографического» искусства к книжной культуре (к 280-летию Академической типографии) / В. И. Васильев // Книга : исслед. и материалы. – М., 2002. – Сб. 87: в 2 ч. Ч. 2. – С. 120–124.
3. Вишленкова, Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» / Е. Вишленкова. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. – 384 с.: ил. – (Historica rossica).
4. Гуляева, Е. П. История книги в Якутии. 1812–1917 : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. П. Гуляева. – Якутск, 2004. – 237 с. – Библиогр.: с. 194–208.
5. Дамешек, Л. М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX века) / Л. М. Дамешек // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века : сб. материалов рег. науч. конф. – Новосибирск, 2007. – С. 35–40.
6. Есипова В. А. К вопросу о репертуаре русской рукописной книги XVIII в.: (обзор рукописей XVIII в. из собрания ОРП НБ ТГУ) // Книга и мировая цивилизация: материалы XI Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва, 20–21 апр. 2004 г.): в 4 т. – М., 2004. – Т. 2. – С. 13–16.
7. Каримуллин, А. Г. У истоков татарской книги : от начала возникновения до 60-х годов XIX века / А. Г. Каримуллин. – Изд. 2-е, испр. и перераб. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. – 208 с.: ил.
8. Ломоносов: сб. ст. и материалов / АН СССР; отв. ред. С. И. Вавилов. – М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.– [Сб.] 3. – 632 с.: 8 л. ил. – (Труды комиссии по истории Академии наук СССР).
9. Лотман, Ю. М. О русской литературе: статьи и исследования, история русской прозы, теория литературы / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1997. – 848 с.

10. Овсянников, Н. Ф. Развитие книгоиздания в контексте ярмарочной деятельности: к 30-летию Моск. междунар. кн. выст.-ярмарки / Н. Ф. Овсянников, В. К. Солоненко. – М.: Наука, 2008. – 271 с.
11. Попов, Р. И. «Чукотский вопрос» в экономической политике Российского государства в конце XVIII – первой половине XIX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII - начала XX в. : сб. материалов рег. науч. конф. – Новосибирск, 2007. – С. 81–90.
12. Трепавлов, В. В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI – XIX веков [Электронный ресурс] / В. В. Трепавлов // Историческая психология и социология истории. – 2009. – Т. 2, № 1. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129798/>.

Е. Н. Кокшаров

Челябинская государственная академия культуры и искусств

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ КУЛЬТУРОФОРМИРУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЯН

Менталитет

В этой статье мы рассматриваем факторы, определившие в историческом процессе формирование специфических черт русской трудовой культуры.

Ментальность можно определить как сформированную под влиянием географических и социокультурных факторов систему стереотипов поведения личности, ее чувственно-эмоциональных реакций и мышления, являющуюся выражением иерархически соподчиненных приоритетов и культурных ценностей. Понятие ментальности, как и всякое научное понятие, есть результат определенной абстракции, и его нельзя полностью отождествлять с поведением и мышлением каждого отдельного индивида.

Как правило, особенности представляющие ментальные характеристики той или иной культуры, в отличие от идеологических, социально-политических, религиозно-конфессиональных и иных факторов, отличаются большой стабильностью и не изменяются столетиями.

Среди основных ментальных характеристик культуры выделяются духовные ценности как главный элемент культуры, а опыт жизнедеятельности людей напрямую влияет на них.

Определенную роль в формировании ментальных характеристик культуры играют природные (ландшафтные, климатические, биосферные) факторы.

Ментальные характеристики русской культуры характеризуются целым рядом специфических особенностей, которые обусловлены тем, что любая попытка представить русскую культуру в виде целостного, исторически непрерывно развивающегося явления, обладающего своей логикой и

выраженным национальным своеобразием, наталкивается на большие внутренние сложности и противоречия.

По своему содержанию ментальность представляет собой совокупность устойчивых характеристик, установок и связанных с ними моделей трудового поведения. Говоря о ментальности, мы прежде всего, имеем ввиду осознанные, отражающие оттенки общественного мышления: религиозные, национальные, бытовые и прочие компоненты. В своем исследовании мы выделяем два исторически сложившихся на территории России типа ментальности.

Православный

Одной из главных характеристик русской культуры, оказавшей значительное влияние на отношение к частной собственности и богатству в российском обществе, является православная вера. В сложившемся историческом опыте россиян экономическая сторона вопроса не выделялась как значимая. На Руси имела место моральная экономика, главной целью которой являлось выживание в непростых природных и геополитических условиях. Отсутствие традиций частной собственности в России есть православный взгляд на богатство, которое не есть результат труда, оно посылается Богом и дается не для скопления и хранения, но для благоугодного к ближним полезного употребления. Внимание сосредоточено на праведном употреблении имущества, а не стяжании его. Богатство должно служить человеку, а не наоборот. Доход не был самоцелью.

В тоже время, в странах Запада можно наблюдать прямо противоположную ситуацию. Центральным понятием для протестантского мировоззрения являлось «призвание» человека к труду, как богоугодному делу.

Идеалом протестантизма являлся «кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как выгодное богоугодное мероприятие». Восприятие работниками труда как «своего заработка с трезвым самообладанием и умеренностью» в надежде на загробное воздаяние.

Как у работодателей, так и у работников ценности протестантской этики формируют мотивы достижения (добиться наивысших результатов в своей деятельности), воспитывая в себе чувство самостоятельности и личной ответственности.

Таким образом, можно сделать вывод, православие явилось одним из факторов, приведших к нежизнеспособности российского предпринимательства в дореволюционный период, несмотря на отдельные примеры известных купцов, заводчиков.

Основные черты православного менталитета:

- Поиски справедливости.
- Канонический герой в виде нищего, «юродивого», что позднее нашло отражение в сказочных персонажах – основным героем которых являлся Иван-дурак. Герой в православном миропонимании удалялся от ми-

ра, в леса (Житие Сергия Радонежского). Самобичевание. Отказ от богатств и удовольствия. В отличие от героя на Западе, где человек наживал имущество, получал прибыль от результатов своего труда.

– Жертвенность. В жертву приносят все, начиная с себя, собственных жизней, заканчивая жизнью целых поколений, отдельных социальных групп и даже целым народом. Жертвуют перекрестясь и затем в бой... Примеры: отказ от материальных благ целым народом в помощь чему-либо, пожертвовать жизнью ради Родины всегда считалось делом чести и передавалось от поколения поколению как достояние каждого россиянина (возьмем к примеру ГКЧП – «грудью на танки, но не пропустим»). Ранее во время сбора урожая – спасем горящую технику и погибнем, чем допустим разрушение техники. Идущий на жертву становится героем, что немаловажно, образцом для подражания. В сочетании с авральным характером выполнения работ явление жертвования для русского человека стало обыденным и каноническим.

Другой случай – служение. Служение господину, своей семье, преданность родине, служение своему народу и стране. Для России – служение это типичный феномен, целеноправленное посвящение себя какому-либо делу. Работа для россиянина – та же служба, для коллектива. Ценности, на которых формировалось русское общество, звучали так – Бог, царь и отечество. Присутствие – Веры, здесь не случайно, она занимает центральное место в национальном характере русского народа, далее государь, имеет место признание роли одного правителя в судьбе народа, отечество – историко-географическая территория переданная предками и понимаемая, как родная земля.

– Соборность – еще одна характерная особенность, присущая русскому народу. Соборность, говоря упрощенно, полное нивелирование отдельно взятого человека в Вере и государстве. Размытие эго в православных канонах, где народ буквально жил по церковному календарю, соблюдая посты и правила, жизнь в православной морали. Упование на высшую силу, царя, ожидание чего-то от высшей власти в государстве, поручение себя и жизни своих близких на суд правителя также внесли свой вклад в развитие национального психотипа. Соборность для России, идет в противовес Западу, одной из его характерных черт – индивидуализму. Действуя в рабочей среде, россиянин практикует отказ от своей точки зрения в пользу коллективного сознания. Человек таким образом подчиняет свою волю, воле коллектива, социальной группы или государству. Для него это сопровождается добровольным признанием роли общества или государства в собственной жизни, ее решающее значение (влияние) на жизнь отдельно взятого человека. Отсюда и привычка надежды на лучший исход, ожидание справедливости, перекладывание ответственности за происходящее на Бога, барина, общину и т.д.

Хозяйственный

Характеристика хозяйственного менталитета обусловлена нормами поведения и особенностями отношений внутри крестьянской общины, в

которой присутствуют ценности коллективизма и всеобщей справедливости, принципы круговой «поруки». Такой тип в условиях многовекового рабства, крепостничества сформировался в условиях лишения, отсутствия всякой материальной базы, предлагая довольствоваться малым, тем что есть в наличии, использовать свою смекалку, за неимением лучшего использовать то, что есть, не загадывать на завтра. Понимание сезонности работ давало ему надежду «дожить» до праздников, т.е. выходных нерабочих дней, таким образом, выделяя отдых как отдельную ценность и своеобразную плату (в условиях постоянной работы на хозяина, других стимулов не было), стимул за совершаемую работу.

Таким образом, крестьянин приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать в скоростном, авральном режиме, чтобы потом отдыхать в течение вынужденного длительного сезонного безделья. Порядок расселения русичей определялся краевыми географическими и климатическими условиями. Жизнь удаленными друг от друга, уединенными деревнями формировала определенные черты менталитета русского человека, его характер и психотип поведения. Так невозможность рассчитать наперед погодные явления, сделать прогнозы, план обработки земли, добычи меда и других припасов отразилось на складе ума русича, на манере его мышления – не заглядывать вперед, в будущее, анализируя прошлое.

Учитывая факт постоянных набегов кочевников, а также царившие междоусобные конфликты, русскому человеку приходилось адаптироваться, именно вырабатывая навыки (скорейшего посева и снятия урожая) ускоренной деятельности (пока есть возможность). Эта привычка к сверхнормативному напряжению сил нашла отражение в психотипе современного российского человека, став частью его менталитета. Трудовые установки и отношения, сформировавшиеся, таким образом, в характере русского человека, закрепились и передовались из поколения в поколение, оформившись затем в виде ценностей культуры труда в эпоху урбанизации.

Особенность русской культуры – органическая неспособность ее носителя существовать без «сверхзадачи», без некоей цели, возвышающейся далеко над его повседневным существованием и придающей этому существованию философский смысл. Потребность в «сверхзадаче» вместе с тягой к справедливости сформировали в рамках русской культуры весьма специфический тип трудовой мотивации, ориентированной на деньги и в целом потребление лишь преимущественно как символ этой справедливости.

Поэтому само по себе стимулирование работника рублем, что доказала вся практика последней четверти века (да и более ранние эксперименты с «хозрасчетом», начатые еще в 1920-е годы), оказывается совершенно недостаточным, что многократно усложняет задачу системы управления. Простое для нее материальное стимулирование эффективно лишь при наличии внятно осознаваемой «сверхзадачи» (поэтому политические пропа-

гандисты, а до них священники выполняли, по сути, непосредственно производственную функцию), но самое главное – его безусловная вторичность по сравнению с одобрением окружающих, являющимся непосредственным доказательством «справедливости» тех или иных действий одобряемого.

К примеру, после свершения революции 1917 г. и осознания того, что репрессии не дадут желаемого повышения трудовой активности людей, была организована беспрецедентная государственная компания по трудовой мобилизации общества. Ответом на эту мобилизацию был массовый энтузиазм общества и серьезные достижения в области производства, о чем свидетельствуют многочисленные свидетельства современников и статистические данные.

Но мобилизационный характер трудовой культуры, как показало время, не может быть поддерживаем длительный период, невозможно постоянно находится в напряжении битвы. Как только ближайшие цели достигаются, энтузиазм слабеет, трудовая культура возвращается на прежний уровень.

Отсутствие частной собственности, длительное существование форм коллективной собственности привело к формированию особого отношения к предметам труда, к формам общинно-коллективной собственности, где нажитое имущество было всеобщим, переводя на современный язык «бесхозным». Инвентарь расходовался по мере нужды в нем и необходимости. Отсюда, пошли пословицы, «кто первым встал – чьи и сапоги».

Экономика Руси, таким образом, имела существенные отличия от западной. Если в западной экономике господствовали индивидуализм, жесткая конкуренция, а эффективный труд мотивировался преимущественно материальными интересами, то в русской экономике предпочтение отдавалось коллективизму, обеспечению органичной, естественной связи и взаимозависимости между работниками, поддержанию духа общности и ответственности перед коллективом. Русская экономическая модель хозяйственного развития принадлежала к общинному типу экономики. Она развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и артели, коллективизма, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. Эффективный труд мотивировался в ней преимущественно моральными, а не материальными стимулами. Несмотря на реформы 60–70-х гг. XIX века, связанной с отменой крепостного права, община продолжала играть ключевую роль в жизни и трудовой деятельности русских крестьян. Содержание данной реформы, изложенное в Положении от 19 февраля 1861 г., сводилось к тому, что крепостные крестьяне являлись свободными без всякого выкупа, они получали от помещика надел, за что продолжали отбывать барщину или оброк, то есть становились временно обязанными. Крестьяне могли выкупить не только усадьбу, но и по взаимному соглашению с помещиком и полевою землю, используя для этого казенную ссуду. По завершении выкупа прекращался вотчинный надзор помещика над крестьянами, заканчивалось их состояние временно обязанных, крестьяне переходили в положение свободных собственников. Отношения между помещиком и

крестьянами регулировались общиной, которая, в частности, коллективно оплачивала в течение 49 лет выкупную ссуду, предоставленную государством. Выходя из крепостной зависимости, крестьяне оставались в общине, получали известное самоуправление и сообще несли повинности перед государством. Иначе говоря, реформа основывалась на продлении и консервации полуфеодальных отношений. Выкуп был своеобразной формой феодальной ренты.

Основные черты общинного менталитета:

- Справедливость, равное распределение пищи, крова, благодати, на всех.
- Общее имущество породило специфическую форму коллективной собственности, исторически берет свое начало в крестьянской общине.
- Фактическое отсутствие социальной мобильности.
- Соборность, решение проблем (значимых вопросов) сообще, «всем миром».
- Авральный характер выполнения работ.
- Мобилизационный характер работ.

Еще один тип трудовой деятельности, заслуживает особого внимания – артель. Слово артель восточного происхождения, образовано от тюркского слова *орта* – община. Артель есть союз, преследующий хозяйственные цели. Отличие артели от всех других союзов, напр. духовных, политических, ученых, состоит в цели, составной частью которой является получение прибыли от совместного производства или промысла, а также уменьшение расходов при совместной деятельности лиц, состоящих в союзе. Все лица, являющиеся полноправными членами артели, равноправны между собой, т. е. одинаково пользуются всеми правами и выгодами артельного единения и несут равные обязанности. Равенство это объясняется тем, что артель всегда была поставлена в такие условия, которые побуждали ее подбирать в члены людей более или менее сходных по возрасту, рабочей подготовке и имуществу.

В артельном сельском хозяйстве наиболее оптимально сочетание требований производства и распределения богатств, техники земледелия и справедливого раздела продуктов между работниками. Однако были и трудности. Так, например, отсутствие энтузиазма в работе артельщиков, поскольку их труд мало чем отличался от работы, оплачиваемой повременно, учитывая равенство в распределении продуктов труда. В условиях полного отсутствия принуждения желания работать у артельного коллектива было достаточно низким. В сравнении с наемником, работающим на единоличного хозяина, мотивированного получением конкретной прибыли, стимул работы в артели будет значительно ниже, чем в капиталистическом хозяйстве, построенном на наемном труде.

Безусловно, таких организаций, как община и артель, которые были совершенно уникальными формами организации труда, где производст-

венная организация соединялась с организацией общественной. Русская артель представляла собой добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванное на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того, артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями. Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. Такая экономическая модель создавала достаточно эффективную систему народного хозяйства. Сам факт существования тысячелетнего Российского государства свидетельствует, что его хозяйственная система была высокоэффективной в рамках внутренних потребностей, обеспечивая экономическое освоение огромных территорий, строительство тысяч городов, армию и тыл в борьбе с многочисленными захватчиками.

Другой важной особенностью русской культуры, выявленной в начале XX века зарубежными социологами и впечатлившей их до такой степени, что они ввели термин «русский способ производства», является склонность к штучной уникальной работе, но не к массовой и монотонной. Это связано с идеей согласно, которой монотонная простая работа выполняется намного труднее, в отличие от отдельного творчества в выдавшееся свободное время зимой или при отпуске «на оброк». Таким образом, еще до появления конвейера была выявлена неприспособленность к нему русской производственной культуры: выполнять монотонные однородные операции просто скучно, и поэтому наша страна делала прекрасные относительно сложные машины (вроде боевых самолетов) и хронически не справлялась с более массовым и более простым производством легковых автомобилей.

Основные черты артельного хозяйствования.

– (принцип равенства) Для производственного менталитета характерно «нивелирование» и размывание образа личности и ее подавление в коллективе. Не выделяться из коллектива, быть как все, выполнять различные виды работ наравне со всеми, не ища лучшей доли. Особенностью здесь является особое отношение – не проявлять креативность, строгое, без творческого подхода неукоснительное выполнение работ.

– Способность к несерийной (уникальной штучной) работе,

– Принцип справедливости (справедливость при «дележе», распределении чего-либо),

– Отсутствие частной собственности привело к отчуждению какого-либо и формированию особого отношения к предметам труда. Если вещи общие, значит ничейные, и зачастую их можно просто присвоить, что и повсеместно практиковалось. Часто «рабочие» инструменты оказывались в

быту, попытка применения их в повседневной жизни также являлась обычным делом.

– Нематериальные стимулы труда.

Место православных ориентиров (нематериальных) заняли социальные ориентиры. Социальные ориентиры были наиболее почетными, чем денежные вознаграждения.

Процессы урбанизации и индустриализации, происходившие в России в первой половине XX века, внесли большие изменения в жизнь населения и характер труда миллионов людей. Войны, голод и разорение многих сельскохозяйственных районов вызвали волну массовой миграции населения из сельской местности в города. Требования к трудовому поведению рабочих существенно отличались от правил, установленных в сельском хозяйстве. При сохранении общей идеи труда как жизненной ценности, работа на заводе предполагала планомерный режим, внимательность и аккуратность, ограничение коммуникации, запрет на потребление алкогольных напитков во время работы и т.д. Ситуация усугублялась тем, что ряды рабочих пополнялись за счет крестьян, не обученных ремеслу, способных выполнять лишь малоквалифицированную работу и далеких от идеи промышленного производства. Переход к новому государственному устройству после революции 1917г. под лозунгом «сотрем с лица земли прошлую культуру»! отдалил россиян от привычных психотипов трудового поведения, пренебрегая исторически сложившимися культурными особенностями. На смену артелям пришли совхозы и колхозы, городские поселки вокруг заводов-гигантов.

Бригадный подряд (вводимый в 1970-е годы не только в нашей стране, но и, например, в Японии и США), позволял уйти от конвейера и расширить сферу компетенций каждого работника, сделав его труд более творческим (или хотя бы менее монотонным), соответствовал объективным потребностям русской культуры. При бригадном подряде характер труда приближался к традиционному для нас – артельному.

В качестве заключения обобщим все вышеизложенное. Тема культуры труда, в условиях обмена технологиями сопровождаемая межкультурными отношениями, сегодня особенно актуальна. Поэтому изучение отечественного трудового поведения и мотивации, неразрывно связанных с ментальными характеристиками национальной культуры, откроет новые возможности при социокультурной интеграции в мировое сообщество, создаст оптимальные условия для культурной идентификации и определении своей роли в мировом разделении труда. Особенности менталитета, оказывающие влияние на трудовую деятельность, необходимо учитывать при разработке экономических программ модернизации России.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИМИДЖ»

С переходом России к рыночной экономике все более обострилась конкуренция как на личностном, так и на корпоративном уровнях. Именно поэтому на сегодняшний день вопрос формирования и развития имиджа личности, компании, государства рассматриваются в качестве важнейших вопросов повышения конкурентоспособности. Понятие «Имидж» прочно вошло в науку: педагогику, социологию, психологию, культурологию и другие науки. Однако, для более глубокого понимания этого феномена необходимо обратиться к историческим предпосылкам формирования данного понятия как социально-психологического явления.

Имидж (от англ. Image) в буквальном переводе с английского языка означает образ, изображение [3, с. 120].

Историю возникновения, формирования и развития категории «Имидж» опираясь на исследование Е. В. Яковлева [8] условно можно разделить на несколько периодов.

Первый период (IX в. до н.э. – XV в.).

Великие мыслители древности – Платон, Сократ, Аристотель – создали теорию гармоничного развития личности, ставили вопрос о соотношении природного и социального в человеке, о связи души и тела, вопрос о том, какое воспитание делает человека совершенным. В трудах античных философов намечаются мировоззренческо-методологические подходы к анализу феномена имиджа личности.

Так, Аристотель рассматривал имидж на личностном уровне. В своих трудах он писал, что при общении с людьми необходимо держать себя как равный с равными, воздавать каждому по достоинству. Аристотель осуждает «излишество» и «показной блеск», и вводит понятие «подобного», как основного критерия оценки поведения и внешнего вида. «Подобающее, стало быть, соотносится с лицом, условиями и предметом». Человек же, «желающий быть уважаемым за свой нрав (ethos) должен соблюдать середину и обладать чувством меры» [1].

В данный период проблема имиджа человека стала постепенно входить в раскрытие сущности человеческой личности. Платон отмечал, что физический облик, поступки, речи должны отражать внутреннее содержание личности (достоинства человека гражданина).

Труды античных философов оказали огромное влияние на дальнейшее развитие понятия «имидж» на мыслителей средневековья. В данный период было создано символическое изобразительное искусство, символи-

ческая поэзия, сложно и тонко разработан религиозный культ, «алгоритмы» светской и обыденной жизни.

Второй период (XVI в. – XIX в.).

Одним из первых «теоретиков» имиджа считают Н. Макиавелли (1469–1527 гг.), которому было свойственно обостренное «чувство имиджа», или развитое «имиджевое» мышление. Особенность такого мышления заключается в умении рассуждать и действовать в межличностном пространстве, предполагать действия окружающих, уметь устанавливать добрые отношения с людьми [4]. Как политолог Н. Макиавелли дал научно-прикладное обоснование практической полезности имиджа.

Дальнейшее развитие имиджевого мышления нашло в трудах немецкого философа Ф. Ницше (1844–1900), который отмечал, что всякий гений носит маску, таким образом, утверждая, что имидж – камуфляж, создающий то впечатление, в котором нуждается его создатель [5].

Однако, до XX века самого понятия «имидж» не использовалось в научном обиходе, оно не было структурировано, а сводилось лишь к описанию внешних характеристик и их соответствие внутреннему миру человека. При этом имелись в виду не только позитивные характеристики, но и соответствие внешних отрицательных, оказывающих негативное воздействие на окружающих при первом восприятии характеристик некоторых людей, отражающих их внутреннюю сущность.

Третий период (начало XX в. – начало 2000 гг.).

Принято считать, что термин «имидж» появился в начале XX в. в США, когда возникла потребность в имиджировании. В данный период в стране наблюдается экономический спад, дискомфорт в обществе, образ страны оценивался резко негативно, что мешало развитию предпринимательства на международной арене. Имиджмейкерам была поставлена задача – создать положительный имидж страны, продвинуть его для того, чтобы завоевать мировую культуру и стать стандартом во всем мире. Был разработан имидж-стандарт президента страны и первой леди. Именно тогда появилось понятие «Американский образ жизни», возникла философия имиджмейкеров «завоевать весь мир». Именно в то время были разработаны первые технологии формирования имиджа персоны. Термин «имидж» первоначально использовался в сфере предпринимательства как средство психологического воздействия на потребителя, в коммерческой рекламе – для дифференциации товаров и имел довольно узкий смысл. Затем возникла потребность в дифференциации общественных деятелей. Уже в 30-е гг. XX в. большую часть статей, которые печатались в газете «Нью-Йорк Тайм», составляли материалы, подготовленные для печати специалистами в сфере создания, продвижения и коррекции имиджа [7].

В 60-х годах XX в. американский экономист Болдуинг ввел в деловой оборот понятие имиджа и обосновал его полезность для делового преуспевания.

Позже имидж становится элементом теории и практики PR, прочно входит в политическую и общественную жизнь. Первые работы в этой области в 1970-е гг. рассматривали имидж на примере США как средство манипулирования массовым сознанием. С 1990-х гг. имидж стал предметом повышенного общественного внимания в связи с новыми социально-экономическими условиями жизни общества.

В начале 1980-х гг. более половины крупнейших компаний Великобритании начали проводить исследования по имиджевой тематике. Аналогичные исследования проводились в более чем в 160 крупнейших европейских компаниях. В России сосредоточенность предприятий тем, как они воспринимаются общественностью, возросла с начала 1990-х гг. [2].

В отечественной литературе первые научные разработки, в которых была использована категория «имидж», связаны с изучением политического лидерства и ориентированы на изучение имиджа политиков, общественных деятелей, кандидатов в депутаты [6].

Четвертый период (начало 2000 гг. – по настоящее время).

На современном этапе развития наблюдается повышение интереса к проблеме формирования и развития имиджа. Данный период характеризуется появлением достаточно большого количества работ, в которых отражены общие вопросы создания положительного имиджа личности, организации. На сегодняшний день появилась новая научно-прикладная дисциплина, возникающая на стыке психологии, социологии, философии, культурологии, костюмологии и ряда других наук – имиджелогия. В рамках данной дисциплины изучаются закономерности формирования, функционирования и управления имиджем человека, организации, товара и услуги. Она раскрывает общее, особенное и единичное в онтологии всех видов имиджей. Технологии имиджирования позволяют формировать необходимый образ.

В нашей стране появилась организация, занимающаяся проблемами формирования и развития имиджа - Академия имиджелогии, которая позиционируется как научная академия, объединяющая ведущих специалистов в области имиджа.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, мы видим, что проблема формирования и развития имиджа личности и организации не является новой. Однако, на сегодняшний день требует все большего внимания как в науке, так и в практической деятельности.

1. Аристотель. Собрание сочинений / Аристотель. – Т. 4. – М.: Наука, 1984. – 830 с.
2. Звездочкин, Ю. Ю. Имидж-система университета / Ю. Ю. Звездочкин, Б. Ю. Сербиновский. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009.
3. Краткий англо-русский и русско-английский словарь / М.: ТОО «Транспорт», 1995. – 490 с.
4. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: АСТ, 2011. – 608 с.
5. Ницше, Ф. Сочинения / Ф. Ницше. – М., 1990. – Т. 2. – 456 с.

6. Петрова Е. А. Имидж как фактор продуктивной политической коммуникации [Электронный ресурс] // Корпоративная имиджология. – 2007. – № 1. – Режим доступа: <http://www.cijournal.ru/article/70/> (Дата обращения: 16.10.2011)
7. Семенова, Л. М. Генезис и современное состояние проблемы формирования профессионального имиджа / Л. М. Семенова // Вестник Томского государственного университета. 2009. – № 326. – С. 194–199
8. Яковлев, Е. В. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения / Е. В. Яковлев. – М.: ВЛАДОС, 2006. – 239 с.

Е. Г. Ланганс

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ТЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Начало XX века в России – это время культурного и религиозного возрождения. Однако за ним последовали историческая катастрофа двух революций, война, глубокий духовный кризис, который в своих трудах предвосхитил В. С. Соловьев. Проблематика свободы, свободы воли широко обсуждалась в этот сложный и тяжелый для страны период, особенно среди последователей создателя философии Всеединства (Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского С. Н. Булгакова, С. Л. Франка и др.). Тема самоопределения человека затрагивалась в работах всех указанных философов. Остановимся на трудах некоторых из них.

Так же, как и для других представителей русской религиозной философии, проблема кризиса человека, культуры, гуманизма глубоко волновала **С. Л. Франка**. Он пытался решать ее на пути осмысления отношения бытия и человека, что явилось темой его фундаментальной работы «Реальность и человек». Реальность, с точки зрения мыслителя, двойственна: с одной стороны, это, имеющая своим источником и основанием божественное творение, подлинная реальность, с другой – некая реальность «псевдобытия», «безосновность» (Ungrund – термин немецкого христианского мистика Я. Бема, заимствованный Франком), «отрешенная» от первоисточника. Ungrund представляет собой темную, разрушительную, бесформенную стихию, хаос как могущественную силу. Подобную двойственность человек обнаруживает и в себе. Безосновность, отсутствие опоры присуще нашему субъективному бытию как общий его субстрат, что проявляется во внутреннем беспокойстве, волнении, бессмысленном влечении, страсти и «неразумии». При этом человек осознает свою недостаточность, беспочвенность своего существования, поскольку понимает, что хаос, который «шевелится» в глубине души (по выражению Ф. И. Тютчева), не соответствует его подлинному существу, которое Франк связывает с личностным бытием человека, имеющем основание в том, что называется Богом.

Свою трагическую раздвоенность каждый индивид вынужден преодолевать сам, осуществляя переход к подлинно самостоятельному и осмысленному «самобытию» от первичной «слепой» свободы. В своем труде «Непостижимое» философ характеризует душевную жизнь индивида как нечто «неготовое, незаконченное, несвязное, ... колеблющееся, беспочвенное...» [4, с. 337], находящееся в динамике необузданности и анархии. Такая свобода есть «начало безличности, начало «оно» во внутренней жизни, которая уничтожает или берет в плен нашу «самость», то, что мы в себе называем «я сам», ...» [4, с. 338]. Это, в конечном итоге, не свобода, а внутреннее рабство, в условиях которого наша «самость» должна стремиться добиваться истинной (но на этом этапе, еще не полной) свободы как «активного начала самоформирования, как подлинного бытия... Эта свобода осуществляется... через самоопределение» [там же], и проявляется в форме борьбы. *Самоопределение возможно только через само-преодоление.* Однако обе свободы («безосновное своеволие» и формирующая сила) суть одна свобода, проявления одной единой души. Наша «самость» нуждается в субстрате первичной свободы. Любая попытка преодолеть его извне, не использовать его ведет к уничтожению подлинного самобытия. Полная же свобода человека как идеал являет себя на пути конституирования отношения нашей «самости» к «самоутвержденной» первичной основе всякого бытия, к Богу, отрицание чего ведет к вырождению автономной человеческой личности. Понятие свободного самоопределения по Франку неразрывно связано с понятием творчества, что образует существенный специфический признак человека как личности. Человек как соучастник процесса божественного творчества (эта мысль является общей для многих представителей русской религиозной философии) проявляет себя в форме самотворчества, самоосуществления, и только в этом качестве он обретает ... *бытие «из себя самого»*, подлинную свободу.

Связь феноменов человеческого самоопределения, творчества и свободы утверждал в своих трудах и Н. А. Бердяев. Его философия никогда не была академическим учением, чисто теоретическим умозрением; мыслителя всегда интересовало «не исследование мира, каков он есть, ... интересовала судьба мира и моя судьба, ...» [2, с. 95]. Философия была для него способом жизни, делом-действием в ситуации социальной и культурной катастрофы в России начала XX века. Процесс его собственного самоопределения представлен нам в работе «Самопознание (Опыт философской автобиографии)», где он пишет: «Я всегда хотел, чтобы философия была не *о чем-то*, а *чем-то*, обнаружением первореальности самого субъекта» [2, с. 97]. Основной проблемой своей философии и своей жизни он считал проблему личности и индивидуальности, которую он решал как в жизни, так и через две ключевые темы своего философствования – Свободы и Творчества.

Самые важные характеристики личности: она есть центр духовной творческой активности, а также «Личность есть сопротивление, сопротив-

ление детерминации обществом и природой, героическая борьба за самоопределение изнутри», – утверждает Бердяев [1]. Самоопределение изнутри означает определение из силы духа, а дух есть не бытие, а свобода. Нужно заметить, что основная метафизическая идея, к которой пришел философ в своих исследованиях и в результате, по его словам, своего духовного опыта, это идея примата свободы над бытием. Он понимал *Ungrund* как первичную добытийственную свободу; она вне Бога, но восходит к «Божьей идее» и к «ничто». При этом «Свобода есть положительная творческая мощь, ничем не обосновываемая и не обуславливаемая, льющаяся из бездонного источника. Свобода есть мощь творить из ничего, мощь духа творить не из природного мира, а из себя» [3, с. 370]. Свобода человека не произвол, отвергающий Бога. Последнее делает свободу бессодержательной и бесцельной, свободой «от», а не свободой «для». Содержание свободы «для» заключается в осуществлении божественного замысла творения мира любви и гармонии. И человек должен определить себя, прежде всего, к Богу. Это дает ему силы возвыситься над окружающим миром, а не быть его рабом. Что значит, определить себя к Богу? Это значит осуществить самопреодоление и самоосуществление в творчестве нового, «не бывшего», поскольку «Царство Божье приходит и через творческое дело человека» [2, с. 214]. Бог нуждается в творящем человек для продолжения «мировотворения»; «Творчество есть ответ человека на призыв Бога» [там же]. В творческие акты человека «привходит» свобода, не определяемая ни миром, ни Богом, поскольку только свободный дух может творить жизнь. Свобода духа есть божественное требование к человеку. Она не дается человеку при рождении, а является его новым духовным рождением, которое возможно только в духовном опыте. В наиболее значительных актах своей жизни личность творит себя, выковывает себя в *творческом самоопределении*. Быть личностью трудно, быть свободным – значит взять на себя бремя творения.

В развитии нашей темы Бердяев сделал значительный шаг: он *разделил свободу воли и свободу духа как различные источники самоопределения*. В прежней философии, по его мнению, под свободой воли, с которой отождествлялась свобода человека, понимался выбор между добром и злом, что аналогично возможности повернуть направо или налево. (Такой выбор, по сути, предполагает заранее установленную норму, различающую добро и зло, что ведет к детерминации свободы извне.) Бердяев считал, что определенное таким образом понятие свободы воли было необходимо для вменения индивиду ответственности и для наказания за нарушение нормы. Позиция философа в этом плане недвусмысленна: «Свобода для меня есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла» [2, с. 61]. Идеи Н. А. Бердяева оказали значительное влияние на философию европейского экзистенциализма.

лизма, для которой тема человеческого самоопределения стала одной из важнейших, как впрочем, и для всей философии прошедшего века.

1. Бердяев, Н. А. Проблема человека (К построению христианской антропологии) [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/chelovek.htm>. – Заглав. с экрана. – Дата обращения 10.09.2012.
2. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев; Сост., предис., коментар. А. В. Вадимов. – М.: «Книга», 1991. – 446 с.
3. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев; Вступ. статья, сост., прим. Л. В. Полякова. – М.: Издательство «Правда», 1989. – 607 с.
4. Франк С. Л. Сочинения / С. Л. Франк; Вступ. статья, сост., прим. Ю. П. Сенокосова. – М.: Издательство «Правда», 1990. – 667 с.

А. В. Маркова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕГИСТРЫ В ДИАЛОГАХ СЕМЕЙНЫХ СИТКОМОВ

Ситкомы, получасовые ситуационные комедии, занимают стабильное место в сетке вещания ряда каналов современного российского телевидения (СТС, Домашний, ТНТ и др.), обладают высоким рейтингом и цитируемостью. Что позволяет рассматривать ситкомы как утвердившуюся часть повседневности современного российского телезрителя. В связи с чем, актуален научный интерес к вопросам влияния ситкомов на культуру повседневности. В рамках нашего исследования внимание сконцентрировано на семейных ситкомах: главными героями являются члены одной или нескольких семей, место действия, как правило, обозначено домашней территорией. Сюжеты строятся на изображении семейных конфликтов и способов их разрешения.

Диалоги ситкомов являются двигателем сюжета данного экранного произведения. Лингвистическая теория актуального членения анализирует предложение в динамическом аспекте: «динамическое единство текста обеспечивается поступательным движением в нём информации» [1, с. 195]. Г. А. Золотовой принадлежит принятая в лингвистике формулировка текстовой категории коммуникативных регистров [1, там же]. Данная категория определяется типом репрезентируемой в тексте информации. Предложенные Г. А. Золотовой коммуникативные регистры (репродуктивный, информативный, генеритивный, волонтивный и реактивный) будут использованы в нашем исследовании в качестве анализа способа трансляции информации в семейных ситкомах. Отметим, что тексты могут различаться по типу организации: быть как в одном коммуникативном регистре (монорегистровые регистры) или с использованием ряда регистров (полирегистровые) [1, там же]. Коммуникативные регистры, по нашему мнению, служат установлению гипотетическо-

го, опосредованного контакта персонажей ситкома с телезрителем в виде прогнозируемой реакции телезрителя на текст диалогов, показ событий, ракурс изображения ситуации. Информативный регистр «состоит в сообщении об известных говорящему явлениях действительности в отвлечении от их конкретно-временной длительности и от пространственной отнесённости к субъекту речи» [2, с. 394]. Используя данный регистр, говорящий «выражает свои знания о повторяющихся, типичных явлениях, при этом обычно воспроизводятся факты, имеющие место в прошлом»; грамматической доминантой выступает «глагол прошедшего времени, тип контекстно-вариативного членения, как правило, повествование» [1, с. 196]. Н. В. Суленёва [3] отмечает суть коммуникативной функции информативного регистра, которая состоит в «сообщении познавательных, квалификативных сведений о свойствах и связях предметов, явлений, абстрактных понятий. Информативный регистр художественного текста в сумме с репортажным характером, присущим поэтике телевизионных программ, задают актуализацию тексту в ракурсе всей телевизионной программы» [3, с. 282]. В ситкомовых программах посредством информативного регистра транслируются нормы поведения, ценности главных персонажей, варианты решения конфликтов и укоренившиеся распределения ролей в изображаемом обществе.

Коммуникативная функция репродуктивного (изобразительного) регистра «заключается в воспроизведении, репродуцировании средствами языка фрагментов, картин, событий действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего, наблюдателя, локализованных в едином с ним хронотопе (реально или в воображении)» [2, с. 394]. В данном регистре «наблюдается процесс отображения, фиксации реально наблюдаемых говорящим явлений, событий, фактов внешнего макромира и своего внутреннего микромира в совпадении их с моментом речи. Вследствие этого грамматическая доминанта подобного регистра – настоящее время, а в плане контекстно-вариативного выражения – описание» [1, с. 196]. Действие ситкомов всегда происходит в настоящем времени, диалоги строятся на фиксации, описании происходящего.

Волюнтивный регистр организует разговорные тексты в передаче «интонации, мелодики устной речи, поскольку основная его функция – волеизъявление говорящего, побуждение к действию» [1, с. 198]. «Тексты, созданные в этом регистре, можно отнести к разряду регулятивов. В них доминирует прагматическая информация. Они насыщены эмоционально-оценочной лексикой и экспрессивными синтаксическими конструкциями» [1, с. 199]. Волюнтивный регистр присутствует в диалогах ситкомов в обязательном порядке, поскольку драматургической спецификой ситкомов как раз и является движение сюжета через диалоги, объявление позиций персонажей и побуждения к желаемым действиям.

В реактивном регистре «организуются тексты, выполняющие контактноустанавливающую, контактоподдерживающую и реактивно-оценоч-

ную функции» [1, там же]. «Обычно это реплики персонажей, чаще всего выражающие их собственные переживания, эмоции (эмотивные рефлексивы), а также оценивающие что-либо в окружающем мире: события, их участников и т. д. (эмотивные регулятивы)» [1, там же]. Ситкомы, являясь комедийным жанром, нацелены на реактивные функции телеаудитории; до сих пор в некоторых ситкомах звучит закадровый смех в качестве реакции зрителя на происходящее в ситкоме. Реплики героев в диалогах рассчитаны не только на реакции между персонажами, но, как уже говорилось, и на эмоциональный отклик гипотетического адресата – зрителя. Коммуникативная функция реактивного регистра отражает реакцию, по словам Н. В. Суленёвой, «эмоциональную или ментальную, осознанную или автоматическую, на жизненную ситуацию».

Функция генеритивного регистра – «обобщение, осмысление информации, соотнесение её с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, с фондом знаний, проецирование её на общечеловеческое время за темпоральными рамками данного текста» [2, с. 395]. Текст данного типа содержит « по преимуществу концептуальную информацию, она преобладает над денотативной, так как главное в них – воспроизведение устойчивых общечеловеческих знаний о мире в виде сентенций, размышлений, умозаключений. Вследствие этого... рассуждения обычно представляют собой коммуникативные блоки высказываний, оформленные в генеритивном регистре» [1, с. 197–198]. Генеритивный регистр встречается наиболее редко в ситкомах. Как правило, они имеют место в сентенциях какого-либо персонажа.

В целом, диалоги ситкомов содержат коммуникативные блоки различной регистровой принадлежности (полирегистровые структуры), выполняя различные задачи создателей ситкомов.

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
2. Золотова, Г. А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М., 1998.
3. Суленёва Н. В. Современная телевизионная режиссура в аспекте работы над художественным текстом: дис. ...доктора культурологии: 24.00.01 / Суленёва Наталья Васильевна. – Ярославль, 2008. – 374 с.

А. А. Мордасов

Челябинская государственная академия культуры и искусств

РАЗВИТИЕ ПАРАТЕАТРАЛЬНЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Наряду с развитием самостоятельных видов искусства, сегодня может быть отмечена продолжающаяся театрализация жизни, быта и искусства, представленная в обойме уже известных явлений и новых форм и об-

разований. В научной среде приобретают определенную популярность термины паратеатральные (Н. Дубовик, А. Котлярчук, Л. Софронова) и квазитеатральные (О. Сидор-Гибелинда) формы. В том и другом случае не имеются в виду традиционно-театральные формы и жанры. Речь идет о явлениях, появившихся во второй половине XX века.

Авангардизм и модернизм предложил новые проекты и представления. Акцент в них переносится с результата арт-деятельности на ее процесс. Начиная с футуристов, дадаистов и сюрреалистов, публике были предложены новые формы взаимодействия художника со своим произведением и его зрителем. Художники писали свои полотна на глазах у случайных зрителей, актеры импровизировали на заданную публикой тему, скульпторы снимали маски с присутствующих и включали их в свои инсталляции, музыканты одевались в странные одежды, перекрашивали инструменты, разбивали их вдребезги... Провокация – слово определяющее смысл происходящих театрализованных действий. К середине века новые формы устоялись и приобрели определения: психодрама, хеппенинг, перформенс, инсталляция.

К поискам подключились выдающиеся театральные деятели Е. Гро-товский, П. Брук, П. Шуман, Э. Барба, что доказывало серьезность и значимость новообразований. Многие проекты носили активно выраженный политический и социальный характер. Но в своем идеальном виде данные формы представляли собой сознательно производимые бессмысленные действия и зрелища. Поиски содержания и смысла отдавались на откуп присутствующим участникам акций. Замысел и идеи автора оставались за скобками.

Конец XX в. ознаменован появлением лабораторий и школ, которые разрабатывают и воплощают паратеатральные формы. Эта тенденция присутствует и в России. Чаще всего это уличные представления, включающие в себя работу с водой и огнем, цирковые трюки, провокации и заманивание зрителей, использование кино-, видео-, интернет технологий и т. д. Московский «Театр-ЭКС», школа Соболева под Санкт-Петербургом, группа В. Полунина, Международная мастерская театра синтеза и анимации.

Рассматриваемые формы и виды театрализованных акций имеют общие признаки, которые, с одной стороны, делают их похожими на театр, с другой – являются существенными отличиями. Все исполнители и участники действуют как непрофессиональные актеры, или таковыми не являются. Акции проходят в реальной среде с использованием реальных предметов и вещей. Отсутствие подробного сценария или пьесы (иногда отмечается наличие плана или приблизительной программы действий). Все виды таких акций и проектов основаны на игровой импровизации и спонтанности.

«Искусство перформанса – это искусство действия; это акт творчества, когда зрители наблюдают физическое присутствие художника в реаль-

ном времени; это художественная форма, которая прекращает свое существование в тот момент, когда представление кончается» [1, с. 58].

Хеппенинг представляет собой коллаж ситуаций и происшествий, продемонстрированных в пространстве в определенное время. Смысл и цель действия – в нем самом. Подобно оратору, адвокату или спортсмену, исполнитель в хеппенинге остается самим собой и в тех же обстоятельствах, что и зрители. Их называют спонтанным бессюжетным театральным событием.

Во многих инсталляциях (демонстрация художественных объектов) «сюрреалистически обыгрывались контрасты фактур материалов, функций предметов, падающие тени и отражения, разного рода анаморфозы» [2, с. 101]. Из этих экспериментов выросли поп-арт, оп-арт, арт-дизайн. Но этот своеобразный статичный театр развивался и трансформировался. К выставочным объектам добавлялись видео- и компьютерная техника. На экранах появлялись специально записанные сюжеты, герои, иные пространства. Все это вступало в активные взаимоотношения, открывая для зрителей новые коммуникативные каналы.

«Принципиальная абсурдность, недоступность рассудочного прочтения этих акций способствуют созданию вокруг них ореола некой первозданной, наивной (изначальной, доцивилизационной, то есть «чистой») сакральности» [3, с. 30].

Эти явления современного искусства уже описаны и подверглись серьезному научному анализу. Но жизнь не стоит на месте.

В комплект паратеатральных форм решительно вошла социально-культурная деятельность, одна из досуговых форм которой – театральная анимация. Ожили и превратились в партнеров для игровых ситуаций, герои комиксов, мультфильмов, памятники и куклы. Это тоже не театр в его классическом понимании. Но многие компоненты театра присутствуют: костюмы и реквизит, сценарные разработки сюжетов и игр, предварительные репетиции, музыкальное оформление. При этом импровизация и спонтанность, провоцирование и игровые действия. Театр анимации сегодня вбирает в себя и другие формы оживления: песочная и водная (акварельная) анимации, изготовление кукол и игра с ними.

Презентации, проводимые торговыми компаниями и фирмами производителями, также представляют собой некую театральную игру с персонификацией продуктов и изделий. Event-технологии в структуре корпоративной культуры, предлагают всем работникам, независимо от статуса, стать артистами в клипах и киносюжетах, в играх и театральных постановках. Театральность в природе человека. Каждый из нас готов с головой окунуться в любые паратеатральные формы для исполнения любых ролей.

Театральностью пронизан и такой модный вид коммуникации как флэш-моб. «Мгновенная толпа» – заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей (мобберы) внезапно появляется в обществен-

ном месте, выполняет заранее оговоренные действия, и быстро расходятся. Сбор участников осуществляется через мобильную связь и Интернет. Флэш-моб может быть зафиксирован на фото или видео. Социолог Говард Рейнгольд в своей книге «Умные толпы: следующая социальная революция» (2002) предсказывал, что люди будут использовать новые коммуникационные технологии для самоорганизации, идентификации и реализации своих творческих потенций.

Уникальная идеология данной театрализованной технологии, позволяет рождать ее новые разновидности. Полит-моб или социо-моб – это акции с социальным или политическим оттенком. Неспектакльный моб – изменение повседневности повседневностью, рассчитанное на тактику дежавю и формирование у прохожих ощущения тихого помешательства. I-mob – общее название для всех видов акций, проводимых в Интернете (форумы, icq, e-mail, чаты и т. п.). Арт-моб – проекты, имеющие некую художественную ценность, они нацелены на зрелищность, стильность. Экстрим-моб – действия на грани с мелким хулиганством по отношению к прохожим. Date-моб – акция, направленная на знакомства моберов особым, необычным путём. Моб-Хаус – многочасовая акция, когда моберы живут по определённым правилам жизни, отличающейся от жизни обычной. Моб-игра – специфические взаимодействие, завершение которых непредсказуемо.

Несмотря на существующие проблемы, флэш-моб продолжает интересовать молодежь. Как и многие другие формы театрализованной деятельности и досуга. Уже ставшие привычными и любимыми ролевые игры и японский cosplay, исторические реконструкции и литературные игры – все требуют театральных приемов, выразительных средств, все держатся на театральных подсказках. Даже такая форма как слэм, где поэты читают свои стихи, активизируется под воздействием театральных инъекций (музыка, интонация, одежда, манеры и пр.).

Стремительное распространение информационных технологий и свободно развивающихся искусств не препятствуют, а напротив, благоприятствуют процессам театрализации жизни и быта. Театральность проникает во многие сферы жизни человека. Вопрос: насколько значительны будут изменения в искусстве театра под воздействием множатых паратеатральных и квазитеатральных форм и других трансформационных явлений в современной культуре.

1. Дагган, Д. Г. Величайшие шоу мира: взгляд на современные показы мод в их связи с искусством перформанса / Д. Г. Дагган // Теория моды. Вып. 2. – 2006–2007. – С. 31–58.
2. Власов В. Г., Лукина Н. Ю. Авангардизм. Модернизм. Постмодернизм: терминологический словарь / В. Г. Власов, Н. Ю. Лукина. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 320 с.
3. Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. / под ред. В. В. Бычкова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 607 с.

Н. Э. Мартынова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Социально-культурные процессы, происходящие в обществе, оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на развитие культурной идентичности. Проблема национальной ассимиляции одна из негативных. Утрата уникальных знаний и опыта этнической культуры, духовного самосознания, делает в целом не устойчивыми основы жизнеспособности этноса. В статье осуществляется попытка рассмотреть возможности культуротворческого влияния на формирование этнической культуры личности занятой досугом. Анализ литературы, посвященной вопросам культуротворчества, показал, что данный термин употребим в различных областях человеческой деятельности: науке, искусстве, технике, морали, религии и т.д. Авторы рассматривают его от представления «нечто глобального», чего человек «не прозревает в своей собственной реальной жизни», до деятельности конкретной личности, без которой не возможны «процессы, производимые группой людей» [2]. Положение человека в системе культуротворчества является определяющим, он рассматривается одновременно и как индивид, и как часть социума. Отношение его к культуре предполагает их взаимосвязь, направленную на деятельностное развитие, «конструирование» (Л. С. Выготский) нового в отношении и личности, и культуры в целом. Но, по мнению В. Н. Леонтьевой, создание новых явлений невозможно без «поддержания культурного бытия» [3]. Освоение форм созданных ранее, «переоткрытие», является исходным положением бытия в культуре. Осмысление этих взаимопроникающих процессов культуротворчества приводит к пониманию того, что человек является и творцом культуры и ее творением.

Основание культуротворчества в контексте этнокультурной досуговой деятельности, также имеет двойственность, соединяющую создание принципиально нового и освоение традиционного, его воспроизводство. Взаимосвязь этих составляющих проявляется и на уровне личности, и на уровне этнокультурных процессов. В первом случае, на первый план выходит продуцирование нового (новации), реализация самовыражения, самосовершенствование индивида, в результате появляются новые культурные смыслы, формы, ценности. Но они все же предполагают постижение смыслов, созданных ранее, эстетическое освоение мира.

В понимании культуры этноса, факторы обновления могут существовать только в контексте переработки традицией, которая оценивается учеными как память культуры и несет в себе, что неоднократно подчеркивается, «устойчивость, код культуры», сохраняет «все позитивное, накоп-

ленное предыдущими поколениями» [4]. Новое, возникающее в силу социально-культурных изменений, обогащает, усложняет традицию, претерпевая трансформацию, ассимиляцию, систему отбора и т.д., закрепляется ею, а вслед за тем становится транслирующим каналом. Преобразования в рамках конкретной этнической формы возможны благодаря диалогичности, асинхронности использования механизмов культуротворчества – процессов сохранения традиции и факторов обновления, составляющие целостность культуры, где «прошлое» – существенно и ценно, но современниками воспринимается в преобразованном виде. И как уже было сказано выше, личность, субъект в этой конструкции имеет одновременно иницирующую роль и испытывает обратное влияние культуры. Дефиниция культуротворчества в этнокультурной досуговой деятельности предстает, с одной стороны, как реализация творческих потенций личности, с другой предполагает герменевтическое осмысление этнических процессов.

В современных условиях утраты связи поколений, утраты традиционности в обществе, понимание «устойчивости» и новаторства в этнокультурной досуговой деятельности смещает акценты их интерпретации. Обращение к народной культуре порой носит уже познавательный характер, привлекательной стороной, в первую очередь, становится реализация творческого потенциала личности, некое увлечение традицией. Следовательно, в условиях, когда для современного человека традиционная художественная культура становится сферой неизвестного, нового, важно предложить и направить его сущностные потребности в творчестве на национально-идентифицирующие начало.

Логичным и естественным, в этом смысле, выглядит обращение к фольклору – народному искусству, выражающему национальные идеалы и национальное самосознание. Традиционные праздники сконцентрировали в себе весь синкретический образ фольклора, соединяя в себе песенную и хореографическую традицию, игры, поэтическое слово и народный театр, рукоделие и ремесла. Возможности организации этнодосуговой деятельности в этом смысле широки:

- в традиционной народной культуре представлен обширный спектр форм творческой направленности, с учетом их взаимодействия;
- возможно варьирование от индивидуального до группового, массового потребления с контекстным влиянием на решение круга проблем, связанных с социализацией личности;
- она предполагает уровень ожидания погружения и развития в творчестве, относительно собственных возможностей и желания личности (обоснование этому кроется в определении фольклора как «предискусства»), создавая максимально комфортные условия.

Развитие культуротворческого потенциала через расширение деятельности, основанной на практическом освоении фольклора, поможет корректировать умение личности «вписываться» в этническую культуру,

станет условием продуцирования этой личностью ценностей этнокультуры. Таким образом, культуротворчество в этнокультурной досуговой деятельности становится, как и в исследовании О. В. Гусевой, «каналом трансляции ценностей этнической культуры, областью, формирующей национальную культурную микро- и макросреду» [1, с. 6].

Итак, культуротворчество в контексте этнокультурной досуговой деятельности обозначим как реализацию сущностных творческих усилий индивида в выявлении, освоении, интерпретации этнокультурного наследия, активизирующее национальное самосознание, способствующее возобновлению и сохранению традиционных духовных ценностей этнической культуры.

-
1. Гусева, О. В. Культуротворческий потенциал музыкального образования в условиях индустриального региона: дисс. на соиск. уч. степени канд. культурологи / О. В. Гусева. – Кемерово, 2003. – 183 с.
 2. Культура и человек. Материал из Letopisi.Ru, «Время вернуться домой».
 3. Леонтьева, В. Н. Онтология культуры: экзистенциально-антропологические основания культуротворчества / В. Н. Леонтьева. nbuv.gov.ua> Портал Наукова періодика>... 2009_27/Gileya27/F11.pdf
 4. Человек в мире культуры: ...Традиции и новации в динамике культуры. filo-lecture.ru

Е. Г. Миляева

Челябинский институт экономики и права им. М. В. Ладощина

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ О СВОБОДЕ КАК ОСНОВНОЙ ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В начале XXI века, благодаря научно-техническому прогрессу, впервые человек получил почти безграничные возможности для осуществления своей свободы во всех сферах своей жизни. Так, наука и техника допускают всевозможные изменения тела, которое всю историю человечества служило самыми надежными его границами. Современные информационные технологии позволяют создавать виртуальных личностей, совершенно не похожих на своего создателя, но успешно живущих в виртуальных мирах. Но так как возможностей для воплощения свободы стало больше, а нормы и ориентиры человеческой культуры не успевают их регулировать, то бездумно и безудержно осуществляя свою свободу современный человек может привести себя к гибели, а человеческую цивилизацию на грань уничтожения. Поэтому основной проблемой дальнейшего существования человека становится вопрос о соотношения свободы и ответственности, необходимым фундаментом для исследования которого могут служить только философские исследования человека.

Благодаря представленным современным возможностям для саморазвития и самореализации человека, предоставляемым современными

социокультурными достижениям человечества, по мнению российского исследователя проблем человека в условиях современного общества потребления Г.Л. Тульчинским, в настоящее время «человек обречен на выбор, на самоопределение, на ответственность за позицию и последствия» [6] и в ответе на вопрос «Что есть человек?» «на первый план выходит главное - наличие сознания и самосознания, автономной мотивации, а значит - свободы воли и ответственности» [7]. В таком же русле завершаются размышления Е. О. Труфановой о том, что сейчас от человека требуется «большей активности, нежели в предыдущие эпохи – современный человек должен сам выбирать, как именно, на каком фундаменте и из каких элементов ему конструировать свое Я и свою идентичность, как именно он обустроит лабиринт, в котором ему предстоит странствовать» [5].

Большинство современных философов считают, что человек – это сложная, динамически развивающаяся и постоянно изменяющаяся система. Например, два известных российских философа М.С. Каган и П.С. Гуревич сходятся во мнении, что «человек – незавершенная и, видимо, обреченная на вечное саморазвитие система» [3], «Да, человек – это открытая возможность. Он не завершен и не может быть завершен. Но при всех своих трансформациях он не утрачивает фундаментальных основ. Наблюдая за изменениями в биологической или духовной сфере человека, мы по-прежнему говорим «Это человек!» [4].

По мнению Н. Л. Моториной, при всех наблюдаемых изменениях одной из важнейших характеристик человека остается его свобода, рассматриваемая как фундаментальная антропологическая константа, как экзистенциальная, сталкиваясь с которой человек становится проблемой для самого себя, что подвигает его на изменения и преодоление заданных природой и обществом границ [4]. Размышляя о будущем человечества, С. С. Хоружий утверждает, что «за Человеком остается всегда его неотчуждаемая свобода» [8].

Свобода в философской антропологии рассматривается с двух точек зрения, первая из которых трактует свободу как осознание необходимости, а вторая утверждает верховенство свободы над бытием. Исходя из первой точки зрения, возможно утверждать, что человек обязан осознавать свою ответственность за собственные изменения и изменения мира вокруг себя. Но вторая точка зрения не менее важна, что подтверждают слова Н. А. Бердяева о том, «что свобода есть определение человека не извне, а изнутри, из духа. Духовное начало в человеке есть истинная свобода, а отрицание духа, додуманное до конца, – неизбежно есть отрицание свободы» [1]. Поэтому размышляя о свободе человека, о ее границах, о свободе выбора, необходимо постоянно помнить о том, что сама по себе свобода не знает границ, отделяющих ее от преступления, от хаоса, от анархии. Это знает только человек, знает благодаря своей включенности в окружающую его культуру, которая обуздывает опасный для его существования хаос задавая нормы, идеалы, ценностные ориентиры.

Таким образом, как пренебрежение к оценке последствий неосознанной свободы и так и попытка полностью контролировать свободу могут одинаково к вырождению самого человека как родового существа. На мой взгляд, можно сделать вывод о том, что современный человек для полноценного бытия в мире может и должен осознавать свою индивидуальную свободу в ее целостности и сопричастности с неповторимой и уникальной свободой всего человечества.

1. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н.А. Бердяева // Он-лайн библиотека «Ве-хи». – URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/carstvo.html> (дата обращения: 12.09.12.)
2. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека / П.С. Гуревич // Вопросы философии. – № 3. – 2009. – С. 19–32.
3. Каган М. С. Человек как проблема современной философии / М.С. Каган // Сайт «Антропология». – URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/man.html> (дата обращения: 12.09.12.)
4. Моторина, Л. Е. Философская антропология: Учеб. пособие для вузов / Л. Е. Моторина. – М.: Высш. шк., 2003. – С. 154.
5. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей / Е. О. Труфанова // Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 13–22.
6. Тульчинский, Г. Л. Свобода как человеческое измерение бытия / Г. Л. Тульчинский // Сайт «Экзистенциальная и гуманистическая психология». – URL: <http://hpsy.ru/public/x2870.htm> (дата обращения: 12.09.12.)
7. Тульчинский, Г. Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности / Г. Л. Тульчинский // Сайт «Экзистенциальная и гуманистическая психология». – URL: <http://hpsy.ru/public/x3151.htm> (дата обращения: 12.09.12.)
8. Хоружий С. С. Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта / С. С. Хоружий // Сайт «Вопросы философии». – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=223&Itemid=55 (дата обращения: 12.09.12.)

О. В. Мошкина

Челябинская государственная академия культуры и искусств

РОЛЬ МЕДИАКУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ САМОРАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Мы живем в своеобразное время, которое современные исследователи называют по-разному. Для одних это так называемое «постиндустриальное общество», для других – «информационная эпоха», эпоха глобализации. Очевидно то, что мы живем в мире медиа – расширяющейся системы массовых коммуникаций, «информационного взрыва» (по определению канадского социолога Маршалла Маклюэна), основными характеристиками которого являются хаотичность, беспредельность и избыточность [7, с. 5]. Медиа (от лат. «media», «medium» – посредник, средство) – это термин XX века, первоначально введенный для обозначения феномена «массовой культуры» («mass culture», «mass media»). Что касается понятия «медиакультура», то это детище современной культурологической теории,

введенной для обозначения особого типа культуры информационного общества, являющейся посредником между обществом и государством, социумом и властью [7, с. 8].

Известный исследователь в области медиа Н. И. Гиндина провела анализ различных определений, связанных с понятием информационной культуры. Как в России, так и за рубежом используются (часто как синонимы) такие наиболее распространенные термины, как «медиакультура», «медийная культура», «информационная культура», «аудиовизуальная культура», «медиаграмотность», «информационная грамотность», «аудиовизуальная грамотность», «медиаобразованность», «информационная образованность», «аудиовизуальная образованность», «компьютерная грамотность», «мультимедийная грамотность», «информационная компетентность», «информационная компетенция», «медиакомпетентность», «медийная компетентность», «аудиовизуальная компетентность», «аудиовизуальная компетенция», «медиакомпетенция», «медийная компетенция» и др.

Н. И. Гиндина обнаружила, что в современном мире «используется неунифицированная терминология, зачастую без четкого определения, взамен таких близких по смыслу понятий, характеризующих знания и умения человека по работе с информацией, как «культура общения», «культура чтения», «культура речи» все чаще используются понятия «компьютерная грамотность», «информационная грамотность», «информационная культура» [2, с. 32].

В настоящее время осуществляется «удвоение культурной среды», при котором все достижения человечества, полностью отраженные ранее в письменных текстах, получают аудиовизуальное выражение (аудиовизуализация или «визуализация» культуры). В перспективе любой значит, текст предстает не только гипотетически, но и фактически существующим в виде вербально-письменного и аудиовизуальных взаимопереводных носительных эквивалентов. Специфика аудиовизуальной культуры определяется ее семиотической природой и техническими возможностями средств ее реализации: высокая информационная емкость, легкость и убедительность чувств, (образного) восприятия, доминирование репродуктивных возможностей над продуктивными, скорость и широта трансляции и тиражирования. Аудиовизуальная культура сравнительно с вербальной коммуникацией оказывается психологически более емким и легким, но менее систематичным и рациональным, социально – более массовым и доступным, но менее стабильным и однонаправленным. В коммуникативной функции аудиовизуальная культура быстро становится ведущим средством массовой коммуникации (в форме телевидения), принимая на себя связанные с этим социально-регулятивные обязанности, приобретая соответствующую институализованность и вступая в политико-идеологические и организационно-экономические связи, оказывающие серьезное влияние на его развитие. В собственно культурной функции, акцентируя внешние чувственно воспри-

нимаемые стороны культурных явлений, аудиовизуальная культура осуществляет соответствующий отбор и создает в современной культуре перевес чувственного над интеллектуальным, реализуясь гораздо больше в специфическом феномене массовой культуры, чем в далеко не чуждой ей наглядно-просветительной миссии [2, с. 67].

Развитие аудиовизуальной культуры в ее эстетической функции происходит за счет постепенного художественного освоения технических возможностей аудиовизуальной специфики. Центр, звено этого освоения - развитие повествовательных структур (взаимоотношений рассказа и показа), соответствующих эстетическим потребностям аудитории и формирующих жанрово-стилистическую определенность аудиовизуальных текстов и их способность образовывать общезначимые смыслы. В целом история видов аудиовизуальной культуры соответствует общему направлению развития средств коммуникации, при котором новые средства оказываются все более приспособленными к объективному и детально точному воспроизведению фактов действительности, а прежние виды принимают на себя функцию их более глубокого и обобщенного осмысления.

Аудиовизуальная культура оказывается способной уже в самом усложнении своего развития на протяжении XX века выразить гипотетические смыслы истории культуры. Ее отражающие свойства оказываются наиболее «зеркальными», что подчеркивает ее актуальность как культурозначимого фактора. Позволительно рассматривать медиакультуру в исторической репрезентации, в контексте социального функционирования и как знаковую систему, некий «код», с помощью которого передается информация об окружающем человека мире. Медиакультуру можно определить как совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Медиакультура включает в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия; она может выступать и системой уровней развития личности, способной читать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиаторчеством, усваивать новые знания посредством медиа и т. д. [5, с. 13].

Интенсивное развитие медиакультуры, в особенности аудиовизуальной (кабельное и спутниковое ТВ, видео, кино, компьютерные каналы и т. д.), все более активно влияет на общественное сознание как мощное средство информации, культурных и образовательных контактов, как фактор развития творческих способностей личности.

В этой связи особенно актуальным является вопрос о медиаобразовании, который как никогда в центре внимания сегодня.

Медиаобразование предоставляют человеку возможность индивидуального общения с экраном в интерактивном режиме как с целью реализации сво-

их творческих идей, используя преимущества «виртуального» мира, так и с целью познания «другого».

Роль медиакультуры в обществе растет невиданными ранее темпами, являясь комплексным средством освоения человеком окружающего мира в его социальных, интеллектуальных, нравственных, художественных, психологических аспектах.

Однако в условиях массового внедрения информационных и компьютерных технологий расширились не только позитивные, но и негативные методы воздействия СМК как на отдельного человека, так и на общество в целом. Размывание границ между «массовым» и «элитарным» стало отличительной чертой культурной парадигмы информационного общества, ориентированного на всеядность идей и компромисс эстетических позиций. Компьютерные и телекоммуникационные технологии становятся своеобразным инструментом информационной, политической и духовной экспансии, средством для создания новых социальных мифов [6, с. 141].

Для того чтобы рассмотреть данный вопрос глубже, обратимся к современному телевидению и интернету или, как их определяют многие исследователи, к экранной культуре.

С одной стороны экранная культура, вбирая в себя аудиовизуально-образные возможности кинематографа, дополняя и трансформируя их становится материальным носителем нового типа культуры во всех ее формах: информационной, художественной и научной. Она является толчком к новому типу общения, основанному на возможностях свободного выхода личности в «информационное пространство».

С другой стороны исследователями выявлено, что популярности экранной культуры «сильно способствовал общий культурный спад в стране: резко снизился уровень школьного образования, существенно утрачен престиж науки, распались многие традиционные институты серьезного искусства и просветительства. Отсеченная от высокой культуры публика, естественно, пополняет армию массового экранного зрителя» [6, с. 302].

«Дело в том, – отмечает М. Бахтин – что информация, которая считывается с экранов, представляет собой мозаику, сплошной непрерывный клип». Для той картины мира, которую мы наблюдаем на экране, характерны «кусочнообразность», «осколочность» и «коллажность» [4, с. 228].

По телевизору мы наблюдаем бесконечные реалити-шоу, сериалы, игровые программы, интерактивные зрелища, в которых и таится главная опасность для человека, состоящая в пассивной адаптации жизни. Экранная культура формирует и мировоззрение, и бытовое поведение человека, прививает ему определенные поведенческие образы, стремление к моде и речевое своеобразие. И, как правило, это отнюдь не такие уж позитивные и подлинные стереотипы.

Экранная культура реально способствует тому, что человек в сегодняшней России занят пассивной адаптацией к тому, что ему показывают. Об этом говорят и физиологи, и психологи, и философы.

В этом смысле проявила себя важнейшая проблема современности – это очевидный переход на речевую свободу. Олицетворением ее стала активная и чрезвычайно разнообразная деятельность медиакультуры. На смену грамотным речам пришло свободное говорение, часто не грамотное, но более интересное. Экранная культура демонстрирует нам бытовую беседу повсеместно. Состояние литературного стандарта находится в зависимости от процессов разговорно-речевой стихии, от моды на агрессивность речевого поведения, которую нам демонстрируют многочисленные эфиры ток-шоу и реалити-шоу.

Среди причин, объясняющих агрессивность речевого поведения, В. И. Коньяков называет агрессивность бытового поведения, как следствие вседозволенности, свойственной переходности, уничтожающей существующие ранее нравственные и духовные ценности и не создающей новые [3, с. 36].

Подводя итог в анализе медиакультуры и ее значении для современного человека, понятна пограничность, двунаправленность исходного термина. С одной стороны наблюдается масштабный потенциал развития современной медиакультуры, появляются новые средства и технологии медиакommunikаций; общение все больше становится виртуальным. Медиакультура открывает для человека новые возможности самосовершенствования. С другой – явление характеризуется однобокостью, связанной с агрессией вещания, зачастую идущей наперекор всем нормам образцового поведения и речи человека.

1. Борецкий, Р. В. Осторожно, телевидение. Научно-публицистические заметки / Р. В. Борецкий // под общ. ред. Я. М. Засурского. – М.: Икар, 2002. – 260 с.
2. Гиндина, Н. И. Аудиовизуальная культура [электронный ресурс] / Н. И. Гиндина // http://www.dissert_dr/nagornadis.html
3. Гринин, Л. Е. Феномен информационного общества: «люди известности» / Л. Е. Гринин // Философия и общество. – 2004. – № 2. – С. 5–23.
4. Засурский, Я. Н. ТВ опасно тем, кому оно нравится / Я. Н. Засурский; под общ. ред. Р. В. Борецкого Р. – М.: Икар, 2002. – 260 с.
5. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика: учебное пособие / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический Проект; Культура, 2008. – 496 с.
6. Кириллова, Н. Б. Медиакультура новой России: методология, технологии, практики [сб. науч. статей Междунар. науч. конф.] / Н. Б. Кириллова. – М.: Акад. Проект, 2007. – Т. 2. – С. 239–254.
7. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический Проект, 2005. – 448 с.
8. Коренной, А. А. Информация и коммуникация / А. А. Коренной. – Киев, 1986. – 234 с.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Старообрядчество (староверие) – особое название русского духовенства и мирян, отказавшихся присоединиться к реформе, предпринятой в XVII в. патриархом Никоном, и сохранявших церковные установления и традиции древней Русской Православной Церкви. Среди старообрядцев сложилось несколько отдельных церковных организаций (иногда называвшихся толками или согласиями), каждая из которых официально именует себя Древлеправославной (Православной) Церковью, а своих последователей – православными христианами, бытует самоназвание «староверы» с прибавлением указания на принадлежность к определенной старообрядческой Церкви. Слова старообрядчество, «старообрядец», хотя и распространены в качестве самоназвания, некоторыми старообрядческими богословами считаются неточными, так как акцентируют приверженность не старой вере, а только старому обряду. В дореволюционной литературе, как правило, старообрядчество именуются «расколом», а староверы – «раскольники».

В конце XVII в. старообрядческое движение отпочковалось от РПЦ окончательно. С этого момента оно выделилось в особое религиозное направление, которое можно охарактеризовать как эсхатологическую направленность русского православия. Христианское учение о «последних временах» и о «втором пришествии» Иисуса Христа, получившее позднее наименование эсхатологии, возникло еще в I в. Тогда же появилось учение об «Антихристе» (антихристология) – злейшем сопернике Христа, под которым первоначально подразумевался римский император Нерон. Согласно антихристианским представлениям, Антихрист будет господствовать в мире накануне нового пришествия божественного спасителя. Но его царство будет недолговечным. Скоро вновь явится Христос во главе небесного воинства и окончательно низвергнет «врага рода человеческого», установив «тысячелетнее царство Христово». В этих религиозных представлениях отразилась и ненависть первых христиан к римскому владычеству, и их бессилие в борьбе с социальным гнетом и несправедливостью, и их иллюзорные надежды на установление сверхъестественным путем утопического царства добра и справедливости. Позднее христианская церковь сгладила наиболее острые углы эсхатологии и христологии, в которых отразились бунтарские, демократические настроения первых христиан, нейтрализовала их социальное звучание.

Старообрядческие идеологи выработали религиозную доктрину, в основе которой лежали эсхатологические (и антихристологические) идеи. В соответствии с различной трактовкой эсхатологических идей происходило

разделение самого старообрядчества на два основных течения: поповщину и беспоповщину. В дальнейшем выделились новые старообрядческие течения – «толки» и «согласия». В основе данного процесса лежала социальная неоднородность старообрядческого движения, различия в оценке российской действительности теми или иными социальными группами, слоями, сословиями, вовлеченными в него. *Эсхатологические идеи старообрядчества выражали бессилие участников этого религиозного движения в их борьбе за осуществление политических и социальных требований собственными силами, путем открытой политической борьбы.* Массовый характер старообрядчество приняло не в период восстания Разина и Соловецкого монастыря, а после их разгрома.

Отчаявшись изменить ход борьбы в свою пользу, сторонники «старой веры» проклинали ненавистное им дворянское государство, объявив его царством Антихриста. Но поскольку гибель Антихриста ожидалась не от людей, а от божественного вмешательства, то старообрядцы свои надежды возложили на небесное спасение. Тем самым протест социально-политический облекается в форму протеста религиозного, уводящего в сторону от основного русла классовой борьбы. Начиная с конца XVII в. эсхатологические воззрения, в частности учение о воцарении в «мире» Антихриста, занимают ведущее место в вероучении старообрядчества, *приобретают силу догмата*, определяющего его отношение к «миру», т.е. к крепостническому государству.

Характерной чертой старообрядчества с этого периода становится резкое противостояние «истинно верующих христиан» (т.е. старообрядцев) «миру», в котором воцарился Антихрист. «Истинно верующие», следуя заветам протопопа Аввакума, воздерживались от какого бы то ни было общения с «мирскими» представителями «мира» Антихриста – в еде, питье и молитве. Для того чтобы избежать причастности к «миру» Антихриста и тем самым уйти от «вечной гибели», наиболее фанатичные и последовательные сторонники староверия избирали такую форму религиозного протеста, как массовое самосожжение. Семьями и целыми деревнями запирались они в срубы, скиты, церкви и сжигали себя заживо, полагая, что «огнепальное крещение» очистит их от «антихристовой скверны» и откроет путь в царствие небесное. По некоторым данным, явно преуменьшенным, сгорело около 20 тыс. староверов. Десятки тысяч староверов бежали в глухие леса Севера, Урала, Сибири, на вольный Дон и за пределы России – в Турцию, Польшу, Пруссию, Австрию, Румынию, Болгарию и другие страны.

Эсхатологические идеи определили религиозную специфику старообрядцев. Весьма характерна при этом, что чем больший удельный вес занимала эсхатология в вероучении того или иного старообрядческого течения, тем дальше уходило оно от православия, тем фанатичнее были его последователи. Эсхатология была своего рода социальным барометром, позволяющим определить глубину и степень протеста отдельных течений старообрядчества против самодержавно-крепостнического гнета.

В умеренных, соглашательских течениях выражались интересы представителей буржуазии и староверов, склонных к компромиссу с самодержавием. Эсхатологические идеи занимали почти такое же место, как и в православии, хотя, в крайних радикальных течениях, где руководящую роль играли демократические элементы, роль эсхатологии была определяющей.

Вопрос об оценке религиозной сущности старообрядчества не решен окончательно и в настоящее время. Как известно В. Д. Бонч-Бруенич полагал, что старообрядчеству следует решительно отмежеваться от сектантства и что с религиозной точки зрения старообрядцы согласны с православием по всем основным вопросам вероучения, догматики, по взглядам на Священное Предание и Священное Писание, расходясь с ними только в некоторых обрядовых подробностях и тонкостях [см.: 1, с. 17].

Н. М. Никольский считал возможным некоторые старообрядческие течения считать сектантством (федосеевцы, филипповцы, странники) [см.: 3]. Некоторые современные исследователи склонны все старообрядчество включить в сектантство [см.: 4].

Интересна оценка старообрядчества А. И. Клибановым. Он полагал, что это движение во многом носило характер патриархальных ересей [3, с. 59–50]. Считая, что старообрядческие движения отдали большую или меньшую дань патриархальной традиции, он вместе с тем полагал, что они означали конкретно призывы к «старине» у вовлеченных в это движение старообрядцев. Реальная действительность обращала их к торговой и промышленной деятельности, невзирая на идеализацию прошлого и лозунги в защиту старины.

Апелляция к ветхозаветной старине, к христианству «времен апостольских» была характерна и для протестантизма, в том числе и для такой его разновидности, как сектантство. Важны не только сами по себе религиозные лозунги, а то, каким конкретно социальным содержанием они наполнялись. Зачастую приверженность старообрядцев старым обычаям была лишь полемическим приемом, позволяющим вести борьбу с православием на легальной основе: ведь православным миссионерам невозможно было доказать, что обряды и традиции православия до церковной реформы Никона были «еретическими». Кроме того, обращение к «старине» придавало авторитет вероучению среди рядовых верующих.

Старообрядчество в целом представляло собой религиозное направление, которое, с одной стороны, смыкается с православием, а с другой – в лице некоторых течений беспоповщины – имеет точки соприкосновения с сектантством. Все многочисленные старообрядческие течения признают единственно правильными старопечатные книги, иконы «старого письма», написание слова Иисус, а не Иисус; восьмиконечный крест (в православной церкви признается наряду с ним шестиконечный и четырехконечный); двоеперстное крестное знамение вместо троеперстного; служение на семи

просфорах, а не на пяти; хождение вокруг аналая посолонь (т.е. по солнцу), а не против солнца; сугубую, а не трегубую аллилуйю (т.е. троекратную) и т.д. Подобно православию, но в отличие от сектантства, старообрядцы признают не только Священное Писание, но и Священное Предание (т.е. решения первых семи Вселенских Соборов и учение так называемых Отцов Церкви). Все эти внешние отличия не имеют большого значения. Изменением «веры» церковная реформа казалась лишь консервативно настроенным верующим.

Можно считать, что Русская Православная церковь в период никонианских реформ, свершила «великий грех», разбив единую православную веру народа, и этот грех она должна искупить путем объединения различных ветвей русского православия.

Характерной чертой старообрядчества является то, что в его организациях в отличие от православной церкви огромную роль играли миряне. В беспоповщине наставник избирался из мирян, «простецов», т.е. лиц, не облеченных «благодатью» священства. В беглопоповщине миряне нанимали священника, переходившего к ним из православия, но при этом ограничивали его деятельность исполнением религиозных функций. Однако с возникновением самостоятельных церквей роль духовенства возросла, хотя и оставалась на более низком уровне, чем в православной церкви.

Дониконовские церковные традиции сохранились более или менее в неизменном виде только в поповщине – умеренном старообрядческом течении. Первоначально поповцы использовали для богослужения и совершения обрядов священников, переходивших к ним из официальной Православной Церкви, за что и получили прозвище беглопоповцы.

В 1846 г. возникла первая самостоятельная старообрядческая церковь – белокриницкая иерархия, или «австрийское согласие», получившая свое название от села Белая Криница в Австрии, где первоначально находился ее организационный центр во главе с митрополитом Амвросием. (В настоящее время Белая Криница находится в Черновицкой области в Украине). Вскоре образовалась независимая от митрополии в Белой Кринице церковь «австрийского согласия» в России. Эта старообрядческая церковь, обосновавшаяся на Рогожском кладбище в Москве, превратилась в наиболее крупное и влиятельное течение в поповщине, поглотившая большую часть беглопоповщины. В острой борьбе с этой церковью беглопоповщина, отрицавшая «законность» и каноничность белокриницкой иерархии, потерпела крах.

Промежуточным направлением между поповщиной и беспоповщиной является часовенное согласие, получившее широкое распространение в Сибири и на Урале. В этом согласии служба совершается в часовне (т.е. в небольшом молитвенном здании без алтаря), а роль священника выполняют уставщики (миряне, знающие церковный устав).

Не случайно, именно на Урале была построена церковь на Белой горе, при которой был создан мужской монастырь с количеством монахов более 440 человек. Церковь была построена на месте «Царского креста», который там воздвигли в честь спасения цесаревича Николая (Николая II, едва не погибшего от нападения в Токио). Эта церковь была освещена только в 1918 году, на данной церемонии присутствовала Елизавета Федоровна, принявшая монашеский сан после убийства своего мужа народо-вольцами. После освящения церкви на Белой горе Елизавета Федоровна возвращается в город Алапаевск, где была схвачена и вместе с камеристкой, врачом и двоюродными братьями Николая II и была заживо сброшена в шахту, из которой неделю раздавалось пение псалмов. После прихода Чешского корпуса в город останки Елизаветы Федоровны и ее близких были перевезены с Урала через Китай в Израиль, где она часто бывала с мужем, возглавлявшем русское подворье в Палестине, и, где мечтала она еще при жизни, быть погребенной.

Главную цель, которую преследовало строительство такой огромной церкви (По образцу современного храма Христа Спасителя в Москве), воцерковить население Урала, «перекрестить» старообрядцев в православных мирян, снять принцип противления среди них по отношению к государственной власти.

Беспоповщина – радикальное направление в старообрядчестве, значительно удалившееся в своей эволюции от православия. Ее последователи отвергли церковную иерархию, отказавшись тем самым от «тайнства» священства, а по существу и от остальных православных таинств, поскольку их осуществление связано с наличием специального института священнослужителей. Идеологи беспоповщины выдвинули положение, что «каждый мирянин есть священник», т.е. это сближало их с протестантизмом. Роль священнослужителей у них исполняют выборные наставники из мирян, по существу не отличающиеся от протестантских пресвитеров.

Все беспоповцы признают обряд крещения и придают ему особое значение. Переход от одного старообрядческого согласия в другой (а тем более в православие) совершается через перекрещивание. Некоторые беспоповцы крестили себя сами («самокрещенцы»), у других данный обряд совершала повивальная бабка («бабушкино согласие»), но в большинстве беспоповских толков и согласий обряд исполнял наставник или уставщик.

О брачном обряде в беспоповщине шли длительные споры, в результате которых умеренная часть беспоповцев, так называемые «брачники», признала необходимость брака, а другая – «безбрачники» – отвергла. Покаяние (исповедь) и причащение сохранились в беспоповщине в значительно упрощенном виде, по сравнению с церковной формой. Так причащение стало трактоваться как духовное приобщение к Богу.

Отдельные мелкие толки беспоповщины (немоляки, неплатильщики, «дырники») вообще отказались от религиозных обрядов. Например, дырники

отрицали как иконы, так и церковные книги, полагая, что «антихристова скверна» не миновала и их. У дырников сложился интересный обряд, заключающийся в том, что утром, во время восхода солнца, они молились, обернувшись лицом в его сторону. В избе для этой цели прорубалось специальное отверстие («дыра»), затыкавшееся кляпом (отсюда и пошло их название).

Некоторые изменения имели место и в вероучении. Так, большинство беспоповцев признавало воцарение антихриста «духовного», подразумеваемая под этим «лжеучителей», «собрание нечестивых» и т.п. Здесь их взгляды разошлись как с вероучением православия, так и католицизма, признававших Антихриста личного (т.е. воплощенного в конкретном лице). Заметим, что протестантизм также толкует понятие Антихриста как духовное начало. Таким образом, в беспоповщине можно отметить значительные отступления от православия, сближающее это направление с протестантизмом и, в частности, с таким его ответвлением, как сектантство.

Основными толками беспоповщины являются поморский, федосеевский, нетовский и страннический. В дальнейшем от крупных толков отделились мелкие согласия, число которых несколько десятков.

С момента своего возникновения старообрядческая «поповщина» отличалась значительно большей умеренностью по сравнению с «беспоповщиной». Эсхатологические мотивы, характерные для раннего старообрядчества, со временем отошли в ней на задний план. Основное место во внутренней жизни беглопоповских общин XVIII в. занимали споры о том, каким «чином» принимать попов, перешедших на сторону старообрядцев из православия: через перекрещивание, миропомазание или простое проклятие новообрядческой «ереси». Наиболее умеренная часть беглопоповцев последовательно облегчала условия перехода беглых священников в старообрядчество, а в конце XVIII в. вступила в открытое соглашение с православной церковью, результатом которого явилось единоверие.

После крестьянской реформы 1861 г. произошло новое размежевание сил в поповщине, приведшее к дальнейшему упрочению умеренного, соглашательского ее крыла. В 1862 г. группа сторонников Белокриницкой церкви, недавно возникшей, но очень быстро превратившейся в наиболее влиятельное и многочисленное течение поповщины, выступила с так называемым «Окружным посланием». В этом документе осуждалось беспоповское учение о пресечении православного священства и воцарения Антихриста. Вместе с тем в нем по сути дела признавались те нововведения, которые были сделаны в период церковных реформ Никона. В вину господствующей церкви ставились лишь преследования старообрядцев за веру. «Окружное послание» отражало настроения старообрядческой буржуазии, заинтересованной в сближении с господствующей церковью, в том числе и с царизмом. Многие рядовые старообрядцы справедливо увидели в этом отказ от борьбы за старую веру. Поэтому опубликование «Окружного послания» привело к расколу Белокриницкой церкви на «окружников» и

«противоокружников», или «раздорников». «Раздорники, выступавшие решительными борцами за «старую веру», не только отвергали этот документ, но и признали невозможным совершать богомоления за царя. Свою опору они нашли среди рабочих в знаменитых Гуслицах – крупном промышленном центре на границе Московской, Рязанской и Владимирской губерниях. Разногласия, возникшие внутри Белокрыницкой церкви, были в основном преодолены только после революции 1905 г., хотя их отголоски сохранились вплоть до наших дней.

В беспоповских толках и согласиях учение о воцарении Антихриста с самого начала играло большую роль, чем в поповщине. В некоторых беспоповских толках это учение имело даже определяющее значение. Не отрицая в принципе монархию, беспоповцы объясняли свое оппозиционное отношение к царской власти главным образом тем, что она преследовала старообрядчество и покровительствовала господствующей церкви. В силу этого большинство беспоповских течений длительное время исключало богомоление за царя. Религиозные обряды православной церкви беспоповцы воспринимали лишь частично, в упрощенной форме. Религиозная жизнь общины направлялась у беспоповцев выборными наставниками. Характерной чертой беспоповщины является ее эволюция от радикализма и аскетизма к умеренности и соглашательству. Эта эволюция была вызвана двумя причинами: изменениями в социально-экономическом строе России в связи с развитием капиталистических отношений и ростом влияния во всех беспоповских течениях буржуазных элементов.

В этом отношении показательна история поморского толка, основанного в конце XVII в. Во взглядах первых поморцев, обосновавшихся в Выгодской общине, резко противопоставлялись «мир» и «христиане евангельского проповеданья». Они отрицали царскую власть («за царя не молим»), не принимали из «мира антихриста» попов («священства не имели и беглых попов не принимаем»). Перед кончиной мира – «она же не заслонит» – рекомендовалось вести добродетельную и аскетическую жизнь. В связи с близким концом света брак объявлялся утратившим всякий смысл.

Однако социальная дифференциация скоро привела к серьезным отступлениям в вопросах об отношении к «миру». Знаменитые «Поморские ответы», выражавшие интересы зажиточной верхушки Выгодской общины, пронизаны стремлением обезопасить общину со стороны самодержавия. Без сопротивления поморцы согласились на введение двойного подушного оклада, рекрутской повинности (с правом откупа за деньги) и ввели богомоление за царя. В конце XVIII в. в поморском толке возникло направление «брачников», или «новоженов», выступивших сторонниками семейной жизни и покончивших, таким образом, с первоначальным аскетизмом.

Подобные же изменения произошли и в других беспоповских толках, хотя они и имели уже сторонников брачной жизни, являвшихся, как правило, представителями торгово-промышленных кругов старообрядчества.

Безбрачие тяготило зажиточную верхушку, имевшую свои дома, семьи, детей. Поэтому капиталисты-старообрядцы нередко переходили из радикальных толков или согласий в более умеренные, признававшие брак, как это, например, проделали крупнейшие фабриканты Москвы – братья Гучковы, которые в 1847 г. перешли из федосеевской общины в поморскую, а из нее в 1853 г. – в единоверие.

Пролетарские и полупролетарские элементы в старообрядчестве, в противоположность капиталистическим, примыкали к более радикальным согласиям беспоповщины. Однако с конца XIX в. влияние религиозной идеологии на рабочих заметно ослабевает в связи с ростом классового самосознания.

Накануне Октябрьской революции во всех основных толках старообрядчества социальная дифференциация привела к резкому противостоянию богатой верхушки и старообрядческих низов. Особенно это относилось к Белокриницкой церкви, беглопоповщине и к поморскому толку – наиболее крупным старообрядческим течениям того времени. Данный процесс протекал интенсивно в крупных городах и промышленных центрах.

Более сложная расстановка классовых сил наблюдалась в мелких толках и согласиях, где социальная дифференциация еще не завершилась до конца и поэтому отсутствовала столь же четкая расстановка классовых сил. Там господствовала патриархальщина, невежество, что создавало благоприятную обстановку для религиозной идеологии. В них кулачество играло главную роль, использовало религию в своих социальных интересах.

Особенно отличался страннический, или бегунский, толк, последователи которого именуют себя «истинно православными христианами» (ИПХС). В странничестве, возникшем на почве народного протеста против барщины и рекрутчины, забитое, темное и невежественное крестьянство нашло религиозное оправдание такому широко распространенному социальному явлению в царской России, как бегство от царя и помещика [см.: 3].

В вероучении странников особый упор делался на старообрядческий догмат о воцарении в мире Антихриста. По мнению основателя толка Евфимия, апокалиптических зверь есть царская власть, икона его – власть гражданская, тело его – власть духовная. Так как победить Антихриста может только Бог, то истинно верующему надлежит «таиться и бегати», чтобы, таким образом, порвать все связи с «миром» и уклониться от всех гражданских повинностей – «невидимых знаков власти антихристовой»: записи в ревизии, платежа податей, службы, присяги. В своей практической деятельности странники руководствовались следующей евангельской заповедью: «...дружба с миром есть вражда против Бога! Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Послание Иакова, 4:4).

Страннический толк состоял из двух категорий людей: крещенных «истинно православных христиан странствующих» и «жиловых» (или

«жилых») странников (другие названия «жиловых» – «пристанодержатели», «благодетели», «мирские» странники). Странники после обряда крещения меняли имя, становились, как бы монахами и обязаны были избегать любых контактов с «миром».

Истинные странники прятались в специальных тайниках у «жиловых» (поэтому их называли в различных местностях «скрытниками», «подпольщиками», «голбешниками») или в скитах, расположенных в недоступных местах. «Жиловые» проживали открыто и несли все государственные повинности, но перед смертью они уходили в тайник и перекрещивались, также превращаясь, хотя бы символически, в странников. Пристанодержавство связывало страннический толк в одно целое.

Страннический толк, как и другие старообрядческие течения, претерпел некоторые изменения. В нем возникли согласия радикального характера, отражавшие интересы патриархальных слоев крестьянства. Некоторые из них отрицали возможность использования верующими денег, поскольку на них имелась «антихристова печать» – двуглавый орел (так называемые безденежники), другие отрицали даже личную собственность и проповедовали общность имущества. Однако в целом странничество довольно быстро превращалось в хорошо законспирированную, крепко спаянную организацию, которая надежно служила интересам деревенской буржуазии, а также фабрикантам (Ярославская, Костромская губернии и Урал). Основная масса странников беззастенчиво эксплуатировалась кулачеством, предоставлявшим одежду и кров за работу. Ни в одном старообрядческом толке руководители не пользовались такой непререкаемой властью как в странничестве. Это удавалось им потому, что они держали свою паству в полной изоляции от мира, воспитывая их в духе ненависти к нему.

В условиях дореволюционной России старообрядческое движение было формой социального протеста против различных слоев общества самодержавно-крепостнического строя, а позднее, с 60–70-х годов XIX в. – против его пережитков. Религиозной оболочкой старообрядческого протеста были «догмы старой веры», социальное содержание которых составляло не только негативное отношение к реформированной «новообрядческой церкви», но и к стоящему за ее спиной самодержавно-крепостническому строю. «Духовным оружием» старообрядцев в их религиозной борьбе были эсхатологические и антихристологические идеи. Неприятие самодержавно-крепостнического строя мотивировалось тем, что наступили «последние времена» и в мире «воцарился» Антихрист. Поэтому характерной чертой старообрядчества в прошлом было резкое противопоставление «истинно верующих христиан» «миру», т.е. существующему строю. Истинно верующие должны были воздерживаться от общения с живущими в «миру» в еде, питье, молитве, отвергать все его «прелести» и «новшества». Таким образом, эсхатология и антихристология были идеологическим обоснованием старообрядческого фанатизма и консерватизма. Поэтому

можно сказать, что старообрядчество как религиозное направление является в значительной мере эсхатологической разновидностью православия.

На территории Южного Урала, на берегу озера Тургойк. находился старообрядческий женский монастырь (на базе которого возник дом отдыха «Тургойк», действующий и поныне). По легенде в этот монастырь обратилась Вера, бежавшая из Екатеринбурга от отца, желавшего ее выдать замуж за богатого старого человека. Но игуменья монастыря не приняла ее, потому что Вера была очень красива и вряд ли место ее могло быть в монастыре, а не в миру. Тогда Вера остановилась на острове, ныне остров святой Вера, где и прожила всю жизнь и где была захоронена в одном из долменов. Помогали ей выживать многие местные рыбаки. Но именно на этом острове продолжали хоронить старообрядцев, скорее всего «скрытников», которые часто в городе Миассе прятались в подвалах у «жилых» людей, не числились в переписи населения, но по пришествию срока смерти должны быть где-то захоронены. Такие могилы появляются на данном острове и по сей день.

Старообрядцы долго находились на нелегальном положении в городе Миассе, пока им не разрешили построить свою церковь, действующую в старом городе, но на кладбище нет отдельной территории для захоронения староверов.

В ходе Октябрьской революции произошло окончательное размежевание классовых сил в старообрядчестве. Буржуазная верхушка старообрядцев выступила на стороне контрреволюции. В условиях ожесточенной классовой борьбы эсхатологические и антихристологические идеи оказались направленными против советского государства. Это было подготовлено всей предшествующей эволюцией старообрядческого движения, в результате которой оно превратилось в религиозное направление, отражающее интересы самых различных слоев общества: от фабрикантов и банкиров до деревенского кулака и мелкого торговца.

В новых социальных условиях эсхатологические идеи уже не могут играть значительную роль в старообрядчестве, хотя вспышки эсхатологии имели свое место и в условиях коллективизации, и в годы Великой Отечественной войны, когда в ожидании конца света они прятались и спасали свою душу, и сейчас.

Несколько парадоксальными на первый взгляд выглядели странники, или, как они себя называли, «истинно православные христиане странствующие», принадлежащие к наиболее радикальному в прошлом толку старообрядчества, вызывавшие в свое время даже восхищение исследователей своими резко отрицательными позициями к самодержавно-крепостническому строю, оказались яростными противниками советского строя, в то время как Белокриницкая церковь и поморский толк, перешли на лояльные позиции. Однако этот парадокс объясняется изменениями, которые произошли в старообрядческих организациях за годы советской власти.

Дело в том, что до революции в Белокриницкой церкви и в поморском толке руководящая роль принадлежала крупной буржуазии, заинтересованной в сближении с самодержавием. Это нашло отражение в том, что эсхатологические мотивы отодвинулись на задний план. Вместе с тем процесс социального расслоения выявился в крупных умеренных толках гораздо более четко, чем в радикально мелких: на одном полюсе были эксплуататоры, на другом – эксплуатируемые. После революции социальный состав этих организаций стал более однородным, в нем стали преобладать трудящиеся.

В то же время в мелких беспоповских толках большое влияние имело кулачество. Так, странничество было, прежде всего, религиозной организацией деревенской буржуазии, кулаков. У кулачества имелись достаточные основания для того, чтобы быть недовольными в социальном плане, что нашло свое отражение в эсхатологии. После революции оно приобрело контрреволюционный смысл, особенно в годы коллективизации. Но и сейчас уровень религиозности и фанатичности среди «истинно православных странствующих» остается очень высоким. Аналогия странничества присутствует у фанатичных групп в православии: истинно православные христиане (ИПХ), истинно православная церковь (ИПЦ) и молчальниками, в вероучении которых также преобладают эсхатологические мотивы. Эти течения возникли среди крестьян единоличников и явились формой отражения в виде реакционной религиозной реакции кулаков на коллективизацию. Они также религиозно отрицают «мир», в котором воцарился Антихрист, считают, что нужно отгородиться от этой «антихристовой скверны».

Огромная жертва, принесенная старообрядчеством на алтарь священной мечты о Святой Руси, свидетельствует достаточно о том, сколько силы, духовной целостности, безраздельной преданности идее «священного царства» накопилось в религиозном сознании русского народа.

И все-таки хочется верить, что Русская Православная Церковь сумеет воссоздать единство православной церкви в русском народе и «искупит свой грех» за раскол православия.

1. Бонч-Бруевич, В. Д. Избранные атеистические произведения / В. Д. Бонч-Бруевич. – М.: Наука, 1973. – 174 с.
2. Клибанов, А. И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем / А. И. Клибанов. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
3. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.
4. Федоренко, Ф. Секты, их веры и дела / Ф. Федоренко. – М.: Наука, 1965. – 325с.

О. Ю. Новак

МКОУ Молодежный центр инновационной
и досуговой деятельности «Калейдоскоп»; МБОУ Гимназия № 3, г. Новосибирск

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГО
КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В МОЛОДЕЖНЫХ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ
(из опыта организации поликультурной проектной деятельности
в новосибирском Академгородке)**

Процессы глобализации и интеграции, актуальные сегодня для мирового сообщества, выдвигают на первый план проблемы межэтнических отношений в молодежных многонациональных сообществах регионов РФ. В новосибирском Академгородке (Сибирский ФО) существует богатейший опыт как научной (например, исследования новосибирской этносоциологической школы), так и практической деятельности (например, этно- и поликультурная проектная деятельность Новосибирского государственного университета и молодежного центра «Калейдоскоп»). Одним из направлений этносоциологических исследований Института истории, филологии и философии СО РАН является проблематика интернационализации общественной жизни Сибири в рамках научного проекта «Этносоциальные процессы в Сибири в системе цивилизационных взаимодействий (социологический аспект)». В последние два десятилетия в рамках этого научного проекта проведено несколько фундаментальных исследований, в том числе по проблемам влияния миграции и национальных диаспор на межэтнические отношения [1, с. 91]. Исследования новосибирской этносоциологической школы показали, что определяющим фактором этнической и цивилизационной консолидации «является формирование через механизм институтов семьи, общего и специального образования, а также других систем социализации развитого этнического и цивилизационного самосознания, воспитание в духе толерантности культур и диалога цивилизаций» [1, с. 93]. Практико-ориентированная этно- и поликультурная проектная деятельность социально-значимого характера вышеназванных учреждений высшего, дополнительного образования и молодежной политики (раздельно и в формате партнерских отношений) отражает и преломляет в реальных результатах и конкретных продуктах проектной деятельности научный аспект изучения этносоциальных (в том числе межэтнических) процессов многонационального государства на территории Сибири. Сибирский регион, новосибирская область и Новосибирск как мегаполис являются многокультурными, в том числе многонациональными и многоконфессиональными социокультурными системами. Здесь, как и во всей России, «необходимость поощрения культурного разнообразия продиктована (а)

этно-демографическими, (б) практико-политическими и (в) гуманитарными причинами» [2]. Важнейшими факторами регулирования взаимоотношений между этносами в поликультурных сообществах, наряду с экономикой и политикой, являются образование и культура. Конструктивная и системно организованная деятельность учреждений образования и культуры играет важную роль в развитии толерантного сознания молодежи, а также в процессе формирования опыта межкультурного диалога и эффективных практико-ориентированных взаимодействий в реальном и виртуальном форматах. В связи с этим важно отметить существенную роль информационного и коммуникативного пространства, учитывая процесс активного формирования глобального информационного общества. Коммуникативное пространство в данной статье понимается как совокупность процессов передачи, получения и использования информации, необходимой для обеспечения взаимодействия различных социальных групп, в реальной зоне общения (в рамках непосредственного межэтнического общения в процессе поликультурной проектной деятельности) и виртуальной зоне общения (на основе активного включения в информационные потоки через интернет).

Существующее межрегиональное неравенство в России является серьезной социокультурной проблемой. Исследователи отмечают, что «миграционные волны первого постсоветского десятилетия привели к серьезным изменениям в этнодемографической и социокультурной ситуации в России. Трудовые мигранты из «ближнего зарубежья» в значительной своей части приезжают в российские города не с тем, чтобы вернуться на родину, а с тем, чтобы остаться» [2]. С высокой степенью вероятности это относится и к студентам – представителям различных этносов, приехавшим учиться в крупные российские города из субъектов РФ, являющихся национальными республиками. Молодые люди также не стремятся вернуться на малую родину, с тем, чтобы применить полученные знания на местах (в местных сообществах: школах, вузах, учреждениях, на производстве). Подобная ситуация способствует повышению градуса конфликтогенности в многонациональных сообществах (в том числе в студенческом социуме). В настоящее время, с учетом возрастания социальной роли личности в качестве носителя национальной культуры, актуальными являются следующие равнозначные задачи: формирование национального самосознания (включающего на принципах паритетности уважение к историческому и культурному наследию своего и других народов), формирование общегражданского самосознания, выстраивание конструктивных межэтнических отношений в поликультурной молодежной среде. Прогрессивная молодежь России, объединенная в различные молодежные объединения, активно занимается вопросами организации и осуществления деятельности, направленной на уменьшение социокультурной и гражданской разобщенности среди молодежи. Этому посвящены разнообразные проекты, форумы, дискуссионные площадки, сфокусированные на поиске решения проблем меж- и мультикульту-

турного взаимодействия, на формировании толерантной мировоззренческой и поведенческой позиции в отношении культурной инаковости, предупреждении потенциальных и реальных конфликтных ситуаций, связанных с проявлениями ксенофобии среди поликультурного населения конкретных территорий, организации профессионального и непредвзятого информирования по межкультурной проблематике средствами СМИ. Участники Всероссийского молодежного форума «Многонациональная Россия» (г. Сочи, 02.11.2010 г.) в резолюции форума заявляют следующее: «Культурное многообразие многонациональной России – это реальность, представленная многочисленными религиозными, национальными и социальными сообществами. ...Мы считаем, что для полноценного использования колоссального потенциала поликультурного общества, необходимо развитие системного сотрудничества и диалога в рамках мирного развития и взаимодействия культур, этносов и религий. Участие молодежи в этом процессе играет очень важную роль. ...Особая роль в достижении этноконфессионального единства в рамках поликультурного Российского общества отведена СМИ. Содержание, формат и методы информационной подачи влияют на моделирование общественного сознания и формирование образов в контексте стереотипного мышления» [3].

Среди социокультурных проектов международного, межрегионального, областного, городского и районного масштабов, осуществляемых в новосибирском Академгородке, можно выделить и комплексный поликультурный проект «День Земли – калейдоскоп культур», осуществляемый в социально-педагогическом и социально-культурном партнерстве учреждениями молодежной политики, культуры, общего и дополнительного образования, общественными организациями. Разработчиком проекта является МКОУ «Молодежный центр инновационной и досуговой деятельности «Калейдоскоп», исполнителями и соисполнителями – СибЭкоцентр и Экоклуб НГУ, ООО СмартКонцепт, МБОУ гимназия № 3, НИИ СО РАН, службы психолого-педагогической поддержки Советского района. Целевыми группами проекта является учащаяся и работающая молодежь: подростки-старшеклассники и студенты ссузов, вузов, аспиранты, молодые ученые и сотрудники научно-исследовательских институтов СО РАН. Стратегическая цель проекта – социализация подростков и молодежи разной этничности в процессе совместной общественно полезной, практической, преобразующей деятельности. Оперативная цель – формирование и развитие у молодых людей умений и навыков практико-ориентированных исследований и опыта создания проектных образцов социально ответственного предпринимательства. Проект согласуется с установками новых государственных образовательных стандартов, которые ориентируют педагогическое сообщество на развитие метапредметных компетенций. Здесь же учитывается проблематика формирования толерантного мировоззрения, межкультурного диалога и взаимодействия в плюралистическом («мультикультурном»), обществе, в котором нет «господствующей

культуры». Авторы проекта согласны со следующей точкой зрения исследователей по проблемам межкультурных отношений: «Культурное разнообразие – это не только и не столько этническое разнообразие. Это разнообразие жизненных стилей, культурных ориентаций и культурных тенденций. Культурный плюрализм состоит не в параллельном существовании автономных «идентичностей», а в их взаимодействии, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию» [2].

Структура проекта

Направленность и задачи проекта	Содержание проекта	Ожидаемые результаты
1. <u>Исследовательская</u> : – изучение традиционного опыта экологически ответственного природопользования народов России (Сибири)	1. Организация и проведение интерактивных мероприятий, включающих предварительное исследование и подготовку творческих проектов-презентаций по теме «Традиционный народный опыт сохранения окружающей среды » (отраженный в легендах, песнях, декоративно-прикладном творчестве, обрядах народов Сибири): молодежная научно-практическая конференция и творческие интерактивные площадки.	1. Изученные и представленные образцы культуры экологически выверенного природопользования народов России (Сибири) в форме докладов-презентаций и творческих интерактивных площадок с активным включением приглашенных участников и зрителей в совместную деятельность.
2. <u>Деловые игры</u> (предпринимательская деятельность) – формирование навыков социально-ответственной предпринимательской деятельности	2. Организация и проведение серии деловых игр, формирующих интерес у подростков и молодежи к экологически и социально ответственной предпринимательской деятельности (создание собственных предприятий; проигрывание ролей: зритель действий; соучастник; исполнитель-организатор; организатор, руководитель действий) Презентация полученного опыта на молодежной научно-практической конференции и демонстрационных творческих площадках.	2. – Сформированные представления об экономическом творчестве, организации социальных и экономических механизмов для привлечения новых ресурсов в экологически и социально выверенную производственную практику. – Сформированный первичный опыт реализации предпринимательских идей, который можно преобразовать в модель предпринимательской деятельности в трудовой, познавательной, научной, художественной, спортивной, общественно-политической, издательской и иной деятельности.
3. <u>Социокультурная</u> : – формирование многокультурного подхода в рамках проектной деятельности; – формирование и развитие культуры толерантных взаимоотношений делового и социокультурного характера (в том числе, межэтнической толерантности)	3. Организация и проведение серии интерактивных фасилитационных встреч со специалистами психологами и социологами для оказания помощи проектным группам (в рамках игровой предпринимательской деятельности) в выполнении задач, решении проблем или достижении соглашения между разными по возрасту социально культурному опыту, этнической принадлежности участниками.	3. Сформированный опыт совместных конструктивных взаимодействий на принципах толерантности и взаимного уважения.

Итоговое комплексное мероприятие проекта планируется проводить ежегодно в апреле (ко Дню Земли) в формате презентаций различного типа: доклады на круглых столах, видеоролики и фотовыставки; стендовая информация (доклады, экспозиции); интерактивные творческие площадки; мастер-классы; сценические демонстрационные площадки и другое.

1. Костюк, В. Г. Новосибирская школа этносоциологии / В. Г. Костюк // Этносоциология: Новосибирская школа. – Новосибирск, 2009.
2. Малахов, В. С. Зачем России мультикультурализм? / В. С. Малахов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0151/>
3. Резолюция Всероссийского молодежного форума «Многонациональная Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youthdialog.ru/documents/>

Р. В. Пеннер

СООТНОШЕНИЕ ОБЫДЕННОГО ПОНИМАНИЯ СВОБОДЫ И ПОПЫТКА СИНТЕЗА ЮРИДИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РАКУРСОВ ЕЕ РАССМОТРЕНИЯ

Достаточно часто в обыденной жизни фигурирует понятие «свобода». При этом большинство людей (и россияне здесь исключением не являются) придерживаются идеи о том, что являются людьми свободными, а если свободными не являются (в том случае, если присутствуют явные внешние ограничители), то к свободе стремятся. Проблема начинается, когда дело доходит до определения, что же это большинство под свободой понимает, потому что в первую очередь в умах обывателей свобода ассоциируется со вседозволенностью. Поэтому целью данной статьи становится попытка создать дефиницию свободы.

Нельзя оставить неотмеченным то, что в гражданском обществе каждый человек имеет право на самостоятельное распоряжение собственным умом и телом (их можно рассматривать как своего рода «собственность»). Следует отметить и равные возможности, обусловленные правами, закрепленные юридически, санкционированные государством людей единого общества. Иными словами, свободное общество едино в равном распределении прав и вытекающих из этих прав обязанностей между его членами. Здесь интересно то, что каждый свободный человек должен обладать настолько широким кругом прав, насколько это возможно.

Потому как свобода влечет за собой политическое равенство, можно предположить, что состояние свободы предопределяет обладание человеком ряда вообще всех иных прав, совместимых с правами других. Теоретически в свободном обществе ни один человек не может обладать ни большим, ни меньшим количеством законных прав, чем другие люди, что

и предопределяет одинаковое количество законных прав у всех членов общества.

Например, свобода не включает в себя законное право поработить кого-то другого, потому что свобода включает в себя законное право не быть поработленным. В принципе, свободный человек имеет законное право делать все, что он пожелает, но лишь в той мере, в которой эти поступки не ограничивают свободу других.

Во-вторых, свобода человека включает в себя законное право защищать себя от тех, кто пытается повредить ему или принудить его к чему-либо. Здесь подразумевается право на самооборону. Право на самооборону делит действия людей на наступательные и оборонительные. Оборонительные действия включают в себя все то, что связано с парированием наступлений злоумышленника. При этом любое «парирование» должно происходить в разумных пределах. Поэтому такие действия, как оборонительное убийство либо насильственная остановка злоумышленника, должны рассматриваться скорее как исключения, нежели правило. Потому-то право на самооборону должно прежде всего определяться принципом самоконтроля.

Понятие свободы органично включает в себя принцип самоконтроля. Поэтому нужно помнить о том, что любое расширение прав и возможностей человека логически совместимо с тем же расширением прав и возможностей всех остальных. В противном случае мы получим некую совокупность эгоистов, не способных прийти к консенсусу по любому вопросу.

Из вышесказанного можно определить, что свобода подразумевает ряд прав, которыми человек естественно наделяется, становясь членом гражданского общества. Однако, в первую очередь, свобода – это не некое обладание, равное распределение прав между членами свободного общества (здесь интересно то, что свободные индивидуумы в совокупном целом не предполагают автоматическое образование свободного общества). Свобода подразумевает работу человека над самим собой, умение контролировать себя в любых ситуациях; это не спектр естественных прав человека, а умение «перевести» то, что имеешь, в возможности для личностного роста и «расцвета» общества в целом.

Содержание свободы, фундированное синтезом юридического и психологического ракурсов ее рассмотрения, имеет, вероятно, черты утопии. Утопичность выражена прежде всего тем, что теоретически представленный спектр возможностей человека может, будучи обусловленным желанием самого человека, реализовываться на практике. Более того, перечень свобод субъекта права должен совпадать с гуманистической ориентированностью социального целого.

Ж. С. Позднякова

Южно-Уральский институт управления и экономики

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Появление в России направления «Менеджмент» обусловлено ходом процесса экономического развития, объективной потребностью в специалистах по управлению в условиях рыночных отношений хозяйствования.

Эта потребность проявилась в ходе экономической реформы и в тенденциях совершенствования образовательных технологий высшей школы, направленных на достижение профессионализма управленческого персонала. Профессионализм, в свою очередь, недостижим без детального рассмотрения, определения состава и особенностей сферы деятельности специалистов. Если в обществе идет экономическая реформа и меняется структура экономики, то структура направления, состав специалистов, которых готовит высшая школа, тоже должен меняться. Изменения структуры производства начинаются с изменения структуры направления подготовки. Последняя отражает общественное сознание относительно экономического и социального развития [3]. Менеджер – профессиональный управленец, который способен проявить себя в любой учрежденческой структуре организации и в любой отрасли ее деятельности.

Это предопределено его профессиональной вузовской подготовкой, целью и содержанием образовательных программ.

Приоритетом в управленческой культуре пользуются знания, связанные с пониманием человека, его поведением в социальных организациях. В связи с этим большое внимание должно уделяться обучению управляющего персонала в различного рода специальных учреждениях, та как хорошо обученные и талантливые управленцы являются основой успеха в организации. Данные люди должны обладать незаурядными способностями в области организации людей, принятии стратегических решений, склонные к инновациям, владеющие принципами организационной культуры [5] и обладающими управленческой культурой. Что обусловило важность проблемы и определило степень исследования. Термин «культура» все большее место занимает и в лексике менеджмента и бизнеса в целом. Поэтому имеется много определений. При этом учитывают формальные цели, технологии, структуру, политику и действия, товары, финансовые источники и неформальные аспекты.

Под управленческой культурой в педагогической литературе, как правило, понимается «мера и способ творческой самореализации личности руководителя в разнообразных видах управленческой деятельности, направленной на освоение, передачу и создание ценностей и технологий в управлении».

Мы определяем управленческую культуру как свойство личности, характеризующее способность решать проблемы и задачи, возникающие в процессе управления и в ситуациях, требующих управленческого воздействия с использованием знаний и учебного опыта, ценностей, способностей и наклонностей.

В управленческой культуре выделяют следующие элементы:

– управленческие знания (блок общепрофессиональных дисциплин: теория менеджмента (История управленческой мысли), теория менеджмента (« Теория организации»), теория менеджмента (« Организационное поведение») , маркетинг и управление человеческими ресурсами); – общественные отношения управленческие и организационные, которые представляют собой материальный эквивалент знаниям, нормам, правилам; - управленческая деятельность, с помощью которой в процессе социализации личности, последней передаются знания и ценности общества, что позволяет создавать условия для возникновения творческой личности, её культуры, развитие инновационных подходов к управленческой деятельности;

– экономическая практика и практика менеджмента. Сам механизм формирования управленческой культуры можно представить следующим образом: – формирование знаний, управленческих концепций, проектов программ; – развитие управленческих отношений; – мотивация творческой деятельности в сфере управления; – утверждение уважения в обществе к общественным институтам, государству, законом, морали, праву;

– разработка и внедрение управленческих технологий, которые объединяют между собой все вышесказанные этапы.

Профессиональная управленческая культура менеджера формируется на основе вариативного сочетания двух видов знания:

– операционального знания, которое обращено на выполнение конкретных действий и определяет профессиональный кругозор менеджера;

– метазнания, связанного с механизмами и инструментами управленческой деятельности, ее структурой, быстрой профессиональной адаптацией, продуктивностью реализации способностей.

Особым признаком профессиональной управленческой культуры выступает категория деятельности, где первичными качествами менеджера выступают оригинальность, гибкость, нестандартность мышления, способность генерировать идеи, просчитывать адекватные пути их реализации и предвидеть возможные результаты [7].

Центром социально ориентированной культуры является человек. Здесь отдаётся предпочтение раскрытию творческого потенциала личности, формированию креативного специалиста.

Из вышесказанного следует, что основу интегральной управленческой культуры должна составлять социально ориентированная культура, где во главу угла будут поставлены принципы гуманизма, защита, воспроизводство и развитие, как природы, так и человека.

1. Багирова, З. К. Сущность управленческой культуры будущего руководителя в образовании / З. К. Багирова, Г. М. Гаджиев // Омский науч. вестник. – Омск, 2007. – № 4. – С. 23–26.
2. Выготский, Л. С. Конкретная психология человека // Л. С. Выготский. – М.: Вестник МГУ. – 1986. – № 1. – С. 45. – (Серия 14. Психология).
3. Жихаревич, М. Е. Современный менеджмент и государственное управление / М. Е. Жихаревич // Тр. Псковского политех. ин-та. – СПб. – Псков, 2001. – № 5. – С. 123–124.
4. Кроль, Л. Управленческая культура: учеб. пособие для вузов / Л. Кроль. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 400 с.
5. Крылова, Н. Б. Формирование культуры будущего специалиста / Н. Б. Крылов. – М.: ИНФРА-М, 1990. – 450 с.
6. Уёмов, А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уёмов. – М., Мысль, 1998.
7. Чижигов В. М., Чижигов В. В. Введение в социокультурный менеджмент : учеб. пособие для вузов / В. М. Чижев, В. В. Чижев. – М.: МГУКИ, 2003. – 382 с.

В. А. Помелов

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ЭСКАПИЗМ ДЕТСКОЙ СКАЗКИ И ЭСКАПИЗМ ВИДЕОИГРЫ. ЭСТЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Любая видеоигра – это эрзац, заменитель сказки. Любая волшебная сказка всегда для детей, но видеоигры изменили сказку настолько, что детских игр в настоящий момент практически нет. Есть ряд причин того, почему в игровой индустрии игр для детей производится мало. Это связано в том числе с недофинансированием, их нерентабельностью. Но деньги не главная причина из за которой детство уходит из видеоигр. Можно предположить, что основные причины кроются в эстетических аспектах.

В начале рассуждения зададимся вопросом, что такое бытие вокруг нас? Это препятствие, преодолевая препятствие, мы понимаем и осознаём что нечто есть, в видеоигре виртуальное препятствие должно быть не преодолено, а уничтожено. Потому что как только мы попытаемся его преодолеть, сразу окажется явна его иллюзорность. Уничтожение объекта до контакта с ним позволяет поверить в его подлинность. Таким образом верификация подлинности бытия в видеоигре – это его уничтожение. Как следствие, мы можем предположить, что главная эстетическая радость от видеоигры – это радость разрушения. Любой объект в игре становится эстетически интересен, и попадает в круг внимания лишь в миг своего разрушения. В качестве примера можно привести такую известную игру, как Тетрис, в которую можно играть часами благодаря идее вечного упрощения и разрушения линий. Можно сравнить современные компьютерные игры в игры с тетрисом. Как и в тетрисе, любое событие в большинстве современных видеоигр, как таковое, это одно и то же. Это акт насилия и разрушения. Череду событий в видеоигре – это череда одного и того же, связанного псевдо-сюжетом. Псевдо-сюжетом, т. к. сюжет определяет череду событий, события вытекают из логики его развития. В видеоигре сюжет играет скорее подчи-

нённую роль, он служит для оправдания событий и именно поэтому его можно назвать «псевдо-сюжетом». Стоит ещё раз констатировать, что именно поэтому главным эстетическим объектом в игре становится не событие, потому что оно всегда одно и то же (хотя видеоигра считается драматическим жанром [1]), а способ его изображения. Именно поэтому современные игры максимально приближены к реализму, возможно именно этим можно объяснить реализм в мельчайших деталях. Для того, чтобы усилить впечатления от спецэффектов, нам предлагают становиться свидетелями явлений, которые в обычной жизни лежат за гранью восприятия человека. (в качестве примера можно привести такие игры, как «Матрица», «Макс Пейн» и др., где мы видим замедленный полёт пули, где останавливается время в момент убийства и т. д.) Это является источником эстетического удовольствия. Получается, что не тот, кто стреляет, не тот в кого стреляли не вызывают никакого сочувствия. Главный герой сцены – пуля. Драматизм смерти вынесен из игры. Цель – не отображение смерти, а изображение способа убийства. Важно не убить, а как убить. С помощью какого оружия и какими спецэффектами. Сколько жертв останется, при том, что и жертв и палачей тоже нет. Нет людей, нет трупов, есть только мишени. В чистом виде это представлено в таких популярных играх на сегодня как: Counter-Strike, Call of duty, Battlefield и др. Играющий человек становится заложником спецэффектов в подобных играх, он не может постигать виртуальную реальность, соотнося её с личным опытом, т.к. никакого личного опыта для этого у него нет. В играх мы являемся свидетелями явлений, которые в обычной жизни лежат за пределами человеческого восприятия.

Постигать виртуальное пространство можно через виртуальные образы, которые взаимодействуют друг с другом. Сделать это можно только через двойников. Кто такой двойник? Виртуальный мир сам по себе (без человека) не существует, в нём отсутствует подлинное бытийное пространство, человек играющий не может сместить свою собственную телесную точку относительно точки виртуального фокального схода. Он не может переместиться оттуда – сюда, в заэкранное бытие. Он может лишь на время признать образ виртуального пространства, и заслать туда свой образ, который удвоен страхом, перед образом того, что признано пространством. Главная притягательность игры в этом смысле состоит в том, что человек действуя через своего двойника в виртуальном мире всегда не только участник событий, он остаётся свидетелем этого события. И обычно единственным выжившим свидетелем, что даёт неопишное чувство господства над событием.

В детских сказках так же есть и события и своеобразный эскапизм, и двойники... Но настоящая сказка отличается и далека от компьютерной игры. В сказке может не быть связи между событиями, никакой мотивации героев, никакой трёхчастной структуры, но всё это при условии, если смотреть на это, быть ребёнком. Можно сделать вывод, что события ви-

деоигры – деструкция. Событие сказки – изменение как таковое. В видео-игре драматизм вынесен за рамки событий, в сказке драматизм наполняет любое событие до краёв.

«Доминанта восприятия игроком игрового события – спецэффект, доминанта восприятия ребёнком события сказки – чудо. И необходимо обладать чистым бытием ребёнка для того, чтобы это чудо видеть. Эскапизм игрока – это бегство от реальности в игру, от жизни к спецэффекту. Эскапизм ребёнка, это перенесение сказки на жизнь. Наполнение каждого мига жизни чудом. Именно поэтому настоящие волшебные сказки не содержат ничего такого, что отвечало бы на вопрос – зачем? У ребёнка, к примеру, такого вопроса вообще нет. Именно поэтому волшебные сказки пугают взрослых цензоров. Сказка это чудо от начала до конца» [2].

Констатируем, что в 2011 правительство США в лице Национальной программы поддержки искусства (National Endowment for the Arts) признало компьютерные и видео игры новой формой искусства. Теперь в США начиная с 2012 года индустрия компьютерных и видео игр будет финансироваться государством на равных с киноиндустрией [3]. Но прежде, чем сравнить игру с кинематографом, и отождествить её со столь нравственным видом деятельности как искусство, необходимо помнить, что любое искусство не должно быть однонаправленным. Если, например, сравнить видеоигру и кинематограф, то необходимо сказать о жанровом разнообразии. Если бы кинематографом мы называли только боевики – не было бы великой истории кино, кино не меняло бы человека и не создавало его. Что же касается видеоигр, то они на равне с кино могут создать новый жанр искусства, могут изменять человека, влиять на его культуру и нравственность, необходимо только помнить, что видео-игры не совсем зрелое явление, и относиться к нему как к искусству на данном этапе становления преждевременно.

1. Игра – материал из Википедии [Электронный ресурс] // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Игра> (Дата обращения: 05.09.12).
2. Передача "Хождение по играм" (видеоматериал) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kanobu.ru/video/hozhdenie-po-igram-17-j-vyipusk-172278/> (Дата обращения: 05.09.12).
3. Сайт National Endowment for the Arts [Электронный ресурс] // Режим доступа: arts.gov (Дата обращения: 05.09.12).

СЛОВО НАСТАВНИКА

В. В. Родионов, В. К. Биче-оол

Уральский государственный университет физической культуры

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ТАЙМЫРА В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация культуры несет в себе риски не только для отдельно взятой личности, но и для общества в целом. Этнокультурное разнообразие в современном мире выполняет много жизненно важных функций:

преодоление социальной энтропии, предотвращение социокультурной однородности.

«Глобализация – это процесс, отражающий развитие экономической и политической взаимосвязанности стран и регионов до такого уровня, на котором становится возможной и необходимой постановка вопроса о создании единого мирового правового поля и мировых органов экономического и политического управления» [2].

На уровне социально-психологическом процесс глобализации связан с кризисом «идентифитетов», т.е. с утратой возможности своего четкого национального самоопределения и в связи с этим утратой своих корней, традиций и даже языка. В 90-е годы XX века в связи с глобализацией и «перекодировкой» геополитической карты мира явно обозначился процесс т.н. «гибридизации», актуализировались мировоззренческие категории «своего» и «чужого», выявились такие понятия как «межпространственность», «пороговость», «психологически конфликтные зоны».

Народы Таймыра, как и весь мир, вовлечены в процесс глобализации. Это происходит в связи с развитием современных транспортных средств и экономических связей, за счет воздействия средств массовой информации. Она способствует расширению культурных контактов между народами Таймыра. Глобализация имеет не только положительные тенденции в культуре коренных этносов Таймыра, но отрицательные: это связано с изменением сознания и мировоззрения нганасан, энцев, ненцев, долган, эвенков под влиянием глобализационных процессов. Наблюдается забвение обычаев и обрядов своего народа, традиционных промыслов и видов искусства.

Политика современного российского правительства выражается в виде дополнительных льгот и пособий представителям малых коренных народов, гуманитарной помощи, привитии иждивенческих принципов существования. Культурная экспансия также осуществляется путем распространения образа жизни, принятого на всей территории постсоветского пространства, который существенно изменился после развала СССР, подвергнувшись «вестернизации».

В условиях глобализации, параллельно с процессом приобщения к общемировой культуре у представителей коренных этносов Таймыра происходит утеря и утрата ценных компонентов их культуры, что в результате приводит к частичной или полной утере этнического своеобразия. При контакте малых культур с общемировой, массовой культурой последняя воспринимается как доминирующая, которая порождает у носителей этнической культуры комплекс неполноценности, идею непрестижности собственной культуры.

Особое внимание сегодня уделяется сохранению традиционного фольклора народов Таймыра. К сохранению уникальных культур, призывают ее исследователи и местная интеллигенция: доктор экономических наук, профессор Майорова Е. В., доктор искусствоведения, доцент О. Э. Добжан-

ская., кандидат культурологии, доцент В. К. Биче-оол., кандидат исторических наук, доцент О. Н. Хакимулина., кандидат педагогических наук А. А. Барболина (долганка), С. Н. Жовницкая (нганасанка), Т. В. Болина (эвенка), Заслуженный артист РФ В. Э. Сигуней (ненец), Д. С. Болина (энка) и т.д.

Положительной чертой глобализации является то, что с творчеством представителей таймырских этносов теперь имеют возможность познакомиться не только жители Таймыра, но и жители всей России, а также зарубежья. Весь мир знает о произведениях художников М. С. Турдагина и Б. Н. Молчанова, о творчестве фольклорных коллективов «Нгамтусу'о», «Хэнсю», «Хэйро».

Политика Администрации Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района направлена сегодня на сохранение историко-культурного наследия малых народов Таймыра.

На территории района работают более 10 фольклорных коллективов: ансамбль песни и танца народов Севера «Хэйро», хор долганской песни «Арадоуй», нганасанские фольклорные группы «Хенсу» (п. Волочанка) и «Нгамтусу'о» (п. Усть-Авам), «Дентэдиэ» (г. Дудинка), энецкая вокальная группа «Татуй» (Дудинский район), детский вокальный ансамбль «Элдэн», долганский вокально-хореографический ансамбль «Чокуркан» (Хатангский район), ансамбли «Харп», «Барган», ненецкие фольклорные группы «Синюко» и «Нумгыча» (Усть-Енисейский район).

В районе проводятся фестиваль сказителей «Фольклорная классика Таймыра», фестиваль «Строганина Таймыра», выставка «Мастер года», передвижные выставки декоративно-прикладного искусства. Поддерживается проведение традиционных праздников коренных малочисленных народов Таймыра: Дня рыбака, Дня оленевода, Международного дня коренных малочисленных народов мира.

Большой вклад в сохранение и популяризацию историко-культурного наследия Таймыра вносит: Таймырский краеведческий музей, этнографический музей государственного природного биосферного заповедника «Таймырский», музей мамонта (с. Хатанга), литературный музей таймырских авторов и мемориальный музей долганского художника Б. Н. Молчанова.

Вопросы сохранения национальной культуры в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе ведутся достаточно активно отраслевыми структурами Администрации района – Управление культуры, краевым учреждением – Таймырский дом народного творчества, городским учреждением – городской центр народного творчества. Вышеназванные учреждения ежегодно участвуют различного рода фестивалях, конкурсах и выставках, пропагандируя уникальную культуру и достояние народов Таймыра, способствуют сохранению духовной и материальной культуры коренных малочисленных народов Севера.

Традиционными мероприятиями на протяжении последних пяти лет являются: Международная выставка-ярмарка «Северная цивилизация» (г. Москва); Международный фестиваль художественного творчества коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «Северное сияние» (гг. Москва, Мурманск, Ханты-Мансийск); Международный фестиваль этнической музыки «Саянское кольцо» (пос. Шушенское, Красноярский край); Всероссийский фестиваль «Манящие миры. Этническая Россия» (г. Москва, фестивальное турне по городам России); фестиваль национальных культур «Каратаг» (г. Шарыпово, Красноярский край).

Глобализация – это неотъемлемая часть нашей реальности, и, в тоже время, во всем мире наблюдается стремление народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность бытовой культуры и психологического склада, распространено желание сохранить этническую идентичность, осознание принадлежности к определенному этносу.

1. Глобалистика: междунар. междисциплин. энциклопед. словарь [Текст] / Гл. ред. И. И. Мазур. – М. – СПб.: Елима; Питер, 2006. – 1160 с.
2. Кирабаев, Н. С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе [Текст] / Н.С. Кирабаев // Культурная идентичность и глобализация. Доклады и выступления. 5-ый международный философский симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток-Запад». 27–28 апреля – 4–5 мая 2001 г., Москва. – М., 2002. – С. 15.
3. Кузнецов, В. Что такое глобализация? [Текст] / В. Кузнецов // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 2. – С. 12–21; № 3. – С. 14–19.
4. Соколов, К. Б. «Дикая» глобализация и традиционные культуры / К. Б. Соколов [Текст] // Традиционная культура. – 2005. – № 2. – С. 70–79.
5. Хренов, Н. А. Традиционная культура в эпоху глобализации / Н. А. Хренов [Текст] // Традиционная культура – 2005. – № 2. – С. 53–59.

К. Е. Рожкова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФИЛОСОФА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА РОЗАНОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Русские религиозные философы Павел Александрович Флоренский, Евгений Николаевич Трубецкой, Иван Александрович Ильин создали целостные эстетические концепции. Но помимо теории художественного творчества – а именно того, как в ее рамках мыслителями разрешаются вопросы о смысле творчества, о роли искусства в жизни человека и человечества; о конкретных способах его осуществления, о структуре творческого акта художника – в наследии философов можно найти оригинальные критические оценки современного им изобразительного искусства. Особое место в этом ряду занимает наследие мыслителя и публициста Василия Васильевича Розанова.

Рост храмового строительства в последней трети XIX – начала XX веков был приурочен к 900-летию Крещения Руси. Церквям, построенным

в неорусском стиле, требовались и росписи близкие к древним образцам. Особенно широкий общественный резонанс вызвали работы во Владимирском соборе в Киеве. Росписи создавались В. М. Васнецовым и М. В. Нестеровым. В печати активно обсуждался вопрос, насколько работа живописцев по духу и технике соответствует древнерусским образцам. В этой дискуссии приняли активное участие и философы.

Так Трубецкой писал: «У Васнецова полет праведных в рай имеет чересчур естественный характер физического движения: праведники устремляются в рай не только мыслями, но и всем туловищем: это, а также болезненно-истерическое выражение некоторых лиц сообщает всему изображению тот слишком реалистичный для храма вид, который ослабляет впечатление» [4, с. 187]. С ним соглашается и Флоренский: «Соборный разум церкви не может не спросить Врубеля, Васнецова, Нестерова и других новых иконописцев, сознают ли они, что изображают не что-то, вообразившееся и сочиненное ими, а некоторую в самом деле существующую реальность и что об этой реальности они сказали или правду, и тогда дали ряд первоявленных икон – кстати сказать, численно превосходящих всё, что узрели святые иконописцы на всем протяжении Церковной истории, – или неправду. Тут речь идет не о том плохо или хорошо изображена некоторая женщина, а о том, в самом ли деле это Богоматерь» [50, с. 194].

Кроме того, в эти годы заново открывается древнерусская икона. Изучение наследия Даниила Чёрного, Андрея Рублева и Дионисия приводит к закономерному изучению бытия иконы в целом. Однако, несмотря на полные и развернутые эстетические концепции философы не избежали подмены исторических фактов. Важно уделить внимание атмосфере, в которой создавались эти росписи и труды философов. В частности на восприятие Трубецкого повлияли новости с фронтов Первой Мировой войны. «Это обстоятельство – пишет Н. К. Гаврюшин, – определило его отношение к иконе как художественному воплощению идеального, глубоко-осмысленного бытия. По этой причине о критике иконы с точки зрения церковного предания он, скорее всего, даже не помышлял, будучи готовым оправдать всё ради главной идеи» [4, с. 7]. Отмечался также тот факт, что Трубецкой не всегда знал историю развития того или иного иконографического сюжета и историческую достоверность подменял мечтательными догадками, навеянными философскими построениями Вл. Соловьева. Флоренский уделял большое внимание образу Софии и символике иконы «София Премудрость Божия», которую считал практически первым иконографическим образом. В действительности этот образ появился лишь в XV веке. Розанов также не избежал подмены исторической достоверности некоторых произведений искусства. Например, в доказательство своей философии пола и идеи христианства как «религии Голгофы» он приводит спорное утверждение, что в иконописи «Богоматерь всегда изображается как старая или стареющая женщина, лет около 40, и держа на коленях все-

гда вполне закрытого (в сравнение с католическими обнаженными фигурками) Иисуса; она имеет вид не Матери, а няни, пестующей какого-то несчастного и чужого ребенка. Лицо её всегда почти скорбное и нередко со слезою, вытекшею из глаза» [2, с. 14].

Но все же интерес к изобразительному искусству в наследии Розанова выразился прежде всего в ряде критических статей, посвященных живописи на философско-религиозную тематику. Среди них большое значение имеют две работы – «Алекс. Андр. Иванов и картина его “Явление Христа народу”» (1906) и «М. В. Нестеров» (1907).

Создание этих статей связано с деятельностью религиозно-философских собраний, которые появились в 1903 г. в Петербурге. На собраниях происходила встреча интеллигенции с представителями православного духовенства. Бердяев писал: «Представители культуры допрашивали иерархов церкви, является ли христианство исключительно аскетичной, враждебной миру и жизни религией или оно может освятить мир и жизнь. Так стала центральной тема об отношении церкви к культуре и общественной жизни. Вопрос о возможности нового христианского сознания, новой эпохи в христианстве» [1, с. 196].

В первой статье «Алекс. Андр. Иванов и картина его “Явление Христа народу”» Розанов рассматривает своего рода критерии, по которым художнику надлежит выбирать библейские сюжеты. Он ставил вопрос, возможно ли средствами живописи выразить такую идею как «историческое значение христианства», есть ли предел возможностям художественных средств, какова граница, на которой живопись на религиозную тематику из истинной и правдивой переходит в академическую и безжизненную. В итоге он приходит к мысли, что историческое значение христианства заключается в значении Христа для отдельного человека.

«Иванов вместо того, чтобы взять «христианство» как «факт души», «перелом души», страницу «моей душевной истории», – что возможно было выразить через беседу с Никодимом, с Самарянкой, через «Преображение» и многие другие внутренне-душевные, страшно-замкнутые, как бы «запертые» страницы Евангелия – взялся изобразить «историческое значение христианства», «роль его в истории» [4, с. 267].

Во второй статье Розанов анализирует творчество художника М. В. Нестерова, отмечая, что в разработке религиозно-философских тем живописи мастер предпочитает изображать не того «кому молятся, а то, как человек приходит к молитве» [4, с. 281]. В искренней молитве Розанов видел путь к подлинной сути христианства, скрывшейся за формальными обрядами и догматами. Здесь Розанов в некотором роде вступает в полемику с Флоренским и Трубецким, которые упрекали Нестерова и Васнецова в отказе от канона, в излишней натуралистичности образа, в вольной интерпретации сюжетов. Для Розанова всё это отходило на второй план. «Икона должна иметь и получила как бы снятие с себя «всех индивиду-

альностей», индивидуализмов: она - обобщилась, есть «вообще икона», с потускнением в ней всего особенного и частного. Как это вне средств Нестерова! Вне линии его полета, гения. До известной степени он – анти-«иконен»! Хотя бы лично он и поклонялся «иконам», плакал пред ними: но нарисовать икону, хорошо и даже хотя бы удовлетворительно – вне его средств. Он – лирик; ну, а икона- это существо «эпическое»: «стоит в углу» и на нее «взирают» [4, с. 292]. Для Розанова появление таких живописцев как Нестеров и Васнецов связано с изменением характера русской православной живописи. «Суть»-то Православия они бесконечно возлюбили: но «суть»-то эту они и бесконечно изменили. Просто они одолели ее своим талантом: ибо и «тишина»-то ее, эта бесконечная эпичность, кроме многих других причин, имела еще под собою и то маленькое простое обстоятельство, что сонмы мастеров-ремесленников старой Руси и «обыкновенной» Руси были просто бесталанны и даже религиозно-неодушевлены. <...> «Эпичность» Православия простерлась до того, что она даже не допустила музыки в себя, этого первого, главного выражения религиозных настроений. «Слишком беспокойно»... «Быт» до того одолел, что начал затягивать все «Православие» какою-то паутиною и сонливостью: и до такой степени, что встревоженным, тоскующим душам, т. е. настоящим-то религиозным душам, стало просто некуда прибегнуть со своими молитвами, молитвенностью» [4, с. 293]. Ведь процесс воцерковления не может проходить механически, через пассивное приятие таинства святого крещения. Бог – по Розанову – есть Личный бесконечный дух. И отношение к Лицу несколько иное, чем к порядку вещей, к системе вещей. Но при этом никто не скажет, что и Церковь лична – всё в ней глубоко покоряется некоторому завещанному и общему порядку.

Рассматривая изобразительное искусство в контексте отношений церкви и культуры, Розанов затронул круг вопросов, которые не потеряли своей актуальности и сто лет спустя. Это вопрос о взаимоотношении личной веры и официальной церкви, о канонах православного искусства и о том, что такое вообще православное искусство. И могут ли каноны церковной живописи оставаться едиными для Средневековой Руси, века XX и века XIX.

1. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // Русская идея и судьба России. – М.: Сварог и К, 1997. – С. 4–218.
2. Розанов, В. В. Русская церковь / В. В. Розанов // Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. – М.: Республика, 1994. – С. 8–30.
3. Трубецкой, Е. Н. Три очерка о русской иконе / Е.Н. Трубецкой. – М.: Центр гуманитар. информатики «ИнфоАрт», 1991. – 111, [1] с.: ил.
4. Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. Антология / Сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшин. – М.: Прогресс, 1993. – 400 с. (Сокровищница русской религиозно-философской мысли. Вып.1].
5. Флоренский, П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству / П. А. Флоренский. – СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. – 365 с.

Н. А. Сафонова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучение традиционной культуры является одной из актуальнейших тем отечественной науки. В сложившихся современных условиях: процессы глобализации, информатизации, нарастающего технического прогресса, интерес к традиционной культуре существенно возрастает. Традиционная культура является предметом исследования представителей разных наук. Ученые, выделяющие несколько подходов к изучению данного феномена (философско-социологический, этнографический, социологический, социогуманитарный), трактуют традиционную культуру от самого узкого до самого широкого определения. К примеру, этнографы и фольклористы определяют традиционную культуру как крестьянскую, как культуру доиндустриального аграрного общества, что лишает данную категорию универсальности и не позволяет подводить под это понятие многие явления современной культуры (узкий подход). Философы, культурологи, социологи определяют традиционную культуру как некий механизм формирования и передачи культурного опыта, обеспечивающий связь поколений, как систему, воспроизводящую совокупность образцов социокультурной деятельности, (социального поведения, форм социальной организации) как в прошлом, так и в современных условиях (широкий подход) [См.: 1].

Проблема изучения данного понятия находится на стыке важных областей современной науки: философии, истории, этнографии, культурологии, социологии и др. В исследованиях по проблемам традиций наблюдается диаметрально противоположное понимание изучаемого явления. Зачастую традиции отождествляют с понятием «обычай». Но существует и другая противоположная позиция в этом вопросе. Э. С. Маркарян, И. В. Суханов и др. исследователи различают содержание этих двух понятий, прежде всего, социальным их назначением. «Социальное назначение традиций заключается в формировании и передаче новым поколениям тех духовных качеств, которые необходимы для нормального функционирования сложных общественных отношений. В традициях заложен смысл совершаемых поступков. Они отвечают на вопрос, почему мы так поступаем, т. е. в их смысле раскрывается причинно-следственная связь между совершаемыми действиями и формируемыми этими действиями духовными качествами» [См.: 5]. Обычаи же подробно регламентируют действия путем детального предписания поведения в конкретной ситуации, это простые привычки, сложившиеся стереотипы, правила, нормы поведения.

По мнению Э. С. Маркаряна, «традиция – это интегральное явление, включающее в себя и обычай, и ритуал, и целый ряд других стереотипизированных форм человеческой деятельности» [3, с. 79]. Следовательно, традиция, вбирающая в себя такие формы, как обычай, обряд, ритуал является

дефиницией более широкого порядка, основополагающей функцией которой выступает формирование и передача духовных качеств, необходимых для нормальной жизнедеятельности человека.

С понятиями «традиция» и «обычай» тесно связан «обряд». Обряды и обычаи имеют общие черты: это всегда регламентированное поведение, это те пути, через которые происходит функционирование традиций. «Обряд – традиционные действия, сопровождающие важные моменты жизни и производственной деятельности человека. Это художественное осмысление важного события в жизни человека или природы. Для обряда как минимум необходимы: событие, коллектив людей, связанных с этим событием, «сопереживающих» ему, и особая знаковая система» [2, с. 16]. Главной отличительной чертой обряда является массовость. Для него характерны повтор, цикличность, постоянство.

Понятие обряд по своему содержанию близко, хотя и не абсолютно тождественно, понятию ритуал. Нередко эти термины используются как синонимы, однако предпринимались многочисленные попытки их разграничить. Понимание ритуала в работах исследователей складывается неоднозначно, его трактуют, во-первых, как вид обряда; во-вторых, отождествляют с термином «обряд», в-третьих, определяют как систему обрядовых действий. На наш взгляд, эти термины близки по своей содержательной направленности, у них одна «природа», но все же они имеют определенные различия. Мы определяем ритуал как наиболее важное, строго регламентированное, кульминационное по своей внутренней смысловой наполняемости действие целостного обрядового комплекса.

Существует множество видов традиций, каждая по-своему уникальна, самобытна и неповторима. Конечная же цель традиций, по мнению И. В. Суханова сводится к тому, «чтобы ввести деятельность нового поколения в то русло, по которому развивалась деятельность старших поколений» [См.: 4]. Традиции функционируют во всех социальных системах и являются необходимым условием их жизнедеятельности. Они передают, закрепляют и поддерживают разнообразный социальный опыт и тем самым осуществляют духовную связь поколений. Сохранение и развитие, создание необходимых условий для нормального функционирования традиционной культуры – одна из важнейших задач современного общества. Она выполняет связующую функцию между поколениями. Анализ научных источников показывает нерешенность множества вопросов, касающихся данного феномена. Среди них проблематичность определения данной дефиниции, неоднозначное понимание соотношения терминов народная культура и традиционная культура, определение сущностного и функционального назначения традиций и мн. др.

1. Костина А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия / А. В. Костина // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – Культурология. – 2009. – № 4, – <http://www.zpu-journal.ru>.

2. Лазарева, Л. Н. История и теория праздников: учеб. пособие / Л. Н. Лазарева. – ЧГАКИ. – 2-е изд., испр. – Челябинск, 2007. – С. 16.
3. Маркарян, Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. С. Маркарян // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 78 – 96.
4. Суханов, И. В. Обычаи, традиции, обряды как социальные явления / И. В. Суханов. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1973. – 256 с.
5. Четвертакова, Ж. В. Культурологические подходы к методологии изучения традиций / Ж. В. Четвертакова // Аналитика культурологии: электронное научное издание. – 2010. – № 1 (16), – <http://analiculturolog.ru>.

А. А. Сейма

ВОСПРИЯТИЕ СМЫСЛА КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР АДЕКВАТНОЙ РЕАКЦИИ НА СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ

«Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои -
Пусть в душевной глубине
Встанут и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, -
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.

Взрывая, возмутишь ключи,-
Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, –
Внимай их пенью – и молчи!..»

«Silentium!», 1831, Ф. И. Тютчев

Восприятие смысла, как одна из важнейших целей культуры мышления, является ключевым фактором развития любой социокультурной системы. Восприятие смысла в информационном процессе относится к пред-фазе [1] – до непосредственного создания информации и относится к индивидуальной работе человека до активной фазы информационного процесса. Этим осложняется анализ и контроль над самим восприятием, ведь «мысль изречённая есть ложь», а «слово не воробей, вылетит – не поймаешь».

Современная и историческая тенденция общественного развития складывается преимущественно в развитии социальных институтов. Исходя из контекста нашей статьи – это развитие институтов фиксирования и хранения информации, информационно-аналитических и новостных агентств и организаций, а так же различных научных учреждений. Развитие технологий хранения информации (увеличение емкости и уменьшения размеров носителей) лишь отчасти облегчает процесс обработки накопленного огромного багажа информации. Но даже хорошо обработанный, сублимированный информационный «экстракт» не сможет заменить малейшего озарения мышления, дающего человеку приращение богатства его индивидуальной психосферы в общем и мыслесферы в контексте конкретного воспринимаемого смысла.

Молодежь – активный слой социальной системы, способный не только осмыслить реализуемые сегодня цивилизационные стратегии, но и, как след-

ствие этого осмысления, в будущем (близком и отдаленном) ответить на современные цивилизационные вызовы. Но только лишь в будущем, потому как без осмысления стратегий, человек и его действия являются лишь воплощением программы той или иной стратегии, а не субъектом ее реализации.

Большое значение в формировании культуры мышления имеет философия – она является наукой о данном предмете. Ничто так, как философия не сможет раскрыть понятие «смысла» и сопутствующих категорий. Смысл, как ключевое понятие в культуре мышления, должно быть раскрыто подробно. Феноменология дает такую трактовку воплощения предмета (феномена): «чистый звук, звук как символ значения предмета, смысловой символ значения, самое значение, но все еще в субъективно-индивидуальной интерпретации, значение без таковой интерпретации, но все еще с инобытийными привнесениями, и, наконец, чистое значение предметной сущности (смысла. – прим. С. А.), адекватно утвержденной в инобытии, – все это разные степени воплощенности предмета в инобытии, начиная от фиксации его чистой инобытийности как таковой, без внимания к тому, что именно воплощено в инобытии (фонема), и кончая фиксацией в инобытии исключительно только одной чистой предметности (идея). Последнее и значит, что предметная сущность выражена и понята. Слово, имя вещи, взятые как идея, суть выражение и понимание вещи; или, вернее, идея и есть сама вещь, но данная в своем максимальном присутствии в инобытии» [2]. Не вдаваясь во всю палитру феноменологического анализа воплощения смысла или предметной сущности (или сущего) заметим, что в контексте социокультурного осмысления проблемы мышления в нашей статье важны именно понятия «значение без субъективно-индивидуальной интерпретации» и «чистое значение предметной сущности». Уже из вышеприведенной цитаты можно увидеть что смысл или предметная сущность сама по себе воплощаться не может и предстает так или иначе как энергема – сфера или частота воплощения или сущность в модусе определенного осмысления. Субъект восприятия же, как раз таки и должен обходя все страты (уровни) воплощения смысла приближаться в своем повседневном мышлении к все большему восприятию предметной сущности безотносительно к ее углублениям (искажениям) в инобытие. Категория «идея», как идеальный коррелят, в глубоком понимании – лишь идеальное воплощение одной части предметной сущности, хотя отражение и фиксация оной является высочайшим достижением мыслителя.

В самом процессе мышления предметная сущность непосредственно присутствует, ибо без нее мы не могли бы видеть ни степени искажения смысла, ни всевозможных привнесений, ни корреляций с другими смыслами. Важнейшей задачей каждого индивидуума предстает максимальное отделение предметной сущности в общей и/или конкретной массе информации, осмысляемой им в данный момент времени – в повседневности. Такая культура мыслительного процесса должна стать как дыхание, но перед

этим, для начала - должен быть сознательный труд над установлением такой культуры, в том числе и в других ее аспектах, коих множество, и все они облегчают жизненный процесс достижения больших и малых индивидуальных целей и привносят живую этику в любые даже бытовые дела человека. Только когда таким образом повысится индивидуальная культура, общество сможет адекватно и своевременно реагировать на все без исключения многочисленные социокультурные вызовы. «Цивилизация задается общностью смыслов, схем мышления и идеалов, поэтому цивилизационные войны ведутся, прежде всего, за расширение пространств доминирования одних смыслов и поглощения других» [3], и до тех пор, пока общество не сможет адекватно распознавать и оперировать смыслами, а не наоборот – зачастую сознательно искаженными и перенасыщенными информационными отбросами – оно будет подвластно любому влиянию извне и не будет готово даже к слабым вызовам, что мы с вами и видим сегодня.

1. Коган, В. З. Основы теории информационного взаимодействия: философско-социологические очерки / В. З. Коган – Новосибирск: НГУ, 1991.
2. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М: Бытие. Имя. Космос, 1993.
3. Заров, Д. И. Высшие ценности в стратегиях цивилизационного развития / Д. И. Заров // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2008. – Т. 8. – № 2. – С. 19–23.

Н. С. Синецкий

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Арабы относятся к семитским народам и населяют Аравийский полуостров с IV–III тыс. до н. э. Исследователи не пришли к единому мнению относительно того, как арабы появились в этом регионе. По одной из версий, Аравия является их исконной землёй [см. 1, с. 54], по другой, – семиты мигрировали туда из Сахары в V тыс. до н. э. [см. 3].

Древние географы разделяли Аравию на Каменистую, Счастливую и Пустынную [см. 2, с. 35]. Каменистая Аравия расположена на территории современных Иордании, Ливана, Израиля, Палестины, захватывает юг Сирии, северо-запад Саудовской Аравии и часть Египта (Синайский полуостров). Пустынной Аравией называли северную часть Аравийского полуострова, соответствующую современному Кувейту, северу Саудовской Аравии и югу Ирака. Счастливая Аравия охватывает центральную, южную и восточную части полуострова: Неджд (центр современной Саудовской Аравии, регион, в котором находится её столица, Эр-Рияд), Хиджаз (запад Саудовской Аравии), Земля Асир (часть Саудовской Аравии между Хиджазом и Йеменом), Йемен (юго-запад полуострова, западная часть совре-

менного одноимённого государства), Хадрамаут (восток современного Йемена), Аль-Махра (юго-восток современного Йемена), Оман (соответствует границам современного государства с тем же названием) и Аль-Хаса (современные Объединённые Арабские Эмираты, Катар и восток Саудовской Аравии).

В исламской традиции период истории арабов до принятия ими ислама и образования исламского государства – Халифата – называется джахилией, что дословно переводится как «грубость, невежество, язычество».

Государственные образования доисламской Аравии представляли собой, по сути, господство тех или иных племён или племенных союзов на определённой территории. Единая власть отсутствовала, и племена постоянно враждовали между собой, была распространена кровная месть. Раз в году между всеми племенами устанавливалось перемирие, связанное с проведением в Мекке ярмарок в честь какого-либо языческого божества.

Детальное изучение древнеарабского язычества свидетельствует о его глубоком укоренении в сознании людей. Однако со временем вера в идолов начала ослабевать. Возможно, причиной этому стали контакты арабов с иудеями и христианами. Аравия в силу своего географического расположения всегда являлась объектом пристального внимания и местом сосредоточения интересов соседей. Южная Аравия была зоной интересов и политического влияния Эфиопии и Византии. В Юго-Западной и Западной Аравии сильные позиции имел иудаизм. Во времена древней Аравии экспансия методом насаждения своей культуры (религиозная) была не менее, а иногда и более эффективной, чем военное вторжение. Для религиозной экспансии могла появиться вполне благоприятная почва – у арабов начали складываться первые представления о едином боге. Христиане и иудеи, как известно, также единобожники, и их непосредственные контакты с арабами имели на последних значительное идеологическое воздействие, приводя к тому, что часть арабского населения обращалась в христианство либо иудаизм. Постепенно нарастала необходимость в политическом и идеологическом объединении аравийских племён, чтобы противостоять экспансии извне. В Аравии возникло движение проповедников-ханифов, призывавших к полному отказу от многобожия. Во избежание внешнего влияния отказ этот должен был быть не в пользу ни христианства, ни иудаизма. Хоть бог и един, но требовался новый подход к вере в него. Проповеди ханифов положительно воспринимались современниками и стали своего рода подготовительным этапом для восприятия нового религиозного учения, с которым в VII веке выступил пророк Мухаммад.

Аравия того времени представляла собой территорию постоянных межплеменных столкновений, междоусобных войн. Всё острее ощущалась необходимость объединения и создания сильного единого государства, не хватало только объединяющей идеи. В VII веке такой идеей стал ислам – новое религиозное учение, которое стал проповедовать родившийся в 570 году Мухаммад, представитель группы бану хашим (нынешние коро-

левские династии Иордании и Марокко также считаются хашимитами) племени курайш, наиболее многочисленного в Мекке.

С тех пор было покончено с присущим арабам идолопоклонничеством. Родоплеменная идентичность дополнилась идентичностью религиозной. Ислам стал определяющим фактором арабского мировоззрения, основой арабской культуры наряду с бедуинским кодексом чести. Арабы отличаются особой религиозностью, ислам регулирует не только вопросы морали, духовности и поклонения, но также экономические, правовые, политические и любые другие отношения. Ислам – религия, пронизывающая всё арабское общество. Всё, что происходит в арабском обществе, так или иначе, соотносится с исламом, регламентируется им. Арабам свойственно во всём полагаться на Божью волю, подчинённое положение, связанное с особенностями устройства арабской семьи, и предписания ислама выработали в арабах спокойствие, смирение, покорность и неверие в возможность какого-либо существенного преобразования одними лишь собственными силами. Одна из наиболее часто употребляемых арабом фраз – «Если пожелает Аллах», которая добавляется к любым договорённостям и обещаниям и показывает, что араб никогда не может быть на 100% уверен в том, что ему удастся выполнить это обещание или соблюсти эту договорённость. Даже в очень тяжёлой ситуации арабы не падают духом, воспринимая трудности как испытания со стороны Аллаха. Вопросы веры занимают одно из центральных мест в арабском мировоззрении и являются излюбленной темой для обсуждения. Ислам с его идеей поклонения единому для всех богу послужил мощным фактором объединения аравийских племён и сплочённости арабского общества.

Мухаммад создал мусульманскую общину – умму, которая позднее вырослась до единого мусульманского государства – Халифата. Уже через полтора столетия после своего образования Халифат простирался от Атлантического океана до Индии и был мировым научным и культурным центром. Этот факт свидетельствовал о высочайшей пассионарности молодой арабской цивилизации. Термин «пассионарность» был введён Л. Н. Гумилёвым в рамках его концепции этногенеза и определялся как избыток биохимической энергии живого вещества, порождающий непреодолимое стремление к деятельности, направленной на изменение окружающей обстановки, статуса-кво. Пассионарий обладает способностью к сверхнапряжениям, жертвенности ради поставленных целей, часто иллюзорных. Пассионарность арабской цивилизации уже в те времена заключалась не просто в стремлении расширять подконтрольную территорию, но и оказывать культурное влияние на покоренные народы, активно обращать в ислам представителей других конфессий.

Однако такое быстрое и мощное развитие принесло Халифату не только процветание. Уменьшилась военная мощь исламского государства, прекратились завоевательные походы, следовательно, ослабла дисциплина в армии. Для решения этой проблемы к военной службе стали привлекать берберов и тюрок, имевших воинственный нрав. Основой армии стали

мамлюки – личная гвардия халифа, набиравшаяся из рабов тюркского и кавказского происхождения. Однако со временем мамлюки достигли такого влияния, что могли оказывать давление на халифа и фактически перехватили у него инициативу в управлении страной. Государство ослабляли сектантские восстания в различных его регионах, также наметился рост национального самосознания внутри страны. Всё это постепенно привело к тому, что Халифат стал более не в состоянии обеспечивать свою территориальную целостность и различные части его начали отделяться, что в конечном итоге закончилось распадом империи.

В XV–XVI вв. земли Халифата перешли под контроль Османской империи. Развитие арабской культуры в тот период в значительной степени остановилось, однако под её влиянием началось прогрессивное развитие Европы, которое в конечном итоге обеспечило Западу доминирующую роль в мире. После распада Османской империи практически все арабские земли стали подмандатными территориями европейских государств, затем обрели независимость, и сегодня бывший Халифат представляет собой свыше двух десятков независимых арабских государств.

Проследив историю арабской цивилизации от древности до наших дней, можно сделать следующие наблюдения:

- Арабская цивилизация всегда была общинной, основанной на подчинении младших членов общины старшим, что обусловлено необходимостью выживать в суровых природных условиях, имеющих место на исконной арабской территории. Как правило, общинным сообществом выступали семья, род, племя, следовательно, основным признаком идентификации представителя арабской цивилизации служило происхождение.

- Суровость окружающей среды обусловила и строгое следование обычаям, традициям, раз и навсегда выработанным и не меняющимся моделям поведения, обеспечивавшим выживание. Традиция сакральна, а прошлое воспринимается как эталон (отсюда, например, воспоминания о Халифате времён праведных халифов как о «золотом веке» ислама и популярность идеи возвращения этих времён путём объединения арабских государств и восстановления былого могущества).

- Для арабского мировоззрения характерно слияние религиозного и светского начал. Огромная роль ислама в жизни арабов объясняется тем, что данная религия полностью согласуется с коллективистской сущностью арабской цивилизации: во-первых, ислам стал идеей, с помощью которой удалось объединить и сплотить враждовавшие племена, во-вторых, все последователи ислама считаются членами одной большой общины – уммы.

- Ислам предполагает покорность Богу, следовательно, исключает мысль о возможности серьёзных изменений и достижений только собственными силами. Однако, в силу молодости (по сравнению с другими мировыми религиями), арабской цивилизации присуща высокая пассионарность, что объясняется «помощью Аллаха».

Перечисленные особенности арабской цивилизации являются чертами традиционной культуры, соответственно, напрашивается вывод, что арабская цивилизация, в свою очередь, принадлежит к числу традиционных. Однако, как в таком случае объяснить столь значительные успехи арабов практически во всех отраслях науки, культуры и искусства? Как отмечалось в предыдущем параграфе, культуры разных типов не изолированы друг от друга, а напротив, часто переплетаются. Вероятно, на ранних этапах развития арабской цивилизации ее культура была открыта новому и, пользуясь современной терминологией, содержала необходимую для успешной экспансии долю креатива. Но с угасанием Халифата уменьшалась и креативная составляющая. Взаимосвязь доли креатива в арабской культуре и степени могущества Халифата не случайна. Ещё раз подчеркнём, что Халифат был исламским государством, в котором светская и духовная власть была единой, сосредоточенной в руках одного правителя – халифа. В исламе же изначально присутствует и играет существенную роль креативный аспект. Коран призывает мусульман к познанию мира, интеллектуальному развитию, а, следовательно, и к творческому мышлению. Однако, помимо креативности и интеллектуального развития, ислам предписывает жёстко отстаивать своё право на существование. Поэтому когда арабская цивилизация (в данном случае в виде Халифата) находилась на подъёме, обладала могуществом и мировым лидерством, тогда было место и креативу. Когда же она это лидерство утратила и появились угрозы её сохранению, на первый план вышли силовые, воинственные аспекты ислама. Именно в силу необходимости постоянной борьбы за независимость актуализировались агрессивные исламские течения, требующие от общества беспрекословного подчинения обожествляемому лидеру, а от граждан – готовности к самопожертвованию и физического устранения иноверцев.

1. Егер, О. Всемирная история: В 4 т. / О. Егер; изд. подг. творческой изд. группой «Ист. лит.». – СПб. : Специальная литература, 1997–1999. Т. 1: Древний мир. – 1997. – 821 с.
2. Лебон, Г. История арабской цивилизации / Г. Лебон; [пер.: Т. В. Сальникова; науч. ред.: А. А. Филиппов]. – Мн. : МФЦП, 2009. – 704 с., ил. – (Народы Земли).
3. Могултай Краткая история древней Азии [Электронный ресурс] / Могултай. Режим доступа: http://www.wirade.ru/history/history_ancient_asia_02_middle_east.html.

П. И. Соколов

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПОЗИТИВНАЯ СИЛА ОТЧУЖДЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Традиционное понимание феномена отчуждения предполагает изначально негативный вложенный смысл. Однако, как показывает опыт переосмысления классических положений метафизики в рамках постнеклассиче-

ской философии слепое принятие традиционных метафизических конструкций ведёт к тупику мысли и её вырождению. Проблема отчуждения, имеющая безусловную приоритетность в антропо-онтологической проблематике, с этой точки зрения требует поиска радикально иных путей своего осмысления. Первым шагом на том пути может стать снятие негативного стигмата с феномена отчуждения, а заодно и ревизия самого концепта негативного.

В отечественной философии позитивный смысл отчуждения эксплицировался в основном через гегелевские спекулятивные приёмы, когда негативное объявлялось позитивным постольку поскольку своей негативностью оно, якобы, способствует диалектическому развитию (отриц диалАдорно). Однако сама гегелевская диалектика с её утверждением позитивности тотального развития может рассматриваться в качестве апофеоза негативизма по схеме Фрейда.

Если мы попытаемся путем анализа вычленить специфическое содержание феномена отчуждения и тем самым дифференцировать его от других феноменов, то мы обнаружим, что основное содержание данного феномена составляют отделение, неполноценность и чуждость. Таким образом, мы можем определить отчуждение, как отделение элемента от объекта, при котором отделенный элемент превращается для объекта в чуждое, а сам объект становится неполноценным. Если проанализировать все теории отчуждения, существовавшие в истории философии, то станет видно, что все они, в конечном счете, распадаются на три группы: теории отчуждения смысла, теории отчуждения существования и теории отчуждения сущности. Отсюда справедливо предположить, что и само отчуждение распадается на соответствующие виды. Отчуждение смысла это отчуждение того зачем жить, то есть отчуждение будущего; отчуждение существования это отчуждения того как жить, то есть отчуждение настоящего и наконец, отчуждение сущности это отчуждения того, что ты есть или как жил, то есть отчуждение прошлого. Таким образом, мы видим, что отчуждение это, прежде всего, отчуждение времени и через это – выключение из исторического становления. Что же тогда в действительности отчуждает время? Времени противостоит вечность или что тоже самое небытие. Именно небытие, вторгаясь во время, образует отчуждение. Небытие это высшая абстракция и идеальность, ибо лишь бытие есть и есть конкретно и материально¹.

Если теперь исходя из данного понимания отчуждения обратится к реализации нашей программы переосмысления его в рамках ревизии статуса негативного, то мы получим следующий результат. Представляя небытие, как всепоглощающую субстанцию «черной дыры»², можно сказать,

¹ Вообще теоретический анализ путей надления отчуждения позитивностью на данном этапе показывает, что однако все данные варианты являются поверхностными поскольку следуют традиционному пониманию негативного и позитивного.

² Небытие потому и не может быть рационально помыслено, что оно есть абсолютно непроницаемое для разума ничто, несущее силу радикально Иного и как таковое тотально отрицает всякую данность.

что оно а) скрывает в себе сущность радикально Иного; б) является точкой предельной гравитации бытия и в) опознается как «провал», отсутствие бытия. Негативное отсюда представляется как сила Иного, определяемого в качестве отрицательной онтологической силы исключительно по причине своей абсолютной инаковости к бытию, но не по своей сущности; отчуждение тогда есть опыт взаимодействия с данным чужеродным Иным¹, опыт несущий безграничные возможности.

1. Августин, Аврелий. Творения. Т. 1–4 / А. Августин; пер. с лат. – Спб.: Алетейя, 1998–2000. – Т. 1. – 742 с.; Т. 2. – 751 с.; Т. 3 – 596 с.; Т. 4. – 590 с.
2. Деррида, Ж. Призраки Маркса / Ж. Деррида; пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Logos-altera, 2006. – 256 с.
3. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е - М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 3. – С. 192.
4. Фома Аквинский. Сумма теологии / Фома Аквинский; пер. с лат. – К.: Ника-Центр, 2010. – Часть II–I. – 577 с.
5. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко; пер. с фр. Н.С. Автономова. – Спб.: А-сad, 1994. – 406 с.

В. Е. Солдаткин

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ЦЕРЕМОНИЯ КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА ПРОГРАММЫ ЛИЧНОСТНОГО ЮБИЛЕЯ

Юбилей уверенно занимает ведущее место среди важнейших личностных праздников. Это утверждение подтверждается количественными и качественными показателями. По результатам социологического опроса, проведенного среди индивидуальных предпринимателей в досуговой сфере и сотрудников праздничных агентств г. Челябинска, количество заказов на организацию юбилейных торжеств за последние годы неуклонно увеличивается. Это указывает на конкретную предметную заинтересованность людей, достигающих рубежных ступеней стратификационной лестницы, в уникальных возможностях данного личностного праздника. Возраст юбиляров, для которых устраиваются торжества, колеблется от 20 до 85 лет. В гендерном отношении существенных преимуществ между мужчинами-юбилярами и женщинами-юбилярами не наблюдается.

Конечно, люди, отмечающие «круглую» дату своей жизни, не всегда обращаются за помощью к профессионалам, в большинстве случаев они обходятся своими силами. Связано это в основном с материальными затратами на подготовку и проведение юбилея, в период нестабильной экономической ситуации реально «ударяющими по карману». Однако обнаруживается и следующая тенденция – все чаще можно встретить заказы на неординарные, эксклюзивные личностные праздники, подчеркивающие

¹ Отсюда ясен антропологический статус ничто и отчуждения – ужас перед радикально иным неведомым.

индивидуальность их главного героя. Тем более что в техническом плане, как и в плане насыщенности художественными выразительными средствами, праздничная культура современного российского мегаполиса обладает практически неограниченными возможностями. Организуя шикарное торжество на сотни гостей, или довольствуясь скромным кругом самых близких людей, юбиляр надеется на компенсацию затрат. Эта компенсация в большей степени связана не с финансовой составляющей, а с духовной. Гармонизация жизненного мира человека-юбиляра является наибольшей ценностью в мероприятиях подобного рода.

Следует заметить, организация личностного праздника не всегда связана с большими денежными вложениями. Программа личностного юбилея состоит из разнообразных структурных единиц – от строго официальных до принципиально неформальных. Такая вариативность позволяет решить многие проблемы, в том числе материальные. В зависимости от пожеланий заказчиков, выбирается оптимальное количество этих единиц, а также обговаривается их качественное содержание.

Рассмотрим один из основных структурных элементов программы личностного праздника – церемонию (от лат. *saerimonia* – благоговение, культовый обряд), торжественный официальный акт, при проведении которого установлен определенный порядок – церемониал. При выявлении характеристик, свойственных современным церемониальным действиям, обратимся к их аналогам, имеющим место в российской истории праздничной культуры XVIII века. Такое обращение связано с тем, что в этот период в России организация церемониалов и празднеств царствующего двора вышла на новый качественный уровень, заложив традиции на столетия вперед. Данным видом деятельности занимались специальные службы, возглавляемые особо приближенными к императорской семье людьми, а то и непосредственно первыми лицами государства. Известно, что первым «режиссером» назначил себя Петр I, «собственноручно составлявший новые церемониалы, правила которых подданным приходилось заучивать в условиях нелегкой каждодневной практики» [1, с. 5]. Придворные церемониалы, начиная с инициативы Петра Великого и сохраняя на протяжении века жесткую структуру, отрабатывались самым решительным образом. Время и место проведения церемоний, количество участников назначались специальной комиссией. Соблюдалась строгая иерархия в расстановке «социальных сил» по степени знатности и богатства на всех участках церемониального действия.

Приведем конкретный исторический пример, связанный с одним из первых личностных праздников в биографии человека. Рождение великих князей и княгинь – знаменательное событие в жизни императорской семьи. Вот что пишет Г. Р. Державин: «Великий князь Николай Павлович родился в Царском Селе 25 июня 1796 года в три часа пополудни. Крещение было совершено 6 июля, в воскресенье, духовником императрицы, протопресвитером Иоанном Иоанновичем Панфиловым. Новорожденный внесен был в

церковь из внутренних покоев статс-дамою Шарлоттою Карловною Ливен; его поддерживали, по принятому этикету, с правой стороны обер-шталмейстер Л. А. Нарышкин, а с левой генерал-аншеф, граф Н. И. Салтыков. Восприемниками от святой купели были великий князь Александр Павлович, и великая княжна Александра Павловна. В этот день во дворце был обеденный стол» [1, с. 56]. Как следует из описания, порядок всех действий, их мизансценирование, строго регламентированы.

В настоящее время мы тоже имеем возможность быть свидетелями широко освещаемых средствами массовой информации официальных торжественных актов, при проведении которых установлен определенный порядок. Церемонии проводятся как на высшем, так и на местном уровне. А посвящаются они, в частности, вручению правительственных наград, присуждению почетных званий людям, добившимся выдающихся результатов в науке, искусстве, спорте, других видах деятельности. Нередко такие приемы приурочены к юбилейным датам награждаемых. Так 9 октября 2007 года в Кремле на церемонии вручения государственных наград РФ состоялось торжественное награждение орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени академика РАН, президента Московской государственной юридической академии О. Е. Кутафина. Поздравляя академика с семидесятилетием, Президент РФ В. В. Путин, отметил, что Кутафин «внес большой вклад в развитие юридической науки..., много лет ведет педагогическую и общественную деятельность». 3 мая 2012 года в Кремле прошла торжественная церемония вручения правительственных наград. Среди награжденных – руководитель НТВ В. М. Кулистиков. В год своего шестидесятилетия из рук Президента РФ Д. А. Медведева он получил орден «За заслуги перед Отечеством» III степени. В указе главы государства сказано, что Кулистиков награждается «за большие заслуги в развитии современных телекоммуникационных технологий и многолетнюю плодотворную работу». Еще один пример. 26 июня 2012 года Президент России В. В. Путин наградил певца, народного артиста России И. Д. Кобзона орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени. Как отмечается в указе главы государства, 75-летний советский и российский эстрадный певец, а ныне еще и первый заместитель председателя комитета Госдумы по культуре получил награду «за большой вклад в законотворческую деятельность и развитие отечественной культуры». Провокативность «круглых» дат в данных случаях на лицо.

Рассмотрим регламент мероприятий, проводимых на высшем уровне. Приведем сценарный план церемонии вручения Государственных премий РФ, состоявшейся в Кремле 12 июня 2005 года.

Официальные лица и приглашенные гости собираются в Георгиевском зале Кремля. Звучат фанфары. Кремлевские гвардейцы выносят знаки лауреатов. Рядом с Президентом, на специальном подиуме расположены кресла для награждаемых, последние входят в зал по очереди, в алфавитном порядке. Далее следует приветственное обращение Президента, после

которого происходит вручение лауреатских значков. Каждому лауреату предоставляется ответное слово. Завершает церемонию Гимн России.

Обратимся к примерам праздничных торжеств, отмечаемых на местном уровне. Программа шестидесятилетнего юбилея ректора Челябинской государственной академии культуры и искусств, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, действительного члена Международной Академии наук высшей школы, лауреата премии им. Бирюкова В. Я. Рушанина также включала в себя церемониальную часть. 26 июля 2012 года на расширенном заседании Ученого совета, который традиционно начинался с гимна академии, юбиляр был принят в почетные профессора ЧГАКИ, были зачитаны официальные телеграммы, в том числе Министерства культуры РФ, вручены почетные грамоты Министерства культуры РФ, Министерства культуры Челябинской области, Министерства образования Челябинской области и Управления культуры Челябинской области, прозвучали поздравительные речи представителей официальных органов власти, коллег, приглашенных гостей, было предоставлено ответное слово юбиляру.

Можно отметить, что церемонии награждения, проводимые на местном, региональном или государственном уровнях, являются публичным, официальным признанием заслуг людей, деятельность которых связана с укреплением российской государственности, социально-экономическим развитием страны, научно-исследовательской деятельностью, развитием культуры и искусства, выдающимися спортивными достижениями, что, несомненно, благотворно воздействует на состояние жизненного мира награждаемых. Напомним, такие мероприятия входят в более широкий круг праздничных торжеств, связанных со знаменательным событием в жизни конкретного человека, в том числе с празднованием его юбилея.

-
1. Огаркова, Н. А. Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII – начало XIX века / Н. А. Огаркова. – СПб., 2004. – 345 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Д. В. Соломко

Южно-Уральский государственный университет

ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Современное состояние универсума культуры и человека в культуре нередко характеризуют как многомерное и многослойное, предполагающее одновременность существования различных предметных форм, смыслов, концепций, моделей и интерпретаций человеческого бытия. Раздробленность внешнего мира, с одной стороны – объективное явление, объективный результат человеческой творческой деятельности. С другой стороны,

человек попадает в своеобразную ситуацию отчуждения, становится заложником созданной им самим многомерности. Идентифицируя себя с этой хаотичной разноликостью, человек зачастую попадает в ситуацию личностной неопределенности, отчуждения и поиска устойчивых культурных форм персональной идентичности.

Как субъект социокультурной деятельности человек должен осваивать и исполнять множество ролей, вступать во множество связей и отношений, в которых его Я всякий раз проявляется как «частичное». Подобное существование свойственно человеку, в особенности современному. Более того, нередко это не осознается, возникает привычка к подобному образу жизни. Однако потребность в собирании себя рано или поздно возникает. Актуализируется проблема целостного и гармоничного существования, сохранения единства внутреннего мира, экзистенциальная проблема возвращения к самому себе, к своему подлинному Я из множества обособленных сфер бытия, из атомизированного существования.

Ряд форм культуры – миф, религия, философия, искусство – претендуют на то, чтобы выразить с помощью образных и концептуальных средств целостное существование человека и его жизненного мира. Начиная с античности, вся история европейской культуры свидетельствует, что человек всегда стремился к гармонизации, к поиску средств собирания себя, обретения устойчивости в процессе бесконечного становления.

В деле собирания себя человеку необходимо опосредующее звено, которое способно транслировать выработанные ценности, нормы, смыслы, то есть культурную информацию. В ряду таких трансляторов ещё со времён античности своё особое место занимает театр, который способен переводить субъективные состояния индивидуального человека в нечто надындивидуально значащее. Именно в театре синтезируется и собирается в органичное единство множество элементов культуры. В современной культуре театр продолжает выполнять функцию консолидации жизненного мира человека.

Культура в целом, художественная культура, в частности, а значит и театр, выполняют гуманистическую функцию, обладают гуманистическим смыслом и потенциалом, т. к. дают возможность человеку встретиться с собой целостным и уникальным.

Театр является органичной частью культурного пространства, тем местом, где воспроизводится всеобщее отношение человека к миру в целом и универсуму культуры. Эта специфика связана с динамичной природой театральной жизни, постоянным развитием, поиском новых форм, приёмов, выразительных средств и др.

При этом своеобразной константой, сохраняющейся в рамках любых нововведений, остается *театральное действие*, которое, по нашему убеждению, нуждается как в философско-культурологической тематизации, так и в первичной концептуализации. Первичная концептуализация не может не быть опытом осмысления феномена театрального действия в контексте фи-

лософских парадигм, поскольку в философском дискурсе отсутствует устойчивая традиция обращения к театральному действию. Поэтому выбор философских парадигм, о которых речь пойдет во втором параграфе первой главы, в работе был обусловлен самой спецификой театрального действия. Ведь оно представляет собой целостное, многокомпонентное образование, связывающее воедино всех его участников, где все отдельные составляющие находятся в постоянном и непрерывном знаковом взаимодействии. В театральном действии в символической форме представлены реальная жизнь, реальные человеческие взаимоотношения и проблемы: от интимно-личных до общесоциальных.

Рассмотрение театрального действия в культурфилософском аспекте связано с использованием ряда подходов: философско-антропологического, искусствоведческого, семиотического, феноменологического, герменевтического и постструктуралистского. При этом обращение к каждому из них обусловлено потребностью решения конкретных задач, поэтому возможности каждого из этих подходов использованы лишь в необходимом объеме.

Используем конкретные идеи, принципы и концепты данных подходов. Например, основные идеи «раннего» и «позднего Гуссерля», идею «герменевтического круга» и герменевтическую концепцию понимания, а так же некоторые идеи Х.-Г. Гадамера и М. Хайдеггера. Из принципов постструктурализма для характеристики театрального действия выделим принципы определения мира как текста и текстуальной природы культуры, а также идея деконструкции. Сразу оговоримся, у нас нет стремления строго соблюдать «букву» этих подходов, использовать всю полноту возможностей перечисленных подходов, строго соблюдать «чистоту» каждого из них в отдельности. Иначе нам пришлось бы использовать, например, их терминологию буквально в том значении и применительно только к тому, что было задано в них изначально, что в значительной мере, по нашему принципиальному убеждению сужает возможности данных подходов при рассмотрении и анализе театрального действия.

Рассматривая театральное действие через призму каждого методологического подхода, открывается возможность получить некий образ или снимок, «картину», как говорил М. Хайдеггер, не просто схему. И, на наш взгляд, системный подход, который означает, что нужно свести все эти видения в определенным образом организованное целое, здесь не работает. Потому что каждое видение – это своеобразное представление феномена, в ключе определенного подхода. Наша задача с позиции полипарадигмального подхода дать многогранное представление о театральном действии, выявить разные свойства феномена театрального действия как культурной формы и культурного артефакта и по принципу дополнительности свести все это в одну картину.

Театральное действие в качестве феномена художественной культуры может быть представлено как особый объект исследования в философии культуры. При этом множественность и даже конфликт философско-культурологических интерпретаций театрального действия являются не столько недостатком, сколько достоинством понимания, поскольку театральное действие «живёт» в соединении многих смыслов.

Учитывая многообразие театральных жанров, существующих форм театрального действия, а так же специфику жизненного мира современного человека, исследование театрального действия, его философско-культурологические интерпретации имеют перспективу. Она может быть усмотрена и в философском осмыслении места и роли в панораме современной культурной жизни (в том числе и в России) такого явления как «коммерческий театр» с его стремлением к развлекательным, комедийным формам.

Философско-культурологические интерпретации открывают возможность осознать театральное действие в качестве средства воспроизведения человеческого в человеке, а значит и как способ его открытости культуре и миру вообще. В этом специфическом «открытии» обнаруживается особый гуманистический смысл театрального действия, связанный с основными путями духовного преобразования и гармонизации внутреннего и в целом жизненного мира человека – трансцендированием и экзистированием.

Театральное действие, имея характеристики семиотического пространства – текста или «семиосферы» – не просто транслирует вложенные (режиссёром, актёром и др.) смыслы, но и генерирует новые в деятельностно-коммуникативной ситуации сцены и зрительного зала. Посредством театрального действия зритель способен переосмыслить то, что казалось ему устоявшимся, определившимся в его «горизонте предпониманий». Это новое осмысление человек проецирует затем на реальность своей повседневной жизни, таким образом, действие продолжается уже в последствии. И то, что прежде казалось известным и непосредственно очевидным может предстать совершенно другим – нестабильным, неустойчивым, непонятым. Однако, как бы это не звучало парадоксально, ситуация подобного «непонимания» есть благоприятная среда для человека – начало восстановления или нового конструирования целостности его внутреннего мира.

Феномен театрального действия является многоплановым. С одной стороны, театральное действие можно представить как особую реальность: художественную, знаковую, языковую, символическую. С другой стороны, театральное действие выступает способом подражания действительности и преобразования человеческой жизни специальными средствами театра. И, наконец, театральное действие – синкретичное пространство, в котором активно взаимодействуют компоненты различных языковых систем. Театральное действие есть оптический прибор и специфическое коммуникативное

пространство, в котором воспроизводится универсальное отношение человека к миру.

С позиций феноменологической, герменевтической и постструктуралистской философских парадигм театральное действие представляет собой самодостаточный феномен, органично связанный с жизненным миром человека; особое смысловое пространство, обуславливающее множество взаимосвязанных кругов интерпретаций; особую знаковую систему, семиотическое пространство, текст (точнее, интертекст), находящийся в тесной взаимосвязи с другими (не только театральными) текстами. С позиции постструктуралистской идеи деконструкции театральное действие в современной художественной культуре обладает функцией деконструирования и нового конструирования внутреннего мира человека.

В философии культуры театральное действие может быть представлено как культурная форма в единстве двух аспектов. В структурном аспекте оно есть *единое коммуникативное пространство, обладающее устойчивой структурностью, реализующее и воспроизводящее всеобщее отношение уникального и универсального через взаимодействие сценического и зрительского пространств*; в содержательном аспекте это *культурная форма восстановления и сохранения или нового конструирования внутреннего мира человека*. Театральное действие в качестве культурного артефакта есть *текстуализация его как культурной формы, обладающая феноменальной неповторимостью (вариативностью), осуществляющаяся в сиюминутном и уникальном отношении сценического и зрительского пространств*.

С точки зрения семиотики театральное действие может быть рассмотрено в аспектах синтактики, семантики и прагматики. Знак театрального действия обладает рядом отличительных сущностных характеристик: ситуативность, эмоциональная наполненность, полисемичность, репрезентативность, условность, диалогичность и полилогичность, референциальная иллюзорность, художественность. Театральное действие представляет собой семиосферу, которой присущи основные признаки семиосферы вообще (неоднородность, асинхронность, асимметричность и диалогичность) и ее границы. Театральное действие обладает гуманистическим смыслом, который возникает в результате интерпретации в процессе осуществления сценического действия и восприятия его публикой.

На всех этапах развития европейского театра театральное действие представляется как особая «форма сборки» для человека, однако сам процесс собирания различен (классический этап – собирание как восстановление и сохранение целостности внутреннего мира человека, постнеклассический – собирание как её конструирование). В театральном действии трансцендирование и экзистирование выступают основными путями сохранения целостности внутреннего мира человека. Гуманистическая миссия театрального действия связана с гармонизацией жизненного мира человека. Теат-

ральное действие есть пограничная ситуация между преддействием и последствием, попадая в которую человек «расстаётся с самим собой», чтобы прийти к себе другому, совершить экзистенциальный путь от смерти к жизни через катарсис.

Современные формы театрального действия выполняют гуманистическую функцию как через демонстрацию способов собирания человека в его жизненном мире, так и образов деконструирования, разрушения, абсурдности существования, что косвенно побуждает человека к обретению этой целостности. Театральное действие в современной культуре обладает особым гуманистическим потенциалом, независимо от конкретного способа его реализации.

На сегодняшний день театр продолжает экспериментировать, использовать новые выразительные средства, искать свой новый язык. И может быть, в результате этого поиска театральное действие предстанет в качественно ином виде, приобретет принципиально новые характеристики как культурная форма.

Мир, в котором существует современный человек, настолько многообразен и привлекателен своей множественностью, что это порождает процесс «дробления» персональной идентичности, что и закреплено в основных принципах культуры и философии постмодерна (хаотичность, плюральность, множественность без единства и др.). Однако привлекательность разнообразия, децентрированность может обернуться и бессмысленностью существования, неспособностью определить самого себя для человека. Сохранение целостности есть одна из основных потребностей (осознанных или нет) и реальных жизненных проблем каждого человека. Эту насущную проблему и помогает решать театр.

СЛОВО НАСТАВНИКОВ

К. П. Стожко

Уральский государственный экономический университет

О. В. Шадрина

Московский финансово-промышленный университет

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕНОМЕНА ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное общество по сравнению с эпохой зрелого и даже позднего индустриализма существенно изменило свое качество. Оно живет в условиях глобализма и информационной революции, а значит, стало более открытым, более интегрированным и, одновременно, более хрупким и диверсифицированным. В таких условиях изменились структура и содержание не только политических систем и режимов, но и системы социально-экономических, и, прежде всего, производственных, отношений

в современном мире. Не исключением является и феномен трудовой стоимости, который отражает в себе общественно-необходимый труд. Этот труд воплощается в продукте (его товарной форме). Сразу подчеркнем, что речь идет не о количественном анализе общественно необходимых затрат труда (это – проблема экономической теории), а о качественном его аспекте, о его характере. Вопрос о качестве общественно-необходимого труда – сугубо философский вопрос, который до сих пор остается вне рамок научного анализа. Причиной тому является известный тезис К. Маркса о том, что взятый сам по себе такой общественно-необходимый труд будто бы лишен каких – либо особенностей и представляет лишь затраты физической, умственной и нервной энергии (абстрактный труд).

Далее, стоимость, согласно утверждению К. Маркса, создается именно «абстрактным» трудом. Это положение марксизма не отвергает ни один серьезный исследователь. Однако, за рамками этого общего тезиса, как известно, в философии и политической экономии существует огромное количество различных, порой диаметрально противоположных, мнений. Если твердо придерживаться определения К.Маркса о том, что «стоимость каждого товара определяется количеством труда, *материализованного* в потребительной стоимости товара» [1], то из перечня благ, обладающих стоимостью, выпадают услуги, которые не имеют материальной формы. Если же отталкиваться от определения стоимости «общественно-необходимым для производства *каждого* товара трудом», то такой труд уже перестает быть абстрактным (всеобщим) и становится «конкретным». Ничего, кроме определения труда, создающего стоимость как труда «абстрактного» К.Маркс, практически, не оставил. Это требует от современной науки серьезного осмысления и развития научной теории труда.

В современной литературе выделяют три основных подхода к проблеме труда: а) *неореалистский*, в) *неономиналистский* и с) *диалектический*. Согласно неореалистской концепции труда, которая отождествляется с технологическим подходом (технологический детерминизм), труд рассматривается как источник создания потребительной стоимости. При этом считается, что «конкретный труд» «восполняет» «абстрактный труд» [2], что противоречит не только логике, но и здравому смыслу. Ведь понятия «абстрактный» и «конкретный» характеризуют труд как свою единую и неделимую основу. Несостоятельность указанного подхода состоит в использовании принципа дуализма, в соответствии с которым «абстрактный» и «конкретный» труд рассматриваются как самостоятельные сущности, а не в качестве двух сторон одного и того же единого процесса труда, как это делал К. Маркс.

С позиций неоминализма труд трактуется как в принципе не познаваемый процесс. Здесь также за основу берется принцип дуализма, но при этом сам смысл труда подменяется другими понятиями. Труд отождествляется с работой, занятостью, деятельностью и т.д. [3], что в принципе не вер-

но. Между понятиями «работа» и «труд» лежат такие фундаментальные различия, как целесообразность, общественная полезность и осознанность, которые имманентны труду, но отнюдь не всегда характеризуют работу.

Наконец, в рамках диалектического подхода труд рассматривается как антиэнтропийный процесс, благодаря которому сохраняется и укрепляется единство мира и всеобщая связь явлений. Иначе говоря, труд в рамках диалектического подхода рассматривается как единство идеального и материального в сфере человеческого бытия.

В основе философского осмысления труда обычно лежат две теории познания: теория *репрезентации* и теория *отражения*. Однако, это наиболее общие и абстрактные теории, которые не позволяют проникнуть в сущность труда как универсального явления, охватывающего всю историю человечества и составляющего родовую сущность человека.

Поэтому представляется более продуктивным в методологии исследования стоимости и труда отталкиваться от *деятельностного* и *ценностного* подходов, которые такую возможность содержат. Необходимо также определиться в вопросе о том, *какой именно* «абстрактный» труд отражен в стоимости. А так же, как именно стоимость в свою очередь «отражена» в товаре? Иначе говоря, как и какие социально-трудовые отношения выражает стоимость.

Известно, что К. Маркс анализировал современное ему капиталистическое производство. Соответственно, стоимость в его исследованиях отражала именно капиталистические социально-трудовые отношения. При этом, необходимо вспомнить о часто игнорируемом положении марксизма, согласно которому в отношениях между трудом и капиталом происходит отчуждение труда: «Тем, что рабочий обменивает на капитал, является сам его труд (...) Он *отчуждает* свой труд. То, что рабочий получает в качестве цены, есть *стоимость* этого отчуждения» [4]. Таким образом, К.Маркс вел речь по существу о феномене *отчужденной стоимости*, созданной *наемным трудом* и характерной для капиталистического производства. Не случайно в «Капитале» К.Маркса нельзя найти ни одного примера раскрытия закономерностей экономической структуры будущего (некапиталистического) общества. Это и понятно, ведь намеки на более высокое (устройство – авт.) «могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» [5].

Однако, что собой представляет «отчужденная стоимость» или «отчужденный труд»? Понятие «отчуждение» трактуется по-разному. Например, Н. Смелзнер рассматривал его как специфическое отношение самого работника к своему труду, которое характеризуется настроениями бессмысленности, беспомощности и отстраненности [6]. Рассматривая проблему отчужденного труда в плоскости субъектно-объектных связей, этот социолог по существу игнорировал общественный характер самих трудовых отношений. С его «легкой руки» в литературе вместо понятия «социально-трудовые отношения» стало употребляться понятие «трудовые отношения», что далеко

не одно и то же. В отечественной литературе преобладает использование понятия «социально-трудовые отношения» [7].

Проблема отчуждения труда возникла в науке еще в эпоху раннего капитализма. Отчуждение труда рассматривалось в ней как процесс разрушения единой связи между субъектом труда и продуктом (результатом) труда. Однако, в отличие от докапиталистической эпохи, когда порой и сам работник оказывался не свободным (Аристотель использовал в этой связи термин «*андропагора*» – живая собственность), в капиталистическом производстве работник формально свободен. Но проблема отчуждения труда оказалась актуальной в связи с тем, что свободный работник был изначально отчужден от средств производства, т.е. от результатов «прошлого» труда. А затем уже и от результатов своего «живого труда – созданного им продукта. Мотив отчуждения можно обнаружить в философских концепциях Т. Гоббса, Ж. Ж. Руссо, Г. Гегеля. В работах последнего, в частности, проблема отчуждения труда рассматривалась уже в контексте более широкого понятия – деятельности личности. Отчуждение труда в форме присвоения продукта рабочими собственниками-капиталистами фактически выступало у этого философа как отчуждение сущности самого человека. Гегель рассматривал категорию «отчуждение» в трех аспектах: в онтологическом, в гносеологическом и в социальном.

В онтологическом аспекте речь шла у философа о переходе логической идеи бытия человека в ее инобытие, т.е. в бытие реальной и социальной природы. Опредеичивание природы философ рассматривал как отчуждение замысла (идеи), как реализацию некоего проекта, как ее, природы, «овнеишение» (*entäußerung*).

Суть гносеологического аспекта состояла в том, что отчуждение и его преодоление философ связывал с переходом от истины к заблуждению и наоборот.

Для нас наиболее интересным представляется третий аспект отчуждения – социальный. Он изложен в «Феноменологии духа». В этой работе Гегель предпринял попытку философского анализа социальных отношений. Он, в частности, рассуждал об «опредеичивании» труда (его результатов) и его «отчуждении» (*entfremdung*).

В свою очередь, Л.Фейербах также пользовался понятием «отчуждение», вкладывая в него религиозно-мистический смысл. Под отчуждением он подразумевал утрату человеком своей собственной сакральной сути (сущности). Такое отчуждение свидетельствовало, по его мнению, о расщеплении самого сознания личности. А ведь труд – это осознанная деятельность. Поэтому от вопроса об отчуждении сознания логично было бы перейти к вопросу об отчуждении труда.

Но, в отличие от Гегеля, Л.Фейербах не рассматривал отчуждение труда. Поэтому именно идеи Гегеля стали отправной точкой для К.Маркса в его разработке теории отчужденного труда [8]. Анализ ранних работ К.Маркса позволяет сделать вывод о том, что в исследовании и

описании процессов и явлений своей эпохи он исходил из *факта* отчуждения. При этом К.Маркс перевел социальный аспект гегелевской интерпретации отчуждения в сферу реальности, а именно в сферу социально-трудовых отношений. Наиболее ярко это отражено в «Экономико-философских рукописях 1844 года», где отчуждение анализируется в экономическом, психологическом и социологическом аспектах.

Известно, что экономическими последствиями отчуждения труда выступает снижение мотивации к труду и, как следствие, падение его производительности, эффективности, организованности, иных экономических показателей. Именно это наблюдается в современном российском обществе, в котором развитие рыночных, а по существу капиталистических отношений привело к существенной деградации всей системы трудовой мотивации.

Психологическими последствиями отчуждения труда выступает разрушение психики и психического здоровья человека, рост численности психических расстройств и заболеваний и т.д.

Социальными последствиями отчуждения труда являются дестабилизация системы социальных отношений в обществе, в частности неэффективность системы социального взаимодействия (партнерства) между различными социальными группами.

Итак, отчуждение – это отделение предметного результата трудовой деятельности от непосредственного субъекта этой деятельности – работника. Механизмом такого отчуждения выступает эксплуатация наемного труда, а способом такого отчуждения является частная собственность (на средства производства и на созданный продукт). Наиболее четко это выражено в формуле: «Рабочий относится к *продукту своего труда*, как к *чуждому* предмету» [9].

И здесь действительно отчуждение продуктов труда ведет к тому, что сам процесс труда становится чем-то внешним и безразличным. Он становится «принудительным», «вынужденным», выступает в качестве «обременительной обязанности» трудиться. Поэтому такой труд есть «утрата рабочим самого себя» [10].

Но если в жизни имеет место отчуждение труда, то почему до сих пор отсутствует понятие «отчужденная стоимость»? Оно не встречается в работах К. Маркса. Означает ли это, что данное понятие не научно или, что оно не выражает стоящую за ним реальность, что оно иррационально? Конечно, нет. В этой связи необходимо вспомнить, что К.Маркс называл свое учение методом, а не догмой. Он писал: «Как из понятия *отчужденного труда* мы получили путем анализа понятие *частной собственности*, точно также можно с помощью этих двух факторов развить все экономические *категории*, причем в каждой из категорий (...) мы найдем то или иное *определенное и развернутое* выражение этих первых основ» [11].

Это означает, что на основе анализа отчужденного труда в его объективно-необходимом количестве и качестве мы можем обнаружить *от-*

чужденную стоимость. Ведь собственник присваивает не просто труд рабочего, а определенное его количество и качество. При этом известно, что количество такого труда определяется общественно необходимым рабочим временем. А чем определяется *качество* такого труда? На этот вопрос К. Маркс четкого ответа не дал.

С формально логической позиции можно было бы предположить, что и качество абстрактного и общественно-необходимого труда определяется общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для обеспечения такого качества. Такой вывод вроде бы напрашивается в связи с известным законом диалектики – законом перехода количественных изменений в качественные изменения. Но это было бы неверное предположение, которое увело бы нас в область исследования «конкретного» труда. Иначе говоря, вместо «абстрактного» труда мы в качестве предмета исследования имели бы «конкретный» труд.

Но даже и в этом случае такое предположение было бы не верным. Ведь ясно, стоимость продукта, созданного работником в течение рабочей смены, месяца или даже года отнюдь не является равной общественно-необходимому времени его обучения в техникуме или колледже. А ведь без образования и профессионализма работник свой продукт не создал бы. Но почему тогда в стоимость продукта работника не включается стоимость его обучения? Потому что продукт – конкретный результат конкретного труда, а стоимость характеризует труд вообще, т.е. «абстрактного» труда.

Если же анализировать «абстрактный» труд, то здесь под качеством подразумевается не квалификация, не опыт или навыки работника, а его, «абстрактного» труда *характер и общественная форма*. В условиях, когда средства производства принадлежат самим работникам (например, в кооперативе, артели и т.д.) труд, создающий стоимость становится «непосредственно-общественным». Работник работает только на себя. Продукт труда принадлежит ему. Отчуждение как таковое исчезает. В условиях же частной собственности на средства производства работник трудится не только и не столько на себя, сколько на работодателя-собственника, присваивающего значительную часть создаваемого работником продукта.

Кроме того, важен момент соотношения расходуемых в процессе человеческой деятельности духовных, нервных, умственных и физических затрат. То что «абстрактный» труд есть просто осуществление таких затрат отнюдь не означает, что сами по себе эти затраты одинаковы в разные исторические периоды развития общества. В условиях традиционного хозяйства преобладал физический и ручной труд, в постиндустриальной экономике – интеллектуальный, умственный труд. Поэтому марксистское представление об «абстрактном» труде как одинаковом и общем «для всех времен и народов» – это явное упрощение.

Таким образом, *качество* «абстрактного» труда, являющегося источником стоимости, отражается в общественно-историческом характере такого труда. И он, этот характер, меняется с изменением системы социально-трудовых отношений.

Стоимость как социальное отношение, в котором выражается социально-трудовая природа человека, включает в орбиту своего развития не только непосредственных субъектов трудовой деятельности – работников, но, опосредованно, и работодателей, профсоюзы, государство и иных институциональных субъектов. В связи с этим правомерно выделение *внутреннего* и *внешнего* уровней системы социально-трудовых отношений. *Внутренний* уровень отражает стоимостную связь только между работниками по поводу создаваемого ими продукта. И эта связь заключается в отношении субъектов труда между собой по поводу самого процесса труда. *Внешний* уровень отражает отношения между совокупным работником и всеми другими институциональными субъектами системы социально-трудовых отношений, в том числе и теми, которые не принимают непосредственного участия в организации и осуществлении процесса труда. И эта связь заключается в отношении между субъектами процесса труда, с одной стороны, и всеми другими социальными субъектами, не принимающими непосредственного участия в процессе труда, с другой стороны, по поводу продукта труда. Участие социальных субъектов, не являющихся прямыми участниками процесса трудовой деятельности, в организации процесса труда носит опосредованный и формализованный характер. Государство как ключевой социальный субъект выполняет функцию законотворчества, регламентируя трудовые отношения посредством законов. Работодатель также регулирует процесс труда с помощью подзаконных нормативных актов (инструкций). Но при этом главный вопрос для них – это не сам труд, не его условия и характер, а его результат. Для государства – налоги, для собственников – прибыль. Но и для наемного работника главным вопросом в отчужденном труде оказывается не его качество, а заработная плата. В этих формах дохода отражается глубинное противоречие, которое современное российское общество пытается «лечить» технологиями «социального партнерства». Однако, в условиях нарастающей конкуренции такие технологии оказываются по определению малоэффективными. Поэтому актуальным вопросом становится выбор конкретных моделей развития системы социально-трудовых отношений. Какая из них – корпоративизм, патернализм, клиента или какая-либо иная модель таких отношений будет востребована в российском обществе – покажет будущее. Но противоречие между объективной необходимостью в социальном партнерстве и ожесточающейся конкуренцией не увидеть нельзя. Оно отражается в стоимости и в самом характере труда.

В целом же, феномен трудовой стоимости как результат «абстрактного» труда – это диалектическое единство и борьба разных тенденций в

развитии социально-трудовых отношений, которые и отражают качественные изменения в самих этих отношениях.

1. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Процесс производства капитала / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1988. XVIII. Т. 1. Кн. 1. – С. 198.
2. 2.Алексахина, Т. А. Философско-методологический анализ изучения стоимости: автореф. дис. канд. филос. наук / Т. А. Алексахина. – Красноярск. 2010. – С. 15.
3. Там же.
4. Маркс К. Указ. соч. С.199.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 42.
6. Смелзнер, Н. Социология / Н. Смелзнер. – М.: Феникс, 1994. – С. 506.
7. Генкин, Б. М. Экономика и социология труда: учебник для вузов / Б. М. Генкин. М.: Норма, 1998. – С. 314–332.
8. См.: Лукач, Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества / Д. Лукач. – М.: Наука, 1987. – С. 595.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 88.
10. Там же. С. 91.
11. Там же. С. 98.

Н. А. Терентьева

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ

В данной статье мы сосредоточим внимание на анализе содержательно-субъектного поля балетного искусства и авторском осмыслении понятия **хореографическая культура**. Ведь что такое хореографический академический театр? Это, прежде всего, – классический и современный репертуар (содержательный уровень) и квалификационно-качественный и количественный состав труппы для его интерпретации (субъектный уровень). Таким образом, понимание хореографической культуры в нашем прочтении будет связываться лишь с *профессиональными* аспектами развития балетного искусства.

Прежде чем говорить собственно о хореографической культуре, рассмотрим некоторые содержательно близкие категории, являющиеся смысловым основанием для выведения понятия «хореографическая культура» или выступающими производными по отношению к нему. К таковым могут быть отнесены следующие: духовная культура, эстетическая культура, художественная культура, музыкальная культура, театральная культура, культура восприятия балетного спектакля, культура балетного спектакля.

Так, наиболее общим по отношению к понятию искусство (в нашем случае – балетное искусство) выступает категория **духовной культуры**. Духовная культура трактуется большинством авторов как особое измерение социума, совокупность нематериальных элементов и продуктов духов-

ной деятельности человека. Традиционно в структуру духовной культуры включается и подсистема «искусство», а потому мы можем говорить о том, что, анализируемая нами хореографическая культура, является также ее составным элементом (не отрицая при этом, наличие и элементов материального характера, задействованных в ее непосредственном функционировании).

Еще одной общей (в большей мере философской, чем культурологической) категорией, выступающей необходимым условием осмысления искусства, является **эстетическая культура**, определяемая чаще всего как способность особого переживания и содержательно-ценностного выражения многообразия этих отношений. Причем, если духовная культура понимается, скорее, через *морфологию* культурного пространства (деление культуры на материальную, духовную, социальную), то эстетическая – относима к *формам взаимодействия* человека с миром, то есть, выражается не в обще-социальном, а в специфически-личностном восприятии действительности. Итогом развития эстетической культуры личности становится сформированный (или не сформированный) эстетический вкус, способность к осознанию и переживанию чувства прекрасного. Таким образом, хореографическая культура, на наш взгляд, связана с эстетической культурой (насколько, в принципе, танец ориентирован на воплощение образов прекрасного), а также может переплетаться с ней в отдельных своих элементах (как результат содержательно-стилевого художественного решения балетных спектаклей), но выступает, скорее, итогом индивидуального восприятия искусства субъектом (который, в равной мере, может находить в спектакле и элементы этической, нравственной и иных культур).

Наиболее близкой понятию «хореографическая культура» выступает – **художественная культура**. Художественная культура есть социальное бытие искусства или система его производства, хранения, распространения (трансляции) и потребления в обществе. На наш взгляд, хореографическая культура включена в художественную культуру, но лишь в блоке «создание» (в широком смысле, включая само произведение искусства, его создателей и интерпретаторов, институциональный аспект) так как относится, как уже отмечалось нами ранее, к профессиональным аспектам развития балетного искусства.

Аналогичным понятию художественная культура у большинства авторов определяется и **музыкальная культура** (лишь с уточнением специфической – музыкальной составляющей). Вместе с тем, прочтение музыкальной культуры может быть связано и с личностной категорией развитости музыкального вкуса, осведомленности, способностей освоения музыкального материала конкретным человеком. Подобное прочтение вписывается в блок «потребление»/«восприятие» музыки, вводимый при выстраивании структуры музыкальной культуры в единстве всех ее компонентов. Хотя, безусловно, стоит отметить то, что при непосредственном анализе

музыкальной культуры, как правило, основной акцент делается именно на изучении особенностей потребления. Аналогичная направленность (на потребление) осуществляется и при изучении **театральной культуры**.

Таким образом, мы можем говорить о том, что музыкальная и театральная культуры трактуются по аналогии с художественной культурой, лишь акцентируя в содержании понятия специфичность преломления конкретного вида искусства (музыка, театр) в общей схеме функционирования в жизни общества. А, соответственно, как уже отмечалось нами при анализе художественной культуры, хореографическая культура относится к категориям музыкальной и театральной культуры как производная (балет как синтез театра и музыки), но лишь в блоках создания/трансляции. Блок потребления/восприятия, таким образом, не относится напрямую к хореографической культуре, но является непосредственно связанным с ней как взаимодействующая подсистема, выраженная в категории «культура восприятия балетного спектакля».

Отдельно следует уточнить понятие «культура балетного спектакля», используемое, на наш взгляд, скорее как оценочная характеристика *качества* подготовленности балетного действия, оценки уровня мастерства выражения хореографических образов на сцене.

Таким образом, опираясь на осуществленный анализ рядоположенных категорий, мы можем говорить, что: хореографическая культура – это часть художественной (музыкально-театральной) культуры, обособленная системой создания и трансляции художественных ценностей и представляющая специфику формирования и функционирования субъектно-содержательных компонентов балетного искусства.

К ключевым субъектно-содержательным компонентам хореографической культуры относятся:

- художественно-репертуарная политика (насыщенность и обновляемость репертуара, соотношение в нем классического и современного наследия);
- профессиональный уровень развития балетной труппы (первый субъектный уровень);
- профессиональный уровень развития музыкально-постановочной инфраструктуры (второй субъектный уровень);
- система воспроизводства профессиональной подготовки, уровень развития и организации репетиционного процесса;
- содержательно-стилевая специфика художественного решения балетных спектаклей;
- событийно-творческая презентация художественных достижений балетной труппы (наличие фестивалей, творческих событий, конкурсов);
- система многоаспектной и интенсивно функционирующей художественной коммуникации (гастрольная деятельность, возможности приглашения «звезд»).

Таким образом, хореографическая культура исследуется нами с позиций *системного* (как единство различных элементов, нацеленных на единый результат) и *структурно-функционального* (через выявление ключевых функций-предназначений каждого элемента системы) подходов, потенциал применения которых к анализу балетного искусства представляется нам необходимым условием культурологического исследования..

СЛОВО НАСТАВНИКА

И. Д. Тузовский

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СЕМАНТИКА ТЕРМИНА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА БОЛЬШЕЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ

«Глобализация» сегодня является одним из главных трендов политики, культурных исканий и научных исследований. Термин заключен в кавычки не зря: сама по себе глобализация трендом являться не может; тренд – это повсеместное употребление этого термина.

В установлении значений понятия глобализация следует руководствоваться двумя принципами:

1. Семантической осторожности. Обратим внимание, что семантически термин глобализация – по крайней мере в русском языке – предполагает его процессуальность. Нельзя указать на какое-либо явление и сказать: «Это глобализация!» Индийские или японские макдональдсы, французское анимэ, настольные игры в стиле америтрэш, издаваемые в Польше и Чехии – это не глобализация, а свидетельства ее реальности.

Осторожные исследователи так и употребляют этот термин: «процессы глобализации», однако в значительном числе исследований наблюдается хаос и синкретическое понимание глобализации и как процесса и как некоего «исторически-вещественного» результата этих процессов. Не разделяя энтузиазма по поводу возможности «овеществления» исторического процесса, кристаллизации живого и динамично развивающегося феномена в мертвую реальность исторического факта, будем и мы осторожны.

2. Второй принцип вытекает из первого: если глобализация – это процесс, то а) он может иметь четкое начало и логическое завершение; б) может быть присущ логике исторического развития *человечества* в целом, а не какому-либо из его этапов. Мы будем называть это методологическим принципом «большей длительности». Больше чем какая? – большей, чем очевидная.

Так, в целом ряде исследований отмечается, что процессы глобализации начинаются после Второй мировой войны. Это очевидно: становление транснациональных институтов управления, столь же транснацио-

нальных юридических институций, глобальных экономических сообществ¹ и т.д. Однако автору очевидно и иное: *после Второй Мировой* войны процессы глобализации никак не могли *начаться* – это чистейший абсурд.

Впрочем, мы вынуждены признать: *мнение* или лучше *точка зрения*, согласно которой глобализация начинается после Второй мировой, не всепри-суща, а является, скорее, заблуждением тех исследователей, исследователь-ских фокус наук, в предметной области и с помощью методов которых они работают, сосредоточен на современности и мало «укоренен» исторически.

Например, немецкий ученый Ульрих Пфистер в обзорной статье, касающейся, правда, в основном экономического измерения глобализации, прослеживает *истоки* этого явления в XVI – XVIII вв., а со второй четверти XIX в., по его мнению, можно говорить уже о первой волне глобализации [6].

Более полное понимание глобализации, включающее экономическое, политическое, культурное и экологическое измерения, мы встречаем у Гунхильда Симона, который замечает, что современное понимание глобализации применимо едва ли не к каждой империи в истории человечества – от древнего Рима до испанских конкистадоров и Британского содружества наций, а заканчивает приведением цитаты из «Принципов коммунизма 1847 г.» Фридриха Энгельса, в которой сложно не увидеть многие факты современной действительности глобализации [4].

Итальянский ученый Джан Пьеро де Беллис в работе «Полиархия: эссе об этатизме» (Poliarchia: saggi sullo statismo), ссылаясь на свидетельства британского историка А. Тэйлора, пишет о том, что мир XIX в. был гораздо более «глобализированным» и свободным, чем нынешний: отсутствие паспортов и визовых режимов, фактическая возможность жить в любой развитой стране без сообщения о своем присутствии органам внутренних дел и пр., свободная конвертация любой валюты и т.д. «Откат» или де-глобализация, по его мнению, начинаются со Второй мировой войны [2].

Наян Чанда в публикации «Что такое глобализация?» на портале Йельского центра по проблемам глобализации замечает, что это та нить, которую можно проследить всю историю человечества [5].

Мнение о «раннем» начале глобализации столь распространено в западной науке, что нашло свое отражение в словарях и энциклопедиях: японская Википедия относит истоки глобализации к периоду Великих географических открытий [16], канадская энциклопедия относит начало глобализационных процессов, **по меньшей мере**, к XIX в. [3].

Журнал Time в своей «Краткой истории глобализации» ведет отсчет от путешествия Марко Поло в Китай p[1].

Приведенные выше примеры заставляют заподозрить, что глобализация стала научным мемом, утратив (вернее – так и не выработав) строгое

¹ Ярчайшим примером может быть послевоенное перерастание экономических союзов Франции, Италии, ФРГ и ряда других стран в отдельных отраслях в новую конфедерацию, утвержденную де-юре в 1992 г. подписанием Маастрихтских соглашений об образовании Евросоюза.

значение. Не в первые данная ситуация возникает, но любопытным было бы напомнить наиболее важные примеры:

1. П. А. Сорокин рассуждая о взаимодействии между людьми как первичном факте, изучаемом социологией, сетовал на повсеместное – к месту и ни к месту! – употребление термина «психическое» [См. 13].

2. А. В. Соколов в «Философии информации» обнаруживает аналогичные факты, связанные с употреблением термина «информация» [11].

Это становится определенной квази-научной игрой: подмена устаревших *лексически*, а не содержательно терминов новыми, вполне актуальными с точки зрения научной конъюнктуры. Такими псевдооткрытиями богата «гуманитарная синергетика» множество авторов, причисляющих себя к методологии и подходу И. Пригожина и Г. Хакена добиваются потрясающих результатов едва ли не механически подставляя синергетическую терминологию в объяснение или описание уже многократно исследованных событий, процессов, феноменов.

Все тот же Питирим Александрович Сорокин задолго до появления глобализационного дискурса писал о интеграции и дифференциации как о двух основных процессах социальной и культурной динамики [12, с. 773], однако термины *интеграция* и *дифференциация* утратили актуальность и конъюнктурные качества в дискурсе *глобализма*.

Таким образом, смысл глобализации как *процесса* можно разложить в сравнительно простой семантический ряд:

– **интеграция** (далее – глобализация-*и*) – углубление и расширение взаимосвязей внутри и между регионами земного шара. интеграция протекает в двух измерениях: 1) целенаправленные политические усилия – такова интеграция европейского региона, которая является важной составной частью общего процесса глобализации; 2) «просачивание в одиночку» (*lone infiltrator*) [14] – спонтанный процесс культурной, социальной и пр. диффузии, имеющий своим истоком, прежде всего, процессы а) человеческой миграции, б) формирование глобального информационного пространства.

– **конвергенция (-к)** – сближение по социальным, экономическим и культурным критериям различных регионов;

– **универсализация (-у¹)**

– **унификация (-у²)** по образцу или усредненному «значению». Этот вариант вызывает наибольшее количество споров и возражений. Если предполагается глобализация-у по образцу США или, шире, Западного мира, то всплывает тема «альтернативных глобализаций» [7, с. 19–20; 15].

Второй и третий смыслы зачастую понимается как единый вариант или, по крайней, мере варианты столь близкие друг другу, что отличие между ними пренебрежимо мало или вообще незаметно исследователям [См., например, 10]. Стоит отметить, что в русле идей социально-экономической конвергенции двух сверхсистем (западной капиталистической и восточной плановой) работал Джон Кеннет Гэлбрейт, которому принадлежит концеп-

ция «нового индустриального общества», как гипотетического социально-экономического и политического уклада, к которому с разных полюсов стремятся США и СССР, развитые капиталистическая и социалистическая системы [8].

Наше мнение заключается в том, что углубление и расширение связей между регионами земного шара (глобализация-и) является общеисторическим процессом, который прослеживается от палеолита до нашего времени и, несомненно будет продолжаться в любом варианте некатастрофического будущего. Масштабы катастрофы, которая способна повернуть вспять процессы глобализации, сложно представить: отказ от техники и телекоммуникаций, депопуляция и пр. С другой стороны, можно представить себе *временный откат* по одному или ряду измерений глобализации. Вполне ясна точка зрения Ульриха Пфайфера, который использует термин «де-глобализация» (*deglobalisierung*), характеризую исторический период 1931–1944 гг. [6].

Глобализация-к и -у – это исторически локальные явления, которые, в отличие от глобализации-и обратимы некатастрофическим образом. Они не тождественны, но обладают несомненным сходством и столь же несомненно взаимосвязаны. Интеграция в форме диффузии («просачивание в одиночку») приводит к формированию модели инклюзивизма [14], которая обеспечивает конвергенцию, что в свою очередь может приводить к унификации по полицентрической модели. В таком виде бесполезно искать альтернативные не-западные глобализации – глобализация становится строительством общего здания из разноцветных блоков, а не перекрашиванием блоков построенного чужого здания. Дисбаланс в пользу США ли, Европы ли, или Китая – неважно! – может иметь место, однако не отменяет главного: сохранение генетического разнообразия культуры человечества. Не рискуя пророчествовать, все же заметим, что, по крайней мере, в биологии мера генетического разнообразия популяции служит залогом ее потенциала выживания и продолжения эволюционных процессов.

Никакой «глобализации» как исторического *события*, тем более как *определенного явления* не существует – существует ряд *процессов*, свидетельства которых мы интегрируем в интеллектуальную конструкцию концепта глобализации. Так, *глобализация культуры* – это интегральная интеллектуальная конструкция, которая *обозначает* сумму процессов, протекающих в области культуры. Ни один из этих процессов не конгруэнтен семантической нагрузке «глобализации» сам по себе. В этом смысле показательно замечание Яньсень Яня, который говорит, что «массовая культура, несомненно, – область, в которой глобальное влияние [Запада на Китай – И. Т.] сказывается сильнее всего» [15]. Заметим: не *глобализация*, а *глобальное влияние*. Становление и развитие, прежде всего распространение и интернационализация массовой культуры само есть важное слагаемое глобализации.

Иными словами, глобализация есть *мнимая* сумма *действительных* процессов. Здесь под термином «мнимый» подразумевается не вымышленность или иллюзорность этого процесса, а лишь то, что глобализация является универсалией второго рода (абстракцией, интегрирующей действительные вещи в общий образ [См., например, 9]) по отношению ко множеству процессов, которые служат основанием рождения такой абстракции:

– слияние ареалов человеческих сообществ в социальное пространство планетарной протяженности в том числе на базе формирования глобального информационного пространства;

– политическая и экономическая интеграция отдельных человеческих сообществ

– формирование олигополической системы¹ образцов и моделей поведенческой культуры, ценностей и артефактов, которые участвуют в их трансляции и передаче (сюда входит и массовая культура как агрегат артефактов, и «давосская культура» [7] как совокупность поведенческих норм и ценностей ведения бизнеса) на основании спонтанного появления или специального проектирования универсальных образцов, культурной экспансии и гибридизации разных культур.

1. A Brief History of Globalization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1174759,00.html>, свободный. – Загл. с экрана. – (24.09.2012)
2. Bellis, Gian Piero de Poliarchia : saggi sullo statismo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polyarchy.org/essays/italiano/globalismo.html#globalizzazione>, свободный. – Загл. с экрана. – (24.09.2012)
3. Globalization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thecanadianencyclopedia.com/articles/globalization>, свободный. – Загл. с экрана. – (24.09.2012)
4. Gunhild Simon Globalisierung – sprachliche Aspekte eines umstrittenen Begriffes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.magazin.institut1.de/678_Sprache_Globalisierung_sprachliche_Aspekte_des_Begriffes.html, свободный. – Загл. с экрана. – (24.09.2012)
5. Nayan Chanda Qu'est-Ce Que La Mondialisation? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yaleglobal.yale.edu/about/essay_fr.jsp, свободный. – Загл. с экрана. – (24.09.2012)
6. Pfister U. Globalisierung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ieg-ego.eu/de/threads/hintergruende/globalisierung/ulrich-pfister-globalisierung#PhasenderGlobalisierungsgeschichteseitMittedes19Jahrhunderts>, свободный. – Загл. с экрана. – (24.09.2012)
7. Бергер, П. Л. Введение. Культурная динамика глобализации / П. Л. Бергер // Многоликая глобализация / под ред. П. Л. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 19–20.
8. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество [Текст]. – М.: АСТ, 2004. – 602 с. – (Philosophy)
9. Левин, Г. Д. Проблема универсалий (современный взгляд). – М.: Канон+, 2004. – 224 с. – («Современная философия»).
10. Момджян К. Об одном многократно упоминаемом процессе // Сумерки глобализации: Настоящая книга антиглобалиста. – М.: АСТ, 2004. С. 41.
11. Соколов Философия информации. Проф.-мировоззренческое пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2010. – 363 с.

¹ Мы называем эту систему олигополической по аналогии с экономическим значением: производителей этих образцов малое количество, потребителей – около семи миллиардов.

12. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2000. С. 773.
13. Сорокин, П. А. Система социологии. – М.: АСТ, 2008. – 1008 с. – (Philosophy).
14. Шринавас Т. «Свидание с судьбой» индийский вариант культурной глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Л. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 108–109.
15. Яньсень Янь Управляемая глобализация. Государственная власть и изменения в культуре Китая // Многоликая глобализация / под ред. П. Л. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 37.
16. Глобализация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ja.wikipedia.org/wiki>, свобод. – Загл. с экрана. – (24.09.2012).

Д. О. Усанова

Челябинская государственная академия культуры и искусств,
МБУ «Информационно-аналитический центр» Администрации г. Челябинска

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДОСУГА И ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Очевидно, что интенсивное развитие в XXI веке телекоммуникационных технологий, развитие Интернет-пространства, поиск новых средств и возможностей для включения в жизнь индивида инновационных систем, кардинально меняют мир вокруг нас. Все эти нововведения становятся неотъемлемой частью нашей жизни, и мы вправе говорить сегодня об изменении (под влиянием виртуальных технологий) традиционно сложившегося и устойчивого поля культуры. Актуализация виртуальности (в информационном и телекоммуникационном пространстве в данном случае) оказывает значительное влияние на современную культуру, способствует переходу общества к так называемому, «сетевому» типу [4]. Изменение облика культуры соответственно ведет к многочисленным преобразованиям во всех сферах жизнедеятельности и социального взаимодействия, носящим как положительный, так и деструктивный характер. Причем, характер этих изменений, радиус их воздействия и масштаб распространения позволяют говорить о том, что в данном случае речь идет уже не просто о преобразованиях, сколько о *трансформациях* социокультурной реальности. Канадский культуролог Маршалл Маклюэн утверждал, что господство тех или иных видов коммуникации определяет весь облик культуры. В связи с этим, обратимся к реалиям современной культуры и зафиксируем основные трансформации, вызванные развитием виртуального пространства.

Важной составляющей и способом самоидентификации любой культуры выступает язык, а потому изменения культурного пространства под влиянием виртуальных технологий неизбежно способствовали **трансформации традиционных языковых практик**. Трансформация языковых практик в XXI веке – явление весьма актуальное, принимающее, по мнению исследователей: «...принципиально-новый «режим-формат», который

принято называть глобалистским». [3, с. 179]. Мы в данном случае не затрагиваем проблемы изменения языка под влиянием общего процесса глобализации, а, скорее, акцентируем внимание на трансформации языковых практик под влиянием глобальной сети Интернет, телекоммуникационных технологий.

Современные Интернет-сообщества и Интернет-субкультуры сформировали особые уникальный язык общения в Сети, степень и масштабы использования которого развиваются по принципам диффузии, втягивания в свою орбиту многих пользователей. Ярким примером выступает субкультура «падонков» («падонкофф»). Выработанный данной субкультурой язык с точки зрения орфографии отличается обилием ошибок, изменение слов как литературного, так и нелитературного лексикона, особый тип Интернет-лексикона: «...помимо активного использования ненормативной лексики, к специфическим характеристикам вербального поведения языкового коллектива «падонков» может быть отнесен так называемый «ОРФО-арт» – орфография, придуманная создателем сайта и первооткрывателем нового языка Дмитрием Соколовским, известным в Сети под псевдонимом Удав» [7, с. 292]. ОРФО-арт – это языковая неправильность, намеренно допускаемая, конвенционально принимаемая и понимаемая авторами, комментаторами и просто посетителями. Иными словами, его можно определить как «языковую игру» [6, с. 13], основанную на связи между эстетикой и отклонением от нормы – новую форму языковой самопрезентации групп. Важно отметить, что, родившись как языковая практика в сообществе «падонков», их лексика перешла на просторы глобальной сети Интернет и активно используется многими пользователями уже не только в письменном виде, но и в устной речи, и даже на рекламных плакатах, привлекая внимание читателей к сознательно неправильно написанным словам.

Уникальные возможности для самовыражения дают такие интерактивные формы общения в Интернете как всевозможные чаты, форумы, разновидности электронной почты, телеконференции и т.д. Помимо трансформации языковых практик в глобальной сети, для удовлетворения коммуникативной функции пользователей разработчики создают централизованные службы мгновенного обмена сообщениями: ICQ, QIP, stlCQ, iChat. Обитатели подобных служб, чатов, всевозможных форумов лишены возможности демонстрировать изменения тембра речи, голоса, жестов, мимики. В связи с чем, «эмоциональный дефицит» взаимодействия Интернет-пользователей компенсируется путем введения в виртуальный дискурс типов эмоциональных реакций, так называемых «смайликов» (от англ. слова «smile» – улыбка).

В. Елистратов (в статье с метафорически-философским названием «Язык как зеркало эпохи») говорит о появлении в жизни человечества «новой иероглифики» или «новой пиктографии» на фоне процесса глобализации [3, с. 183]. Усилению «звучания» языка виртуального общения способствуют

самые разнообразные приемы: нажатие клавиши «Caps Lock», так называемый «капс», позволяющий произвести написание текста заглавными буквами (означает повышение голоса); попытки отражения интонационной окраски фразы за счет обозначения растянутых гласных («Ну-у-у-у, не зна-а-аю я!»); расшифровка иностранной транскрипции слов («Феньк ю вери мач!»); активное использование пунктуации (восклицательных знаков, использование символов для выражения эмоций :-) – радость, :-(– печаль). Кроме того, трансформационный эффект проявляется не только в искажении существующих (традиционно принятых) форм словообразования, но и в *порождении* нового языка разговорного общения пользователей, основанного именно на специфике Интернет-коммуникации (*блуждать, кликнуть, чатиться, «скинуть на мыло» и т.п.*).

Существенным представляется нам и выбор, так называемых, «никнеймов» – имен, псевдонимов, которые избираются интернет-пользователями. Подобная форма регистрации в Сети может рассматриваться и как своеобразная форма культурной инициации (вхождения в новые условия существования), а также выступать способом социокультурной идентификации в Сети: «...человек, «обитающий» в Интернете, самоидентифицируется не как самостоятельная целостная личность, а как участник того или иного сообщества, то есть как сумма некоторых характеристик, для этого сообщества являющихся статусными» [1, с. 490]

Таким образом, появление в глобальной сети Интернет собственного сленга, новых правил написания слов, разнообразных форм и методов общения оказывает существенное влияние на общекультурную языковую ситуацию. Виртуальные личности становятся творцами новых вербальных и невербальных средств высказывания и общения, творят не только само виртуальное пространство, но и язык его общения.

Отметим еще одну значимую тенденцию преобразования культурного пространства, связанную с трансформацией **досуговых практик населения**. В концепциях общества постмодерна сфера досуга рассматривается как важнейшая подсистема, ориентированная на развлечения, игру, гедонизм. Современный досуг несет на себе печать постиндустриального общества, черты которого пронизывают всю повседневную жизнь человека. Общество потребления прививает современному человеку новые формы «модного досуга», которые становятся проявлением престижа и предметом подражания для всех слоев населения.

Французский социолог Ж. Дюмазедье утверждает, что современное общество находится в ситуации развития «цивилизации досуга» [2]. Самоценный, самодостаточный характер досуга сделал его «независимой переменной»; нацеленность жизненных ориентаций на досуг, особенно у молодежи, – свидетельствует о коренных изменениях в образе жизни современного человека. Именно возможность реализации личности в развлечении, развитии и творчестве в досуговой сфере обуславливает провозглашение

«цивилизации досуга». [5, с. 80] Разрушение традиционных норм и ценностей, преобладание потребительских настроений, распространение элементов упрощенной массовой культуры существенным образом трансформируют пространство досуга, делая досуговые практики россиян порой бессодержательными, а иногда и социально опасными. Процессы стандартизации досуга, коммерциализации культурно-досуговых учреждений, развитие средств массовой коммуникации и усиление влияния средств массовой информации – делают досуг «формой потребления институционально произведенных продуктов» [5, с. 81]. Сегодня, наравне с традиционными формами досуговой деятельности общество предлагает новые досуговые услуги и сервисы, такие как кафе-бары-рестораны, казино, ночные клубы, игровые клубы и Интернет-кафе, фитнес-центры. Все больше появляется комплексных учреждений, предлагающих населению большое количество разнообразных услуг, преследуя при этом коммерческие цели. Все более популярным средством привлечения потребителей становится предоставление бесплатного выхода в Интернет – точки доступа WI-FI.

С экранов телевизоров, через СМИ пользователям рисуют идеальную модель проведения досуга. Все большее развитие получает коммерческая индустрия досуга, предлагая населению разнообразные формы организации свободного времяпрепровождения. Однако зачастую, не имея возможности потребления всех предлагаемых ресурсов, услуг, люди оказываются во власти стереотипов, эмоциональных реакций, заменяя идеальные формы на доступные. Понукалина О.В. констатирует тот факт, что: «...вырисовывается не реальная, а виртуальная «цивилизация досуга», при которой реальность замещается различными образами» [5, с. 83]. Абсолютной доминантой в проведении досуга российского населения становятся – телевидение, компьютерные игры, общение и развлечение в сети Интернет. Таким образом, виртуальное пространство начинает занимать свободное пространство в жизни индивида, предоставляя человеку определенную альтернативу в организации свободного времени.

Хочется отметить, что двумя рассмотренными трансформациями не исчерпывается весь список значимых изменений, происходящих в современном социокультурном пространстве. Скорее это изменения, проявляющиеся и распространенные наиболее ярко в молодежной среде. И опираясь на них, мы можем смело говорить о том, что активная циркуляция информационно-виртуальных технологий в различных сферах человеческой жизнедеятельности кардинально видоизменяет культурное пространство современности. Вместе с тем, значение виртуальности видится нам не только в кардинально-преобразующем влиянии Интернет-технологий на социокультурную реальность, но и в порождении особого типа виртуальной культуры.

1. Ботвинник, Е. А. Трансформации языка в Интернет-общении/ Е. А. Ботвинник // Культура глобального информационного общества: противоречия развития / отв. ред. А. В. Костина; ред. колл.: А. И. Шендрик и др.: сб. науч. статей. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. – С.487–493.
2. Дюмазедье, Ж. На пути к цивилизации досуга / Ж. Дюмазедье // Вестник Московского университета. Сер.12, Социально-политические исследования. – 1993. – № 1.
3. Елистратов, В. Язык как зеркало эпохи. / В. Елистратов // Дружба народов. – 2009. – № 10.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Понукалина, О. В. Виртуальная «цивилизация досуга» российской провинции. / О. В. Понукалина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 33.
6. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой культуры / В. З. Санников. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
7. Шаповалова, Н. Г. ОРФО-арт как пример карнавального общения в виртуальной реальности / Н. Г. Шаповалова // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 11. Ч. II. – С. 292–295.

Д. А. Фукс

Челябинская государственная академия культуры и искусств

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РАКУРСЫ МЕДИАКУЛЬТУРЫ: НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ШОУ-ПРОГРАММ

На исходе первого десятилетия XXI века процессы радикальных изменений в медийной сфере становятся явными, масштабными, необратимыми. Эти, ни с чем несравнимые преобразования происходят под влиянием *информационной революции*, призванной сформировать новую парадигму общества, основанного на знаниях и глобальной экономике. Вызваны они внедрением информационно коммуникационных технологий (ИКТ), формирующих новую, неизвестную доселе информационно-коммуникационную среду, где в единой системе функционируют «массовые контент и сервис услуги», предназначенные для человека. В связи с выходом основной массы человечества на уровень «потребительского общества», все более актуальным представляется изучение глубинных бессознательных оснований и предпосылок практики манипулятивного воздействия массовой культуры, в том числе СМИ и рекламы, на социокультурную идентификацию обывателя. Медиакультура сегодня претендует на роль объединителя разрозненных частиц общества в одно целое за счет многообразия информационно-коммуникативных средств и внушительного арсенала психологического оружия [с. 3;123–124].

В современных условиях наиболее эффективными и чрезвычайно опасными средствами воздействия медиакультуры являются шоу-программы. Поскольку, в современной науке отсутствует методологическая разработка понятия «шоу» как явления культуры, На практике в телевизионной медиакультуре (и многих других сферах культуры) данный термин занимает устойчивые позиции. Возникает явное противоречие ме-

жду практическим использованием шоу-программ, как инструмента социализации, и отсутствием теоретической разработанности на практике медиапространства, в целях социокультурного влияния на общество, одного и того же загадочного явления, имя которому «ШОУ» [1; 167–168]. Проблема, предлагаемая к рассмотрению в данной статье, – фактор появления на современном медийном рынке принципиально нового по своей концепции построения, жанровым характеристикам и главное содержанию телепродукта ШОУ и его позиционирование в контексте современного социокультурного пространства – напрямую соотносится с проблематикой развития информационного общества в России. Важен вопрос о качестве и приоритетах содержания, идейно-смысловых концептов аудиовизуальных образов, распространяемых современным телевидением, и то, в какой степени эти образы соотносятся с вызовами времени, аудиовизуально, а следовательно медийно, влияют на зрителя. Исходя из мнения известного ученого В. Л. Цвика, данное явление в культуре имеет свои характеристики: массовость участников и зрителей; товарность производимой продукции; особый тип зрелищности, основанный на психологическом воздействии на зрителя, где в основе построения зрелищных форм шоу лежат архетипы массового сознания и массового успеха, а значит потребность наполнения шоу программ функционально-значимыми и идейно-нравственными смыслами и архетипами.

Исходя из того, что всякое зрелище есть форма эмоционально-эстетического, идейно-эмоционального общения, то эффект соучастия, сопереживания и сотворчества зрителя шоу-программы, в условиях медиа, становятся важнейшими характеристиками ценностно-культурной направленности шоу-программ, а системы медиакультуры – могут служить своеобразным индикатором эпохи, передавая и фиксируя все факты на века. Проанализировав характер ценностно-культурной направленности шоу-программ, можно сделать вывод, что в цифровую эпоху шоу-программы в медиакультуре – наиболее востребованный способ взаимодействия масс, наций, государств, отражающий процессы культурной глобализации, где проявляется навязывание, соревнование, диффузия. С данным выводом солидаризируется известнейший культуролог Ф.Уэбстер, подчеркивающий: Мы существуем в медианасыщенной среде, что означает: жизнь существенно символизируется, она проходит в процессах обмена и получения – или попытках обмена и отказа от получения – сообщений о нас самих и о других...[2; с. 130]. Мы атакованы знаками со всех сторон, мы сами себя создаем из знаков, мы не имеем возможности скрыться от них – и все это в результате приводит к коллапсу смыслов, а манипулятивные технологии используемые в шоу программах посредством харизмы ведущего направлены, как правило, на выработку у зрителей определенного социокультурного отношения, с целью завоевания авторитета и доверия зрительского населения.

Резюмируя изложенное, и проследив всеаимосвязи создателя шоу-программы и потребителя телевизионного продукта подытожим: медиа-культура выступает как мощный демифологизирующий фактор, и одновременно, является не менее могучим средством гипермифологизации реальности. При этом смысловая содержательность информационного пространства (оно может быть глобальным, национальным, регионально-локальным, т.е. глокальным) исключительно велика для общественного развития и существенна для функционирования СМИ во всех ракурсах.

-
1. Кузнецов, Г. В. Телевизионная журналистика / Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский // Классические учебники МГУ – М.: Высшая школа. – Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 167–168.
 2. F. Webster. Theories of the Information Society. Second Edition. London, New York. – 2002. – С. 130.
 3. Кумелашвили, Н. У. Креативный потенциал средств массовой коммуникации в социокультурной модернизации / Н. У. Кумелашвили // Социология Власти. – 2011. – С. 122–123.

А. В. Хомяков

Пермская государственная академия культуры и искусств

ЗНАЧЕНИЕ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В условиях реформирования системы образовательного процесса, внедрением в систему обучения Европейской культуры, возникает вопрос: а какое место общество отводит традиционной русской культуре в воспитании и развитии детей? Где роль обрядовой культуры русской нации? Знание традиционного, богатейшего культурного наследия необходимо.

Говорить о воспитании применительно к русской культуре детей на сегодняшний день довольно сложно. Конечно, детей воспитывали и в допетровской России, и в крестьянских семьях XIX века, если понимать под воспитанием обучение необходимым поведенческим и бытовым навыкам, формам трудовой деятельности, социальным нормам и ценностям, обычаям и ритуалам. Однако привычные нам концепции воспитания, основанные на внимании возрастной психологии, особенностям развития личности, индивидуальной специфике ребенка, начали складываться в эпоху Нового времени и сегодня мы можем их утратить.

Исследования повседневной жизни общества «культуры безмолвствующего большинства» по словам А. Я. Гуревича [1] всегда сопряжено со значительными трудностями. Так что чаще всего мы можем говорить не о том, каким было отношение к детям, а о том, какие идеальные модели воспитания предлагались церковной и светской элитой русскому человеку. Впрочем, некоторые сведения можно взять из этнографических материа-

лов XIX – XX века, предполагая, что культура того времени в той или иной степени воспроизводила модели и способы социализации ребенка.

По мнению специалистов по теории ритуала, одна из основных функций традиционных обрядов «жизненного цикла» (связанных с рождением, взрослением, браком, смертью) состоит в преодолении своеобразного зазора между биологическим и социальным, между культурной реальностью людей и физической реальностью природного мира. А. К. Байбурин полагает – событие, соотнесенное с ритуалом (смерть, рождение), может и произойти, но человек считается умершим и родившимся только после совершения соответствующих обрядов[2]. Иными словами, ритуальная активность человеческого сообщества дублирует природные процессы, формируя социально приемлемые образы рождения и смерти, преобразуя или предвосхищая физиологические изменения при помощи специфических механизмов культуры.

С этой точки зрения обряды, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка, представляют собой комплекс мероприятий, направленных на придание ему человеческих качеств т.к. способность видеть, слышать, говорить. Если ритуалы, связанные с рождением, были преимущественно ориентированны на формирование правильного формирования физического облика, то крестильная группа обрядов делала младенца правильным человеком в социальном смысле. Оформление гендерных признаков новорожденного происходило несколько позже и обеспечивалось специальным обрядом пострига, совершавшимся через год после рождения. Судя по всему, постриг был связан не только с формированием половой идентификации ребенка, но и с представлениями о становлении языка, ума, т.е. речи и интеллекта. Традиционная русская культура не располагала развитыми концепциями детства и воспитания.

На сегодняшний день в нормативно-правовых документах Российской Федерации в области образования определен социальный заказ на воспитание человека самостоятельного, инициативного, умеющего строить коммуникативные связи, толерантного по отношению к другим людям, интеллектуально развитого и физически здорового. Эти качества закладываются в период дошкольного детства и составляют основу социально-культурного, личностного развития.

Формировать личность ребенка начинают с раннего возраста, из-за чего перед педагогами ставятся определенные задачи:

- создавать основы для формирования у детей позитивного образа я;
- формировать представления о человеке, его внешних особенностях, его психическом состоянии;
- стимулировать и развивать инициативное общение со сверстниками, группами и взрослыми.

Именно в это время в развитии и воспитании ребенка необходимо использовать элементы гражданской обрядовой культуры (ритуалы, традиции и обряды).

Используя в качестве методологии структуралистскую концепцию У. Эко, согласно которой все элементы воздействия на ребенка представлены в виде знаков [3], можно заключить следующие выводы:

- образ для ребенка – сложный иконический знак;
- Знаки участвуют в социальной коммуникации;
- образ конструируется отправителем и дешифруется получателем;
- образ содержит элементы социальной жизни;
- текст является дополнением визуального образа;
- текст может быть представлен в совещательной, эпидейктической риторике;

Знакомство ребенка с особенностями внешности начинаются с частей тела и лица, используя изображения животных, сказочных персонажей и человека. Это часть обрядового действия познания себя. Осознать собственные вкусы, предпочтения помогает дидактический материал, где мы начинаем использовать праздничную культуру как основу подачи определенного материала.

Осознание ребенком собственных внешних и внутренних особенностей, способствует формированию понимания: люди одновременно похожи и отличаются друг от друга. Это закладывает основу для формирования в более, старшем возрасте толерантности к другим, что позволяет выстраивать адекватное взаимодействие с окружающим нас миром.

Большую роль в формировании ребенка отношения к себе, характера взаимодействия с другими людьми играет эмоциональный микроклимат семьи. В современной практике проблеме семьи уделяется все больше внимание. Актуальность исследований различных аспектов жизнедеятельности семьи обуславливается прежде всего тем, что в настоящее время институт семьи претерпевает период интенсивных изменений. Наблюдается резкое падение популярности семьи, усиление дезорганизации жизни семей, которая выражается в том, что рушатся нравственно-этические традиции и нормы, растет конфликтность отношений между супругами, родителями и детьми. Браки становятся нестабильными, снижается роль семьи в воспитании детей. Очевидно, что эта ситуация может способствовать созданию у детей таких представлений о своей будущей семье, которые усилят наблюдающиеся негативные тенденции. Поэтому дальнейшее изучение и внедрение обрядности в систему образования на первоначальных этапах развития личности ребенка является, безусловно, важнейшим этапом.

В мире еще остались вещи, до которых не дотронулась рука прогресса, это самое прекрасное, то, что свято хранилось нашими предками и оберегалось, чтобы поколения грядущие могли оценить, воздать должное и преумножить, добавив новое – это наша культура. Следуя традиционному воспитанию детей через трансформированные обрядовые действия в дошкольных учреждениях и учреждений дополнительного образования поможет развитию инициативного общения детей со сверстниками и взрослыми, они смогут ов-

ладевать некоторыми способами взаимодействия с окружающими, начнут проявлять более яркие и разнообразные эмоции, эмоциональную избирательность, самостоятельность в разных видах деятельности (художественная, изобразительная, эстетическая), тогда мы сможем проследить формирование основной базы личности ребенка русской нации.

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурин. – СПб 1993. – 23с. [2]
2. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1981. – 211с. [1]
3. Панкеев И. Русские обряды и суеверия / И. Панкеев. – М.: Яуза, 1998. – 66 с.
4. Эко У. Странствующая структура. Введение в семиологию – ТОО ТК Петрополис, 1998. – С. 129 [3].

СЛОВО НАСТАВНИКА

**А. В. Чернов,
П. П. Семенов**

Уральский государственный экономический университет

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИЗМЕ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ ХРИСТИАНСТВА

Историософия убедительно свидетельствует, что в русском религиозно-идеологическом и социально-политическом онтогенезе отчетливо выделяется ряд последовательно сменяющих друг друга этапов. Используя терминологию Гегеля, можно сказать, что русское соборное церковное самосознание являлось своеобразным историческим тезисом. Ему на смену пришел антитезис в виде коммунистического атеистического мировоззрения, которое тем не менее также являлось коллективистским по своей социальной сути (т.е. соборным – в традиционной русской интерпретации). Возможно, что когда-нибудь нас ожидает великий исторический синтез, примирение тезиса и антитезиса, с появлением качественно новой социальной архитектуры. Очень условно эту новую форму общественного бытия можно было бы назвать церковным социализмом, или христианским коммунизмом. Данная статья представляет собой социально-философское исследование этого перспективного мировоззренческого и эмпирического феномена.

В наших ранних работах мы указывали на то, что «учитывая длительность идеологического воздействия православия на русский этнос, включая высочайший авторитет христианских святителей, можно с уверенностью заявить о том, что русский менталитет во многом обязан православию своим историческим генезисом и философским наполнением» [1]. Но какие же социальные идеи составляли философию христианства? Ответ на этот вопрос дает никто иной, как Ф.Энгельс: «Социализм, в той мере, в какой он был тогда возможен, действительно существовал и даже достиг господства – в лице христианства» [2]. В данном фрагменте весьма показательно проводится мысль, что христианский социализм является специфич-

ческой религиозной формой социализма. Мы же настаиваем на обратном: социализм (да и вообще коммунистический идеал в целом) имеет ярко выраженный христианский генезис. Не жажда коллективной собственности и социальной справедливости привела к возникновению христианства, а христианство – к социальной справедливости, коллективной собственности и закономерно отсюда следующему совместному общежитию.

Энгельс в своем труде «К истории первоначального христианства» проводит и другие параллели между ранним христианством и современным ему социализмом. В итоге, знаменитый немецкий мыслитель делает вывод о том, что с тех пор как христианство выбросило знамя борьбы за социальную справедливость, это знамя было подхвачено марксизмом: «Христианское учение содержит в себе социалистическую тенденцию... черта эта проходит через все Средневековье ... чтобы вновь возродиться у рабочих-коммунистов после 1830 года» [2]. Однако именно эти фрагменты философии марксизма остаются наименее известным для широких масс, включая и преобладающее большинство духовенства.

С.Н.Булгаков, разобравшийся в диалектике христианского и социалистического лучше многих других философов-эмигрантов, делает следующее заключение: «Христианство дает социализму недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви. Он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни... В социализме самом по себе, рассматриваемом как совокупность мер социальной политики, нет ничего, что бы не соответствовало христианской морали... Принципиально христианский социализм вполне возможен» [3]. В подобном же ключе рассуждает и В. В. Мархинин: «То, что христианство является народным мировоззрением, содержащим и культивирующим этику справедливости, внутренним для него образом предполагает и его коммунистическую / социалистическую тенденцию» [4].

О социально-философской близости христианства и советского социализма пишет О. И. Ходаковская: «Социализм все ближе и ближе приближался к христианству, потому что, окрепнув, стал не жертвовать человеком, а беречь его и считаться с ним» [5]. Но нас более всего интересует следующая мысль того же автора: «Атеизм Маркса (и не только он, а материализм в целом), подхваченный Лениным, был не органичен для социалистической (коммунистической) практики в России. Возможно, что именно он ее и погубил» [5]. С этим тезисом полностью согласен А. И. Молотков: «В самом начале своего концептуального оформления социализм был отвергнут и использован Марксом и его единоверцами как орудие в борьбе с христианством. И эта «родовая травма» социализма предопределила весь трагизм дальнейшей его истории» [6]. Хотя еще в конце XIX века К. Н. Леонтьев мудро подметил, что «социализм еще не значит атеизм» [7], указывая на принципиальную возможность их теоретического и практиче-

ского синтеза, однако к этим словам тогда никто не прислушался. Равно как и сегодня.

Леонтьев предвидел также, что в России социализм приобретет религиозные и жертвенные черты. В этом он, кстати, был далеко не одинок. Имманентную религиозность видели в коммунизме Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, Н. Я. Данилевский и Л. А. Тихомиров. В частности, Данилевский подчеркивал, что если на Западе материалистические и атеистические учения носили научный характер, то в России, в силу особенностей ее культурно-исторического типа, они приобретали мессианскую окраску, порождая своих мучеников за идею, своих «апостолов» и «проповедников» [8].

Ключевой социально-политической чертой как русского церковного самосознания, так и советской государственной практики являлся *вождизм*. Идея царя, равно как и идеал вождя, т.е. наличие властного харизматичного лидера, обладающего огромным нравственным авторитетом, глубоко присуща нашему национальному менталитету. Социально-философский анализ церковно-самодержавного и советского социалистического периодов указывает на то, что личность вождя являлась чем-то большим, чем просто политической персоной. Она не только консолидировала все русское / советское общество, делая его внутренне единым, персонифицировала государство в целом, но и воплощала в себе некие сакральные, мистические смыслы. Можно сказать, что царь на Руси – традиционно больше, чем царь. И в этом отношении идеология советского социализма абсолютно идентична русскому православному мировоззрению.

Хочется также привести размышления К. Н. Леонтьева на счет общей для христианства и социализма опасности – космополитической либеральной *Rach Americana*: «Я когда думаю о России будущей, то я как непременное условие ставлю появление именно таких мыслителей и вождей, которые сумеют к делу приложить тот род ненависти к этой все-Америке, которую я теперь почти одиноко и в глубине сердца моего бессильно пытаю! Чувство мое пророчит мне, что славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым трояким рабством: общинам, Церкви и Царю. И вся Америка эта ренановская – к черту!» [8].

Однако синтетические взгляды, т.е. признание принципиальной возможности идеологического синтеза основ христианского вероучения с советским социальным опытом, присущи далеко не всем сторонникам этих двух мировоззрений. По этому поводу блестяще рассуждает А. И. Молотков: «К сожалению, и доныне ортодоксальный коммунизм демонстрирует твердое топтание на месте как "убежденную" неспособность к качественному обновлению и развитию. Не потому ли, несмотря

на очень высокий градус социалистической ностальгии в обществе, коммунистическая идея не находит нового практического резонанса» [9]. Не лучше обстоят дела и в «православном лагере», где очень велико влияние антикоммунистических элементов практически на всех ступенях церковной иерархии. Чего стоят, например, пламенные антисоциалистические и антисоветские трактаты иеродиакона Ионы (Сигида) [10] или протоиерея Георгия Митрофанова [11]. Преодолев свой собственный субъективизм, некий идеологический кризис «в головах», можно конструктивно подойти к теории и практике внедрения (а вернее – возвращения) коммунистических начал в христианскую социальную эмпирику. Возвращение коммунистических основ в христианство исторически оправдано и доктринально необходимо, особенно в современной России, «с ее имманентным расслоением социума на меньшинство сверхбогатых и абсолютное большинство сверхбедных» [1].

Таким образом, философия коммунизма как наиболее справедливой и гуманной формы организации человеческого общежития ни в коей мере не противоречит христианскому социальному идеалу. Именно в данной социально-философской плоскости и лежит решение глубоких фундаментальных проблем, присущих сегодня нашему обществу, Церкви и государству. Поняв, что коммунизм – это практическое воплощение социальной этики христианства, можно прийти к плодотворному синтезу русского православного «тезиса» и советского социалистического «антитезиса».

Бояться такого идеологического синтеза не стоит: как в свое время славянское язычество органично вошло в принятое Русью православие, придав ему незабываемый русский колорит, так же в православие легко могут быть интегрированы и элементы советского социализма, которые обогатят его советской социальной практикой. Современное христианство должно впитать в себя потерянную им коммунистическую идею, и только таким способом оно сможет вернуться к своему первоначальному апостольскому состоянию.

В подтверждение этого тезиса и в завершении нашей статьи приведем знаменитые слова апостола Иоанна Богослова: «Кто говорит: „я люблю Бога“, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» [12]. Любовь к ближнему, выражаясь христианским языком, рано или поздно приведет к человеческому общежитию, а «общинность же, возведенная в масштаб государства, непременно приобретает вид социализма» [13].

1. Чернов, А. В. Социально-экономическая система: экзистенциальный выбор России в XXI веке / А. В. Чернов // Русский экономический вестник: науч.-публицист. журнал. Тематический выпуск № 9–10 / Матер. VIII Междунар. Ильинских чтений «Духовно-нравственный путь развития России» (14–15 июня 2012 г.). – Екатеринбург: Изд-во УрИБ, 2012. – 742 с.
2. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 22. – М.: Политиздат, 1961. – 805 с.

3. Булгаков, С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. – Новосибирск: Наука, 1991. – 350 с.
4. Мархинин, В. В. К справедливому обществу: идеи, проекты, теории на Западе и в России. – М.: Алгоритм, 2011. – 848 с.
5. Ходаковская, О. И. Христианский социализм: да или нет? / О. И. Ходаковская. – Режим доступа: <http://www.rospisatel.ru/hodakovskaja.htm>
6. Молотков, А. И. Миссия России: православие и социализм в XXI веке / А. И. Молотков. – СПб.: Русский остров, 2008. – 400 с.
7. Цит. по: Русь перед Вторым пришествием: материалы к очерку Русской эсхатологии / Сост. С. Фомин. Изд. 2-е, испр. и доп. – Житомир: СМП «Житомир-РИКО-ПРЕСС-РЕКЛАМА», 1995. – 576 с.
8. Цит. по: Репников А. В. Русский консерватизм: Константин Леонтьев. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/russkij_konservatizm_konstantin_leontjev_2007-09-21.htm
9. Молотков, А. И. Православие и социализм / А. И. Молотков. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/882/51.html>
10. Иона (Сигида), иеродиакон. «Православный социализм» – религия Антихриста. – Режим доступа: <http://www.eschatologia.org/component/content/article/461-pravoslavniy-socialism-religia-antihrista.html>
11. Митрофанов, Г. Н. Пастыри и пасомые под игом коммунизма / Г. Н. Митрофанов. – Режим доступа: <http://www.derzhavnaya.spb.ru/lib/mitrofanov-igo.html>
12. Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова. Гл.4:20 // Новый Завет. – Режим доступа: http://days.pravoslavie.ru/Bible/B_1_in4.htm
13. Чернов А. В. Возможен ли православный социализм? / А. В. Чернов, О. Н. Тарасов // 1150-летие России: от истоков до современности (862–2012 гг.) // Матер. Всерос. науч.-теор. конф. (2–3 ноября 2011 г.). – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадр. Дом Печати», 2012. – 582 с.

СЛОВО НАСТАВНИКОВ

О. В. Шадрина

Московский государственный финансово-промышленный университет

Д. К. Стожко

Уральский государственный экономический университет

**ДИАЛЕКТИКА ПОНЯТИЙ «ИНСТИТУЦИЯ» И «ИНСТИТУТ»
В ИСТОРИИ НАУКИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Институциональное направление в исследовании современных социально-экономических, социально-культурных и социально-политических проблем предполагает разработку таких специфических научных понятий как «институция» и «социальный институт». В связи с этим необходимо, прежде всего, определиться с теоретико-методологическими подходами к исследованию феномена социального партнерства в системе социальных отношений и трактовкой самого понятия «*социальный институт*».

Институциональная теория изначально возникла и развивалась как оппозиция традиционным теоретико-методологическим подходам в гуманитарных исследованиях. Главное направление институционального анализа было связано со стремлением преодолеть прежний формализм в толковании сущности социальных отношений. Поэтому институционализм традиционно рассматривается как «бунт против формализма». Известно,

что М. Вебер (1864–1920) связывал необходимость институционального анализа социальных отношений с социальным (общественным) разделением труда. Отличая *социальное* разделение труда от *технического* разделения труда, он выделял два типа социального разделения труда: разделение труда между *автономными* субъектами деятельности и между полностью *самостоятельными* субъектами деятельности. В связи с этим и система отношений между разными субъектами деятельности может рассматриваться в двух аспектах: как *конкуренция* и как *партнерство*.

В современной литературе также считается, что «определяющей причиной возникновения, функционирования и развития социальных институтов выступает потребность процесса разделения труда, а в более общем плане – процесса дифференциации человеческой деятельности и общественных отношений» [1].

Вместе с тем хотелось бы сразу обратить внимание на обстоятельство, которое упускается из виду многими исследователями истории и теории институционализма. Процесс общественного разделения труда может осуществляться двояко: стихийно или планомерно. Представители прежнего институционализма и современной неинституциональной теории исходят как раз из стихийного характера процесса общественного разделения труда. Поэтому возникновение социальных институтов они объясняют двояко: с одной стороны, такие институты также появляются вроде бы стихийно, вслед за стихийным процессом общественного разделения труда. А, с другой стороны, такие институты трактуются как результат сознательной практики людей, что опровергает первый тезис. Поэтому институциональному анализу изначально присуща некоторая дихотомия в определении природы происхождения социальных институтов.

Осознанное и планомерное регулирование процесса общественного разделения труда в современных условиях, к сожалению, уступило место стихийному его развитию. Глобальная конкуренция, ставшая едва ли не главным фактором в развитии системы социальных отношений и определяющая тип (конкурентный) социального взаимодействия, а также институт частной собственности – вот два ключевых фактора, детерминирующих современное состояние и содержание большинства социальных институтов. Это сказывается и на характере институционального анализа, в том числе и на понимании сущности социальных институтов.

Существует ряд теоретико-методологических подходов к трактовке данного понятия. Первый подход связан с пониманием социальных институтов как некоей *целостности* разноуровневых компонентов, включая субъект деятельности, предмет деятельности, ее средства и результаты. Такое расширительное понимание социальных институтов затрудняет выявление критериев, которые позволяют конституировать социальные явления в качестве социального института. Второй подход можно назвать атрибутивным, поскольку его представители пытаются выделить некий ин-

тегративный критерий, свойственный всем социальным институтам и позволяющий отличить социальные институты как таковые от других социальных образований. В качестве интегративного критерия используются такие атрибуты, как организация, системность, нормативность и т.д.

В западной литературе под институтами подразумеваются «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [2].

В отечественной литературе социальные институты трактуются как «организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества» [3].

Различают *формальные* и *неформальные* социальные институты. «К формальным институтам относят законы, писанные правила. К неформальным – обычаи, неписанные нормы и общепринятые условности» [4]. При этом почему-то не выделяют зрелые социальные институты и незрелые, т.е. те, которые находятся в стадии их формирования. В условиях перехода того или иного общества от одной социально-политической и социально-экономической системы к другой такие «переходные» формы социальных институтов являются наиболее распространенными, а их незрелый характер обуславливает противоречивость и достаточно острую конфликтность развития «переходных» обществ.

Само понятие «институционализм» появилось в 1918 г. Его ввел У. Гамильтон, который определял социальный институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаев народа». Тем самым, изначально социальный институт трактовался как *неформальная* норма поведения людей, обусловленная традициями, обычаями и привычками. Эту идею развил другой американский исследователь экономист и социолог Т. Веблен. В 1899 г. он публиковал свою книгу «Теория праздного класса. Экономическое изучение институтов». В ней автор рассматривал проблему естественного отбора институтов. Институт праздного класса – рантье – рассматривается автором как естественное проявление законов хищнического паразитизма, задерживающее (тормозящее) развитие общества [5]. Важно отметить то обстоятельство, что социальный институт в трактовке Т. Веблена представляет собой такое социальное образование, которое может играть как положительную, так и отрицательную роль в развитии общества. При этом появление новых социальных институтов и отмирание старых автор связывал с социальными причинами.

Вместе с тем, начиная с представителей американского институционализма, в литературе провидится различие между понятиями «*институт*» и «*институция*». Под «*социальным институтом*» все чаще начинают понимать некие структуры, социальные образования, создаваемые и

функционирующие на основе общих базовых интересов и потребностей их участников. Главное отличие такой трактовки социальных институтов состоит в их субъектном понимании и объективации. Под «*институциями*» же подразумевают определенные правила и нормативные установки, которые выступают в качестве мотивов деятельности социальных образований. При этом «институция» может быть объективирована, но, сама по себе, она безсубъектна. Подобно одежде на человеке она может характеризовать его поведение, но если «нет человека – нет проблемы». Так, Н. Смелзер отмечал: «Одной из важных черт института является его соответствие «социальной потребности». Люди, видимо, не могут существовать без коллективных объединений-общностей и обществ, которые сохраняются в течение длительного времени. Эта тенденция, наверное, обусловлена биологической зависимостью людей друг от друга, преимущественно сотрудничеством и разделением труда в целях выживания по сравнению с усилиями отдельных индивидов, а также друг с другом на основе символической коммуникации» [6].

Вряд ли можно согласиться с «биологической» трактовкой сотрудничества и разделения труда, предложенной еще Н. Смелзером. К тому же, «коллективистские» объединения-общности могут складываться и на базе различных интересов и потребностей, по принципу дополняемости (Н. Бор). И «символическая коммуникация» тут не объясняет природы таких локальных социумов. С другой стороны, далеко не все социальные образования складываются в силу сугубо биологической зависимости между людьми. Распад семей и массовые разводы как раз свидетельствуют о недостаточности одних только физиологических или биологических оснований для сохранения таких социумов. Да и вряд ли достаточным для понимания их природы и сущности было бы называть семьи или коллективы, социальные группы или государственные структуры только *социальными институтами*. Поэтому, с нашей точки зрения, более последовательной и перспективной в научном плане выглядит понимание социального института как системы ценностей (ценностных ориентаций), определяющих деятельность тех или иных общностей людей. За рамками таких ценностей любые социальные образования могут рассматриваться лишь как социальные образования, но не *социальные общности*. Именно фактор общности (полного единства или частичного совпадения и т.д.) превращает то или иное социальное образование в социальный институт. А его организация служит лишь условием его функционирования подобно тому, как система кровообращения или организация высшей нервной деятельности служит условием жизнедеятельности человека.

В. Ванберг в своей книге «Правила и выбор в экономической теории» предложил интересную классификацию таких социальных институтов («правил игры»). Правила поведения он разделил на 1) наследуемые, 2) естественно данные и 3) приобретенные, передаваемые через культуру. Последние, в

свою очередь, он подразделил на а) личностные и в) социальные, а социальные правила – на а) формальные и в) неформальные. К разряду формальных правил автор относил «частное» и «общественное» (публичное) право. Однако, как справедливо отмечает Р.Нуреев, эта классификация не лишена недостатков. «Ограниченность этой классификации проявляется в том, что она не показывает взаимосвязь и взаимовлияние различных типов правил. Реальная жизнь богаче этой схемы, поскольку правила постоянно изменяются, модифицируются, а не находятся в застывшем состоянии. Например, неформальные социальные нормы формализуются, закрепляются в праве; не подкрепленные санкциями формальные правила трансформируются в неформальные и т.д.» [7]. Об этом же пишет и Ю. П. Андреев: «Рассматривая социальные институты как своеобразную форму опредмечивания деятельности и общественных отношений, мы тем самым ставим их в зависимость от последних. Но и сами институты не имманентны сложившимся в обществе видам деятельности и общественным отношениям, которые они «обслуживают» [8]. Таким образом, авторы обратили внимание на переходный, трансформационный характер многих социальных институтов.

Итак, под *институцией* следует понимать *ценности*. Поскольку ценности бывают различные, то и институты также оказываются различными. Наряду с положительными институтами встречаются и отрицательные институты. Но важно, что в основе развития общества особую роль выполняют не просто положительные, а абсолютные (высшие) ценности человеческого бытия. Благодаря им проблема добра и зла решается в пользу добра, а общество развивается не по регрессивной, а по прогрессивной траектории.

Очевидно, что не все ценности являются общественными нормами. Ценность как таковая может быть рассмотрена в личностном и общественном аспекте. Поскольку далеко не все личностные ценности оказываются общественной нормой, то становится очевидным определенное несоответствие между ценностями и нормами. Они соотносятся между собой как *частное* и *общее*. Под общей (общественной) *нормой* как раз и подразумеваются «*институты*», для которых характерны общественное признание и распространение.

Но, тот факт, что некоторые фундаментальные ценности (например, ответственность, честность, гуманистичность и т.д.) в современном российском обществе все еще не приобрели статуса социальной нормы (института) отнюдь не отменяет необходимости их распространения в качестве высшей нормы поведения хозяйствующих субъектов. Современные институциональные изменения в мировой экономике таковы, что дальнейшее ее существование без таких *ключевых «институций»* оказывается вообще под угрозой.

1. Андреев, Ю. П. Социальные институты / Ю. П. Андреев //Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии. / под ред. В. И. Кашперского. – Екатеринбург: Изд-во УГТУ – УПИ, 1999. – С. 7. С. 17.
2. Фролов, С. С. Основы социологии / С. С. Фролов. – М., 1997. – С. 143.

3. Институциональная экономика / под ред. А. Олейника. – М.: «Инфра-М». 2005. – С. 5.
4. Веблен, Т. Теория праздного класса: экономическое изучение институтов / Т. Веблен / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990.
5. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – С. 79.
6. Институциональная экономика. – С. 56.
7. Андреев Ю. П. Указ. соч. – С. 168.

СЛОВО НАСТАВНИКА

*А. В. Шугаева,
В. И. Хомяков*

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

СПЕЦИФИКА ОМСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ

В современное информационное пространство наряду с традиционными СМИ все активнее вторгаются новые технологии, к которым с полным основанием можно отнести блогосферу. В широком смысле, блогосфера – это уникальное по своим свойствам и структуре информационное пространство, состоящее из соединенных между собой при помощи сети интернет публичных онлайн дневников – блогов и их авторов – блогеров. По мере развития блогосферы она превращалась в серьезного конкурента для традиционных и даже сетевых СМИ. В чем преимущество блогов по сравнению с обычными СМИ? Прежде всего, в непрерывности потока и скорости появления информации, днем и ночью, из всех уголков земли, в режиме реального времени. Сегодня блогеры успешно решают общественные проблемы, меняют политическую ситуацию в стране, управляют общественным мнением. Блогосферу сегодня смело можно назвать конкурентом традиционных СМИ за право именоваться «четвертой властью». Возможно, у блогосферы на сегодняшний день даже больше оснований быть новой властью, так как она может обеспечить объективность выдаваемой информации, благодаря плюрализму мнений блогеров по всему миру. С каждым годом блогосфера завоевывает все новые и новые сферы влияния, преобразуя медиaprостранство. Особенно это характерно для России, где свобода слова зачастую бывает иллюзорной, может быть, именно поэтому желающие высказать свое мнение выбирают блогосферу.

Обратимся теперь к анализу омской блогосферы. Самые бурные обсуждения в омской блогосфере сегодня касаются событий общественной и политической жизни региона и страны в целом. Так, острой темой стал разработанный Ст. Иванченко по заказу правительства Омской области логотип-бренд нашего региона. Им стало стилизованное под медвежью лапу топографическое изображение Омской области. Блогеры прозвали его «брендолопой» и несколько месяцев обсуждали его недостатки. А со временем стали придумывать свои собственные альтернативные варианты. Так, новосибирский дизайнер С. Ефимов разработал альтернативный лого-

тип Омской области для фестиваля социальной рекламы «П.О.Р.А.». Он набрал большинство голосов среди простых омичей на сайте golosuemzaomsk.ru. После того, как официальным логотипом была признана «Брендолапа», дизайнер выложил свою работу в открытый доступ.

Омские блогеры развернули массированную кампанию в сети по поддержке этого логотипа. Они призывали всех недовольных выбором правительства распечатывать новый логотип и наклеивать его на автомобили, двери и окна, ставить на аватары. Так, блогер [indifound](#) (А. Сычев) 13 октября 2011 года написал в своем «ЖЖ»: «Если кто еще не читал новость на «Омск-Прессе», в свободном доступе здесь появился логотип, разработанный новосибирским дизайнером Степаном Ефимовым. В формате Corel. Если вы, также как и я, не являетесь поклонником «брендолапы», намалеванной шарагой Стаса Иванченко, можете делать наклейки, футболки и так далее, с логотипом «О!» Или просто экспортировать в формат jpg или png и повесить в боковую панель, как в данном ЖЖ, с этим делом могу помочь, подсказать».

Следующая волна дискуссий захлестнула омскую блогосферу после выборов в Государственную Думу VI созыва, которые состоялись 4 декабря 2011 года. Именно в этот период блоги по всей стране стали мощнейшим инструментом управления общественным мнением. Алексей Навальный с помощью своего блога [navalny](#) смог организовать самые масштабные митинги в за последние 20 лет. Волна протеста против якобы нелегитимных и нечестных выборов покатила по всей России и, конечно, затронула Омск.

Омская блогосфера в большинстве своем была настроена против партии «Единая Россия» и на тот момент еще премьер-министра Владимира Путина, а также против существующей в Омской области власти. Поэтому блогеры активно распространяли информацию о готовящихся митингах оппозиции, а затем публиковали фоторепортажи и отчеты о том, как они прошли. Виктор Корб ([victor-korb](#)) был одним из организаторов митингов, прошедших 10 декабря, 24 декабря, 4 февраля. В своем «Живом Журнале» блогер выкладывал подробные отчеты о прошедших митингах, описывая возникающие в процессе организации сложности. Политический активист Корб был серьезно настроен изменить существующую в стране власть, и ради этого был готов объединиться с другими политическими партиями (КПРФ, ЛДПР), чтобы создать единый оппозиционный фронт. Однако участники митингов оказались не готовы встать под чужие знамена.

Некоторые блогеры снимали фоторепортажи с митингов. А фоторепортаж блогера [dbarulin](#) даже попал на новостной портал клуба гражданской журналистики www.ridus.ru, где выкладывались репортажи с митингов в разных городах России.

Вторая волна политических дебатов в блогах возникла в преддверии выборов президента и членов Горсовета РФ 4 марта 2012 года. Блогеры разделились на два фронта – за Путина, и против Путина. Последних, однако, оказалось большинство. В своих блогах они призывали голосовать за лю-

бого кандидата, кроме Путина. Но и те и другие были единодушны – идти на выборы, безусловно, нужно.

После выборов блогеры активно обсуждали их результаты и высказывали свое мнение по этому поводу. Так, А. Жиров (torchannen) в своем посте под заголовком «Насколько честными были выборы в Омске?» ведет подсчет людей, проголосовавших на выборах в Горсовет и на президентских выборах. Хотя те и другие проходили одновременно, но цифры оказываются разными. А Е. Завьялова (e-n-z) на выборах 4 марта работала наблюдателем и вела репортаж с места событий, а затем выложила подробный отчет в четырех частях под общим заголовком «Дурдом № 288» о том, что происходило на ее участке. Она заметила многочисленные нарушения порядка выборов. Так, председатель участка не пускала ее и других наблюдателей к регистраторам в процессе голосования, налицо были признаки «карусели» избирателей, а главное, стол для сортировки бюллетеней и подсчета голосов был поставлен туда, где обе камеры, установленные на участке, его не фиксировали.

Журналист Е. Долганев (mutatorkvn) в своем блоге на сайте «БК55» написал пост под названием «Честные выборы? Не. Не слышал». Он участвовал в избирательной кампании кандидата в депутаты Городского совета по 5-му избирательному округу Л. Макушина. Блогер рассказал о нечестных методах борьбы с конкурентами оппонента Макушина О. Белявского. «То, что с самых первых дней обстановка на округе стала напоминать боевые действия, это безусловно. Листовки Макушина не висели на одном месте и 10 минут. Группа «зачистки» у господина Белявского была огромной, можно сказать всеобъемлющей. Когда люди из штаба Макушина поймали двух парней, которые в наглую срывали листовки Леонида Алексеевича прямо с его штаба, стало понятно, с чем мы имеем дело», – пишет Долганев.

Оба последних блогера использовали такой метод получения информации, как включенное наблюдение, выложив по результатам проведенной работы информацию об этих событиях.

Таким образом, темы, которые в своих журналах затрагивают омские блогеры, напрямую зависят от политической ситуации в стране и в регионе.

Если попытаться проанализировать всю совокупность тем, которых касаются в своих журналах омские блогеры, то их можно разделить на следующие группы:

1. Общественно-политические темы. Обсуждение происходящих в стране и городе политических событий, критика представителей власти, политические интриги и т.п.

2. Личная жизнь блогеров. Впечатления от происходящих с авторами событий, рассказы об окружающих их людях, объектах, явлениях, попытка поделиться с читателями личным жизненным опытом.

3. Репортажи и фоторепортажи с различных мероприятий как Омска, так и других городов, путевые зарисовки.

Периодичность обновления журналов омских блогеров крайне неоднородна. Так как никаких строгих рамок не существует, блогеры могут выкладывать новые посты как несколько раз в день, так и раз в месяц. Один и тот же блогер в зависимости от собственной занятости и желания меняет частоту появления своих записей. Так, А. Жиров еще год назад публиковал стабильно по одному – два полноценных объемных поста в день, благодаря чему у него постепенно появлялось все больше постоянных читателей. Однако в июне 2011 года его пригласили на должность редактора портала «ОмскПресс». На новой работе занятость журналиста резко возросла, и на ведение блога времени не осталось. Теперь он публикует посты в своем блоге на «ОмскПрессе» в среднем раз в месяц.

А вот блогер Наиль Насреддинов (nalya_om) публикует в среднем один-два поста в день. Однако его тексты обычно коротки и посвящены забавным случаям из жизни автора, рассказам о его друзьях и редко касаются общественно-политических вопросов. Раньше с такой же периодичностью публиковал свои посты Александр Сычев (indifound). Они состояли из рассказа о личной жизни автора, а также из сделанных им фотографий.

Хочется надеяться, что роль блогосферы в общественной жизни нашего региона со времени будет возрастать, а само блогосообщество – пополнится новыми интересными журналами.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Е. А. Яблонская

Уральский государственный университет физической культуры

ОНТОЛОГИЯ ЗВУКА В КОНТЕКСТЕ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Предмет науки о коммуникации часто формулируют применительно к человеческому общению и связывают с изучением того, как, где и почему люди вступают в различные взаимодействия (интеракции). Термин «коммуникация» «используется для обозначения ... передачи и обмена информацией в обществе с целью воздействия на социальные процессы» [4, с. 31]. Философское осмысление онтологии информационных процессов позволяет лучше понять сам феномен человеческой жизни, которая ни при каких условиях не сводима только к биологии как способу существования белковых тел и нуклеиновых кислот. Осмысление информационных процессов – это осознание определяющего принципа человеческой жизни, заключающегося в стремлении к свободному порядку, упорядочиванию энтропийности Вселенной.

Речевая коммуникация, использующая языковую знаковую систему, является всеобъемлющим средством передачи и хранения информации, а также оформления самой мысли. Акцентируя в качестве ведущей модальности восприятия вербальную составляющую речи, актуализируя такие её

морфологические компоненты как знак и лексема, семиотика долгое время оставалась в стороне от звуковой составляющей процесса коммуникации. В начале XX века паралингвистика как часть невербальной семиотики утвердила в качестве предмета изучения параязык – дополнительные к речевому звуковые коды, включённые в процесс речевые коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию.

Между тем, по М. Маклюэну «до того как было изобретено письмо, человек жил в акустическом пространстве» [6, с. 344]. Примечательно, что далее М. Маклюэн фиксирует, что звучание как информационный компонент коммуникации сегодня вновь актуально: «Моментальный мир электроинформационных средств включает нас целиком и сразу. Мы теперь живем во всемирной деревне... в единовременном происшествии... Мы переместились вновь обратно в акустическое пространство. Мы начали снова испытывать первобытные чувства, племенные эмоции, от которых нас отдалили несколько веков грамотности» [6, с. 345].

В соответствии с современными представлениями вся Вселенная – от элементарных частиц до гигантских сверхскоплений галактик – пронизана средой, наполненной волновыми процессами. Последние являются бесконечным по ёмкости хранилищем информации. Ритмы биопотенциалов головного мозга, совпадающие по частотным характеристикам с «пульсацией» магнитного поля Земли (от 8 до 16 колебаний в секунду), точнее – так называемый альфа-ритм – есть тот механизм, который позволяет считывать и перекодировать в доступную для использования и передачи форму волновую информацию внешней природной и социальной среды [3]. Так современная наука подтверждает идеи Т. де Шардена и В. И. Вернадского о движении биосферы в направлении ноосферы – сферы разума. Как утверждают исследователи «человек – это сложнейшая саморегулирующаяся физиосоциальная функциональная система, которой сознательно управляет человеческий мозг» [4]. Мозг человека – активный самоуправляемый механизм, функции которого заключаются в оперировании информацией, он – непосредственная материальная основа не только всех жизненных процессов организма, но и его мышления, сознания, его духовности.

Волновая природа звука в контексте сказанного выше позволяет пересмотреть классическую формулу речи, где слово воспринималось как содержание, а звук как форма. Медиальную функцию звука современная паралингвистика, исследуя звуковые коды, включённые в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию, с полным основанием дополняет смыслопорождающей функцией (в духе идей М. Маклюэна, утверждающего что «средство само есть содержание» [См.: 7]. В качестве попытки научного осмысления связи звука со смыслом следует назвать фоносемантику [См.: 1; 3].

При помощи слов и логики современный человек может попытаться объяснить себе весь окружающий мир, поместить своё сознание в ограни-

ченную сферу ментальных понятий, схем, ярлыков и стереотипов. Данный тип мировоззрения характерен в основном для материалистов и ученых, работающих на классическую науку, и его может быть вполне достаточно для решения задач социального существования. Однако, звук в значительной степени обогащает речевую практику и, соответственно, картину мира, привнося в нее явления глобального психического пространства: мыслеобразы, эмоции, различные состояния человека, определяющие событийный ряд человека или поле событий.

В философской мысли Логос в соответствии с экспликацией М. Хайдеггера из Гераклита значит «постоянно в самой себе властвующая изначально собирающая собранность» [8, с. 206]. Логос – условие понимания как события встречи разных смыслов и разных пониманий. Другое необходимое условие – родство этих разностей, которое и находит выражение в понятии «мелос». «Мелос в философской мысли не так явственно проступал в своей непреложности, как логос... Мелос – вид ощущения, отношения к Логосу... Мелос – органическое и живое чувство, ориентирующее в выборе способов выражения, определяющее приемлемое и неприемлемое... Мелос – стихия, освоение и усвоение которой происходит несознательно с самого рождения, подобно освоению родного языка, и приобщение к которой даёт почувствовать соприкосновение с истиной... Мелос не имеет никакого отношения к ментальности: рассудочное начало (*mens*) само уже несет следы мелоса...» [2, с. 108–109].

Мелос и логос неразрывно связаны, хотя сами по себе абсолютно самостоятельны. Мелос – интонация. Интонация – то, что не в меньшей мере, чем слово (логос), определяет смысл (истину) сказанного. Интонация способна превратить буквальный смысл в противоположный. Мелос интонационно окрашивает и украшает слово. Слово намечает смыслы мелоса. В искусстве преобладает начало мелоса, определяющее его специфические (стилевые) особенности, в философии – начало логоса, универсального, общезначимого смыслового содержания, что, однако, не может позволить игнорировать смыслы звуковой составляющей речевой коммуникации.

1. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.
2. Голиневич, Н. А. Логос и мелос философии / Н. А. Голиневич // Философия науки. – 2010. – № 6. – С. 102–113.
3. Журавлев, А. П. Звук и смысл: кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов / А. П. Журавлёв. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
4. Информационные процессы в живых организмах [Электронный ресурс]. – URL: <http://progschool.ru/obshhij-kurs-filosofii-chast-ii/575-informacionnyye-processy-v-zhivykh-organizmax.html>
5. Клюканов, И. Э. Коммуникативный универсум / И. Э. Клюканов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 256 с. – (Humanitas).
6. Кудрявцев, А. А. Природа реальности, мистика и освобождение [Электронный ресурс] / А. А. Кудрявцев // Седьмая волна психологии. Вып. 4 / под ред. В. В. Козлова, Н. А. Качановой. – Ярославль, Минск: МАПН, ЯрГУ, 2008. – С. 78–82. – URL: <http://www.zi-kozlov.ru/collection/7wave/4-2008>
7. Маклюэн, М. Средство само есть содержание / М. Маклюэн // Информационное общество: сб. / сост. А. Лактионов. – М., 2004. – С. 341–348.
8. Хайдеггер, М. Введение в метафизику / пер. с нем. Н. О. Гучинской. – СПб.: НОУ – Высшая религиозно-философская школа, 1997. – 301 с.

Раздел II

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

У. А. Алимова

Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ И СПОСОБАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Сегодня параллельно с реальной музейной сетью в Интернете существует и развивается пространство функционирования виртуальных музеев. Нет сомнения в том, что наряду с различными формами культурной коммуникации на современном этапе весьма эффективна коммуникация с «культурной памятью человечества» в формах «виртуальных» – посещений культурных учреждений; присутствия при реконструированных исторических событиях; прогулок по «виртуальным экспозициям» и т.д.

Виртуальный музей, рекламируя музей-прародитель в глобальных сетях, должен предоставить возможно более полную справочную информацию о работе музея, коллекциях, зданиях пр. Даже на этом предварительном этапе создания виртуальный музей оправдывает своё существование. Эта форма представления по сравнению с реальным музеем имеет ряд преимуществ в плане оперативности доступа к информации. Важно заметить, что это основной мотив для создания музеями своего представительства (виртуального музея) в сети Интернет. Но по мере анализа музейных веб-сайтов удалось выяснить, что существуют и другие мотивы создания.

Обычно концепция создания виртуальных музеев предполагает создание электронных коллекций и обеспечение доступа к ним по каналам сети Интернет. Основными задачами проекта чаще всего являются: организация страниц в форме виртуального музея; обеспечение открытого доступа к его данным; внедрение современных форм представления информации на основе гипертекстовых и мультимедийных технологий, реализация современных дизайнерских решений при оформлении веб-страниц с помощью новейших графических средств; разработка качественно нового подхода визуализации музейных материалов; реализация различных способов выбора просмотра музейных экспонатов за счёт многоаспектных классификационных решений; пополнение виртуального музея новейшими экспонатами, распространение информационных материалов о составе и содержании коллекций, хранящихся на страницах виртуального музея.

Анализируя музейные веб-сайты, можно видеть, что в зависимости от характера информации и типа пользователей, для которых она в основном предназначена, эти сайты принимают самые разнообразные формы. Они могут содержать общую и самую свежую информацию о музеях и их деятельности, предоставлять доступ к базам данных и графическим банкам по музейным коллекциям, проводить виртуальные выставки, организованные с использованием новейших тематических подходов. Другими словами, прогресс в этой области затрагивает три основные сферы: распространение информации в общепринятом смысле слова, исследовательскую работу и образование.

Одним из возможных способов классификации сайтов в Интернете могла бы стать идентификация категории конечного пользователя, которому изначально предназначалась информация. В связи с этим существует три основных типа информационных ресурсов: те, которые рассчитаны на широкую публику, включая молодых людей, желающих пополнить свои знания научными и развлекательными элементами; те, которые предназначены для учителей, главным образом ищущих дополнительные материалы для классных занятий, и те, которые рассчитаны на специалистов. О веб-сайтах музеев можно сказать, что они отражают эти три основные категории, в зависимости от типа информации, которую они представляют.

Первая категория, которую можно было бы охарактеризовать как простую рекламу учреждения, предназначена для публики в целом и сообщает такие детали, как адрес, часы работы и стоимость входа в музей, как до него добраться и т.п. Вторая категория веб-сайтов – это образовательные средства. Здесь представлены учреждения, заинтересованные в распространении научных знаний. Этой категорией информационных ресурсов обычно пользуются преподаватели школ. Третья категория информации – это информация музеев, которые обладают коллекциями, имеющими историческую и культурную ценность. Предоставляемые материалы обычно являются результатом исследований сотрудников учреждения.

Совершенно очевидно, что при создании своего виртуального представительства в Интернете музеи преследовали разные цели. Но объединяющим фактором здесь является одно – в первую очередь были приняты во внимание интересы посетителей и их ожидания от посещения музейного веб-сайта. А не просто попытка представить всё, чем располагает музей.

Каким же должен быть веб-сайт, чтобы удовлетворить запросы посетителя? По некоторым оценкам, в 1998 году в мире было более 70 миллионов пользователей Сети, и их число на сегодня приблизилось к 1 миллиарду [1, с. 130]. Музеи должны решить, как завоевать внимание этой новой аудитории.

Виртуальный музей – это не просто набор текста и графических файлов, доступных пользователю, у которого есть компьютер, подключенный к Интернету. Это может быть первый, а иногда единственный контакт по-

сетителя с музеем, поэтому последний должен использовать такую возможность, чтобы донести сведения о своих коллекциях, выставках и образовательных программах до широкой публики.

Музей должен решить вопрос с размещением будущего сайта, а именно – будет он находиться на собственном веб-сервере или будет использоваться веб-сервер другой организации.

Также встаёт вопрос о наполнении сайта. Поскольку музеи – это хранилища самой разнообразной информации, проблема поиска материала для размещения его на музейном веб-сайте возникает редко. Гораздо чаще встаёт вопрос, какие сведения нужно поместить на веб-сайте в первую очередь. Их приоритетность можно определить исходя из основного предназначения виртуального музея. Так как веб-сайт будут посещать люди из всех уголков земного шара, то пояснительный и учебный материал следует преподносить с учетом особенностей географических регионов. Например, музей может разработать веб-сайт сразу на нескольких языках.

Необходимо выяснить, похож ли виртуальный музей на свой реальный аналог – ведь оба они объединяют образование и развлечение в единый процесс. Аудитория и того и другого ассоциирует их не с образованием или обучением (что, как правило, вызывает скуку), а с возможностью узнать что-то новое, сделать для себя открытие, изменить представление о чём-то привычном или просто получить информацию. Люди хотят получить чувственный опыт, ожидают, что соприкоснуться с культурным наследием, наконец, просто развлекутся. Реальный посетитель, приходящий в музей, свободен в своём выборе и может игнорировать невыразительные витрины, подобно тому, как виртуальный посетитель может щёлкнуть мышью и покинуть страницы виртуального музея.

В отличие от реального музея, виртуальный музей не содержит экспонатов, а значит, не даёт человеку возможности оказаться в непосредственной близости от них. Дело, однако, заключается в том, что предметом в данном случае служит музейный материал не сам по себе, а только благодаря той информации, семантическому ряду, знаниям и связям, которые с ним ассоциируются. Исходный материал Интернета – информация [2, с. 35]. Используя свой привлекательный и приятный дизайн, сайт имеет возможность напрямую обратиться к посетителям Интернета и таким образом выполнить свою основную задачу по распространению знаний и образов.

Виртуальный музей можно сделать более интересным, оживив его видеоклипами, аудио-фрагментами или вращающимися предметами. Но, всё же, создателям веб-сайтов художественных музеев не нужно забывать о том, что если они хотят сделать свой виртуальный музей средством всеобщего распространения культурных знаний, то это станет возможным только в том случае, если качеству информации будет уделяться больше внимания, чем визуальным эффектам.

Успех веб-сайта можно оценить только исходя из целей, которые ставил перед собой музей, а также всестороннего исследования самого веб-сайта, получив ответы на следующие вопросы: какова аудитория сайта и чем она отличается от аудитории других сайтов? В чём её отличие от посетителей реального музея? В состоянии ли виртуальный музей привлечь и удержать внимание зрителя? Если да, то, какие элементы сайта вызывают наибольший интерес? Наиболее полный ответ на эти вопросы можно получить только при непосредственном опросе пользователей с помощью онлайн-анкетирования и в результате личных бесед. По мере сбора и изучения данных многих веб-сайтов можно будет определить перспективы виртуальных музеев. Здесь на помощь приходит одно из главных преимуществ виртуального музея – его интерактивность. В настоящее время формы представления информации в Интернете всё более располагают к проявлению инициативы пользователя.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что Интернет – это всего лишь помощник музейного сообщества в трудной ситуации и дополнение к арсеналу многих других имеющихся у музейщиков инструментов решения профессиональных проблем. Ничто не заменит непосредственного прикосновения к музейной реликвии. При всех достоинствах компьютерных технологий, с их помощью невозможно воссоздать торжественную атмосферу музейного зала, невозможно электронными средствами передать особую ауру подлинного музейного предмета.

Следует помнить, что дерзкий мир новых технологий является всего лишь средством, а не целью и что основная задача музеев состоит в защите и пополнении своих драгоценных коллекций, а также в донесении до посетителей их смысла и значения.

-
1. Музей и новые технологии // На пути к музею XXI века / сост. и науч. ред. Н. А. Никишин. – М.: Прогресс-Традиция, 1999 г. – 216 с.
 2. Дивайн Дж., Уелленд Р. Культура и новые информационные технологии: эксплуатация цифровых интерактивных ресурсов // Museum (Международный журнал). – № 205 (№ 3, 2000).

Е. В. Бабаева

Российский государственный университет туризма и сервиса, г. Москва

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ ВУЗОВ МОСКВЫ КАК ФОРМА СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. 1971–1980 гг.

Студенческие строительные отряды, ставшие образцом студенческого самоуправления, были признанной формой самовоспитания и самоутверждения. Движение, рожденное по инициативе студентов-комсомольцев, в 1971–1980 годах являлось массовым, определяющим

до известной степени гражданскую зрелость членов ВЛКСМ. Характерными чертами этого движения являлась добровольность, полная самостоятельность в организации труда, быта и досуга участников движения, высокая дисциплина и ответственность перед коллективом.

Студенческое самоуправление занимает особое место в молодежной политике. При этом сегодня возник новый интерес к советскому опыту, столь резко и неkritично отброшенному в 1990-е годы. В частности, идет возрождение строительных отрядов, сыгравших немаловажную роль в развитии экономики страны. Однако, до сих пор значение студенческого самоуправления в рамках стройотрядов как действенного средства формирования личности молодого человека на примере вузов столицы в 1971–1980 гг. с учетом современных реалий не переосмыслено.

Студенческие строительные отряды, ставшие образцом студенческого самоуправления, были признанной формой самовоспитания и самоутверждения. Движение, рожденное по инициативе студентов-комсомольцев, в 1971–1980 годах являлось массовым, определяющим до известной степени гражданскую зрелость членов ВЛКСМ. Характерными чертами этого движения являлась добровольность, полная самостоятельность в организации труда, быта и досуга участников движения, высокая дисциплина и ответственность перед коллективом [10, с. 21].

В 70-е годы посланцы вузов с энтузиазмом трудились на важнейших народнохозяйственных объектах, участвовали в сооружении БАМа, в освоении нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири, в преобразовании российского Нечерноземья, строили жилые дома, школы, клубы, прокладывали железные и шоссейные дороги, ЛЭП, работали в торговле, сфере обслуживания, на транспорте, в здравоохранении.

Между тем начало 1970-х годов характеризуется энергичным «выходом» студенчества в своей общественной деятельности за пределы вуза. Пропагандистская, культурно-массовая, шефская и другая работа трудовых коллективах, воинских частях, школах, пионерских организациях была традицией советского студенчества. Дальнейшее распространение получила общественно полезная работа студентов, связанная с профилем приобретенной специальности. Здесь можно назвать движение педагогических отрядов, «Студенты-медики – практическому здравоохранению», студенческие конструкторские отряды и другое.

Остановимся на важной форме комсомольской самодеятельности – студенческие строительные отряды (ССО). Они прочно вошли в жизнь высших и средних специальных учебных заведений, стали эффективной формой работы по коммунистическому воспитанию молодежи, связи студенческих коллективов с рабочими и тружениками села.

Официально, в программных документах комсомола как главной молодежной структуры в СССР, деятельность студенческих строительных отрядов была основана на требованиях «Морального кодекса строителя

коммунизма» и принципах Устава Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, дабы обеспечить дальнейшее развитие славных традиций Ленинского комсомола [1, с. 504].

Главными задачами ССО являлись организация и выполнение строительных работ силами студентов высших и средних специальных учебных заведений в период летних каникул; трудовое воспитание студентов, формирование у них лучших политических и деловых качеств; проведение агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работы среди населения, разнообразной работы с пионерами и школьниками; активное участие в делах работающей молодежи, всесторонняя помощь местным комсомольским организациям.

Всю свою деятельность студенческие отряды осуществляли под руководством комитетов комсомола в тесном контакте с партийными, профсоюзными и государственными органами. Студенческие строительные отряды создавались комсомольскими организациями высших и средних специальных учебных заведений на принципах добровольности и направлялись Центральным Комитетом ВЛКСМ на стройки страны для участия в строительстве и проведении агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работы. Членами ССО могли быть студенты, успешно выполняющие учебную программу и годные по состоянию здоровья к строительным работам. Прием в члены отряда производился в индивидуальном порядке, обязательно после изучения и сдачи экзаменов по технике безопасности.

В 1971 году, выступая на Всесоюзном слете студентов, глава партии и государства Л.И. Брежнев выделил такую сравнительно молодую форму комсомольской самодеятельности, как студенческие строительные отряды. Это, отмечал он, такая форма выявления и мобилизации энергии студенчества, его активности, которая полностью отвечает и потребностям времени и запросам самой молодежи. «Участие в строительных студенческих отрядах посеяло в души молодежи добрые семена, которые дают хорошие сходы» [2, л. 20].

Студенчество столицы активно включалось в реализацию выдвинутой властью программы «превратить Москву в образцовый коммунистический город». За годы 9-й пятилетки бойцы городских отрядов освоили более 80 млн. рублей капиталовложений, существенно возросли производительность труда и качество выполняемых работ. Если в 1971 году 15-тысячный городской студенческий строительный отряд освоил 13,4 млн. рублей капиталовложений при выработке 534 рубля на 1 члена отряда за весь период, то летом 1976 года 15 тысяч бойцов Московского городского ССО выполнили работ на 24,5 млн. рублей, а средняя выработка составила 1550 рублей на одного работающего [3, л. 4].

В 1973 г. движение ССО отметило свое пятнадцатилетие. Свыше 550 тыс. бойцов юбилейного Всесоюзного студенческого строительного отряда выполнили за лето работ на 1 млрд руб. [4 с.129].

Летом 1976 года студенты-москвичи в двенадцатый раз работали на строительных площадках столицы. Школу трудового воспитания в составе Московского городского ССО прошли более 110 тысяч студентов. В изучаемый период складывалась определенная система формирования и подготовки отрядов, получила распространение практика долгосрочного сотрудничества между вузами и принимающими организациями, отряды завоевывали авторитет и стали хорошими помощниками строителей столицы. В историю Московского городского ССО вписано немало славных страниц. Студенты-москвичи вложили свой труд в сооружение многих объектов, которыми по праву гордилась столица и вся страна. Среди них – Калининский проспект (ныне Новый Арбат), Всесоюзный телецентр в Останкино, Московская кольцевая автомобильная дорога, линии Метрополитена, Автомобильный завод им. Ленинского комсомола, ЗИЛ, Всесоюзный научный экологический центр, гостиницы «Россия», «Москва», «Орленок» и сотни других объектов.

Московский городской студенческий строительный отряд – самый многочисленный из московских ССО – принял активное участие в превращении Москвы в образцовый «коммунистический» город. Бойцы городского ССО возводили жилые дома, больницы, дворцы культуры, принимали активное участие в сооружении сложнейших строительных объектов города и области: пищевого комплекса в Очаково, АЗЛК, заводов «Красный пролетарий», «Серп и Молот», «Манометр», «Каучук», «Победа» и других, Научного онкологического центра, НИИ акушерства и гинекологии АМН СССР, станции технического обслуживания автомобилей в Немчиновке, нового экспериментального района в северном Чертанове, промышленного и жилого строительства в г. Зеленограде, на строительстве Дома Советов РСФСР, Академии общественных наук при ЦК КПСС и Дома политпросвещения МК и МГК КПСС, тепличных комбинатов в совхозах «Белая дача», «Заречье», «Софроновский», «Ленинский луч», международного торгового центра, объектов «Олимпиада-80», учебно-лабораторных корпусов вузов, общежитий и баз отдыха студентов [5, л. 5].

Вся работа ССО в 1971–1980 гг. была направлена на четко определенные властью и советской идеологией цели и задачи. Среди них первое место занимали воспитание «коммунистического отношения» к труду, товарищеской взаимопомощи и принципиальности в отношениях между членами отряда, строгое соблюдение дисциплины, активное участие студентов в жизни местных комсомольских организаций. Планы проведения идейно-воспитательной работы отряда обязательно утверждались комитетом комсомола учебного заведения.

В плане, исходя из конкретных условий работы отряда, находили развитие мероприятия единого плана идейно-воспитательной, агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работы Всесоюзного студен-

ческого строительного отряда, который, в свою очередь, опирался на общегосударственные установки и идеологемы КПСС.

Важно отметить, что серьезное внимание уделялось социально-культурной символике и статусу ССО. Так, члены студенческого строительного отряда имели форму, нарукавные эмблемы, утвержденные комитетом комсомола учебного заведения или областным штабом образца. Отряду решением соответствующего комитета комсомола присваивалось то или иное наименование. Члены студенческого строительного отряда, хорошо проявившие себя в труде и общественной работе, поощрялись решением штаба отряда, руководством соответствующей строительной организации, комсомольскими и советскими органами.

С большим успехом в 1976 г. прошел фестиваль политической песни московского городского ССО, заключительный концерт которого состоялся 1 августа в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького столицы. На высоком уровне прошли фестивали политической песни в районных отрядах МАИ, МЭИ, ТСХА, I ММИ, МИСИ. Лауреатами заключительного тура стали агитбригады ССО МАИ и МИИТа, Ю. Певчев, В. Соколинский из МЭИ; А. Горинштейн, Г. Киселев, Е. Героева из МАИ; Моисеев, А. Никитин из МИРЭА; В. Пасмор из МГИ; болгарский студент В. Леков из интернационального ССО МИИТ. Жюри конкурса, в состав которого входили молодые московские композиторы и поэты, особо отметило работы авторов и исполнителей песен – А. Кузнецова из МЭИ, В. Богомолова из МАИ, выступление ансамбля чилийских студентов «Лаутаро» из интеротряда УДН «Меридиан дружбы» [6.Л.14.].

Разнообразны и интересны были также формы культурно-массовой работы. Активную помощь ССО получали со стороны Московской дирекции театрально-зрелищных масс (директор К. Пилецкий), городского управления кинофикации (начальник В. Кириллин), театрального отдела Главного управления культуры Мосгорисполкома (зав. отделом Л. Огрельников), городского бюро путешествий и экскурсий (директор В. Моисеев) и ряда других организаций. Были организованы полезные просмотры спектаклей в театре им. Ленинского комсомола, в театре им. Е. Вахтангова для бойцов студенческих отрядов Москвы. Для студентов МАИ, МГУ, МВТУ были проведены встречи с артистами театра им. Моссовета и театра Сатиры. Всего более 10 тысяч бойцов городского отряда в летний период посетили театры и концертные залы столицы. В экскурсионных поездках приняли участие более 8,5 тысяч человек [7, л. 18].

Народный артист России, художественный руководитель Государственного театра пародий В. Винокур, будучи студентом, работал в студенческих отрядах, о чём вспоминает: «...У нас был необычный студенческий отряд ГИТИСа – каждое лето по месяцу мы ездили по России и давали концерты для ребят из других стройотрядов. Все время перелеты, переезды, спали в палатках. О комфорте оставалось лишь мечтать. Побывали на Алтае, Сибири,

БАМе. У меня с тех пор много друзей. Кстати, тогда я познакомился с Леней Якубовичем. Он был студентом Московского строительного института» [8].

Работа в студенческих строительных отрядах стала полезной формой общественно-политической и профессиональной практики будущих специалистов, школой дружбы и братства народов нашей многонациональной Родины, эффективным средством трудового воспитания юношества. Подчеркнем, что это патриотическое добровольное движение юношей и девушек. Оно справедливо связывается с романтикой. Отряды стали школой воспитания мужества, выносливости, физической закалки, в них проверялись гражданственность и чувство товарищества. «Участие в строительных студенческих отрядах посеяло в души молодежи добрые семена, которые дают хорошие сходы» [9, л. 20].

В наше время идея студенческих стройотрядов энергично возрождается, становясь все более популярной. В современной России актуальность такой формы производственной активности студенчества заключается в том, что деятельность ССО позволяет решать большое количество практических задач, стоящих в данный момент перед страной: подготовка кадров, организация временной и постоянной занятости молодежи, профилактика негативных явлений в молодежной среде, трудовое и нравственное воспитание, приобретение профессиональных навыков и ускорение процесса социализации молодых людей, решение вопросов финансовой обеспеченности студенчества. Ценность труда в студенческих отрядах заключается в более эффективной адаптации молодежи к современным условиям производственных отношений, развитии инициативности и самостоятельности, формировании организационных и деловых качеств, укреплении духовно-нравственных идеалов.

1. Утверждено постановлением Бюро ЦК ВЛКСМ «О направлении студенческих строительных отрядов на стройки летом 1970 года и дальнейшем развитии этого движения» 3 ноября 1969 года //Документы ЦК ВЛКСМ. 1969. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 504.
2. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 39. Д. 302 а. Л.20.
3. РГАСПИ. Ф.17.Оп 7. Д.71. Л.4.
4. Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. Л.: Ленинградский университет [ЛГУ], 1974. 183 с.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.7. Д. 71. Л. 5.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 71. Л. 14.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 71. Л. 18.
8. Винокур Владимир Натанович // <http://mgshmsu.ru/vinokur-v-n/> // (дата обращения:29.01.2012).
9. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 39. Д. 302а. Л. 20.
10. Грошев В., Угорелов В. Студенческая группа. М.: Молодая гвардия, 1980. 190 с.

А. А. Ваганов

Челябинская государственная академия культуры и искусств

МУЗЕИ ПРИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Источников по изучению пришкольных музеев дореволюционного периода существует великое множество. Это и статьи в местных педагогических журналах того времени, и заметки в литературе издаваемой земствами. Можно найти упоминание о школьных музеях в отчетах самих учебных учреждений. Попадают сведения о коллекциях при школах в отчетах инспекторов, которые сегодня хранятся в архивах. К сожалению, вся эта информация все же носит фрагментарный характер, а потому до сих пор не привлекала внимание историков. Данная статья является попыткой привести в систему информацию, найденную в разных источниках.

При учебных заведениях в Уфимской губернии существовали довольно богатые естественноисторические коллекции. В гимназиях и прогимназиях в конце XIX века, из-за прекращения преподавания естественных наук, надобности в обузаведении кабинетами естественных наук не было. К началу XX века кабинет естественных наук имелся только в Уфимской гимназии (2243 ед.). Гимназия была открыта в Уфе ещё в 1828 году, но уроки природоведения в ней стали проводить, только начиная с 1901 года. Тогда же при ней и был организован этот кабинет, хотя первые предметы, связанные с естественной историей, стали поступать в гимназию с 1881 года. В нем экспонировались коллекции по минералогии, окаменелостей, бабочек, жуков, растений, птичьих гнезд и чучела птиц. [1, с. 27]

В 1901–1902 гг. этот отдел учебных пособий находился в жалком состоянии. В нем числилось до 2000 номеров разных камней, составляющих минералогическую коллекцию, непригодную к употреблению, как по своей разрозненности, так и потому, что изучение минералов не входило в новый курс природоведения, и две коллекции – зоологическая и ботаническая – негодные к употреблению по своей крайней ветхости. С начала 1901–1902 гг., когда было введено преподавание природоведения, совет приступил к правильной организации естественноисторического кабинета. В 1903 году в нем имелись коллекции:

а) минералогическая из 2070 номеров, б) окаменелостей из 30 номеров, в) бабочек из 250 номеров, г) жуков из 100 номеров, д) растений из 20 номеров, е) птичьих гнезд из 25 номеров, ж) зоологическая из 85 номеров чучел птиц. [2, с. 57]

Кстати, был отмечен случай, когда 18 марта 1884 года двое учеников этой гимназии были застигнуты при краже казенных книг, в результате в сундуках обоих оказалось множество вещей и минералогического и физического кабинетов гимназии. [3, с. 221]

Первоначально Уфимская Мариинская женская гимназия не обладала пособиями по естественной истории. В отчете окружного инспектора о выпускных экзаменах в этой гимназии написано: «...По естественной истории ничего нет, даже не имеется хороших атласов... Этот недостаток ощущается сейчас при ответах учениц, принужденных довольствоваться черными рисунками и пополнять остальное собственным воображением. При обсуждении такого состояния учебных пособий по естественной истории г. начальница заявила, что, так как в мужской гимназии стоят чучела животных, а также ботанические коллекции без употребления, то не согласится ли окружное начальство перевести безвозмездно или за некоторую плату из того здания в женскую гимназию: таким образом, очень скоро могли бы образоваться коллекции по естественной истории. Со своей стороны я считал бы эту меру целесообразной – можно бы даже дать эту коллекцию заимообразно, по списку, с обязательным возвращением по требованию в целом виде и полном составе» [4]. Уже по результатам инспекторской проверки 1900 года Мариинская женская гимназия естественноисторический кабинет имела [5, с. 29].

В кабинет естественных наук Златоустовской женской гимназии в 1909 г. числилось 138 предметов, из которых 117 было приобретено в 1908 году [6, с. 162–163]

В Златоустовском среднем техническом училище по кабинету на 1 января 1909 года состояло 202 названия на сумму 647 руб. 06 коп. Для нужд училища в 1909 году он был дополнен коллекцией минералов в 158 экземпляров ценой 24 рубля, двумя стеклянными моделями кристаллов на сумму 11 руб. 95 к., одной коллекцией деревянных в 50 экземпляров ценой в 35 рублей, девятью геометрическими телами на 9 рублей. Кроме того, в 1907 году были пожертвованы бывшим управителем местного завода Э.А. Гертум модели кристаллических форм и один образец минерала. Всего по кабинету учебных пособий имелось 217 названий на сумму 727 руб. 1 коп. Тем не менее, училищу этой коллекции не хватало [7, с. 160–161].

В реальном училище, открывшемся в Уфе в 1902 году, кабинет естественных наук появилась возможность открыть только в 1905 году, когда училище получило собственное здание. [8, с. 33] В кратком отчете за 1910–1991 год отмечается, что в нем было 83 предмета на сумму 535 рублей 3 копейки. [9, с. 4–5]

1. Свой музей наглядных пособий имелся и при Фельдшерско-Акушерской школе, открывшейся в Уфе в 1908 г. [10]. Помещался он в особом трехконном здании позади школы, и представлял собой небольшой анатомический музей, состоявший из двух комнат (одна служила кабинетом преподавателя). В нем находились шкафы с консервированными препаратами нормальной и патологической анатомии, моделями из папье-маше. Большая комната, содержащая витрины с сухими препаратами нормальной анатомии, скелетами и отдельными костями, была предназна-

чена для учениц. В этом же здании музея имелась швейцарская и квартира служителя музея. К началу 1910–1911 учебного года музей стал нуждаться расширении площади своего помещения [11, с. 6].

Свой естественноисторический кабинет имел и Уфимский учительский институт. В его отчете за 1912 год сообщается, что этот кабинет, включающий коллекции по зоологии, ботанике и минералогии, вполне оборудован, и всего на 1 января 1913 года в нем состоит 192 предмета на сумму 1374 руб. 44 коп. [12, с. 496].

Свой музей успела открыть и Торговая школа. При Торговой школе с самого начала её существования существовало некоторое количество коллекций по товароведению, но все они из-за отсутствия помещения, лежали в ящиках, что создавало громадное неудобство, а в некоторых случаях и невозможность пользования ими в целях преподавания. Подобное ненормальное положение не раз отмечалось преподавателем товароведения, обращавшим внимание на это педагогического комитета и попечительского совета. Но недостаток в отдельном помещении для пособий, относящихся к иллюстрации курса товароведения, удалось исправить лишь в начале 1912–13 учебного года, в связи с достройкой здания школы. Вместе с тем попечительским советом школы были ассигнованы особые суммы на выпуск новых пособий, на приобретение шкафов и витрин для музея. Организация и заведывание музеем были поручены преподавателю товароведения с платой по 100 рублей в год. Появилась возможность распределить в систематическом порядке существующие коллекции, но и вновь поступающие в течение учебного года, выбрать и заказать наиболее целесообразные типы мебели, предназначенной для хранения коллекций. Выгодные стороны такого отношения к делу не замедлили сказаться, так как явилась возможность пользоваться пособиями музея не только при преподавании товароведения: зачастую обращались за пособиями к заведующему музеем преподаватели и других предметов и даже из других учебных заведений. Частные лица и торгово-промышленные фирмы любезно отзывались на разосланные директором школы письма с просьбами о пожертвовании и доставляли музею значительное количество ценных коллекций, а Уфимский биржевой комитет в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых ассигновал 2500 р. – ежегодными взносами по 500 р. – на приобретение новых и пополнение уже имевшихся коллекций. [13]

Рост музея был настолько интенсивным, что уже к началу 1913–1914 года помещение, отведенное для музея, оказалось тесным, что ему потребовалось новое помещение.

К началу 1913–14 учебного года товарный музей был приведен в полный порядок. Предметы были систематизированы по роду товаров или производств и снабжены особыми карточками, на которых кроме систематического и хронологического номера, помещалось ещё и сжатое описание: на ткацком станке – его частей, на модели газового завода – ход газо-

вого производства, при препарате финнозного мяса – развитие солитера и т.д. Это было сделано для того, чтобы облегчить посещение музея преподавателям других предметов и других классов, а также отдельных лиц, которым хотелось бы познакомиться с производствами, или же с происхождением товаров. Вообще заведующий музеем стремился провести высказанную им идею, что товарный музей есть по существу музей политехнический, и что он должен быть доступен не только ученикам данного учебного заведения, но и по возможности для других учащихся и даже посторонних лиц.

В начале года музей посещали ученики приготовительного класса Коммерческого училища. Были ученицы старшего класса 1-й женской гимназии под руководством преподавателя В. А. Кондакова, а также, несколько частных лиц. Пособиями музея заведующий пользовался не только для иллюстрирования курса товароведения, но и при преподавании таких предметов, как естествознание и география.

Происшедший в здание училища пожар разрушил организацию музея, из-за спешной переноски, карточки были растеряны, предметы перемешаны, да и, к довершению беды, пособия оказались разбросанными по разным частям здания, ключи от витрин частью оказались перепутанными, частью совсем потерянными. Из-за последовавшего ремонта и передвижения пособий из одного помещения в другое, надзор за ними стал совершенно невозможен. Несмотря на эти условия, музей понес лишь самые незначительные потери (в смысле утраты пособий): были потеряны коллекция шлифованных шлаков ценой 5 рублей и несколько номеров отдельных коллекций.

К 1913–14 годам музей состоял из следующих отделов: осветительные товары и топливо (25 ед.), строительные и поделочные материалы (90 ед.), мануфактурные и кожевенные материалы (54 ед.), пищевые и вкусовые товары (140 ед.), стеклянные и керамические товары (15 ед.), металлические и скобяные товары (80 ед.), химические и москательные товары (117 ед.), писчебумажные и упаковочные товары (7 ед.). Присутствовала в музее и мебель в размере 21 единицы. [14, с. 106–107]

Существовали в Уфимской губернии и музеи при школах. XIX очередным губернским земским собранием разрешено было отпустить 300 рублей на устройство школьных музеев. Таких музеев в 1894 году было организовано 22. Также были приобретены и разосланы в 180 училищ руководства для составления школьных музеев. [15, с. 88–89]

Судя по всему, полной информацией о них губернское земство не владело. Тем не менее, информация о них в периодических изданиях встречается. Так, один из районных библиотекарей на заседании Стерлитамакской уездной земской управы 1915 года Сухобоков отмечает, что при обследовании предметов для наглядного обучения в школьных музеях установлено, что не ведутся списки этих предметов, не отмечаются даты по-

лучения и т.п. Кроме того, подобное обследование во время учебных занятий оказалось крайне неудобным, так как приходилось отрывать учителей от занятий.

Его коллега Смоленская на этом собрании, согласившись с Сухобоквым, упоминает также об отказе заведующего начальным училищем в осмотре музея и библиотеки училища, ввиду неимения разрешения в осмотре училищ [16, с. 127].

В целом ситуацию со школьными музеями по губернии отражает статья учителя В. Чистякова «Оборудование наглядными пособиями своей школы»: «...В школах уезда царит чисто словесное обучение и русскому языку, и географии, и истории, и естествознанию и др. предметам. Противореча основным данным психологии и педагогики, словесное обучение ведет к умалчиванию значения школы в развитии подрастающего поколения. Школы не оправдывают возлагаемой на них задачи. При большой затрате средств и энергии учителей школы дают грошовые результаты. Дети, кончая школу, уходят из неё неразвитыми, мало обогащенными конкретными понятиями...» [17, с. 88].

Высшие начальные и городские 4-х классные училища в губернии в достаточной мере обеспечивались всеми наглядными пособиями по всем предметам обучения. Начальные же училища обзаводились ими постепенно за счет кредитов казны, а также городов и земств, но желательные для каждого училища музеи завести не имели возможности, так как земство тратило большие деньги на существовавшие в Уфе «Статистический музей» и «Музей наглядных пособий», организованные Уфимским и Мензелинским земствами в Уфе и Мензелинске [18, с. 1–10].

Бирская уездная земская управа планировала организовать при каждом училище пришкольный музей, основную коллекцию наиболее употребляемых наглядных учебных пособий. Всего на эти цели в 1913 году ей было выделено 1000 рублей [19, с. 101].

Особо следует сказать о музее Мясогутовского одноклассного училища в Златоустовском уезде. Этот музей был создан здесь, приблизительно, в начале 1910-х годов. Заведующий этим училищем Н. З. Немчинов активно устраивал ученические выставки и на их основе создал школьный музей [20, с. 238–239].

Таким образом, можно сказать, что пришкольные музеи в Уфимской губернии, по сравнению с аналогичными музеями в губерниях на Урале, были достаточно развиты.

1. Буравцов, В. Первая гимназия (к 175-летию открытия) / В. Буравцов // Уфа: Страницы истории: сб. статей по истории города. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2004.
2. Кабинет естественных наук: краткий исторический очерк семидесятилетия Уфимской мужской гимназии (1828–1903) / сост.: А. Поликарпов. – Уфа: Печатня И. К. Блохина, 1904.

3. Мужские гимназии и прогимназии в 1875–1899 гг.: исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875–1899 гг.). – Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Ефимовского-Мировицкого, 1901.
4. ЦГИА РБ ф. И-117, Оп. 1, д. 61, лл. 16–17.
5. Мариинская гимназия / Уфа: Страницы истории: сборник статей по истории города. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2004.
6. Краткий отчет о состоянии Златоустовской женской гимназии за 1908 год / Отдел народного образования по Златоустовскому уезду. – Златоуст: Типография товарищества Лебедева и Беляева, 1910.
7. Отчет по Златоустовскому средне-техническому училищу за 1908 год / Отдел народного образования по Златоустовскому уезду. – Златоуст: Типография товарищества Лебедева и Беляева, 1910.
8. Реальное училище / Уфа: Страницы истории: сборник статей по истории города. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2004.
9. Краткий отчет о состоянии Уфимского реального училища за 1910–1911 учебный год.
10. Отчет по акушерско-фельдшерской школе Уфимского губернского земства (с 16 сентября 1914 г. по 16 сентября 1915 г.) / Отчет по акушерско-фельдшерской школе Уфимского губернского земства (с 16 сентября 1914 г. по 16 сентября 1915 г.). – Уфа: Электрическая типография «Печать», 1916.
11. Записка ревизионной комиссия об акушерско-фельдшерской школе губернского земства члена ревизионной комиссии П. А. Померанцева / Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания 37 очередной сессии 1911 года. – Уфа: Электрическая типография «Печать», 1912.
12. ЦГИА РБ ф. И-123, Оп. 1, д. 5, лл. 1–2.
13. Отчет о состоянии товарного музея / Отчет Уфимских коммерческого училища и торговой школы за 1912–1913 учебный год. – Уфа: Электрическая типо-литография товарищества О. Г. Соловьевых и К^о, 1913.
14. Отчет по товарному музею / Отчет Уфимских коммерческого училища и торговой школы за 1913–1914 учебный год. – Уфа: Электрическая типо-литография товарищества О. Г. Соловьевых и К^о, 1915.
15. Уфимская Мариинская гимназия / И. В. Нигматуллина // Старая Уфа: историко-краеведческий очерк. – Уфа: Белая река, 2007.
16. Собрание по внешкольному образованию при Стерлитамакской уездной земской управе 15 февраля 1915 года / Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. – 1915. – № 2.
17. Оборудование наглядными пособиями своей школы / Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. – 1918. – № 2.
18. Народное просвещение / Обзор Уфимской губернии за 1912 год – Уфа: Губернская электрическая типография, 1914.
19. Доклад о музеях наглядных пособий для школьных нужд и об увеличении ассигновки на наглядные пособия при школах / Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений уездного земского собрания XXXIX очередной сессии 30 сентября 1913 года. – Уфа: Электрическая типо-литография товарищества О. Г. Соловьев и К^о, 1914.
20. Доклад члена училищного совета Ивана Васильевича Хрущева Златоустовскому уездному земскому собранию / Златоустовское уездное земство Уфимской губернии. Отдел народного образования. – Златоуст: Типография т-ва Лебедева и Белякова, 1914. – С. 109–110.

В. Г. Демаков

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПОЕЗДКА АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА НА УРАЛ В ФЕВРАЛЕ 1919 ГОДА

Александр Васильевич Колчак по праву является одним из наиболее известных и значительных деятелей военно-политической истории России начала XX века. Однако, несмотря на достаточно большое количество литературы об этом человеке, многие аспекты его деятельности до сих пор оставались в тени. Одной из таких нераскрытых страниц его биографии является посещение им Уральского региона в феврале 1919 г.

8 февраля 1919 г. Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России адмирал Александр Васильевич Колчак отбыл на фронт [7, с. 3]. Цель поездки – осмотр воинских частей и разрешение вопроса о снабжении, финансировании и продовольствии армии. С Верховным Правителем выехали на фронт представители различных ведомств: военного, финансового, снабжения и продовольствия, иностранных дел и путей сообщения. Почти весь месяц, с 8 по 26 февраля, Колчак провел в поездке по городам Урала и прифронтовым районам.

Первым пунктом остановки Александра Васильевича стал Курган. В воскресенье, 9 февраля, в пять часов дня, поезд Верховного Правителя подошел к станции [11, с. 1]. На вокзале в помещении 1-го класса собрался весь начальствующий цвет курганского общества – управляющий уездом М. В. Алексеев, городской голова Г. П. Шубский, председатель Курганской уездной земской управы П. И. Задорнов, представители различных организаций и ведомств. На перроне был выстроен военный почетный караул с музыкой и кавалерийская часть чешских войск, возглавляемая комендантом города поручиком Губ. Через несколько минут после прибытия поезда, адмирал Колчак вышел из вагона. Верховный Правитель принял рапорт от военных властей. Адмирал выступил перед общественностью с речью, в которой затронул вопросы дальнейшей борьбы с большевизмом, транспортный вопрос, проблемы промышленности и торговли. В заключение своей речи, Колчак выразил надежду, что представители самоуправлений Сибири и общественных организаций выполнят возложенные на них обязанности по спасению страны и восстановлению ее экономической мощи. Вечером поезд адмирала выехал в Челябинск.

На следующий день, 10 февраля, около 8 часов утра, поезд прибыл на вокзал Челябинска. На вокзале адмирала встретили: командующий войсками генерал М. В. Ханжин со штабом, начальник гарнизона генерал Н. И. Милевский, представители отдельных частей и гражданской власти. На перроне были выстроены шеренги воинских частей, в числе которых

были горные стрелки, английские и чешские отряды [10, с. 3]. Верховный Правитель принял рапорт начальника Челябинского гарнизона, совершил обход построенных на перроне войск, здороваясь с частями под звуки марша. В половине пятого вечера в здании реального училища Челябинской торгово-промышленной палатой в честь приезда адмирала был дан парадный обед [6, с. 3]. На следующий день, 11 февраля, в половине десятого утра, в здании Челябинской городской управы по улице Сибирской состоялось экстренное заседание городской думы [13, с. 3].

На этом заседании Александр Колчак выступил с программной речью. Подробно в ней Колчак затронул земельный вопрос, остановился на проблеме недостатка валюты и мелких разменных денег. Указав, что с выпуском мелких купюр дело постепенно налаживается, в дальнейшей своей речи адмирал затронул вопрос, касающийся проблем транспорта, а после перешел к вопросам земского и городского хозяйства.

В этот же день, на 5 часов вечера, было назначено военное совещание, которое проходило в здании бывшей гостиницы «Номера М. И. Дядина», где располагался штаб Западной армии белых. В челябинском военном совещании приняли участие: Верховный Правитель Александр Колчак, командующий Сибирской отдельной армией генерал-лейтенант Радолла Гайда, начальник его штаба генерал-майор Б. П. Богословский, командующий Западной армией генерал-лейтенант М. В. Ханжин, начальник его штаба генерал-майор С. А. Щепихин, командующий Отдельной Оренбургской армией генерал-лейтенант А. И. Дутов, в качестве секретаря присутствовал полковник Д. М. Супрунович [5, с. 269].

Основным вопросом совещания был стратегический план предстоявших операций, в том числе и предполагавшегося наступления. По его итогам было принято решение о нанесении главного удара Западной армией в направлении Самара – Саратов (для дальнейшего соединения с войсками генерала А. И. Деникина); другим армиям предстояло прикрывать ее правый и левый фланги. При этом войска Гайды должны были выступить раньше, чтобы отвлечь на себя часть сил Красной армии. В связи с ненадежностью прикрытия левого фланга казачьими частями, Гайда предложил в случае критической обстановки на центральном участке фронта нанести удар в районе Бугульма – Симбирск. В 1 час ночи Верховный Правитель выехал в следующий пункт своей поездки – в Златоуст.

12 февраля, в 9 часов утра, поезд Александра Васильевича прибыл на станцию Златоуст. Здесь Верховный Правитель принял парад войск, награждал Георгиевскими крестами 85 солдат, поздравил с произведением в генералы двух начальников и одного командира полка и в офицеры трех юнкеров [3, с. 1]. После этого посетил цеха и мастерские Златоустовского завода [9, с. 3].

13 и 14 февраля Александр Васильевич посвятил поездкам по прифронтовым районам, проехав до самых передовых позиций. Посетил пере-

вязочную, напутственными словами воодушевлял раненых бойцов. Наградил их Георгиевскими крестами и пожелал скорейшего выздоровления. Неожиданный приезд Главнокомандующего способствовал удачам – были заняты три деревни, взяты два орудия и множество пулеметов [3, с. 2].

15 февраля, в 10 часов утра, поезд остановился у перрона станции Троицк. Верховный Правитель прибыл на заседание 3-го Войскового круга Оренбургского казачьего войска [8, с. 3]. Встречал его атаман ОКВ А. И. Дутов. На Круге адмиралу было заявлено, что «оренбургские казаки, отдавая жизнь своих сынов, стремятся к созданию Великой единой России и укреплению твердой власти». В ответной речи адмирал заявил, что «казачество издавна было опорой государственности и, в то же время, оно является наиболее демократичным элементом государства». Этот Войсковой круг стал последним в истории оренбургского казачества. В 4 часа дня правительственный поезд отошел из Троицка. Поздно вечером он вновь прибыл на станцию Челябинск, где Верховный Правитель принял парад командующего армией и башкирскую делегацию [8, с. 3].

Около часу дня в воскресенье, 16 февраля, поезд Колчака подошел к станции Екатеринбург. На вокзал для встречи прибыли: командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Радола Гайда, главный начальник Уральского края С. С. Постников, городской голова Н. А. Лебединский и председатель уездной земской управы П. Е. Патрушев и другие представители общественности [2, с. 3]. После торжественной встречи адмирал отправился в город, где посетил торжественное богослужение в Кафедральном соборе, после чего отправился в штаб Сибирской армии. Вечером в честь высокого гостя состоялся торжественный банкет.

День 17 февраля Александр Васильевич посвятил посещению ряда учреждений, выслушав доклад командующего Сибирской армией, посетил лазареты. Вечером в городском театре был дан торжественный спектакль [2, с. 3].

18 февраля 1919 г. поезд Верховного Правителя на пути в Пермь прибыл в Нижний Тагил, где Александр Васильевич встретился с рабочими завода. В беседе с адмиралом рабочие с удивлением обнаруживали, что он основательно знает заводскую жизнь, условия производства, технику.

В среду, 19 февраля, в 8 часов утра, правительственный поезд прибыл на вокзал железнодорожной станции Пермь. Вдоль перрона были выстроены шеренги войск почетного караула от 1-й Сибирской штурмовой бригады. Среди встречающих: представители военных и гражданских властей города, духовенства, учебных заведений, земских и городских общественных самоуправлений, кооперативных организаций. Александр Васильевич проследовал в Спасо-Преображенский собор, где епископ Пермский и Кунгурский Борис преподнес ему икону Николая Чудотворца, покровителя плавающих и путешествующих [12, с. 148]. Из собора адмирал Колчак в сопровождении генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева выехал на

автомобиле на Сенную площадь для принятия парада расквартированных в Перми войсковых частей. После парада А. В. Колчак посетил здание Благородного собрания, где присутствовал на приеме у представителей местных государственных и общественных учреждений и частных союзов. В земской управе состоялось торжественное заседание деятелей пермского губернского и уездных земств. Вечером Александр Васильевич посетил Мариинскую женскую гимназию и Первую мужскую гимназию, выступив с речами.

В 5 часов утра 20 февраля поезд адмирала Колчака отбыл на фронт со станции Пермь до станции Шабуничи. Здесь адмирал принял парад частей 2-й Сибирской стрелковой дивизии и лично вручил награды солдатам. Через некоторое время поезд продвинулся до станции Чайковской, в некотором расстоянии от которой стояла тяжелая гаубичная батарея, стреляющая по противнику. Интересно, что состав ее был сформирован из студентов Пермского университета. Затем на уже на санях (Колчак, Гайда и Пепеляев) поехали на передовую 5-го Томского полка генерал-майора Д. Н. Кузьменко. Осмотрев позиции, Верховный Главнокомандующий выразил желание лично наблюдать стрельбу артиллерии. Бывшему здесь артиллерийскому наблюдателю было приказано сообщить по телефону в батарею об открытии огня по деревне, занимаемой противником. В седьмом часу вечера Колчак прибыл в Пермский госпиталь Красного креста для больных и раненых воинов. Адмирал проследовал в палату для тяжело раненных воинов, где ободрял героев словами благодарности за их верную службу возрождающейся Родине, наградив девятерых Георгиевскими крестами и медалями.

21 февраля Верховный Правитель проследовал в Мотовилихинский завод, где представители Мотовилихинского уездного земства, инженеры и служащие завода встретили его хлебом-солью, приветствовали адресами. Колчак обошел цеха завода, который возобновил работу 11 февраля [4, с. 3], и подробно ознакомился с производством артиллерийских орудий. Вечером дня А. В. Колчак прибыл в хирургическое отделение Александровской больницы в Перми, где был встречен всем медицинским персоналом во главе со старшим врачом М. А. Пономаревым, двоюродным братом В. И. Ленина. Из хирургического отделения адмирал проследовал в главный корпус больницы, где также обошел палаты с больными и посетил больничную церковь.

Из Александровской больницы Верховный Правитель проследовал в пермскую Мариинскую женскую гимназию, посещенную им 19 февраля, где был вторично горячо встречен ее воспитанницами. В сопровождении главного врача Ковалевского адмирал осмотрел лазарет Н. И. Пепеляевой, открывающийся в гимназии.

23 февраля поезд А. В. Колчака вновь прибыл в Екатеринбург. На станции адмирал принял генерал-лейтенанта Р. Гайда и командующего За-

падной армией генерал-лейтенанта М. В. Ханжина. Колчак проследовал на Соборную площадь и принял участие в освящении знамени 25-го полка его имени. Колонопреклоненный командир полка принял из рук Верховного Главнокомандующего старое боевое знамя, украшенное Георгиевскими знаками [1, с. 3].

24 февраля Александр Васильевич покинул Урал, на следующий день прибыл в Тюмень, а 26-го – в Омск.

Адмирал А. В. Колчак в процессе своей деятельности большое внимание уделял Уральскому региону, особенно в его военном отношении. Он бывал во всех больших, многих малых уральских городах, встречался там с военным командованием, представителями местных властей, общественности, духовенства, рабочими, решал самые различные вопросы. Именно во время своей поездки по Уралу в феврале 1919 г. он сначала в Челябинске, а затем и более подробно в Екатеринбурге выступил с развернутой программой своих действий. Челябинское совещание, на котором был принят стратегический план боевых действий на предстоящую весну, реализация которого первоначально привела к блестящим успехам, а потом – к тяжелейшему поражению, предопределило судьбу борьбы красных и белых на Востоке, а в конечном итоге – во всей стране в пользу первых.

1. Верховный Правитель в Екатеринбурге // Курганская свободная мысль (Курган). – 1919. – 27 февраля (№ 43). – С. 3.
2. Верховный Правитель в Екатеринбурге // Наш Урал (Екатеринбург). – 1919. – 18 февраля (№ 36). – С. 3.
3. Верховный Правитель на фронте // Курганская свободная мысль (Курган). – 1919. – 20 февраля (№ 37). – С. 1–2.
4. Возобновление работ на пушечном заводе // Утро Сибири (Челябинск). – 1919. – 15 февраля (№ 35). – С. 3.
5. Волков, Е. В. Челябинское военное совещание / Е. В. Волков // Челябинская область: Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 7: Х–Я. – С. 269–270.
6. Парадный обед // Утро Сибири (Челябинск). – 1919. – 12 февраля (№ 32). – С. 3.
7. Поездка Верховного Правителя // Утро Сибири (Челябинск). – 1919. – 13 февраля (№ 33). – С. 3.
8. Поездка Верховного Правителя // Утро Сибири (Челябинск). – 1919. – 22 февраля (№ 40). – С. 3.
9. Поездка Верховного Правителя на фронт // Курганская свободная мысль (Курган). – 1919. – 15 февраля (№ 34). – С. 3.
10. Приезд Верховного Правителя // Утро Сибири (Челябинск). – 1919. – 11 февраля (№ 31). – С. 3.
11. Проезд Верховного Правителя // Курганская свободная мысль (Курган). – 1919. – 11 февраля (№ 30). – С. 1–2.
12. Субботин, Е. П. По пермским адресам адмирала Колчака. Хроника пребывания Верховного Правителя России в Перми в 1919 году / Е. П. Субботин, М. Г. Ситников // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы второй научно-практической конференции. – Пермь, 2009. – С. 145–164.
13. Экстренное заседание // Утро Сибири (Челябинск). – 1919. – 11 февр. (№ 31). – С. 3.

А. Ю. Ерыкалина

Челябинская государственная академия культуры и искусств

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С началом колонизации Южного Урала первые путешественники начинают собирать информацию об этносах, флоре, фауне и подземных богатствах региона. На рубеже XVI – XVII вв. возникают первые крупные города, первоначально это были поселения-крепости, которые с развитием производства, превращаются в промышленные центры. Индустриальная направленность территории активизирует процесс проведения научно-исследовательских экспедиций, что позволяет накапливать важный материал и собирать первые коллекции южноуральских минералов.

Великие реформы во второй половине XIX века способствовали привлечению внимания к отечественной истории, как на общероссийском, так и на местном уровне. К началу XX века был накоплен обширный и богатый краеведческий материал, сделаны попытки его систематизации, интерпретации и публикации на страницах уральских газет и журналов.

Повышение уровня образования населения, развитие книгоиздательского дела в провинции вызывало увеличение спроса на различную литературу. Появляются первые оборудованные типографии, что благоприятно сказывалось на улучшении качества книг, газет и журналов особенно в городах Уфа, Оренбург и Шадринск. Городское население активно включается в процесс сбора разнообразного краеведческого материала. Помимо занятий архивно-музейной работой современники пишут воспоминания, ведут дневники, на страницах которых, нашли отражение первые картины повседневной жизни жителей региона. Важным моментом стало то, что в исследовательский процесс включились: «...не только дворянские и буржуазные деятели, но и представители разночинной интеллигенции. Резко увеличивается общее количество работ по различным аспектам истории края. Если за первую половину XIX века было издано около 100 названий литературы по истории Урала, то за 1861-1917 гг. появилось свыше 300 публикаций...» [8, с. 55].

Благодаря распространению просвещения, развитию сети образовательных учреждений возникает уникальное явление – краеведение. Понятие «краеведение» достаточно широкое, под которым мы будем понимать изучение истории малой Родины, её природы посредством музейно-архивной работы, различных научных обществ, а также поисково-исследовательской деятельности отдельных энтузиастов. Необходимо также отметить тот факт, что данный термин: «...появился в советское время» [9, с. 21].

Особенностью краеведения в период его зарождения в начале XX века являлось то, что исследователей этого направления было мало. «Говоря

о краеведческом движении, следует помнить, что в каждой губернии число краеведов не превышало 3–4 десятков человек» [1, с. 508]. Изучением края в то время преимущественно занимались местные интеллигенты, к разряду которых можно отнести преподавателей, церковнослужителей, медиков, журналистов, библиотекарей, общественных деятелей и др.

В развитии и популяризации краеведения огромную роль сыграли различные научные организации. Именно в это время государство инициировало создание специализированных учреждений столичного и местного уровня для изучения культурного, этнографического, природно-климатического и другого богатства страны. В связи с огромными пространствами империи столичным обществам требовалась поддержка на местах. Эту функцию успешно выполнял Оренбургский отдел Императорского русского географического общества (ИРГО). Данная организация занималась сбором и изучением материалов из области биогеографии, гидрологии, метеорологии Южного Урала. Важным моментом стало то, что с учреждением Оренбургского отдела ИРГО исследованиям был придан организованный и системный характер, изучение края начало проводится по специальным программам, т.е. получили развитие специализированные исследования природной среды. На заседаниях этого общества и в его публикациях впервые прозвучали сведения о целом ряде научных направлений таких, как география и геология, гидрология, метеорология, биогеография, минералогия и др. [10, с. 17].

Наиболее влиятельными в Оренбургской губернии стали: Оренбургская Ученая архивная комиссия (ОУАК), а также широко известное и популярное в нашем крае, Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ).

Неоценимый вклад в изучение истории Южного Урала внесла деятельность ОУАК: «...она стала заметным явлением в научной, краеведческой и культурной жизни обширного края. Комиссия сохранила для науки ценнейший Оренбургский исторический архив и приступила к его исследованию» [4, с. 116]. Члены комиссии направили свои усилия на систематизацию документации, объемы которой были столь внушительны, что для этого потребовалось несколько лет работы. Ввиду того, что своего помещения для архива у комиссии не было, документы часто перевозили, разбор документов приходилось начинать заново. Другой проблемой было то, что помещения, где хранились документы, были холодными и сырыми [7, с. 218].

Несмотря на все имеющиеся сложности, комиссия продолжала активно работать, и была пионером не только архивного дела. Важным моментом в деятельности комиссии была популяризация среди городского населения научных знаний о Южном Урале: «...деятели ОУАК своими трудами способствовали развитию историко-краеведческих, этнографических и других исследований..., вовлекали в это важное дело и представи-

телей национальной интеллигенции» [4, с. 116]. Безусловно, главной заслугой деятельности этой организации стала заложенная в начале XX века краеведческая традиция изучения истории и природы родного края.

Одним из известных на Урале стало Уральское общество любителей естествознания. Первоначально предполагалось, что главным образом общество будет заниматься изучением природы края, но Южный Урал оказался столь богатой для исследователей территорией, что из-под пера членов УОЛЕ выходили работы самой разнообразной тематики, например, по археологии, истории и т. п.

В целом можно говорить о том, что благодаря деятельности выше указанных организаций были заложены основы системы архивного дела и музейной сети на территории Южного Урала, кроме того начат процесс популяризации научных знаний о малой Родине.

Благодаря распространению просвещения большую востребованность у горожан в начале XX века приобретают музеи. «В России существовали такие типы земских музеев, как педагогические, естественно-исторические, научно-промышленные, кустарные, исторических древностей, дома-музеи» [6, с. 379]. Кроме того был особый тип – передвижные музеи. «На Урале к 1903 г. было открыто четыре подвижных музея: земские в Чердыни и Шадринске, при научных обществах – в Екатеринбурге и Перми» [5, с. 129]. Данные музеи оказывали серьезную помощь в педагогическом процессе, когда благодаря наглядным пособиям учащиеся могли не только слушать рассказ преподавателя, но и видеть интересные экспонаты, ярко иллюстрирующие природу и историю края. «В большинстве случаев их деятельность ограничивалась выдачей наглядных пособий во временное пользование. При некоторых подвижных музеях возникали мастерские по изготовлению учебных коллекций, приборов и наглядных пособий» [5, с. 129]. Пользовалась большой известностью мастерская УОЛЕ, её коллекции были востребованы не только на Урале, но и в Петербурге.

Спецификой Южного Урала стало то, что в качестве музейных экспонатов стали востребованы не только археологические артефакты или минералы, но и экземпляры промышленного оборудования [2, л. 551], а также металлы [3, л. 20].

Иногда обывателями удавалось находить уникальные экспонаты. Например, такая ситуация возникла близ Кусинского завода, где был обнаружен клык мамонта и подарен Златоустовскому музею [2, л. 296].

Благодаря многовековой южноуральской «традиции» собирать информацию о флоре, фауне и подземных богатствах региона, (т.е. о том, что могло бы пригодиться для промышленности) к началу XX века были накоплены уникальные вещественные и документальные экспонаты, занявшие достойное место в экспозициях музеев. Не редки были случаи, когда в качестве музейных экспонатов выступала продукция уральских заводов. «В

кыштымском музее экспонировалось каслинское литье, минералогическая и почвенная коллекция» [6, с. 379].

Важной особенностью формирования музеев было активное участие в их деятельности любителей родного края. Многие музейные коллекции собирались благодаря поисковой работе учащихся и педагогов, а экспонаты часто передавались южноуральцами в дар музеям.

Следует отметить, что серьезной проблемой для развития музейного дела был дефицит специалистов-музейщиков, что затрудняло оформление документации: составление коллекций, каталогов. Осложняло также работу отсутствие специализированных зданий, где могли бы располагаться экспозиции музеев и храниться экспонаты. Несмотря на имеющиеся проблемы, популярность музеев росла, к началу первой мировой войны во многих уральских городах разрабатывались проекты строительства музейных зданий, либо они уже были реализованы.

Музеи способствовали эстетическому воспитанию населения, позволяли узнать новую информацию о малой Родине, кроме того несли важную воспитательную функцию, оказывая тем самым значительное влияние на формирование новых видов проведения досуга и городской культуры в целом.

С распространением просвещения к накоплению информации о родном крае подключились местные энтузиасты-краеведы, благодаря стараниям которых, в Оренбургской губернии были заложены традиции архивного и музейного дела. Первоначально собиратели южноуральской истории не имели специального образования, краеведение для них являлось хобби, но, несмотря на это, первые краеведческие работы внесли весомый вклад в сохранение и изучение истории и природы региона.

Благодаря деятельности научных организаций, краеведов произошли важные изменения в сознании южноуральцев, изменилось в лучшую сторону отношение к родной истории у многих людей. Теперь краеведение начинают воспринимать как профессию, важное направление просветительской и научной деятельности, что найдет своё отражение в более поздние 19–20-е годы, когда краеведение достигнет высокого подъема в своем развитии.

1. Бердинских, В. А. http://chelreglib.ru:6007/cgi-bin/irbis64r_81/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=IBIS&P21DBN=IBIS&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fullw&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21COLORTERMS=0&S21STR=Уездные историки [Текст] : рус. провинц. историография / В. Бердинских. – М. : Новое лит. обозрение, 2003. – 528 с.
2. Архив г. Златоуста. Ф. И-20, Оп. 1, Д. 1135.
3. Архив г. Златоуста. Ф. И-20, Оп. 1, Д. 2228.
4. Зобов, Ю. С. http://chelreglib.ru:6007/cgi-bin/irbis64r_81/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=IBIS&P21DBN=IBIS&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fullw&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21COLORTERMS=0&S21STR=Историки Южного Урала. Вторая половина XIX – начало XX в. [Текст] : учеб. пособие / Ю. С. Зобов; Оренбург. гос. пед. ин-т им. В. П. Чкалова. - Оренбург : [б. и.], 1991.

5. Корепанова, С. А. Подвижные музеи как одна из форм просветительской деятельности в России XIX- начала XX вв. // Вопросы истории культуры. Вып.1 Екатеринбург. 1977.
6. Семченко, И. В. Культурно-просветительные учреждения земств Урала в начале XX в.// Урал в контексте российской модернизации. Сборник статей. – Челябинск : Изд-во «Каменный пояс», 2005. – 448 с.
7. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 30, 1914 г. – 227 с.
8. Усанов, В. И. [**СЛОВО НАСТАВНИКА**](http://chelreglib.ru:6007/cgi-bin/irbis64r_81/cgiirbis_64.exe? Z21ID=&I21DBN=IBIS&P21DBN=IBIS&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fullw&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21COLORTERMS=0&S21STR=Летописцы старого Урала [Текст] / В. И. Усанов; Челяб. гос. пед. ин-т. – Челябинск: Факел, 1995. – 205 с.
9. Хасанов, Э. Р. Историческое краеведение на Южном Урале : Вторая половина XIX – начало XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Оренбург, 2002. – 203 с.
10. Шагисултанов, Ф. А. История изучения природы Южного Урала во второй половине XIX – начале XX в. : по материалам региональных научных обществ : 07.00.10 Шагисултанов, Ф. А. : дис... канд. географических наук. – Москва, 2007. – 140 с.

</div>
<div data-bbox=)

К. Б. Лаврова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

БИБЛИОТЕЧНЫЕ АРХИТЕКТОРЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: XIX – НАЧАЛО XX в.

История библиотечной архитектуры в дореволюционной России практически не становилась до сего времени объектом изучения ни историков архитектуры, ни историков библиотечного дела. В качестве исключения можно назвать лишь работу О. С. Острой «Архитекторы Императорской публичной библиотеки» (СПб., 2000) [1]. Изучение библиотек через призму биографий их архитекторов позволяет выявить побудительные причины обращения архитекторов к проектам не коммерческого характера, которые могли бы, наверняка, принести больше финансовой выгоды автору, но и подчас, даже бесплатно разрабатывать проекты библиотечных зданий. Обращение к проектированию библиотеки известным архитектором, с одной стороны, привлекает внимание к самой библиотеке, а также демонстрирует отношение общества к ней. Много о значении библиотеки для общества в тот или иной период может сказать и понимание величины архитектора, проектировавшего библиотеку, место библиотечного проекта в его личной и творческой биографии.

Предлагаемый аспект – изучение истории библиотечных зданий (и шире – истории библиотечного дела в целом) через биографии архитекторов позволяет обратиться к изучению истории проектирования и строительства и тех библиотечных зданий, которые или не сохранились до нашего времени из-за военных и прочих социальных катаклизмов России XX в., или не были построены по тем или иным причинам, но так или иначе их проекты

является этапом в формировании отечественной архитектурно-библиотечной мысли.

Начнем с биографии Александра Лаврентьевича Витберга, как наиболее раннего по времени проекта библиотечного здания из нами рассматриваемых. А. Л. Витберг (1787–1855 гг.) в 1815 участвовал в конкурсе проектов храма Христа Спасителя в честь победы в Отечественной войне 1812. Из двадцати предложенных проектов Александр I выбрал проект Витберга. Мистик по натуре и по складу ума, Витберг положил и в основании своего проекта некоторые мистические воззрения в духе христианства. Проект Витберга понравился необыкновенно как своей основной идеей, так и грандиозностью. Предполагалось построить храм Спасителя на Воробьевых горах близ Москвы. Витберг был поставлен во главе комиссии, которой поручены были все распоряжения по постройке. Закладка храма состоялась 12 октября 1817 г. и обошлась 24000 рублей. По смелости и колоссальности идеи его проект может считаться одной из любопытнейших архитектурных композиций нового времени. После смерти Александра I, который покровительствовал архитектору, была проведена ревизия, и Витберг был несправедливо обвинен в злоупотреблениях казенными деньгами. Проект признали расточительным и неосуществимым, строительство было прекращено.

Сам Витберг был сослан в Вятку (1835–1839), где он сблизился с А. И. Герценом, который, в свою очередь, много писал о нем в «Былом и думах». В 1836 г. в Вятке была открыта публичная библиотека, на торжественном открытии которой А. И. Герцен произнес свою известную речь, которая «зажгла сердца людей, слушавших его, и им очень захотелось иметь в своем родном городе такой «храм мысли» в виде соответствующего содержанию этих слов здания. Желая чтобы «здание Библиотеки было украшением города, а потому, не ограничиваясь одним соблюдением правил науки, имело бы некоторую роскошь вымысла и отделки, чтобы оно соответствовало как назначению своему, так и местности» [2], просвещенный губернатор А. А. Корнилов обратился за помощью к А. Л. Витбергу, так как он был в это время в Вятки наиболее известным архитектором. Витберг составил проект бесплатно. Проект был утвержден, однако новый губернатор П. И. Хомутов оказался противником строительства, хотя значительная часть средств была собрана за счет пожертвований. Таким образом, этот образец «бумажной» библиотечной архитектуры – печальная страница в истории как Вятской публичной библиотеки (ныне КОНБ) и архитектурного наследия А. Л. Витберга, так и для российской библиотечной архитектуры в целом.

Два следующих примера относятся к значительно более позднему периоду и связаны с попытками в России реализовать идею «Города-сада» в России в 1910-е гг. Данный тип образцового города был разработан в конце XIX – начале XX вв. в Англии. Возникновение идеи строительства

такого города было связано с резким ухудшением санитарно-гигиенических условий жизни в крупных капиталистических городах. Её можно считать попыткой практического осуществления проектов социалистов-утопистов о преодолении противоположности между городом и деревней. Основные принципы организации Города-сада были изложены в трудах английского социолога и архитектора. Э. Хоуарда. Городам-гигантам Хоуард противопоставил небольшие города с территорией окруженной садово-парковым поясом, с ограниченным числом жителей (30–35 тыс.), которым обеспечивались бы удобства городской жизни и связь с природой. В таком городе усиливается связь с ландшафтом, а архитектурный облик способствует созданию хороших условий для жизни и деятельности людей. В России как «города-сады» стали застраиваться новые курорты Крыма и Кавказа, и в них обязательным стало появление нового типа библиотеки – «курортной».

Биография Алексея Яковлевича Буткина (годы жизни автору к настоящему времени уточнить не удалось), демонстрирует не просто профессиональный интерес к общественным зданиям, появившийся у российских архитекторов во второй половине XIX в., но и особое, трепетное отношение к идее публичной библиотеки. Родившись в провинции, А. Я. Буткин, подростком пешком пришел в Санкт-Петербург и, работая строительным рабочим, учился, где мог. За десять лет столичной жизни ему удалось получить диплом техника-строителя. Примерно на рубеже XIX – XX веков поселился в Сочи. На рубеже XIX и XX веков в Сочи существовала технико-строительная контора А. Я. Буткина, выполнявшая архитектурные, инженерные и подрядно-строительные работы, он стал городским архитектором. Большинство зданий в Сочи в этот период было построено по проектам этого архитектора.

Общественность города «загорелась» идеей создания публичной библиотеки. Деньги жертвовали и просвещенные горожане, и простой народ – ремесленники, торговцы, земледельцы. Курировал строительство врач Аркадий Гордон, по инициативе которого в городе появились первые санатории и стали осваиваться целебные мацестинские источники. Около 2000 руб. пожертвовал С. Ю. Витте, имевший в Сочи дачу и также считавший себя сочинцем и в целом сочувствующей идее постройки.

Отказавшись от гонорара А. Я. Буткин, лучший к тому времени архитектор города, выполнил проект здания. Пушкинской библиотеки (1912 г.) в стиле модерн. Здание библиотеки скорее напоминает средневековый замок на высоком берегу моря с фонтаном перед фасадом. Окна – необычной яйцевидной формы, а внутри деревянные лестницы, старинные каминны с художественной керамикой. «Такова была фантазия автора проекта здания библиотеки – талантливого архитектора-самоучки Алексея Буткина. Сегодня его творение является уникальным памятником архитектуры

курорта Сочи и любимым местом досуга горожан, – заметил в интервью «Голосу России» директор библиотеки Валентин Волков [3].

Еще один пример – Павел Яковлевич Сеферов (Богос) (1872–1914). Он родился в многодетной армянской семье. Окончил в 1900 г. училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества. В этом учреждении исповедовали традиционное архитектурное направление – русский классицизм и его тогдашнюю модификацию – неоклассицизм. С дипломом «классного художника архитектуры» Павел Яковлевич Сеферов вернулся в родной город, где стал гласным городской Думы и занялся проектированием, а точнее – формированием неповторимого архитектурного облика Евпатории. Все проекты Павла Яковлевича отличаются художественная выразительность, строгое следование канонам традиционных архитектурных направлений. Самыми яркими воплощениями стиля архитектора П. Я. Сеферова стали здания библиотеки им. Александра II, открытая в 1916 г. Стилистические это один из вариантов парковой архитектуры. Библиотека построена в стиле «ампир», в лучших традициях академической архитектурной школы. В плане здание повторяет древнегреческий круглый храм – толос. Центральный вход в библиотеку украшали две мраморные скульптуры львов, установленные по обе стороны дорожки, ведущей к читальному залу.

П. Я. Саферов не только принимает на себя весь труд по проектированию здания и наблюдению за постройкой безвозмездно, но и приносит в дар библиотеке около сотни томов лучшего издания сочинений классических писателей, а так же 1000 рублей на приобретение книг [4, 5].

О том, что интерес к общественным просветительским зданиям на рубеже XIX – XX веков высок, говорит и тот факт, что будущий академик Императорской Академии художеств (ИАХ) действительным членом ИАХ профессор, архитектор Высочайшего Двора, обладатель орденов Св. Анны 3-й степени и Альбрехта Командорского креста Владимир Александрович Покровский (1871–1931) по окончании Высшего художественного училища Императорской Академии художеств (мастерская Л. Н. Бенуа) выбирает темой своей дипломной работы тему «Публичная библиотека в столице» [6]. Интересно, что в той же мастерской Л. Н. Бенуа в тот же период диплом на тему «Публичная библиотека в столице» защитил и другой архитектор – Вячеслав Александрович Погонкин (1868(?) – 1918).

Еще один будущий архитектор выбрал темой своей дипломной работы проект библиотеки – это Алексей Николаевич Бекетов (1862–1942), потомок древнего дворянского рода, будущий Академик Санкт-Петербургской Академии художеств, а с 1939 г. – действительный член Академии архитектуры СССР.

В начале XX века Харьков переживал этап бурного экономического развития, город приобретал статус одного из крупнейших промышленных и культурных центров на юге Российской империи. Сопутствовавший это-

му строительный бум привлек многих известных архитекторов, в том числе и столичных. Не стал исключением и А. Н. Бекетов. Следует подчеркнуть, что учебные и просветительские заведения – одно из важнейших направлений в творчестве архитектора. Это было связано не только с тем, что в Харькове – интеллектуальной столице юга Российской империи – в начале XX века строилось большое количество учебных зданий, но и с традициями семьи Бекетовых, для которых работа в области распространения образования была одним из первоочередных общественных дел. Его жена – Анна Алексеевна Алчевская, дочь крупного промышленника и мецената А. К. Алчевского и просветительницы Х. Д. Алчевской (автора трехтомника «Что читать народу»).

Одним из важнейших сооружений, служивших делу народного просвещения, для Харькова начала XX века была Общественная библиотека (1899–1901). Ее открытие состоялось еще в 1886 г. по инициативе Общества распространения грамотности в народе. С просьбой о составлении проекта правление библиотеки обратилось к Ал. Н. Бекетову. Архитектор выполнил его бесплатно. С особенностями устройства этого типа зданий архитектор ознакомился еще в ходе выполнения проекта на звание академика, темой которого была «Библиотека на 1,5 млн. томов с галереей великих людей и нумизматическим кабинетом» (1894).

За выполненную работу автору был преподнесен благодарственный адрес. «Правление Харьковской общественной библиотеки считает своим приятным долгом выразить Вам <...> искреннюю и глубокую благодарность за безвозмездное исполнение проекта библиотечного здания. В сознании той пользы, которую общественная библиотека приносит и будет приносить городу Харькову, Вы решились посвятить свой труд и время на это дело и исполнили его блестяще, со свойственным Вам талантом» [7] – так начинается это послание [8].

Наверное наиболее именитым библиотечным архитектором XIX – начала XX в. является Федор (Франц) Осипович Шехтель (1859–1926), архитектор, художник и общественный деятель.

Идею строительства в Таганроге специального здания библиотеки-музея, подал, очевидно, П. Ф. Иорданов. Его инициативу горячо поддержал А. П. Чехов. Он вообще активно поддерживал библиотеку, вел активную переписку, бесплатно присылал все свои новые издания. А. П. Чехов готов был принять самое активное участие в сборе средств на строительство библиотеки, помог бы он и в переговорах с архитектором-проектировщиком, но тяжелая болезнь и ранняя смерть помешала этому. Когда 9 марта 1910 года от имени Городского Головы А. З. Хандрина было направлено письмо академику архитектуры, известному московскому архитектору Ф. О. Шехтелю, другу Николая и Антона Чеховых, с просьбой сделать проект городской библиотеки для Таганрога (совместно с ростовским архитектором Зелинским), он тотчас же согласился и даже писал: «...Я очень польщен предложением Вашим сде-

лать проект здания городской библиотеки им. А. П. Чехова и могу Вас уверить, что и мой личный труд я совсем не буду считать и попрошу возместить лишь мои расходы на помощников. Я сделаю детальный проект и все отдельные детали в большом масштабе» [9]. Проект был готов в июне, а уже в сентябре начато строительство. Здание было открыто в 1912 г. К сожалению, авторский экземпляр проекта, присланный самим Ф. О. Шехтелем в Таганрог, не сохранился. Но до наших дней дошло изображение и планировка библиотеки, опубликованные в Ежегоднике Общества архитекторов-художников за 1911 год, снятые с проекта Ф. О. Шехтеля в Москве. (Ежегодник Общества Архитекторов-Художников, 1911). Архитектурный стиль здания – конечно же модерн, одним из основателей которого в России являлся автор [10].

Таким образом, не ставя задачей данной статьи выявить и рассмотреть биографии всех российских архитекторов библиотек XIX – начала XX в., представляется, что приведенные примеры позволяют определить мотивы (творческие и личностные) ряда архитекторов, обращавшихся к проектированию библиотек. А частота обращения, бескорыстность многих авторов может служить еще одной демонстрацией значения библиотеки в российском в рассматриваемые период.

1. Острой, О. С. Архитекторы Императорской публичной библиотеки / О. С. Острой. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2000. – 106 с.
2. Польшанова, Н. Д. История строительства дома для Вятской публичной библиотеки по проекту А. Л. Витберга. Документальный очерк / Н. Д. Польшанова // Герценка: вятские записки / Киров. област. научн. б-ка им. А. И. Герцена. – Киров: КОНБ, 2011. – Вып. 19. – Режим доступа: www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number19&ELEMENT=gerzenka19_2_1
3. Волков, В. [Интервью] [Звукозапись] / В. Волков // Голос России: радио: русская служба. – М.: [б. и.], 2012. – 27 мая. – Режим доступа: rus.ruvr.ru/2012_05_27/76108277/.
4. Некролог [ред ст.] // Евпаторийские новости. – 1914. – 15 мая (№ 811).
5. Дуван, С. Э. [Из выступления 25 февраля 1911 г. в Евпаторийской городской Думе ее гласного] / С. Э. Дуван // Знакомимся с родным городом: Евпатория / Учебно-наглядный стенд Евпаторийское отделение крымского факультета им. В. Даля ВНУ «Перекресток цивилизаций» / Евпаторийское отделение крымского факультета им. В. Даля ВНУ. – Евпатория: ЕО КФ ВНУ им. В. Даля, 2010. – 24 марта. – Режим доступа: www.evp.snu.edu.ua/1/znakomimsya-evpatoriya-03-2010.html.
6. Рос. гос. истор. архив. – Ф. 789. – Оп. 11. – Д. 146.
7. Алексею Бекетову признательная Харьковская Общественная Библиотека / Правление Харков. обществ. б-ка. – Харьков: [б. и.], 1899. – 1 с.
8. Дудукина, Д. А. А. Н. Бекетов (1862–1941). Творческая деятельность и вклад в развитие архитектуры юга России и Украины конца XIX - первой трети XX веков: диссертация ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Дудукина Д. А. – М., 2008. – 190 с.
9. Гос. архив ростов. области. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 1451. – Л. 74.
10. Киричек, М. С. Строительство здания для библиотеки и музея / М. С. Киричек // Центральная городская публичная библиотека имени А. П. Чехова / ЦГПБ. – Таганрог: ЦГПБ, 2010. – Режим доступа: www.taglib.ru/istoriya-bibliotechnogo-dela-taganroga.html#13.

А. Г. Леиуков

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ЛИЧНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЫ В 1861–1900 гг.

Период после начала реформ Александра II характеризуется как очередной этап модернизации социально-культурной сферы, проводимый по инициативе власти, вызванный объективными причинами. Власть сделала ставку «на развитой утилитаризм, на развитие либеральных, капиталистических ценностей» [1, с. 283].

Этот период рассматривают как время появления в стране целого класса предпринимателей нового формата. В системе ценностей наступил «кризис традиций российского деревенского патернализма» [5], который сменился ростом индивидуализма и практицизма. Предприниматели были нацелены не только на развитие своего дела: производства, торговли, сферы услуг, но и на развитие государства в целом. Это отражалось в их подходе к коммерческой деятельности. Реформы в экономике привели к появлению класса основных инициаторов и заказчиков коммерческой рекламы, т. е. рекламных субъектов. Сложился тип «нового» человека – «хозяина», действующего, практичного субъекта, «появились европейски образованные предприниматели, способные к творческой организационной работе в больших масштабах» [1, с. 283].

К концу XIX в. сформировалось направление «социокультурной динамики, вокруг которого группировались образованные и экономически успешные социальные группы – потребители и творцы технических достижений цивилизации и высокой (элитной) культуры, в определенном смысле модернисты, устремленные в будущее» [2, с. 87]. Исторический процесс формирования социокультурной ситуации в пореформенный период развивался благодаря энергичным действиям творческого меньшинства. Тогда становится возможным предположение, что развитие российской рекламы происходило благодаря усилиям неординарных личностей – талантливых предпринимателей: А. И. Абрикосова, Г. А. Брокера, И. Д. Сытина, повлиявших на генезис русской рекламы.

В пореформенный период российская промышленность переживала серьезный и значительный подъем во многих отраслях, например, в парфюмерном производстве. Появление инновационных технологий, благоприятная экономическая обстановка в стране, поощрительная политика правительства и повышенный спрос на продукцию способствовали развитию парфюмерного производства в России.

Парфюмерное производство, как правило, находилось в руках иностранцев, иммигрировавших в Россию. Они считались в обществе вполне

русскими людьми. Их имена: Карл Феррейн, Александр Герке, Константин Эрманс, Николай Маштейсен, Адольф Сиу, Альфонс Ралле.

Особо стоит выделить имя Генриха Афанасьевича Брокара (1838–1900) – удачливого и талантливого производственника, прославившего русскую парфюмерию. Нам в первую очередь интересен опыт Г. А. Брокара по успешному продвижению товаров на рынке.

Г. Брокар – «впоследствии самый знаменитый российский парфюмер» [3, с. 153] изобрел способ приготовления концентрированных духов, что дало ему возможность получить стартовый капитал (плата за изобретение от фирмы «Рур Бертран» – 25 тыс. франков) и начать свое дело.

Новаторство Брокара проявилось с начала работы его предприятия. Это касается, прежде всего, ассортимента выпускаемой продукции. Первый товар, который он начал выпускать – мыло «Детское». Несмотря на ограниченные возможности предприятия (всего работало 3 человека) производилось до 120 кусков мыла в день, а для привлечения внимания покупателей на каждом куске была выдавлена одна из букв русского алфавита.

Последующие товары фирмы также успешно продавались, появился интерес к фирме, со стороны оптовых покупателей. Фирма активно участвовала в промышленных выставках, так мыло «Народное» завоевало серебряную медаль на Всероссийской выставке (1865). Цветочный одеколон, который имел 20 различных ароматов, соответствующих натуральным ароматам цветов, был удостоен Большой Золотой медали на Промышленно-художественной выставке в Москве (1882). На протяжении 36 лет фирма экспонирует свои товары на всех проходящих выставках, обеспечивая тем самым широкую известность своей продукции. Неоднократно продукции фирмы присуждались медали на международных промышленных выставках. Например, в 1878 г. продукция фирмы получила Бронзовую медаль Парижской выставки. В 1885 г. – три Золотые медали в Антверпене, от Парижской Национальной Академии и на выставке во Франции. В 1896 г. на Всероссийской выставке фирме присуждена главная награда – Государственный герб России. В 1900 г. – «Grand Prix» на Всемирной выставке в Париже.

В 1878 г., к открытию 2-го розничного магазина на Биржевой площади в Москве, фирма выпускает партию парфюмерных наборов, включавших в себя весь ассортимент выпускаемых фирмой товаров в миниатюрной упаковке. В дальнейшем фирма практикует выпуск серий разных товаров, имевших один аромат. Каждая товарная позиция выпускалась в нескольких разных упаковках. Различная расфасовка продукции позволяла ориентироваться на широкую аудиторию покупателей, с разными финансовыми возможностями.

В 1878 г. во время войны с Турцией Брокар выпускает помаду и мыло с патриотическими названиями: «Букет Плевны», «Воинское». Исполь-

зование модной, «резонансной» темы в названии являлось удачным маркетинговым решением.

Признание качества продукции фирмы в мире и среди российских покупателей – это результат профессиональной работы Г. А. Брокара над ассортиментом выпускаемых товаров. Широкий ассортимент выпускаемой продукции обеспечивал широкую потребительскую аудиторию, следовательно, хороший сбыт и стабильность производства.

Благодаря развитию типографских технологий стало возможным совершенствование производства таких форм печатной графики, как этикетки, плакаты, календари и оригинальная упаковка.

Брокер большое внимание уделял упаковке товаров. При низкой цене товар был упакован в качественную полноцветную обертку. В качестве упаковочной бумаги использовали рекламные листовки, на которых с одной стороны, была информация об ассортименте и ценах, а с другой стороны печатались рисунки для вышивок, которые пользовались спросом у домохозяек. С фабрикой сотрудничали художники, создавая оригинальные рисунки для упаковки. Постоянная забота об оригинальности, броскости и запоминаемости упаковки – это отличительная особенность коммерческой деятельности Г. А. Брокара.

На упаковке обязательно помещались изображения наград (медалей, призов, званий и титулов), завоеванных этими товарами на всевозможных выставках и конкурсах. Например, в 1874 г. фирма удостоивается звания Придворного поставщика Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Александровны, герцогини Эдинбургской, а в 1887 г. – титула «Поставщик двора Испанского Короля».

Кроме двух аспектов грамотной рекламной стратегии – широкого ассортимента и привлекательной упаковки – Брокер уделял много внимания рекламным акциям. Это, например, фонтан, устроенный из цветочного одеколona на Промышленно-художественной выставке в Москве (1882). Акция была подробно освещена в газетах, а товар получил на выставке Большую Золотую медаль. [4, с. 29]

В 1891 г. в Верхних торговых рядах в Москве открылась Благотворительная выставка антикварных предметов и живописи из собрания Г. А. Брокара. Средства от продажи билетов на выставку были направлены на поддержку студентов Училища живописи.

Фирма Брокер выпускала специальные «Наглядные статистические таблицы», их вывешивали на стенах магазинов для покупателей, чтобы подчеркнуть успешность, представительность и стабильность фирмы.

Таким образом, производственная и рекламно-сбытовая деятельность Г. А. Брокара показывает примеры оригинальных решений в сфере маркетинга, в производстве и продвижении товаров. Важную роль играет личность предпринимателя – образованного, трудолюбивого и мыслящего

человека, которого можно назвать рационализатором, изобретателем, талантливый рекламистом.

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I : От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
2. Гавров, С. Н. Модернизация России: постимперский транзит / С. Н. Гавров, пред. Л. С. Перепелкина. – М. : МГУДТ, 2010. – 269 с.
3. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки / В. И. Бовыкин ; Ин-т Рос. истории РАН. – М., 1997. – 328 с.
4. Кожаринов, В. В. Русская парфюмерия XIX – начала XX в. / В. В. Кожаринов. – М.: Советский спорт, 1998. – 157 с.
5. Козлов, С. А. Рабочие руки из Германии и Чехии [Электронный ресурс] / С. А. Козлов // История. – 2009. № 9. 1–15 мая. – Режим доступа: http://his.1september.ru/view_article.php?id=200900903. – Загл. с экрана.

Д. Е. Пельков

Челябинская государственная академия культуры и искусств

КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД В РАЗВИТИИ СЕТИ НАРОДНЫХ ДОМОВ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1905–1912 гг.)

1905 год в истории России широко известен каждому со школьной скамьи. В этот год достигло кульминации и развязки военное противостояние на Дальнем Востоке, обострились противоречия внутри страны, приведшие к началу первой русской революции. Этот год стал поворотным и в истории развития народных домов в Империи в общем, и в отдельных регионах в частности. В период с 1905 г. по 1912 г. уместно говорить о кризисе народных домов, когда государственные (народные дома попечительства о народной трезвости) учреждения по ряду причин не могли функционировать, а земские, общественные и кооперативные еще не получили широкого развития. Ярким примером произошедших событий является Уфимская губерния.

К концу 1904 г. количество народных домов стабилизировалось, установившись на отметке 79 [7]. Общее число посетителей по имеющимся статистическим данным за 1902 г. составило 363512 человек [6]. При этом необходимо отметить, что по части учреждений статистика отсутствовала, а это значит, что реальная численность посетителей больше, и могла достигать до 15–20 % населения губернии.

Структура сети народных домов к началу 1905 г. существенно изменилась по сравнению с начальным этапом ее формирования. Было построено большое количество народных домов среднего и большого типа, тогда как к концу 1897 г. таких было всего 2. При этом в 1904 г. чайные-читальни как тип народного дома почти везде были закрыты или преобразованы в более крупные учреждения. Народные дома охватывали большую

часть губернии, размещались они в наиболее значимых населённых пунктах, где таких домов могло быть несколько (г. Златоуст, г. Уфа, с. Шарань). По видимому, к концу 1904 г. попечительства достигли предела в развитии сети народных домов при существующем на тот момент уровне финансирования (в среднем 5000 р. в год на уезд) [10], новые дома уже не могли возводиться на эту сумму, так как вся она уходила на содержание имеющихся учреждений. Иные средства изыскать было трудно, прошло первое благотворительное воодушевление населения конца XIX в., в стране складывалась предреволюционная ситуация, и отношение населения к учреждениям попечительства, как и к другим государственным учреждениям, становилось равнодушное, а подчас и отрицательное. Все чаще стали раздаваться голоса о том, что попечительства свою главную функцию, борьбу с пьянством, провалили.

Время формирования кризиса выпало на период 1905–1907 гг. Это время было связано с революционными событиями в стране и сокращением финансирования. Во многих народных домах велась незаконная пропаганда [2], большое влияние имели большевистские организации, особенно в Уфимском и Златоустовском уездах. Заканчивается период постановкой вопроса о закрытии попечительств в Империи [12, л. 11].

Развитие кризиса проходило в период 1907–1912 гг. Страна переживала постреволюционную реакцию, последствия войны, неопределенность в судьбе попечительств о народной трезвости, неготовность земского и городского самоуправления взять на себя поддержание и развитие сети народных домов в губернии, разработка проекта. Затянутое обсуждение реформы попечительств в правительстве. Как итог разработка земского проекта сети народных домов, и передача активов попечительства земству и городам без окончательного законодательного закрепления. Вместе с некоторым усложнением работы народных домов был и положительные явления, например, с 1907 г. существенно упростились правила для проведения народных чтений [3].

В начале 1907 г. в Уфимской губернии насчитывалось около 60 действующих народных домов разных типов [8]. Число посетителей за год по тем домам, о которых имеются сведения, составило 386952 человека [8], посетителей стало даже немного больше, чем в предыдущие периоды, что говорит о популярности существовавших народных домов в губернии, и постоянном спросе на их услуги.

Несмотря на локальные успехи отдельных губерний в столице, решили, что работа попечительств не удовлетворительна. 17 мая 1907 в государственный совет был внесён проект, об упразднении попечительств о народной трезвости [12, л. 11].

В то время как в государственном совете шло обсуждение законопроекта, попечительства на местах оказались в подвешенном состоянии, в Уфимской губернии сложилась сложная ситуация.

Сначала Уфимское губернское земское собрание обратилось в Главное управление неокладных сборов с просьбой о передаче всех средств попечительств о народной трезвости Уфимскому земству на организацию внешкольного образования [11, л. 321]. Но земское ходатайство 11 июля 1908 г. было отклонено, из-за рассмотрения вопроса о передаче и новом законе о попечительстве государственным советом, признавшего ходатайство преждевременным. Пока в государственном совете шло вялое обсуждение, согласования между министерствами, 19 ноября 1909 г. Уфимский губернский комитет самостоятельно в письме за подписью губернатора, обратился к главному управлению неокладных сборов с просьбой передать учреждения попечительства земствам [11, л. 362].

Этому письму предшествовало заседание комитета прошедшее 10 ноября 1909 г. Уфимский уездный комитет предложил уездному земству взять на себя расходы по содержанию народных аудиторий, где располагаются земские школы [11, л. 355]. Представитель губернского земства А. В. Новиков заявил, что у земства нет оснований содержать здания попечительства, предложил безвозмездно передать их земству в собственность. Препирания комитета и земства, довели первое до крайности, комитет стал прямо угрожать закрытием своих народных домов и как следствие земских учреждений в них [Там же]. Таким образом, лишившись достаточного для содержания своих учреждений средств губернский комитет, почти насильно передал свои учреждения на баланс земства, хотя формально оставался собственником зданий. Собственно задания попечительств, по видимому, так и не были переданы земству в собственность, в начале 1914 г. этот вопрос по-прежнему оставался открытым [11, л. 362].

Итак, в результате на 1912 г. в Уфимской губернии осталось 36 народных домов, менее половины от докризисного числа. По сравнению с периодом расцвета деятельности попечительств в 1902–1904 гг., число народных домов сократилось на 43 единицы [9]. Но дело попечительств не было напрасным, все-таки часть народных домов, хоть и с трудом, продолжала работать. Общее число посетителей, далеко по не полным данным и даже без учёта Златоустовского и Мензелинского уездов, за год составило около 270 тыс. человек [9], что составило 8,4 % от общего населения губернии в 3096837 человек [1, с. 5]. А здания, построенные попечительствами, стали служить делу народного просвещения. Возможно, подключение земств к развитию сети народных домов и разработка собственного проекта развития этой сети также подхлестнул опыт попечительства. Более того проект, разработанный Уфимским земством, во многом этот опыт копировал. Обсуждение губернским земским собранием проекта развития земской сети народных домов (1912) и следует считать окончанием кризиса в губернии и началом нового периода в развитии народных домов губернии, где главную роль должны были играть земства и частная инициатива.

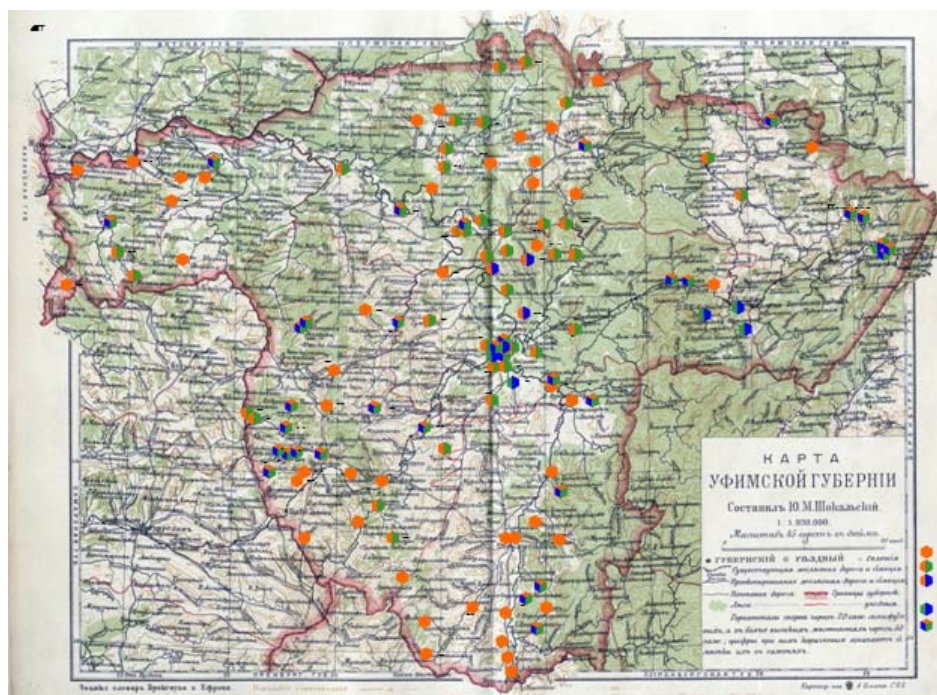
1. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. – Уфа: губерн. тип., 1914. – С. 114.
2. Коковихин, М. Н. Миньярское подполье / М. Н. Коковихин. – Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1957.
3. Обухов, М. Дневник внешкольника / М. Обухов. – Уфа: тип. «Печать», 1915. – С. 148–149.
4. Отчёт о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1897 г. – Уфа: Губерн. тип., 1898.
5. Отчёт о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1901 г. – Уфа : Губерн. тип., 1902.
6. Отчёт о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1902 г. – Уфа: Губерн. тип., 1903.
7. Отчёт о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1904 г. – Уфа : Губерн. тип., 1906.
8. Отчёт о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1907 г. – Уфа : Губерн. тип., 1909.
9. Отчёт о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1912 г. – Уфа : Губерн. тип., 1914.
10. Сборник статей Уфимского попечительства о народной трезвости за 1899 г. – Уфа : Губерн. тип., 1900.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 575. Оп. 3. Д. 4173.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 922 .

Народные дома Уфимской губернии

(составлено по материалам отчётов

губернского комитета попечительства о народной трезвости с 1895 по 1912 г.)

- Н.Д. в 1895–1904
- Н.Д. в 1895–1912
- Н.Д. в 1895–1904,
- 1912–1917
- Н.Д. в 1905–1917
- Н.Д. в 1895–1917
- 1– Рождественское (?)
- 2– Васильевское (?)
- 3– Александрово-Волковское (?)

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Историографическая наука на современном этапе переживает непростой период адаптации к новым условиям. С одной стороны, она испытывает давление со стороны представителей исторической науки, которые требуют от историографов писать «критически-провоцирующие» статьи, с целью подтолкнуть историков к изучению актуальных проблем [1, с. 323]. С другой стороны, сами историографы не могут договориться о предмете и функциях современных историографических исследований [4, с. 82–87].

В частности, в современной историографической науке давно обсуждается вопрос о том, в какой степени историограф должен использовать исторические источники, проводя свои исследования. В обсуждении этой проблемы активно участвуют уральские историографы, которые достаточно сильно расходятся в подходах к решению различных теоретических вопросов историографической науки [11, с. 93–95]. Однако по вопросу о необходимости использования в своей работе исторических источников уральские историографы едины.

Возникшая в 1980-е гг. в Свердловске в Уральском государственном университете им. А. М. Горького «уральская историографическая школа» [7, с. 67–75], рассматривающая предметом историографии историю исторической науки, с самого начала настаивала на необходимости в ходе историографического анализа обязательного привлечения исторических источников. Основатель этой школы О. А. Васьковский (1922–1995) считал, что историограф обязан привлекать исторические источники в двух случаях. Вслед за М. В. Нечкиной [10, с. 10]. О. А. Васьковский считал, что историограф обязан глубоко знать и работать с архивными фондами, в которых отражается деятельность научных исторических учреждений и творческая лаборатория исследователей изучаемой проблемы. Во-вторых, как полагал О. А. Васьковский, историограф обязан знать конкретный исторический материал в объеме, необходимом для формулировки собственной позиции при анализе дискуссионных вопросов. По его мнению, без знания фактической базы данных, историограф не вправе критиковать исследователей проблемы и высказывать свои соображения по поводу разного рода неточностей и фактических ошибок, которые могут иметь место в исторических исследованиях [3, с. 139].

Мнение О. А. Васьковского о необходимости изучать исторические источники, позволяющие изучить организацию научных исследований на том или ином этапе развития исторической науки, разделяют многие историографы. Один из представителей «уральской историографической шко-

лы» В. И. Усанов подчеркивает, что на современном этапе развития научного знания «значительную, а нередко и незаменимую роль в историографической работе в историографической работе играют архивные документы, которые существенно обогащают наши представления о развитии исторической мысли в стране, вкладе ее ведущих представителей в разработку наиболее важных проблем и периодов отечественной истории» [13, с. 40]. Омские исследователи В. П. Корзун и Д. М. Колеватов относят совокупность источников, позволяющих изучить организацию научных исследований к историографическим источникам, однако понимают под ними «исторические источники, несущие информацию по истории исторического знания» [9, с. 41].

Историографы, работающие в рамках интеллектуальной истории, указывают еще на один аспект необходимости использования исторических источников в историографических исследованиях. С. П. Бычков и В. П. Корзун пишут, что поскольку «особенность исторической науки связана с ее тесной зависимостью от источника», поэтому историографу «при анализе развития исторической науки необходимо иметь в виду уровень накопленного исторического материала и сложившуюся технику его интерпретации – соотношение этих условий в авторской концепции». По их словам, «это наиболее трудный аспект историографического анализа, поскольку требует от историографа знания наличного корпуса источников для данной эпохи и по определенной проблеме, а с другой стороны – предполагает реконструкцию источниковой техники того или иного автора» [2, с. 15].

Знание исторических источников является неперенным условием в работе историографа над биографическим жанром. По мнению представителей «уральской историографической школы», «персоналия как объект изучения является важной составляющей частью историографии. Научные биографии историков, включающие в себя описание их жизненного пути, глубокий анализ творчества и критическую оценку его, не только дают представление о конкретном вкладе каждого из них в науку, но и позволяют раскрыть сам процесс формирования и развития истории как науки, влияние науки на общественно-историческое сознание». «Работа над биографией ставит перед историографом широкий круг вопросов, от решения которых зависят объективность и истинность ее конечных результатов. Исследователь должен воссоздать процесс становления конкретного лица, обладающего только ему присущими индивидуальными качествами, в представителя исторической науки, ученого с определенными взглядами на развитие общественных отношений в прошлом, настоящем и будущем, с собственными концепциями решения научных проблем. Исследователь должен проникнуть во внутренний мир ученого, определяющий круг его научных интересов и пути их реализации, раскрыть те нравственные основы деятельности данного историка, которые в конечном счете и показывают его подлинное лицо, влияют на выбор решений, принятие тех или иных альтернатив» [12, с. 3].

В. Д. Камынин пишет: «Для того, чтобы пролить свет на новые объекты историографического анализа – корпоративную профессорскую культуру, неформальные научные сообщества, межличностные коммуникации, в том числе в виде научных и личностных конфликтов и скандалов, формы трансляции и восприятия новых идей и т.д. – требуется вовлечь в научный оборот новые источники». Автор считает, что восстановление жизненного пути и проникновения в его внутренний мир «невозможно без привлечения и использования документов личного происхождения, вышедших из под пера самого ученого, а также людей, хорошо знавших этого человека и работавшего вместе с ним» [5, с. 72]. Он обобщил свой длительный опыт использования документов личного происхождения при работе над биографиями ученых-историков и историографов [6].

Историографы, работающие в рамках интеллектуальной истории, предметом своих исследований делают личностный фактор в исторической науке и направляют свои основные усилия на «выяснение личности автора, особенностей его натуры, школы, из которой он вырос, и ценностей века, в котором он живет» [2, с. 11]. В. П. Корзун для изучения личностного фактора предлагает использовать «группу вспомогательных, то есть традиционных исторических источников, воссоздающих атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественно-политические взгляды, ценностные ориентации, особенности его натуры» [8, с. 22].

Таким образом, использование исторических источников является неперенным атрибутом современного историографического исследования. Во-первых, без них невозможно изучить организацию научных исследований, которая должна быть обязательным элементом в современном проблемном историографическом исследовании. Во-вторых, исторические источники и прежде всего источники личного происхождения позволяют исследовать жизненный путь и внутренний мир историка-исследователя. В-третьих, знание состояния источниковой базы на том или ином этапе развития исторической науки способствует эффективному выяснению такого важнейшего элемента историографического исследования, как оценка источниковой базы исследователя. Наконец, без знания определенного круга исторических источников по проблеме невозможно оценить концепцию исследователя, его взгляды на конкретный вопрос и обосновать собственную точку зрения по дискуссионным вопросам.

1. Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 375 с.
2. Бычков, С. П. Введение в отечественную историографию XX века: учебное пособие / С. П. Бычков, В. П. Корзун. – Омск: Омский гос. ун-т, 2001. 359 с.
3. Васьковский, О. А. Проблема социальных отношений на Урале периода гражданской войны в советской исторической литературе / О. А. Васьковский // Историческая наука на Урале за 50 лет (1917–1967). – Свердловск, 1967. – С. 136–142.

4. Камынин, В. Д. Дискурс в современной историографической науке / В. Д. Камынин // История науки и техники в современной системе знаний: Вторая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники 8 февраля 2012 г. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2012. С. 82 – 87.
5. Камынин, В. Д. Документ личного происхождения как источник для изучения биографий ученых-историков / В. Д. Камынин // Документ в оперативной и ретроспективной среде. – Тюмень, 2012. Вып. 2. С. 72 – 77.
6. Камынин, В. Д. Личностный фактор в исторической науке (историографические портреты) / В. Д. Камынин. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2012. с.286.
7. Камынин, В. Д. Уральская историографическая школа / В. Д. Камынин, Е. А. Цыпина // Известия Урал. ун-та. – 2004. – № 29. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 15. – С. 67–75.
8. Корзун, В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. (анализ отечественных историографических концепций) / В. П. Корзун. – Екатеринбург; Омск: Омский гос. ун-т; Изд-во Урал. ун-та, 2000. 226 с.
9. Корзун, В. П. Введение. Образ исторической науки в 1940 – 1950-е гг.: история вопроса / В. П. Корзун, Д. М. Колеватов // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В. П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. С. 5 – 45.
10. Нечкина, М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) / М. В. Нечкина // История и историки. Историография истории СССР. – М.: Наука, 1965. С. 6–27.
11. Панькин, И. Д. О научном сообществе уральских историографов / И. Д. Панькин // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века: материалы междунар. науч. конф. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 93–95.
12. Серов, А. И. Введение / А. И. Серов // Летописцы родного края (очерки об исследователях истории Урала). – Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1990. – С. 3–6.
13. Усанов, В. И. Роль архивных документов в историографическом исследовании / В. И. Усанов // Документ. Архив. История. Современность: материалы науч.-практ. конф., посв. 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. 20-22 апреля 2000 г. Екатеринбург. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. Ч. 2. – С. 40–41.

Т. Ю. Пелькова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ОРГАНИЗАЦИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Реформа архивного дела, проводимая советской властью, началась в 1918 г. с Декрета Совета народных комиссаров «О реорганизации и централизации архивного дела», на основании которого архивы правительственных учреждений ликвидировались, а дела и документы должны были составить Единый государственный архивный фонд, куда поступали все дела и переписка правительственных учреждений, законченные к 25 октября 1917 г. [4, л. 1–2]. Для реализации первоочередных целей архивного строительства было создано Главное управление архивным делом, затем переименованное в Центральный архив РСФСР, а на местах – отделы Цен-

трархива. В 1919 г. утверждено положение «О губернских архивных фондах» [10, с. 14–15], в соответствии с которым определялся порядок назначения заведующего губернским архивным фондом, формирования при нем совета, на обсуждение которому выносились общие вопросы архивного строительства в губернии, сохранности и упорядочения архивных фондов, а в 1922 г. – «Временное положение о губернских (областных) архивных бюро» [10, с. 24–25], которые заменили местные отделы Центрархива. Это положение определяло подчиненность губернских и областных архивных бюро, регламентировало их основные функции и задачи, порядок содержания временного и постоянного штата сотрудников, особенности финансирования губернских архивных бюро. Большую помощь в руководстве работой местных архивов оказал бюллетень Центрархива. В нем печатались сообщения о деятельности центральных и местных архивов, распоряжения по архивному делу [3]. В 1921–1925 гг. архивные учреждения были созданы почти везде.

Губернский архив в городе Челябинске был образован по распоряжению Народного комиссариата просвещения РСФСР от 25 мая 1921 г. и постановлению коллегии Челябинского губернского отдела народного образования (далее – Губоно) от 22 сентября 1921 г. [5, л. 3]. На этом же заседании коллегии Губоно утвержден штат губархива в составе 4-х человек: заведующего, архивариуса, делопроизводителя и сторожа. Заведующим назначен Н. М. Чернавский [5, л. 3]. Но фактически губархив был открыт 1 октября 1921 г. в качестве подотдела при Губернском отделе народного образования. Несмотря на утвержденное штатное расписание, в октябре 1921 г. архив имел только двух сотрудников – заведующего и сторожа, в ноябре 1921 г. принят на работу архивариус В. Павпертов, проработавший совсем недолго по причине серьезной болезни [6, л. 86]. С 1 декабря 1921 г. в связи с общим сокращением штатов в губархиве остался только заведующий, выполнявший всю работу на первом этапе существования архива – до января 1922 г., когда губархив был закрыт.

Губархив возобновил свою деятельность в качестве самостоятельного отдела Центрархива РСФСР при Челябинском Губисполкоме в середине марта 1922 г. С этого времени начинается следующий этап в деятельности Челябинского губархива, продлившийся до 1 января 1923 г., когда архив был преобразован в Губернское архивное бюро при Губисполкоме, просуществовав в этом качестве до марта 1924 г. [6, л. 138]. Собственно в это время Челябинский архив в составе губернии закончил свое существование, так как в связи с районированием и образованием Челябинского округа Уральской области создано Челябинское окружное архивное бюро (Ок-рархив) [7, л. 52].

В начальный период деятельность губархива была направлена на организацию дела, проблемным оказался вопрос предоставления отдельного помещения для архива, решение которого заняло немало времени. В Губ-

коммуналдел был отправлен запрос о выделении двух-трех комнат для самого учреждения (одна из которых – для заведующего) и каменного полуподвала или склада для хранения архивов [6, л. 124], что было необходимо для выполнения задач, поставленных Центрархивом, по концентрации всех архивных фондов губернии. В числе первоочередных задач перед Челябинским губархивом стояли выявление и учет архивных фондов и создание для них единой центральной картотеки [6, л. 15]. В июле 1922 г. архиву было предоставлено помещение для актохранилища площадью в 35 кв. саж. на углу улиц Рабоче-Крестьянской (ныне – ул. Кирова) и К. Маркса, д. 56, а 5 сентября 1922 г. по договору аренды для Губархива выделено помещение в доме № 66 на углу ул. К. Маркса и Елькина общей площадью 38, 54 кв. саж. сроком на 3 года [5, л. 56–57]. Арендная плата составляла 16 руб. за 1 кв. саж. в месяц [5, л. 56–57].

Таким образом, только в июле 1922 г. губархив стал выполнять свою основную функцию – по приему и собиранию архивов для их хранения и систематизации, а также по выдаче разного рода справок. Помимо этого, в число задач губархива входила и научная разработка архивных материалов для изучения истории края и экономики. Решением этих задач первым занимался заведующий губархивом Н. М. Чернавский, им в 1922 г. были составлены историческая справка о первой школе в г. Челябинске (Малом Народном училище, существовавшем в 1789 – 1793 гг.) и реферат об основании одного из старейших железоделательных заводов – Авзяно-Петровского завода (1754 г.) [1].

В губархив должны были поступать дела всех учреждений губернии по истечении пяти лет со времени их окончания производством. За расхищение архивных дел и материалов виновные привлекались к судебной ответственности, дела и переписка не могли уничтожаться без санкции органов губархива. Передача архивных материалов представителям иностранных государств могла происходить только с предварительного разрешения Центрархива и Народного комиссариата иностранных дел [6, л. 72]. Выдача справок и копий документов частным лицам и организациям с 1 января 1922 г. осуществлялась на платной основе – 1 рубль (довоенный по объявленному курсу) за 1 лист, за каждый последующий – по 50 коп. [6, л. 10]. Полученные деньги должны были зачисляться в специальный фонд губернских отделов Центрархива на содержание штата сотрудников по выдаче справок. В задачи губархива также входили регулирование и контроль деятельности уездных архивов, для чего Н. М. Чернавским несколько раз публиковались в периодической печати инструкции и рекомендации по организации и ведению архивного дела о надлежащем исполнении декретов Совета народных комиссаров.

Формирование фонда губархива началось с принятия библиотеки бывшей Земской управы и обширного архива упраздненной Центрпечати. В июле 1922 г. были приняты 12 возов архивных дел упраздненной 171-й стрелковой бригады и разных воинских частей, затем еще несколько возов от

Губвоенкомата, Губотдела труда [6, л. 90–91], 5 пудов архивных дел из г. Троицка от 907-го Сводного лазарета, в октябре 1922 г. поступил из Губкоммунотдела архив бывшей Городской управы в количестве 50 возов [6, л. 124], находившийся в крайне хаотичном состоянии, главным образом, из-за бумажного кризиса 1920–21 гг., когда было разрешено изымать из дел для использования белые неисписанные листы. В 1923 г. поступали архивы Златоустовского нарсуда, Губродкома, Миасского золотопромышленного округа и др. В январе 1923 г. в актохранилище губернского архивного бюро числился 31 фонд [8, л. 8], а к концу этого года – уже 159 фондов [8, л. 122]. Сотрудники архива вынуждены были принимать дела в спешном порядке, особенно материалы ликвидированных учреждений и расформированных воинских частей. Упразднение множества прежних правительственных учреждений, создание новых, их последовательная спешная реорганизация внесли значительную дезорганизацию в положение архивных фондов [9]. Поступающие архивы находились в крайнем беспорядке, без описей, не были систематизированы, их привозили ящиками, тюками, мешками, возами, что создавало сотрудникам Челябинского архива огромные трудности, их работа состояла в разборке архивных дел, проведении их в порядок и внесении в картотеку. Многие фонды, поступающие в архив и подлежащие учету, были сильно разрушены еще и по причине несоблюдения необходимых мер предосторожности при перевозке [2]. На протяжении почти всего 1923 г. продолжалась разборка архивного фонда бывшей Челябинской городской управы.

Проанализировав историю создания архива в Челябинской губернии, можно сделать следующие выводы. В деятельности Челябинского архива за все время его существования в составе губернии можно выделить три этапа:

1) с 1 октября 1921 г. по январь 1922 г. – архив существовал в качестве отдела при Губернском отделе народного образования;

В период с января 1922 г. до середины марта 1922 г. архив был закрыт.

2) с середины марта 1922 г. по 1 января 1923 г. – архив являлся самостоятельным отделом Центрархива при Челябинском Губисполкоме;

3) с января 1923 г. до марта 1924 г. – губархив преобразован в губенское архивное бюро.

Несмотря на постановления центральной государственной власти и местных органов, один из основных вопросов сохранности фондов губернии – обеспечение его единым отдельным помещением, до июля 1922 г. оставался открытым. В связи с этим, а также недостаточностью финансирования, квалифицированных сотрудников выполнение основных задач архивом и исполнение декретов СНК оказались затруднительными, при этом деятельность губернского архива в Челябинске за 1922 г. Центрархивом была признана неудовлетворительной, причиной чего Центрархив несправедливо, на наш взгляд, называл деятельность заведующего Н. М. Чернавского: «Деятельность Челябинского губотдела Центрархива, как видно из отчетов за 1922

г., крайне неудовлетворительна. Ввиду сего Центрархив просит принять меры к понуждению т. Чернавского к более активной деятельности или же сместить его, назначив на его место более работоспособное лицо» [6, л. 84]. Наиболее плодотворным можно назвать третий период в деятельности архива губернии, когда в связи с большим количеством поступающих дел, укомплектованным штатом в составе 3-х квалифицированных сотрудников и обслуживающего персонала – сторожа, решенным вопросом о помещении и его обустройстве, архив максимально выполнял свои функции по приему и систематизации архивных дел, регистрации, генеральному учету, выдаче справок и научной разработке архивных материалов.

1. Архив – хранитель времени: История архивной службы Челябинской области в документах, воспоминаниях, фотографиях / под ред. А. П. Финадеева. – Челябинск: ЧПО «Книга», 2004. – С. 16.
2. Букин, А. Из истории архивного строительства на Урале / А. Букин / Архивное дело. – 1939. – № 3 (51). – С. 61.
3. Вяликов, В. И. Архивное строительство в РСФСР в 1917–1925 годах / И. В. Вяликов / Советские архивы. – 1968. – № 1. – С. 33.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. Р-25 – Челябинское губернское архивное бюро (губархбюро). Оп. 1 (1919–1925 гг.). Д. 1.
5. ОГАЧО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 3.
6. ОГАЧО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 4.
7. ОГАЧО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 12.
8. ОГАЧО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 15.
9. Пресняков, А. Е. Реформа архивного дела // Русский исторический журнал. Кн. 5. – 1918. – С. 209.
10. Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). – М., 1961.

В. В. Переверзев

Магнитогорский государственный университет

КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ 1962 г. В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Октябрь 1962 г. стал настоящим испытанием для Советского Союза и для всего коммунистического движения. В разгар Карибского кризиса, когда внимание всего мира было приковано к Кубе, в другой точке земного шара произошли военные столкновения между двумя крупнейшими азиатскими державами – Китаем и Индией. Ситуация осложнялась тем, что Пекин, входивший в социалистическое содружество, фактически выступил в качестве агрессора. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть реакцию советской периодической печати на китайско-индийский конфликт. Нами были проанализированы материалы двух ежедневных газет – центральной («Известия») и периферийной («Магнитогорский рабочий») за период с 25 октября 1962 г. по 5 марта 1963 г. Хронологические рамки обусловлены

тем, что именно в это время в прессе освещалась тема пограничного конфликта Китая и Индии. Выбор периодических изданий основан на общности их издателя. Обе газеты относились к советской (по издателю) периодической печати¹.

25 октября 1962 г. в «Известиях» появилась первая информация о столкновениях между Пекином и Дели. В этот день газета опубликовала Заявление правительства КНР от 24 октября. В нем говорилось о том, что инициатором конфликта являлась индийская сторона, которая «стала продвигаться вглубь территории Китая», создала несколько десятков опорных пунктов, провоцировала военные конфликты, которые 20 октября вылились в общее наступление. Вместе с тем, в документе утверждалось о желании КНР решить пограничный вопрос мирным путем, и выдвигались предложения по прекращению огня [1, с. 3]. Таким образом, руководство СССР через печать формировало у граждан согласие с трактовкой событий, содержащейся в Заявлении китайского правительства. После этого «Известия» две недели не публиковали материалы о китайско-индийском пограничном конфликте.

7 ноября 1962 г. «Известия» опубликовали текст доклада первого заместителя Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина, посвященного 45-й годовщине Октябрьской революции. Среди прочих вопросов он затронул проблему индийско-китайских отношений. Косыгин в частности указал, что советский народ испытывает сожаление по поводу конфликта между Пекином и Дели, который выгоден только империалистам. Доклад не содержал какой-либо информации о причинах и инициаторе конфликта. Его автор сделал акцент на выходе из ситуации, который виделся в прекращении огня и в проведении «на разумной основе переговоров между Индией и КНР» [2, с. 2].

Следующее упоминание об индийско-китайском столкновении содержится в номере «Известий» за 22 ноября. Центральное место в нем заняло Заявление правительства КНР от 21 ноября. По своему смыслу оно почти дословно повторяет предыдущее Заявление. Вся ответственность за военные действия была возложена на индийскую сторону, а китайская сторона изображалась поборником мира. Однако, в отличие от номера месячной давности в этом выпуске было помещено также Заявление индийского лидера Дж. Неру по поводу предложения КНР о прекращении огня. Это создавало определенный баланс и косвенно свидетельствовало о стремлении советского руководства не поддерживать ни одну из сторон конфликта [3, с. 5].

К концу ноября 1962 г. конфликт между Индией и Китаем вступил в дипломатическую фазу. В этой связи несколько увеличилось частота выхода материалов о нем в периодической печати. Так, 23 ноября «Известия» опубликовали сообщение из Пекина и Дели о том, что огонь на границе

¹ Советская периодическая печать – это периодические издания, издаваемые советскими официальными органами. Так, Издателем «Известий» был Верховный Совет и его Президиум, а издателем «Магнитогорского рабочего» наряду с Городским комитетом КПСС городской Совет трудящихся.

прекращен [4, с. 1]. 24 ноября это сообщение было перепечатано в «Магнитогорском рабочем». Оно стало первым упоминанием об индийско-китайском конфликте в этом периферийном издании [5, с. 4].

Далее газеты стали знакомить советских читателей с позициями лидеров стран-участниц конфликта. Так, 2 декабря «Известия» опубликовали отрывок из письма премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая Дж. Неру, в котором он предлагал провести новый раунд переговоров [6, с. 2]. 4 и 5 декабря «Известия» и «Магнитогорский рабочий» соответственно поместили ответ Дж. Неру китайскому коллеге. В нем он предлагал вернуться к статус-кво, существовавшему до 8 сентября 1962 г. 7 декабря центральное издание опубликовало отрывок с пресс-конференции Дж. Неру, в ходе которой он подтвердил факт отхода китайских войск из ряда пограничных районов [9, с. 2]. В дальнейшем сообщения газет «Известия» и «Магнитогорский рабочий», касавшиеся индийско-китайского конфликта, как правило, информировали читателей об отводе китайских войск и об обмене военнопленными. «Передача первой группы индийских военнопленных», «Отвод китайский пограничников», «Отвод китайских пограничных отрядов продолжается» «Отвод китайский войск» – это неполный перечень заглавий материалов, вышедших в газетах «Известия» и «Магнитогорский рабочий» в период декабря 1962 – февраля 1963 г.

Последним упоминанием о китайско-индийском пограничном конфликте 1963 г. стала публикация 5 марта 1963 г. в газете «Магнитогорский рабочий» ноты МИД КНР индийскому посольству, из которой следовало, что китайские войска завершили отход по всей пограничной линии [11, с. 4].

На фоне статей нейтрального характера явно выделяется текст доклада Н. С. Хрущева на сессии ВС СССР «Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза» от 12 декабря 1962 г., помещенный в выпуске «Известий» на следующий день и в «Магнитогорском рабочем» в номере за 14 декабря. Внимательный читатель мог заметить, что доклад содержал завуалированную, а местами и почти неприкрытую критику Китая. В частности, говоря об индийско-китайском конфликте, советский лидер заявил, что Китай начал военные действия со страной «вставшей на путь независимого развития и проводящей политику неприсоединения к блокам» [10, с. 4]. По мнению отечественного синоведа Б. Т. Кулика, о переходе Москвы к осуждению Пекина в индийском вопросе может также свидетельствовать реплика Н. С. Хрущева на этой же сессии ВС СССР о том, что военные действия не имели смысла, поскольку КНР все равно отводила войска на ту линию, на которой возник конфликт [13, с. 372]. Такая несдержанность первого секретаря ЦК КПСС была во многом обусловлена позицией Мао Цзэдуна во время Карибского кризиса. В этом вопросе, как отмечает китаевед Ю. М. Галенович, китайский лидер занял двуличную позицию. С одной стороны, официально он поддержал линию СССР, а с другой стороны, в беседах с представителями других стран называл доставку ракет на Кубу авантюризмом, а их вывоз под дав-

лением США – капитулянтством [12, с. 416]. Н. С. Хрущев на уже упомянутом заседании ВС СССР завуалированно указал на это: «Некоторые люди, когда сложились тяжелые условия для Кубы, ограничились только руганью. От крикливых заявлений империалистические силы не стали слабее, да и Кубе от этого вред ли легче» [10, с. 3].

Подводя итоги, необходимо отметить, что индийско-китайский пограничный конфликт 1962 г. не был обойден вниманием советской периодической печати. Однако почти все публикации в газетах «Известия» и «Магнитогорский рабочий» не были подробными. Их информативность оставляла желать лучшего, так как данному вопросу не было посвящено ни одной аналитической статьи, в которых авторы могли бы анализировать и оценивать происходящие события. Все материалы перепечатывались из ТАСС со ссылкой на китайские или индийские информационные агентства или на официальных лиц. Фактически читателям предоставлялась некоторая свобода в понимании и оценке пограничного инцидента 1962 г.

По своему характеру большинство материалов, посвященных китайско-индийскому конфликту 1962 г. в газетах «Известия» и «Магнитогорский рабочий» носили нейтральный характер. В первые дни конфликта была едва заметна прокитайская ориентация газетных публикаций. Это объяснимо сложнейшей международной обстановкой (Карибский кризис), в которой Советскому Союзу было необходимо хотя бы внешне создавать видимость монолитного единства коммунистического лагеря. В этой связи поддержка Поднебесной была для Москвы далеко не лишней. Поэтому, несмотря на дружественные отношения с Индией, советская пропаганда первоначально демонстрировала большую симпатию к Пекину. Но эта линия длилась недолго. С урегулированием Карибского кризиса советские публикации о конфликте стали нейтральными и даже критическими по отношению к КНР (доклад Н. С. Хрущева на сессии ВС СССР от 12 декабря). Пограничная война между азиатскими странами 1962 г. стала едва ли не первым открытым проявлением раскола в советско-китайских отношениях, который наметился еще в конце 1958–1959 гг. и проходил сначала в форме закрытой полемики между двумя компартиями.

1. Известия. – 1962. – 25 окт.
2. Известия. – 1962. – 7 ноября.
3. Известия. – 1962. – 22 ноября.
4. Известия. – 1962. – 23 ноября.
5. Магнитогорский рабочий. – 1962. – 24 ноября.
6. Известия. – 1962. – 2 дек.
7. Известия. – 1962. – 4 дек.
8. Магнитогорский рабочий. – 1962. – 5 дек.
9. Известия. – 1962. – 7 дек.
10. Известия. – 1962. – 13 дек.
11. Магнитогорский рабочий. – 1963. – 5 мар.

12. Галенович Ю. М. история взаимоотношений России и Китая. кн. 3 / Ю. М. Галенович. – М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011. – 464 с.
13. Кулик Б. Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия / Б. Т. Кулик. – М.: ИДВ РАН, 2000. – 640 с.

И. Г. Свичкарь

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ, ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сложность изучения проблем сохранения, охраны и защиты ИКН заключается, в первую очередь, в том, что этими проблемами занимается не одна самостоятельная наука, а как минимум, три: история, культурология и краеведение. К ним примыкают правоведение и искусствоведение. В связи с этим до сих пор не преодолено терминологическое разночтение одних и тех же понятий.

Обобщая изученные источники, попытаемся дать собственное определение понятию ИКН.

ИКН – это совокупность КЦ той или иной эпохи; то, что накоплено в обществе в области искусства, литературы, права.

При таком определении понятие ИКН фиксирует как бы «мгновенные срезы» состояния общества на определённый период.

Между тем отношение к культурно-историческому наследию не остаётся неизменным. Оно зависит от многих факторов: политических, экономических, идеологических и др. Отсюда проистекает необходимость рассматривать проблемы сохранения, охраны и защиты КЦ не в статике, а в динамике, как культурно-исторический процесс (КИП).

Дадим рабочее определение этого понятия:

КИП – процесс изменений, происходящих в отношении к сохранению, охране и защите ИКН под влиянием совокупности политических, экономических, идеологических факторов.

На том же примере выявляется существенная трудность: каковы критерии, позволяющие признать тот или иной предмет культурной ценностью (КЦ)? Например, культовое здание, независимо от того, используется ли оно или не используется по прямому назначению, может быть или не быть КЦ. Так обозначается сложнейшая проблема выделения из множества объектов, созданных в прошлом, необходимого и достаточного числа того, что достойно сохранения, охраны и защиты в качестве КЦ. Эта проблема имеет, по меньшей мере, два аспекта: теоретический и сугубо практический.

В теоретическом плане нужна разработка критериев для определения необходимости сохранения, охраны и защиты тех или иных КЦ, внесения их в общегосударственные, региональные или местные (локальные) реестры. Для этого в каждом отдельном случае подобная оценка требует комплексно-

го подхода, что, в свою очередь, предполагает объединения усилий специалистов высокого класса, достаточно компетентных для вынесения оценочных суждений (историков, культурологов, сотрудников архивов, музеев, искусствоведов и др.)

В практическом плане для вынесения решений о сохранении, охране и защите КЦ необходима достаточно разработанная правовая база, с одной стороны, и участие в проблеме сохранения КЦ государственных и общественных организаций, способных обеспечить сохранение, охрану и защиту КЦ материально, с другой стороны.

Что касается разработки теоретических проблем сохранения, охраны и защиты КИН, то до недавнего времени в основном накапливались фактологические изыскания и публицистические публикации-призывы сохранять культурные и природные объекты от разрушения и уничтожения. В советское время в работах краеведческого характера сохранение КЦ ценностей под давлением идеологического диктата рассматривалось в основном под углом зрения руководящей роли КПСС культурными процессами в стране. Проблемы сохранения КЦ обсуждались в основном с точки зрения использования их для пропаганды политики партии, то есть в целях коммунистического воспитания трудящихся. Доступ к работам дореволюционного периода и архивным документам был строго ограничен.

После XX съезда КПСС вышло немало краеведческих работ в регионах, в том числе и об Урале – о некоторых его городах и районах. В них основное внимание уделялось государственному и хозяйственному строительству, а о культурной жизни сообщалось бегло и неполно. Сведений о сохранении КИН сведений почти не было.

Начиная с 1960–70-х гг. изучение культурного строительства велось относительно более активно, но и в эти годы не появилось ни одного обобщающего труда.

В 1980–90-х гг. довольно большой материал можно было обнаружить в газетных и журнальных публикациях, где регулярно публиковались и комментировались отчёты и постановления местных государственных и партийных органов о развитии культуры, но стали появляться и работы, специально затрагивающие проблемы сохранения, охраны и защиты КИН.

В последние годы социально-политические преобразования в России повлекли за собой ситуацию, в которой механизмы политической поддержки культуры государством практически не работают, а новые ещё не сформировались. Следует отметить, что появилось большое количество отечественных работ, посвящённых проблемам сохранения, охраны и защиты КИН. Большая часть таких публикаций относится к состоянию дел в отдельных регионах.

Выход из положения наметился с созданием НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Особый вклад в разработку данной проблематики внесли Ю. Ф. Веденин, Т. А. Славина, Ю. Л. Мазуров, П. М. Шульгин, которые стояли у истоков создания НИИ культурного и

природного наследия им. Д.С. Лихачёва. На базе этого НИИ разработаны программы возрождения национального достояния, включающие развернутую систему мероприятий по выявлению, восстановлению, изучению, сохранению и использованию культурного и природного наследия.

1. Веденин, Ю. А. Формирование нового культурно-экологического подхода к сохранению наследия (в контексте истории создания Российского института культурного и природного наследия) // Экология культуры / Рос. НИИ культ. и природного наследия им. Д. С. Лихачева; сост. Ю. Л. Мазуров. – М., 2000. – С. 25–30.
2. Гуров, А. И. Культурные ценности / А. И. Гуров, В. Р. Горбачев. – М., 1983. – 198 с.
3. Данилина, Н. Р. Концепция развития систем охраняемых природных территорий в Российской Федерации. Проект / Н. Р. Данилина, В. Б. Степаницкий, В. А. Ясвин. – М., 2003.
4. Михайлова, Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века / Н. В. Михайлова. – М., 2001. – С. 10.
5. Полякова, М. Л. Охрана культурного наследия России / М. Л. Полякова. – М.: Союз – М, 2005. – 107 с.
6. Рыбаков, Б. А. История и перестройка / Б. А. Рыбаков. – М., 1989.
7. Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. М., 1994.

СЛОВО НАСТАВНИКА

А. Н. Терехов

Челябинская государственная академия культуры и искусств,
Музей Военно-морского флота МОУ СОШ № 147 г. Челябинск

«НАС В ПЕХОТУ СРАЖАТЬСЯ ПОСЛАЛИ...»

(Морские пехотинцы Челябинской области – Герои Советского Союза)

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. морские пехотинцы и бойцы морских стрелковых бригад показали особую стойкость и героизм при обороне Заполярья, в боях под Либавой, Таллином, на Моонзундских островах, полуострове Ханко, под Москвой и Ленинградом. Мужественно и героически дрались они за Одессу и Севастополь, Керчь и Новороссийск, в Сталинграде, стойко защищали Кавказ. В ходе Великой Отечественной войны морская пехота покрыла себя неувядаемой славой.

В период Великой Отечественной войны 180 морских пехотинцев удостоены звания Героя Советского Союза, а отважный командир отряда разведчиков морской пехоты капитан III ранга В. Н. Леонов стал дважды Героем. В славную плеяду морских пехотинцев – Героев Советского Союза вошли наши земляки И. И. Говорухин, И. С. Ельцов, В. Г. Зайцев, М. И. Кочетков, Г. С. Овчинников, И. С. Пьянзин.

Иван Ильич Говорухин (1920–1945) родился в селе Катенино Варненского района Челябинской области в семье крестьянина. Окончил семь классов. Работал трактористом. В 1940 г. призван в ВМФ. Проходил обучение в учебном отряде Черноморского флота. Служил телефонистом в стрелковых частях.

С апреля 1943 г. участвует в боях Великой Отечественной войны. Радист 384 отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота матрос И. И. Говорухин в составе десантного отряда под командованием старшего лейтенанта К. Ф. Ольшанского в ночь на 26 марта 1944 г. был высажен в тыл противника в порт г. Николаев. Десантники укрепились в четырехэтажном здании и в течение двух суток вели ожесточенные бои, отбив 18 атак противника и уничтожив 700 солдат и офицеров. Но кольцо окружения сжималось. Уже разрушены все этажи. Моряки продолжали вести огонь из подвала. И. И. Говорухин постоянно держал связь с кораблем. Последними словами его были: «Спустились в подвал, но продолжаем сражаться». В 19-й атаке фашисты применили отравляющие вещества. Чтобы скрыть следы своего преступления, они сожгли из огнеметов трупы погибших воинов. Звание Героя Советского Союза присвоено 20 апреля 1945 г. посмертно. Похоронен в братской могиле в сквере 68 десантников в г. Николаев. В их честь названа улица, воздвигнут памятник, открыт музей боевой славы моряков-десантников. Именем И. И. Говорухина названа школа в его родном селе и улица в с. Варна.

Иван Семенович Ельцов (1910–1944) родился в г. Омске в семье рабочего. После службы в армии в 1931 г. приехал в Верхний Уфалей. Работал в паросиловом хозяйстве, нормировщиком железнодорожного цеха никелевого завода. В 1940 г. поступил в военное училище и успешно его закончил. С августа 1941 г. участвует в боях Великой Отечественной войны. Командир стрелковой роты 16 отдельного батальона морской пехоты капитан И. С. Ельцов отличился при форсировании Днестровского лимана в районе с. Чигиры Сухие. 23 августа 1944 г. в районе с. Бени (ныне Полевое) с боем провел свою роту в тыл противника, захватив большое количество техники, подвод и пленных. Всего за период 22-26 августа 1944 г. ротой было захвачено 2 танка, 11 пушек, до 200 подвод, около 150 автомашин, до 50 лошадей, уничтожено до 2 тыс. чел. противника. В дальнейшем И. С. Ельцов участвовал в боях за Черноводы (Румыния), Варну и Бургас (Болгария), Буда (Венгрия).

И. С. Ельцов был смертельно ранен в боях под Будапештом. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 г. посмертно. Похоронен в г. Будафок (пригород г. Будапешта). Именем И. С. Ельцова названа улица в г. Верхнем Уфалее, на здании никелевого комбината установлена мемориальная доска. По Днепровскому лиману курсирует теплоход «Герой Иван Ельцов».

Василий Григорьевич Зайцев (1915–1991) родился в селе Еленинском Агаповского района Челябинской области в крестьянской семье. Работал на строительстве Магнитки. Окончил семь классов вечерней школы и курсы бухгалтеров. В 1936 г. призван в ВМФ. До 1942 г. служил на одном из кораблей Тихоокеанского флота. С сентября 1942 г. участвует в боях Великой Отечественной войны. Снайпер 1047 стрелкового полка 284 стрелковой дивизии 62 армии младший лейтенант В. Г. Зайцев за период с 10 октября по 17 декабря 1942 г. в уличных боях за Сталинград уничтожил

225 немецких солдат и офицеров. Снайперское мастерство В. Г. Зайцева и его учеников наносило огромный урон врагу. Всего за период Сталинградской битвы он уничтожил 242 фашиста, а подготовленные им 28 отличных снайперов убили 1106 солдат и офицеров противника. Фашистское командование было обеспокоено.

Из Берлина на самолете специально для охоты на «главного зайца» был доставлен руководитель школы немецких снайперов майор Кенигс. В дуэли, завязавшейся между двумя снайперами, победителем вышел В. Г. Зайцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 ноября 1943 г. В. Г. Зайцеву принадлежат слова, ставшие клятвой защитников Сталинграда: «За Волгой земли для нас нет!»

После войны В. Г. Зайцев жил в Киеве. Работал директором Киевского машиностроительного завода. Возглавлял швейную фабрику, а затем техникум легкой промышленности. Его именем назван теплоход на Днепре. Подвигам В. Г. Зайцева посвящены фильмы «Ангелы смерти» (Россия, 1992, режиссер Ю. Н. Озеров, в главной роли Ф. Бондарчук) и «Враг у ворот» (США, 2001, режиссер Жан-Жак Анно, в главной роли Джуд Лоу).

Михаил Иванович Кочетков (1910–2000) родился в селе Варламово Чебаркульского района Челябинской области в семье крестьянина. Окончил среднюю школу. Работал пионервожатым, зав. отделом Чебаркульского райкома комсомола. С 1937 г. по путевке комсомола направлен на Тихоокеанский флот, служил в морской пехоте. В 1944 г. сдал экзамены на командира стрелкового взвода.

В период войны против милитаристской Японии в августе 1945 г. зам. командира по политчасти 355 отдельного батальона морской пехоты первого эшелона десанта М. И. Кочетков высадился в порт Сейсин. Заменил погибшего командира роты и организовал оборону занятого участка. Под командованием М. И. Кочеткова морские пехотинцы двое суток сдерживали натиск превосходящих сил врага. Только за одну ночь они отразили 16 атак противника. На рассвете японцы, собрав большие силы, перешли в решительное наступление. Капитан М. И. Кочетков контратаковал. Завязался рукопашный бой. Натиск морских пехотинцев был настолько яростным, что враг не выдержал и прекратил атаки. На склонах высоты было уничтожено около 500 японских солдат и офицеров.

Звание Героя Советского Союза присвоено 14 сентября 1945 г.

М. И. Кочетков служил в ВМФ до 1957 г. Уволен в запас в звании полковника. После войны полковник в отставке М. И. Кочетков жил в Севастополе.

Григорий Семенович Овчинников (1898–1943) родился в селе Осиповка Бирского района в Башкирии. Участвовал в I мировой и гражданской войнах. Жил в Златоусте, работал на металлургическом заводе. В 1932–1933 гг. учился в рабочем университете Сталинградского тракторного завода. С 1939 г. работал в заготконторе Волжского объединения речного пароходства. С ноября

1941 г. участвует в боях Великой Отечественной войны. Парторг роты 81-й отдельной морской стрелковой бригады 18-й армии Северо-Кавказского фронта рядовой Г. С. Овчинников в бою за высоту северо-восточнее г. Новороссийска Краснодарского края 25 июля 1943 г. заменил погибшего командира взвода и повел бойцов в атаку. В критический момент боя своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота и ценой жизни способствовал выполнению боевого задания подразделения.

Звание Героя Советского Союза присвоено 16 мая 1944 г. посмертно.

Имя Г. С. Овчинникова присвоено пассажирскому теплоходу Черноморского пароходства и улице в г. Бирске. Мемориальная доска установлена на здание школы в селе Осиновка.

Иван Степанович Пьянзин (1919–1942) родился в селе Великопетровка Карталинского района Челябинской области в крестьянской семье. Закончил Верхнеуральский сельскохозяйственный техникум. В 1938 г. призван в ВМФ. Окончил по первому разряду Севастопольское военное училище зенитной артиллерии в 1940 г. С июня 1941 г. участвует в боях Великой Отечественной войны. Командир 365-й зенитной батареи 1 дивизиона 61-го зенитного полка ПВО Черноморского флота старший лейтенант И. С. Пьянзин умело управлял своим подразделением в бою. Его батарея, находясь на северной окраине Севастополя, сбила 11 самолетов противника. В июне 1942 г. личный состав батареи в течение 3 суток вел бой вблизи разъезда Мекензиевы Горы. Батарея оказалась в окружении, но защитники продолжали сражаться. Они вели огонь из винтовок, автоматов, пулеметов, в ход пошли гранаты. Когда к командующему пункту прорвался танк, И. С. Пьянзин из противотанкового ружья в упор подбил его. Два других уничтожили лейтенант Пустынцев и рядовой Колотков. Но силы были слишком неравны. Гитлеровцы ворвались на командный пункт и тогда тяжело раненный командир батареи И. С. Пьянзин вызвал огонь на себя. Он передал командиру дивизиона: «Отбиваться нечем. Все пушки и люди вышли из строя. Открывайте огонь по моему командному пункту. Здесь много фашистов. Прощайте, товарищи!» На подступах к батарее было уничтожено более 500 фашистов.

Звание Героя Советского Союза присвоено 24 июня 1942 г. посмертно. Имя И. С. Пьянзина навечно занесено в списки личного состава зенитного полка. В память о нем в Севастополе установлен обелиск. В городах Карталы и Верхнеуральск есть улицы имени И. С. Пьянзина. Его имя присвоено школам в Карталах и селе Великопетровка.

Навсегда останутся примером мужества, стойкости и отваги морские пехотинцы-южноуральцы, удостоенные высокого звания Героя Советского Союза.

1. Абрамов, Е. П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941–1945 / Е. П. Абрамов. – СПб, 2005.
2. Камалов, Х. Х. Морская пехота в боях за Родину / Х. Х. Камалов. – М., 1983.
3. Морская пехота. 1705–2005. Фотоальбом, посвященный 300-летию морской пехоты России. – М., 2005.

4. Моряки-южноуральцы – Герои Советского Союза // Орлиная молодость флота. Морской краеведческий сборник. – Челябинск, 2008.
5. Ушаков, А. П. Во имя Родины. Рассказы о челябинцах – Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы / А. П. Ушаков. – Челябинск, 2004.
6. Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск, 2004.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Н. С. Федоров

Дистанционный центр ЧОУ ВПО «Южноуральский институт управления и экономики» в г. Магнитогорске; МОУ ДОД ДЮЦ «ЭГО»

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ
ОБЩЕСТВ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА
ЮЖНОУРАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

В последние годы в России резко возрос интерес к проблемам изучения истории родного края. Очевидно, что краеведение – насущная необходимость, и диктуется она потребностями общества в создании условий для становления гражданина, воспитании гражданина. Самую значительную роль в развитии научного интереса к родному краю играет Научное общество учащихся. Деятельность НОУ способствует выявлению наиболее одаренных учащихся в разных областях науки; расширению кругозора учащихся в различных областях знания; развитию у школьников познавательной активности и творческих способностей; воспитанию интереса к познанию мира, углубленному изучению дисциплин; содействует профессиональному самоопределению учащихся. Краеведческая проблематика ученических исследований всегда имела свою специфику, так как многие объекты, как правило, являются малоизученными. Особенно история отдельных населённых пунктов, предприятий, учреждений, памятников культуры, что создаёт большие возможности для успешной поисково-исследовательской работы учащихся [5; л. 2].

В ходе деятельности нашего НОУ накоплен значительный материал как по истории края и южноуральского старообрядчества, так и по методике организации краеведческой деятельности в рамках НОУ, в том числе и по истории старообрядчества региона. В центре «Эго» сложилась система краеведческой деятельности, охватывающая многие виды обучения. Это, прежде всего, экскурсионная поисковая и деятельность, сотрудничество коллектива МОУ ДОД ДЮЦ «Эго» со специалистами вузов города и области. Прежде всего, с сотрудниками кафедр истории Челябинской государственной академии культуры и искусств, истории и социологии Магнитогорского государственного технического университета, истории России и истории древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета [1, л. 2; 2, л. 2].

Исследовательская деятельность способствует зарождению интереса к истории родного края, а благодаря спецкурсам «История Южного Урала» и «Старообрядчество Южного Урала» с организацией исследовательской

работы учащихся» обладают первичными навыками исследовательской краеведческой работы.

Деятельность школьной краеведческой секции регламентируется нормативными документами: «Положением о НОУ» и «Положением об ученической исследовательской работе» [3; 4]. Деятельность секции осуществляется согласно циклограмме и ежегодному планированию.

Следует подчеркнуть, что выбор темы исследования происходит с учётом индивидуальных особенностей учащихся: степени изученности и актуальности темы; возможности доступа к источникам, интересами участников, базовым уровнем подготовки в области гуманитарных и общественных наук.

В свою очередь, определение степени изученности той или иной темы предполагает хорошее знание руководителем научных исследований ученых и краеведческих работ, состоянием развития краеведения на данном этапе. Этому способствуют наличие краеведческих отделов библиотек города и области, активное участие в краеведческих мероприятиях, проводимых в регионе вузами, учебными заведениями и библиотеками города, работа с литературой на сайте Российской государственной библиотеки [1, л.2; 2, л.2].

Особо следует отметить наличие доступа к историческим документам. Бесспорно, приоритетным условием качественного выполнения исследовательской работы является работа в архивах. Именно здесь учащийся может познать чудо открытия, первым из исследователей взять в руки какой-нибудь интереснейший документ. Причём помимо научной пользы в этом заложен колоссальный воспитательный эффект. Архивы Москвы, Санкт-Петербурга, Магнитогорска, Челябинска, Златоуста, Миасса, Уфы, Оренбурга и Екатеринбурга хранят бесценные свидетельства прошлого, в том числе материалы по истории старообрядчества. Без возможности работы в архивах трудно надеяться на положительный результат в исследовании. Мы выражаем искреннюю признательность всем сотрудникам архивов, которые нам помогали в научных изысканиях. Работая с документами, сидя за соседними столами с известными учёными и краеведами, школьники осознают важность своей исследовательской деятельности, стараются перенимать их опыт [1, л. 2; 2, л. 2].

Однако, сухие архивные документы серьезно дополняют данные «полевых» экспедиций, в результате которых фонды научного общества учащихся пополнились разнообразными материалами, в том числе археографическими [1, л. 2; 2, л. 2].

После того как проработана литература к теме, изучены, отобраны и проанализированы документы, собраны (при необходимости) устные исторические свидетельства, проведены социологические исследования, на свет появляется итог кропотливой деятельности учащихся – исследование, вписывающее новую страницу в историю края.

Контрольным показателем работы наших воспитанников служат конкурсы и конференции НОУ, на которых наши воспитанники демонстрируют свои научные достижения. Подтверждением тому служит перечень

тем, над которыми работали учащиеся школы и многочисленные дипломы победителей и призеров научных конференций и краеведческих конкурсов всероссийского, регионального и местного уровней [5].

Показателями качества работы педагога с учеником служат достижения воспитанника. Чтобы ребенок мог стать настоящим краеведом и исследователем, нужно пройти немало этапов научного пути. При подготовке детей к участию в научных конференциях следует отметить некоторые критерии, определяющие допуск на тот или иной уровень.

Самым первым этапом служат конференции внутри учреждения. Они позволяют «обкатать» учащегося, морально подготовив к городской конференции, выявить недостатки в исследовательской работе и выступлении воспитанника.

Второй этап – апробация на конференциях и конкурсах местного уровня. Нужно отметить, что замечания экспертов не всегда бывают компетентны. Особенно, если оценивают работы не профильные специалисты-историки. Тем не менее, все замечания подвергаются всестороннему анализу.

В третьем этапе следует уровень конференций и конкурсов регионального уровня. Учитывая, что, как правило, они проводятся за пределами города, а то и региона (а это требует определенных денежных средств, которых в системе образования не так много), мы выставляем только хорошо подготовленных членов НОУ, имеющих опыт публичного выступления в ходе мероприятий первого и второго этапов, с всесторонне обсужденной научно-исследовательской работой.

В четвертом этапе отметим уровень конференций и конкурсов всероссийского уровня. Обычно они проводятся за пределами региона (а это требует значительных денежных средств). Поэтому мы выставляем только призеров третьего этапа [4].

В завершении публикации мы благодарим всех, кто оказал значительную помощь коллективу юных исследователей НОУ МОУ ДОД ДЮЦ «ЭГО» г. Магнитогорска при подготовке исследовательских работ: заведующего кафедрой истории Челябинской государственной академии культуры и искусств, доктора исторических наук, профессора В.С. Толстикова, доцента кафедры истории России, кандидата исторических наук В.П. Полева, доцента кафедры истории древнего мира и средних веков, кандидата исторических наук И.Р. Атнагулова и других.

1. Отчет педагога Федорова Н. С. администрации МОУ ДОД ДЮЦ «ЭГО» за 2010–2011 учебный год // текущий архив МОУ ДОД ДЮЦ «ЭГО» (г. Магнитогорск)
2. Отчет педагога Федорова Н. С. администрации МОУ ДОД ДЮЦ «ЭГО» за 2011–2012 учебный год // текущий архив МОУ ДОД ДЮЦ «ЭГО» (г. Магнитогорск)
3. Положение о НОУ // текущий архив МОУ ДОД ДЮЦ «ЭГО» (г. Магнитогорск)
4. Положением об ученической исследовательской работе // Текущий архив МОУ ДОД ДЮЦ «ЭГО» (г. Магнитогорск)
5. Учебное планирование педагога Федорова Н. С. За 2012–2013 гг. // Текущий архив МОУ ДОД ДЮЦ «ЭГО» (г. Магнитогорск)

А. Ю. Фурсова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТВОРЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ ТЕАТРОВ КУКОЛ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 70-80-х гг. XX ВЕКА

В системе советских художественных и педагогических учреждений театр кукол занял особое место, которое определялось в первую очередь идейной значимостью и тематическим многообразием его репертуара. Роль детских и юношеских театров во многом расценивалась властью как дидактический инструмент формирования определенного типа мировоззрения, социализации личности. В традиционную деятельность театров кукол интегрируются идеи и опыт гуманистической педагогики и психологии, что придавало творческому процессу общения со зрителем социокультурную направленность. Возникает специальная драматургия. Для театров кукол писали Н. Маршак, Е. Шварц, А. Бруштейн, Н. Боровков, А. Веселов, В. Маслов, М. Супонин и др.

В 1960–1970-е гг. властью инициируется создание разветвленной сети детских театров по всей стране. По данным Госплана СССР в течение 20 лет (с 1960 по 1980 гг.) в Российской Федерации численность театров кукол должна была вырасти на 54,2 %, т.е. более чем в 2,2 раза. В соответствии с этим, требовалось перестроить систему подготовки творческих кадров, чтобы ежегодный прирост специалистов с высшим и средним специальным образованием в сфере театрального искусства составлял не менее 4,5% и 9,6% соответственно [1, с. 17].

В 1959 г. по инициативе главного режиссера Ленинградского Большого театра кукол, заслуженного деятеля искусств России М. М. Королева в Ленинградском театральном институте, впервые в русской высшей театральной школе, началось обучение актеров для профессиональных театров кукол. Начиная с 1963–1964 учебного года, расширяется подготовка творческих кадров для детских театров на режиссерских факультетах Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского, Ленинградского института театра, музыки и кинематографии; значительно увеличивается контингент приема абитуриентов. Организуется специальная подготовка художников для театров кукол в Высшем художественно-промышленном училище. В театральных училищах вводится специализация «актер театра кукол». С 1964–1965 учебного года в Московском художественно-техническом училище были созданы группы по подготовке бутафоров и скульпторов для детских театров. В целом, становление и совершенствование подготовки специалистов в области кукольного искусства в 1970–1980-е гг. стали исключительным периодом в советской системе профессионального образования.

На Южном Урале в исследуемый период развитию кукольных театров был дан новый импульс. Общим для всех театральных коллективов явлением стало установление непосредственных творческих связей с ведущими режиссерами, художниками и актерами известных в стране и за рубежом кукольных театров.

К середине 1970-х гг. обновленческая волна захлестнула детские театры Южного Урала. В 1972 г. выпускники Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК), режиссер Виктор Шрайман и художник Марк Борнштейн создают театр кукол в г. Магнитогорске. В 1974 г. в Курганский областной театр кукол на должность главного художника из г. Ленинграда приезжает Марк Моттис, а затем выпускники ЛГИТМиКа во главе с известным режиссером Михаилом Хусидом. На пост главного режиссера Челябинского областного театра кукол в 1977 г. был приглашен Валерий Вольховский. В это время начался активный поиск новых возможностей в сфере технических и художественно-выразительных средств, связанных с методом проблемного изложения, психологизацией театрального действия, использованием разнообразных приемов открытой игры «живого» плана. Для решения столь сложных художественных задач требовались профессионально подготовленные актерские кадры.

Однако, доля исполнителей, имеющих специальную подготовку, в некоторых театральных коллективах была низкой. Так, из 11 человек творческого персонала Курганского театра кукол только 1 прошел обучение в музыкальной студии, остальные имели общее среднее образование, в том числе 2 человека имели высшую и первую категории [2, с. 10]. Руководители Магнитогорского театра кукол «Буратино» также столкнулись с проблемой комплектования труппы. Творческое ядро составляли выпускники Ленинградского театрального института и Горьковского театрального училища, но первый сезон выявил нехватку молодых актеров и профессиональную разобщенность коллектива.

В 1970-х гг. меняется внутреннее штатное расписание театров кукол. Образец 40–50-х гг. комплектования труппы более не актуален. С развитием собственной драматургии режиссеры уходят от постановки микроспектаклей, в которых могли быть задействованы 3–5 актеров. Театры переходят на новые условия работы с 2 творческими группами. Это позволило работать не только на стационаре, но и проводить выездные и гастрольные мероприятия по области, и за ее пределами, обслуживать большее количество маленьких зрителей. Например, театр «Буратино» в 1974 г. осуществил набор актеров во вторую группу за счет молодых специалистов, окончивших Свердловское, Оренбургское и Горьковское театральные училища. С 1975 г. по 1985 г. общее количество мероприятий, проведенных театром в год, возросло с 763 до 809; количество обслуженных зрителей – со 181,3 тыс. чел. до 206,7 тыс. чел. [3, с. 2, 4, 7].

Наряду с проблемой подбора актерских кадров не менее остро стоял вопрос комплектования цехов детских театров художественно-техническим персоналом: инженерами-механизаторами, художниками-скульпторами театров кукол, швеями, бутафорами-декораторами, костюмерами. Некоторые из этих редких профессий нельзя было получить в специальных учебных заведениях, они предполагали самостоятельное овладение мастерством конструирования кукол и организации сценического пространства. Театры, которые не имели возможности изготавливать кукол, декорации, ограничивались наполовину укомплектованным штатом художественно-технического персонала, вынуждены были подбирать репертуар в зависимости от имеющегося комплекта кукол, сценического реквизита, что в некоторой степени ограничивало художественные возможности спектакля. Эта проблема в конце 1970-х гг. была полностью решена.

В течение 1970-х гг. на Южном Урале происходит становление системы подготовки и повышения квалификации творческих кадров. В театрах организуется профессиональная учеба молодых актеров. Регулярно проводились занятия по вокалу, сценической речи, сценическому движению, орфоэпии. В штатное расписание театров вводится должность педагога. Под руководством главного режиссера Оренбургского областного театра кукол Р. Б. Ренца, была создана первая на Южном Урале Государственная театральная студия по подготовке актеров-кукольников (1964 г.) с трехгодичным курсом обучения. В 1970-е гг. в г. Оренбурге проводились всероссийские семинары драматургов и режиссеров театров кукол. На базе Челябинского и Магнитогорского театров кукол проходили стажировку художники и режиссеры различных театров, практику – студенты Харьковского театрального института и ЛГИТМиК. В 1979 г. в этих театрах работала лаборатория режиссеров и художников театров кукол Урала и Западной Сибири (творческая мастерская авангардистов-кукольников). В рамках творческих лабораторий были представлены экспериментальные работы художников, скульпторов в области изготовления кукол, фиксирующие техническую практику многих кукольных театров страны. С 1975 г. художники-бутафоры проходили дополнительное обучение на курсах при Центральном институте повышения квалификации руководящих и творческих работников в г. Москве. В Челябинском, Оренбургском и Курганском музыкальных училищах, учитывая дополнительную потребность в кадрах, организуется набор учащихся на отделение «театральное искусство» с углубленным изучением специальности «актер театра кукол». Общий контингент обучающихся составлял от 8 до 15 человек. Постановление Совета Министров РСФСР «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию театрального искусства в РСФСР» от 11 марта 1981 г. № 138 закрепило практику целевых наборов в высшие учебные заведения искусства для театральных коллективов, наиболее остро нуждающихся в специалистах.

Развитие методики профессионального обучения актерских кадров для театров кукол в специальных учебных заведениях, повышение роли экспери-

мента в практической деятельности, стало определяющим моментом в раскрытии творческого потенциала артистических коллективов. Театры кукол Южного Урала были известны и узнаваемы в стране и за рубежом. Например, театр В. Вольховского представлял искусство театров кукол Советского Союза на международном фестивале в Шарлевиль-Мезьере (Франция) и стал его лауреатом. В 1975 г. на III Международном конкурсе артистов-солистов театров кукол в ПНР, артисты Магнитогорского театра «Буратино» Е. Терлецкий и Л. Клюкина стали лауреатами и призерами Международного конкурса. В 1980 г. театр вновь становится призером на конкурсе в Польше (г.Бельско-Бялы), в 1982 г. – лауреатом международного конкурса, проходившего во Франции. Театр «Буратино» был участником 9 фестивалей в СССР. Артисты театра гастролировали в Польше, Германии, США, Франции, Японии, Италии. В 1983 г. театр становится коллективным членом UNIMA (Международный союз деятелей театра кукол), а его художественный руководитель В. Шрайман – персональным членом этого союза.

Таким образом, формирование и развитие художественных ансамблей театров кукол в 1970–1980-е гг. являло собой уникальный эксперимент поиска и реализации непрерывного совершенствования творческого уровня, профессиональных качеств всех категорий театральных работников. Этот период можно уверенно назвать триумфом зачинателей идеи профессиональной подготовки специалистов для театра кукол. Достаточно упомянуть фамилии режиссёров – В. Вольховский, Р. Виндерман, А. Тучков, В. Шрайман, художников – М. Борнштейн, Е. Луценко (знаменитая «уральская зона»). Пять фестивалей театров кукол Уральской зоны (1973, 1975, 1979, 1982, 1985) на долгие годы определили планку искусства российских театров.

1. РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 661.

2. ГУ ГАКО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 13.

3. МУ МГА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 53. Л. 48; Д. 4.

4. Среднее специальное образование. / Сб. основных постановлений, приказов и инструкций.

Ч. 1. – М.: Высшая школа, 1983.

Е. В. Шуляк

Ханты-Мансийская государственная медицинская академия

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И СЛУЖБА ЗЕМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА – АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

История повседневности является в настоящее время отраслью исторической науки, вызывающей немалый интерес у исследователей прошлого нашей Родины. Особого внимания при этом заслуживает повседневная жизнь людей во время, связанное с переменами в жизни российского об-

щества. В 60-х годах XIX века началась его модернизация, постепенно трансформировалось и общественное сознание. Именно в этот период активизировалась общественная деятельность российского студенчества и разночинной интеллигенции, начал формироваться слой земской интеллигенции, так называемый «третий элемент».

Земская медицина возникла в губерниях России в связи с учреждением органов земского самоуправления. Так как земский медицинский персонал не состоял на государственной службе, а служил в земстве по вольному найму, его труд и повседневная жизнь, в целом, существенно отличалась от труда и повседневной жизни врачей и фельдшеров различных министерств и ведомств России, а также вольнопрактикующих специалистов.

В связи с этим особый интерес для исследования представляют такие аспекты профессиональной деятельности земских врачей и фельдшеров, как мотивы поступления на земскую службу, отказ от карьерного роста. Большинство земских врачей, акушеров и фельдшеров трудились в сёлах различных губерний России, проживая, чаще всего, в крестьянских избах, где отсутствовал всякий комфорт и нередко возникали проблемы с отоплением и освещением. Земские врачи, проживающие в сёлах, всецело были заняты своей службой и не имели возможности заняться частной практикой в целях улучшения своего материального положения. Оказывая медицинскую помощь населению, они вступали в контакт с людьми, принадлежащим к различным социальным стратам, и часто находились в состоянии высокого эмоционального напряжения, так как даже в ситуациях, требующих совета коллег, оказывались в полном одиночестве.

Земские фельдшеры не всегда обладали необходимыми профессиональными знаниями и навыками, так как немалая их доля обучалась при военных лазаретах, а не в специальных образовательных учреждениях. Земская медицина функционировала в условиях дефицита кадров и ресурсов. Земский медицинский персонал находился в полном распоряжении земских управ, они же определяли круг его обязанностей. По этой причине между земцами и врачами возникали недопонимание и конфликты. Земские врачи являлись врачами-универсалами, должны были оказывать терапевтическую, педиатрическую, хирургическую и другие виды медицинской помощи. Кроме того, они занимались санитарно-профилактической и медико-статистической деятельностью, выполняли санитарно-гигиенические исследования местности, на территории которой трудились. Все эти аспекты труда и повседневной жизни земского медицинского персонала требуют серьезного исследования и глубокого научного анализа.

Раздел III

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МУЗЫКОЗНАНИЯ

Е. В. Ванина

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ВЁРДЖИНЕЛЬНАЯ МУЗЫКА В СВЕТЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОРГАННОЙ И ЛЮТНЕВОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ

Существование благоприятных условий в английском обществе конца XVI – начала XVII веков, покровительство и поддержка музыкантов, способствовали активному развитию клавирной музыки и исполнительства. Это время дало миру ряд выдающихся композиторов-вёрджинелистов. Их школа заявила о себе задолго до того, как начали складываться творческие клавирные школы других стран.

Вёрджинел приобретает большое значение в музыкальной жизни Англии и становится серьезным соперником лютни и органа, пользующихся в это время огромной популярностью в музыкальных кругах. Уже в середине XV века возникает несоответствие между исполнительскими потребностями и потенциальными возможностями этих инструментов. По мере усложнения репертуара для лютни, музыкантам стало всё труднее избегать и преодолевать технические трудности, что начало тормозить развитие предназначавшейся для неё музыки. В свою очередь, как пишет П. Зимин, «...орган считался весьма громоздким, неуклюжим и неудобным инструментом, окруженным некоторым ореолом редкости, недоступности и непостижимости для масс» [1, с. 21].

Едва ли не главную роль в изменении сложившейся ситуации сыграло инструментальное изобретательство. Создатели инструментов были озадачены поисками новых конструктивных и технических параметров. В результате применения клавишного устройства к струнным инструментам появился вёрджинел, отвечающий этим новым требованиям и обладающий более широкими возможностями, чем лютня.

Официальный помпезный церковный орган и домашняя интимная лютня – антиподы и в социальном назначении, и в способах игры на них, и в репертуаре, который создавался для этих инструментов. Вёрджинел занял промежуточное положение между ними, сохранив преемственность с органной и лютневой исполнительской традицией.

Обладая компактным размером и небольшой силой звука, вёрджинел был по преимуществу камерным инструментом. Поэтому, как и лютня, стал особенно востребован в условиях английского домашнего быта. Их сближает и способ звукоизвлечения – щипок струны, и характер звучания: нежный деликатный, хорошо сочетающийся со струнными инструментами и человеческим голосом. Вёрджинелисты многое восприняли от лютневого музицирования, перенеся в свое исполнительское искусство приёмы лютневой игры и некоторые приемы композиции. В фактуре вёрджинельных пьес можно встретить типичные приемы лютневой фактуры: гаммообразные фигурации, имитации коротких мотивов, типичную для лютни двух или трехголосную фигурационную ткань с частым паузированием, обусловленным спецификой инструмента, а именно коротким звуком и трудностью звукоизвлечения. Однако лютня, благодаря своему устройству, была мало пригодной для исполнения сложных полифонических сочинений с самостоятельным ведением голосов. Наиболее естественно на этом инструменте звучала одноголосная мелодия с аккордовым сопровождением.

Вёрджинел имел существенные преимущества перед лютней, в частности легкость звукоизвлечения, относительно устойчивый строй, более широкий диапазон. Все эти качества открывали просторы для творческого экспериментирования в поисках новой виртуозности. Композиторы оказались свободны в выборе смелых контрапунктических сочетаний и имитаций, различных видов фигурации, развитой и подвижной инструментальной мелодики. Новые приемы исполнительства, в свою очередь, способствовали расцвету таких жанров как вариации и фантазии.

Большой орган утвердился в церковном обиходе. Его репертуар на данный момент был тесно связан с хоровым пением, что способствовало активному развитию в органной музыке полифонического письма.

Как указывает Н. А. Копчевский, в светском искусстве орган бытует в виде небольших переносных инструментов – позитива, портатива и регалля. Ещё в эпоху раннего Возрождения эти небольшие органы были весьма распространены в домашнем и придворном любительском музицировании (особенно ансамблевом). Однако при такой игре исполнители зачастую испытывали специфические неудобства, например, им приходилось играть одной рукой, а другой – накачивать мехи [2, с. 9].

Простота игры и универсальность клавишно-струнных инструментов – в частности вёрджинела – позволили им в течение короткого времени почти полностью вытеснить орган из домашнего музицирования.

В вёрджинельных пьесах проявляются некоторые особенности фактуры, свойственные органному искусству: возможность исполнения гомофонных и сложных полифонических сочетаний с самостоятельным ведением голосов, некоторые приемы колорирования.

Клавишный механизм и широкий звуковой диапазон, сближающие вёрджинел и орган, первоначально стирали различия между спецификой

исполнения на этих инструментах. Музыканты писали свои сочинения таким образом, что они могли по желанию исполняться на любом из них.

На первых порах нотные вёрджинельные сборники содержали переложения вокальных многоголосных произведений и специфически инструментальные прелюдии и токкаты, заимствованные из репертуара для органа, а также танцевальные пьесы, созданные для лютни. Но с формированием собственно вёрджинельной школы появляется множество пьес, отвечающих специфическим особенностям нового инструмента, в частности программные миниатюры и разнообразные вариации.

В отличие от лютневой и органной музыкальной традиции конца XVI и XVII веков, вёрджинельная музыка «преодолевают» жанровую и репертуарную ограниченность. Бурное развитие практики концертирования на вёрджинеле способствовало эволюции композиторского мышления и существенному преобразованию исполнительского стиля.

-
1. Зимин, П. Н. История фортепиано и его предшественников / П. Н. Зимин. – М.: «Музыка», 1968. – 215 с.
 2. Копчевский, Н. А. Клавирная музыка: Вопросы исполнения / Н. А. Копчевский. – М.: «Музыка», 1986. – 96 с.

И. А. Евсикова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

**МУЗЫКАЛЬНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ
ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ 1950–1959 гг.
О ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МАГНИТОГОРСКОЙ ХОРОВОЙ КАПЕЛЛЫ**

На Южном Урале культура малых городов была своеобразным зеркалом социально-исторических процессов развития общества, отражающим дух времени, его внутренний и творческий потенциал. Сегодня особенно важен процесс переосмысления журналистских музыкально-критических материалов и введение в научный оборот новых текстов о культурной жизни провинциальных городов, так как изменились социально-культурные парадигмы и расширились возможности информационного пространства. Журналистские материалы зачастую являются единственными источниками информации о культурных событиях и по причинам старения требуют своевременного активного привлечения периодики в историческую реконструкцию музыкально-художественных процессов. «Стало очевидным – отмечает А. В. Украинская, подчеркивая актуальность процесса – что для создания фундаментального исследования, прослеживающего все основные закономерности развития и функционирования современной отечественной журналистики, необходимо в полной мере

опираться на материалы местной печати» [8, с. 123]. Современное понимание «старого» выдвигает задачу переосмысления и переоценки культурных процессов прошлого. Необходимость выявить влияние музыкально-критических статей о творческой работе хоровой капеллы Магнитогорска на процессы формирования художественно-эстетических критериев и повышения культурного уровня горожан и стала целью данной статьи.

Общегородская газета «Магнитогорский рабочий»¹, наиболее близкая к читательской аудитории, всегда учитывала особенности социальных и профессиональных групп, анализировала общие проблемы, близкие читателям. В период 1950–1959 гг. городская пресса освещала большинство значимых событий культуры: постановки спектаклей, концерты выдающихся исполнителей и хоровых коллективов страны, творческие биографии композиторов, смотры художественной самодеятельности, рождение новых творческих коллективов...

Именно газета стала «летописцем» творческого, профессионального роста и концертной деятельности хоровой капеллы², рассказывая горожанам о планах концертных выступлений и творческих успехах. Это были небольшие аналитические заметки, анонсы концертов, отзывы и отчеты о выступлениях.

О периоде становления И. Макаров отмечает: « Прошло пять лет. Для капеллы это были годы упорной учебы, кропотливой, серьезной работы по совершенствованию певческого мастерства. Появлялись первые солисты. Энтузиасты хорового искусства со свойственным молодости дерзновением брались за исполнение сложных классических произведений. Творческий рост капеллы сказался в содержательности репертуара, в музыкальной монолитности, в чувстве стиля исполняемых песен»³ [6].

Репертуар капеллы постоянно расширялся: в 1950 году слушателям была представлена литературно-музыкальная композиция по опере Ж. Бизе «Кармен», раскрывшая большой потенциал коллектива. Показателен профессиональный рост коллектива: в 1953 году поставлены отрывки из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка», в 1954–1955 гг. – сцены из оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» и «Иван Сусанин», 1956 – отрывки из опер М. П. Мусоргского «Борис Годунов», «Сорочинская ярмарка».

Редакция газеты часто информировала читателей о творческих планах хорового коллектива. Рассказывая о новом начинании художественного руководителя А. Ф. Гололобов⁴: «В этом году, – сказал С. Г. Эйдинов, – коллектив хоровой капеллы стремится полнее удовлетворить возросшие запросы тру-

¹ Первый номер газеты вышел 1 января 1930 года.

² Капелла создана в 1945 году; художественный руководитель С. Г. Эйдинов. Первый концерт состоялся 17 марта.

³ Пропагандируя лучшие образцы русской музыкально-песенной культуры, капелла часто выступала во Дворце культуры металлургов, в музыкальном училище, в рабочих клубах и учебных заведениях города, выезжала на гастроли по Челябинской области.

⁴ А. Ф. Гололобов редактор газеты «Магнитогорский рабочий», заместители: А. В. Кожевников, Д. И. Каганис, ответственный редактор И. М. Лященко.

дящихся. Нами впервые будет проводиться открытый лекторий для трудящихся города, так называемые «Музыкальные понедельники». Они включают в себя 10 лекций-концертов. Мы познакомим наших слушателей с памятником мировой оперной драматургии – оперой М. И. Глинки «Иван Сусанин», с камерным творчеством гения русской музыкальной культуры П. И. Чайковского, с творчеством композитора Дмитрия Кабалевского и т. д.» [2].

Начиная с 1956 года, хоровая капелла принимала участие в работе лекториев для учащихся ремесленных училищ, школ фабрично-заводского обучения, студентов институтов (был выпущен специальный абонемент)¹, для рабочих металлургического комбината, для студентов музыкального училища в 1958 году организован цикл концертов «музыкальные субботы». Благодаря «неутомимому пропагандисту» С. Г. Эйдинову расширился и репертуар капеллы и к 1959 году состоял из 500 произведений.

В 1959 году на отчетном концерте (впервые в стране) капелла представила слушателям одно из труднейших произведений Л. Керубини «Реквием». Музыковед Т. Корзинникова отмечает: «Прошедший концерт показал возросшую культуру не только исполнителей, но и слушателей, о чем свидетельствует восторженный прием реквиема. После неоднократных вызовов исполнители вынуждены были повторить одну из частей произведения»² [4].

Популяризировала капелла и сочинения местных композиторов. В отчетном концерте к 12-летию хора была исполнена сюита Г. А. Любовицкого. «Отчетный концерт капеллы, – подчеркивает М. Хлесткина³, – вызвал большой интерес у магнитогорцев. Представляющий сам по себе значительное явление в музыкальной жизни города, этот концерт был замечателен еще и тем, что в нем впервые должна быть исполнена сюита «Урал – земля могучая», написанная магнитогорским композитором Г. А. Любовицким на слова местной поэтессы Н. Кондратовской. <...> Она проникнута торжеством, гордостью за свой край. То широкая и напевная, то мягкая, лирическая, то задорно-частушечная, музыка сюиты связана с уральскими напевами. Сюита – большое творческое событие. Это произведение может явиться благодарным материалом для многих коллективов художественной самодеятельности. Оно свидетельствует и о том, что Магнитогорск располагает значительными творческими силами, которые следует всячески поддерживать и впредь развивать их инициативу [9].

В рубриках «по нашему городу» и «дневник искусств» в 1959 году появляются статьи о гастролях коллектива в городах страны: Москве, Горьком, Уфе, Куйбышеве, Перми, Свердловске, городах Челябинской области.

¹ В 1958 году начал работу «Молодежный университет культуры», в 1959 году – «Народный университет культуры». В программу включены циклы бесед «Как слушать и понимать музыку», концерты-монографии о великих русских композиторах.

² Реквием Л. Керубини прозвучал в Большом зале Московской консерватории 9 января 1959 г. Москвичи высоко оценили творческую смелость певцов Магнитки.

³ Хлесткина М. – преподаватель магнитогорского музыкального училища, музыковед.

В интервью газете художественный руководитель капеллы подчеркивает: «Когда мы вспоминаем все подробности нашей поездки, теплые слова и пожелания – мы чувствуем себя вполне вознагражденными за тот большой труд, долгие творческие поиски, за все волнения и беспокойства. Внимание к нашему искусству, которое мы неизменно чувствовали, выступая в концертных залах республики, рождает у нас еще большее желание работать упорно, шире пропагандировать музыку в родной Магнитке» [3].

Представляется важным отметить те изменения, которые произошли в культуре Магнитогорска в 1950-е годы. В первую очередь ярко проявился процесс формирования общекультурного уровня граждан, их художественно-творческих вкусов. Большая работа по популяризации музыки хоровой капеллой выявила потребность и обусловила тяготение слушателей именно к академическому направлению в музыке. Формированию особого информационного пространства в культуре города способствовали газетные музыкально-критические статьи, которые стали мощным средством воздействия при создании социально-культурной панорамы города. «Искусство и критика, – отмечает Л. С. Генина, – естественные спутники реального мира. У них своя атмосфера, свои притяжения, свои полюса. <...> Надо восстанавливать в правах истинные критерии искусства. Ценность таких материалов не только в фиксации самих событий, но и в создании устойчивого резонанса на концертную деятельность, отраженного в критических оценках достижений и проблем, в выявлении талантливых имен» [1, с. 50].

Материальная, духовная и художественная деятельность человека представляют собой культурный процесс и, отражаясь в газетных материалах, становятся «документами» ушедших пониманий. Существовая со своей системой символических форм и знаковых структур, эти изменения становятся и «миром воплощённых ценностей». «Музыкальная критика, как часть музыкальной культуры – отмечает Е. В. Секотова – становится инициативной «силой» в процессе взаимодействия с различными подсистемами и элементами этой культуры» [7].

1. Генина, Л. С. Музыка и критика: контакты-контрасты / Л. С. Генина. – М.: Совет. композитор, 1978. – 262 с.
2. Гололобов, А. Ф. На очередной «среде» «Магнитогорского рабочего» / А. Ф. Гололобов // Магнитогорский рабочий. – 1953. – 25 сент. – № 188. – С. 4. (Газета).
3. Кондаков, А. А. По концертным залам республики» / А. А. Кондаков // Магнитогорский рабочий. – 1959. – 7 апр. – № 66. – С. 4. (Газета).
4. Кондратковская, Н. Урал – земля могучая / Н. Кондратковская // Магнитогорский рабочий. – 1957. – 12 апреля. – № 136. – С. 3. (Газета).
5. Корзинникова, Т. Реквием Керубини / Т. Корзинникова // Магнитогорский рабочий. – 1959. – 11 марта. – № 49. – С. 4. (Газета).
6. Макаров, И. Магнитогорская хоровая капелла / И. Макаров // Магнитогорский рабочий. – 1950. – 29 марта. – № 63. – С. 4. (Газета).
7. Секотова, Е. В. Культурно-образовательный потенциал отечественной музыкально-критической мысли середины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. культурологии / Е. В. Секотова. – Саранск, 2008. – 195 с.

8. Украинская, А. В. Современная музыкальная критика и её влияние на отечественную культуру: дисс. канд. искусствоведения / А. В. Украинская. – Воронеж, 2006.; С. 123.
9. Хлесткина, М. Урал – земля могучая / М. Хлесткина // Магнитогорский рабочий. – 1957. – 12 апр. – № 73. – С. 3. (Газета).

Е. П. Коростина

Челябинская государственная академия культуры и искусств

КОНЦЕПТУАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДУХОВНО-ХОРОВЫХ СОЧИНЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ХОРОВОГО НАСЛЕДИЯ С. З. ТРУБАЧЕВА

Творчество современного композитора Сергея Зосимовича Трубачева (1919–1995) остается малоизученной страницей в русле отечественного музыкознания. Симфонический дирижер, педагог, музыкальный теоретик, духовный композитор – он внес вклад в дело отечественной хоровой музыки как автор песнопений, выделяющихся на общем фоне современных духовных сочинений особым чутким отношением к воплощению церковной традиции. Его музыка всегда узнаваема, и примечательно то, что в свете многолетней полемики относительно соответствия критерию церковности тех или иных песнопений современных авторов, сочинения С. З. Трубачева органично вписываются в богослужебный репертуар, поскольку не нарушают стилистического единства и способствуют созданию молитвенного настроения.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить целесообразность употребления понятия «концепт» при подходе к анализу хоровой, в частности, духовной музыки на примере сочинений С. З. Трубачева. Рассмотрим применение данного понятия в сфере музыкального анализа. Своим происхождением термин обязан латинскому *conceptio* (понимание, система) и употребляется для обозначения генерального замысла, руководящей идеи. Концепт трактуется как определенный способ понимания (трактовки, восприятия) какого-либо предмета, явления или процесса, основная точка зрения на предмет.

В музыковедении концепт является составляющей целостного анализа, выраженной в триаде «интонация-образ-концепция» [5], охватывающей явления различных масштабов – микро, мезо и макро. Составляющие триады могут группироваться в различной последовательности в зависимости от целей и приоритетов исследования. Основы метода целостного анализа были заложены в трудах русских музыкальных эстетиков В. В. Стасова, А. Н. Серова, а также писавших о музыке композиторов Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского. Обязательным условием данного метода было изучение образного содержания, опиравшегося иногда на конкретное выразительное средство: мотив, фразу или интонацию. В результате совмещения музыкально-теоретической (интонация) и эсте-

тической (образ) единиц выявлен третий параметр – концепция, выполняющий генерализующую, руководящую роль при анализе музыкальных сочинений.

В основе методологического концепта, предлагаемого В. А. Цуккерманом, находится идея о сближении прикладных знаний в области теории музыки, теоретического музыкознания и музыкальной эстетики. Им обнаружены подвижно-пластичные связи музыкальной науки и эстетики, в которых выделяются различные виды целостного анализа: «восходящий» (от восприятия к анализу), «выходящий» (от анализа к обобщающему эстетическому охвату) и «нисходящий» – от эстетики к фактам [6].

Различные виды музыкально-теоретического анализа (интонационный, мотивный, образно-тематический, ладово-ритмический, гармонический, метроритмический, матричный (мелодико-гармонический), фактурный, полифонический, жанровый, анализ музыкальных форм) объединяет общая цель: выявление качественного своеобразия музыкального произведения, его генетических истоков и строения. Концептуалистический подход способствует целостному осмыслению микроэлементов произведения в их интегративной совокупности. Следовательно, концепт может трактоваться как своеобразное средоточие генерального замысла, как руководящая идея для систематического освещения предмета. Концепт также может быть представлен как комплекс взглядов, система путей решения выбранной задачи, которой в данном случае является разработка подхода к аналитическому музыковедческому рассмотрению духовно-хорового творчества С. З. Трубачева.

Богослужебная музыка написана С. З. Трубачевым в период с 1980 г. (переезд из г. Москвы на постоянное место жительства в г. Сергиев Посад) по 1995 г. Это время отмечено появлением как авторских песнопений, так и многочисленных гармонизаций монастырских и древних церковных распевок. В одном из интервью игумен Андроник (сын композитора) подтверждает, что С. З. Трубачев до 1980 года не занимался сочинением духовной музыки [1]. Созданные в течение 15 лет данного периода сочинения Трубачева охватывают множество жанров, входящих в церковный богослужебный круг, которые могут быть обобщены посредством двух крупных категорий – переложение и сочинение, одинаково широко и художественно полноценно представленные в музыкальном каталоге композитора. Преломление индивидуального авторского подхода сквозь призму церковного канона, нашло отражение в принципах С. З. Трубачева при работе с распевом-первообразом и выражено в приоритетном отношении к мелодии, в подчинении у которой находятся выбор гармонического сопровождения, ладовые, ритмические, формообразующие принципы.

Особый звуковой колорит хоровых сочинений и переложений достигается благодаря приверженности автора к диатонике, главенству смыслового содержания над музыкальным материалом (который, ни мало не теряя от этого, раскрывается во всем многообразии для выражения догматики церковных

песнопений), а также гибкому варьированию хорового состава – от унисона до шестиголосия. Каждое сочинение уникально и неповторимо по нахождению способа объединения аспектов, относящих его к разряду богослужебных песнопений и индивидуальных черт авторского мастерства композитора.

С. З. Трубачев был убежден в том, что «содержание и форма в песнопении неотделимы. И воспринимая напев, мы воспринимаем слова, рождающие напев» [8, с. 606–607].

Рассмотрим одно из сочинений композитора – «Тропарь воскресен глас 3, гармонизация Греческого распева, в редакции для смешанного и мужского хора» [9, с. 54]. Основу песнопения составляет гласовый обиходный распев, подразумевающий деление текста тропаря на фразы по смысловому признаку. В распространенном сегодня в большинстве православных храмов напеве третьего гласа построение мелодических фраз определяется формулой: 1-ая фраза, 2-я, снова 1-я, вводная фраза, 1-я фраза и т.д. до заключительной фразы (АВАСА.....F). Трубачев выстраивает фразовую последовательность иначе: после 1-ой фразы, начальной, следует 2-я, но в отличие от обиходного варианта, отмеченного нисходящим мелодическим движением, эта фраза торжественна и величественна, благодаря восходящему терцовому (у басов – октавному) ходу в начале и довольно продолжительному нахождению хора в достаточно высоком, ярком регистре. Чередование фраз у Трубачева происходит следующим образом: 1-ая, 2-я, 3-я (в отличие от мажорной, восходящей вводной обиходной у автора она нисходящая минорная), 1-я, 2-я, вводная, 2-я варьированная (кульминационная), и заключительная, более развернутая в сравнении с обиходом (АВСАВDB1F). Композитор, сохраняя основные черты напева, в большей степени руководствуется стремлением подчеркнуть выразительную глубину словесного текста. Семантически светлая тональность C-dur (до-мажор) не случайна, поскольку в церковно-певческой исполнительской традиции именно она способствует наиболее яркой празднично-колористической выразительности, особенно в торжественных моментах богослужения. В тексте тропаря повествуется о главнейшем событии церковной истории – Воскресении из мертвых Господа Иисуса Христа. Наряду с основной тональностью встречаются кратковременные отклонения в параллельный минор, характерные для национальной певческой культуры.

В варианте, предлагаемом к исполнению смешанному хору, используется большой исполнительский состав: сопрано и тенора *divizi*, басовая партия в местах, требующих весомой основы, подразделяется на первых и вторых басов. Несмотря на отсутствие хроматики и сложных созвучий, песнопение требует от исполнителей высокой профессиональной квалификации, поскольку рассчитано на большое хоровое дыхание, выверенный ансамбль и четкий строй хоровых партий. Ключевой является фраза «По пра смертью смерть» (оригинальный церковно-славянский текст), в которой сосредоточена суть христианского догмата о Воскресении. При худо-

жественно-исполнительском анализе уместно счесть эту фразу кульминацией песнопения. Первая фраза «Да веселятся Небесная» повествует о бесплотных ангелах, и звучание хорового унисона близко к знаменному распеву, более уместному для характеристики горнего мира. Следующая фраза «да радуются земная» отражает состояние сферы земного бытия, эмоции духовно ликующего и веселящегося человечества. Единство небесного и земного миров, полярных, но совместно охваченных радостными чувствами, весьма точно передается в музыке данного тропаря.

В варианте для мужского хора ни тональность, ни мелодическая линия не претерпевают изменений. Более часто, в сравнении с вариантом для смешанного хора, встречается унисон, из которого постепенно разрастается 4-голосная хоровая ткань, что весьма выразительно звучит именно в исполнении однородным составом, подразумевающим довольно плотную хоровую фактуру. Будучи знатоком специфики церковного пения, С. З. Трубачев не использовал крайних высоких и низких нот, все хоровые партии изложены в рабочем диапазоне, поскольку композитор учитывал, что многочасовое богослужение требует большой выносливости и сил от исполнителей, поэтому для достижения величия употребил арсенал средств, не выходящих за границы возможностей человеческого голоса.

Не вдаваясь более в подробности результатов частного анализа духовных сочинений С. З. Трубачева, отметим присущую им близость интонациям знаменного распева. Характеризуя мелодику распева, В. Н. Холопова употребляет термин «равнинность», уподобляя плавные подъемы и спады мелодии с колыханьем колосьев на русской равнине, и рассматривая этот термин как фактор, повлиявший на сплошной характер музыкальных форм без расчленения четкими ритмическими остановками в конце строк [10, с. 186]. Мотивы сочинений С. З. Трубачева обнаруживают интонационную близость попевок знаменного распева, широта мелодического дыхания которого наряду с протяженными линиями, способствовавшими гибкому и свободному распеванию текста, позволили Л. А. Рапацкой говорить о рождении особой «русской кантилены» [7, с. 34]. В исследовании Г. В. Григорьевой, посвященном русской хоровой музыке, отмечается «присущая хоровому звучанию темброфоничность», порождающая «особые формы кантиленности». Именно темброфоничность способствовала сохранению сущностной основы хоровой музыки, приспособляя «смену стилистических систем к звучанию хора» [2, с. 13]. Чистый и проникновенный колорит звучания хоровых партитур обусловлен строгим диатоническим складом с предпочтением плаговых оборотов автентическим, что в целом характерно для национальной музыкальной традиции. Н. С. Гуляницкая считает диатонические тональные структуры «благодатной почвой для приложения индивидуальных авторских черт, производящей богатство стилистического разнообразия с целью раскрытия духовных глубин текста» [4, с. 474]. В духовно-хоровом творчестве С. З. Трубачева удалось убедительно интерпретиро-

вать церковную традицию, сохранив при этом внутреннюю энергию, соответствующую духу православного богослужения.

Обобщение стилистических черт, полученных посредством частного анализа, позволяет считать целесообразным употребление понятия «концепт» при подходе к анализу духовных сочинений. Характеризуя вклад С. З. Трубачева в сокровищницу русской музыки, следует отметить уникальность сочетания позиции композитора-творца с древнейшей традицией духовных песнопений. Канонические устои не сковывают и не ограничивают проявления творческой индивидуальности автора. В целом, духовные сочинения С. З. Трубачева, составляющие основу его композиторского творчества, при тщательном рассмотрении могут быть представлены как наиболее весомая часть современной духовно-музыкальной литературы. «Наследуя принципы, идущие как от древнерусских напевов, так и приемов их обработки, претворяя достижения блестящей плеяды московской композиторской школы, С. Трубачев осуществил <...> связь времен и внес свой многотрудный вклад в дело возрождения духовной культуры России» [3, с. 292].

1. Беседа с игуменом Андроником (Трубачевым) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regentlib.orthodoxy.ru/stat1.htm>.
2. Григорьева, Г. В. Русская хоровая музыка 1970–1980-х годов / Г. В. Григорьева. – М.: Музыка, 1991. – 80 с., нот.
3. Гуляницкая, Н. С. Поэтика музыкальной композиции: теоретические аспекты русской духовной музыки XX века / Н. С. Гуляницкая. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 432 с.
4. Гуляницкая, Н. С. Эволюция тональной системы в начале века / Н. С. Гуляницкая // Русская музыка и XX век: Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века: сб. науч. тр.: Редактор-составитель М. Арановский. – М.: Гос. Институт искусствознания. – 1998. – 874 с. – С. 460 – 486.
5. Консон, Г. Р. Целостный анализ как универсальный метод научного познания художественных текстов (на материале музыкального искусства [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02: защищена 20.09.2010 / Г. Р. Консон. – Режим доступа: http://dibase.ru/article/20092010_konsongr/3
6. Мазель, Л. А. Анализ музыкальных произведений / Л. А. Мазель, В. А. Цуккерман. – М.: Музыка, 1967. – 752 с.
7. Рапацкая, Л. А. История русской музыки: От Древней Руси до «серебряного века»: учебн. для студ. пед. высш. учеб. заведений / Л. А. Рапацкая. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 384 с.: ноты.
8. Трубачев, Сергей (диакон) Избранное: статьи и исследование / Сергей Трубачев диакон; сост. игумен Андроник (Трубачев), М. С. Трубачева, О. С. Никитина. – М.: Прогресс-Плеяда, 2005. – 720 с., ил.
9. Трубачев, Сергей (диакон) Полное собрание богослужебных песнопений: в 2 т.. Т. 1 / Сергей Трубачев (диакон); сост., авт. примеч, вступ. ст. диак. Михаил Асмус, Н. С. Асмус. – М.: Живоносный Источник, 2007. – 300 с.: ил.
10. Холопова, В. Н. Формы музыкальных произведений / В. Н. Холопова. – СПб, 2001. – 367 с.

Т. И. Котикова

Белгородский государственный институт искусств и культуры

«ДИХОТОМИЯ СМЫСЛОВ» КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В. ГАВРИЛИНА

На современном этапе нам представляется актуальным обратиться к творчеству В. А. Гаврилина, поскольку возникла насущная потребность преодолеть сложившуюся по отношению к нему исследовательскую инерцию, как к традиционалисту-почвеннику, приверженцу неофольклорной волны (в учебной литературе об отечественной музыке XX века чаще всего он так и представлен).

По нашему мнению, его авторский метод, представляет собой сложную систему координат, построенную на смысловых оппозициях (дихотомиях смыслов), складывающихся в единый многоуровневый стилиевой комплекс. Под дихотомией мы подразумеваем бинарные антиномичные явления в области стиля, топографии, культурологических, цивилизационных и семантических моделей, определивших многослойность художественных текстов произведений В. Гаврилина (применительно к музыкальному тексту, говоря о его многомерности, мы ссылаемся на известную работу Ю. Лотмана [1, с. 427]). Творческий мир композитора, при внешней монолитности стиля и семантической определённости авторской позиции, выходит за рамки почвеннической идеологии. Так в художественном мышлении В. Гаврилина нами были выделены следующие смысловые оппозиции:

- 1) Восток – Запад (цивилизационный);
- 2) национальное – инонациональное;
- 3) архаическое (мифологическое) – современное;
- 4) высокохудожественное (духовное) – низовое (банальное, вульгарное);
- 5) провинциальное (крестьянское) – столичное (слободское).

Образуя сложную многомерную систему, имеющую сквозные смысловые линии в творчестве композитора, многие дихотомии имеют проекцию в эпохальном сочинении «Перезвоны».

В «Перезвонах» нашли отражения важнейшие смысловые оппозиции творчества композитора, такие как:

– европейское – национальное (диалог с баховскими «страстями» [2, с. 191], где Гаврилин дает своего рода «житие» главного героя, раскаявшегося разбойника, чья душа встречается с божественным началом, также, с произведением немецкого мастера гаврилинское сочинение роднит присутствие выраженной авторской позиции («Дудочка»), с элементом монодрамы);

– реальное – мифологическое (картины современной России, каторжной и механистической с фольклорно-мифологическими символами, такими как река – она же грань между бытием и небытием [3, с. 341], она же – путь

(№ 12 «Матка-река»), проекции образов смерти и отпевания, масленичных игр (№ 9 «Страшенная баба»), встреча с первопредком, ангелом (тембр дисканта, № 12 «Матка река»), категории «пространства» [3, с. 340], где окраины – чуждые опасные территории (крайние – №1 «Весело на душе» и № 13 «Дорога»), а родное знакомое – в центре (с № 3 «Ерунда» до № 12);

– возвышенное – низменное (мотив о «Голубиной книге», текст поучения Владимира Мономаха – и кандалный тракт бредущих каторжников, мечтающих о водке и доступных женщинах, № 13 «Дорога»).

В «Перезвонах» нашли отражение и сложившиеся ранее интонационно-звуковые маркеры, такие как:

– звонность (колокольность), начиная со второй «Немецкой тетради», «Вечерки» и «Скоморохов», в «Перезвонах» – № 8 «Скажи, скажи, голубчик»;

– девербализированные приемы вокализации (на распевание гласных звуков или слогов) – «Русская тетрадь», «Вечерок», в «Перезвонах» – № 5 «Тири-ри», № 7 «Вечерняя музыка»;

– глиссандирования;

– говорок, выдержанность в речевой манере.

Особую смысловую и символическую роль в «Перезвонах» играет интермедия «Дудочка» (соло гобоя), символически прозвучав семь раз (сакральное число, «седьмое небо» в фольклоре). Появившись впервые после № 2 «Смерть разбойника», она воплощает безгласный призыв освободившейся от телесных оков души. Появляется эта инструментальная интермедия регулярно до №8 «Скажи, скажи, голубчик», а затем перед № 13 «Дорога», образуя блочную композицию из пяти номеров с 8-го по 12-й, где душа умершего переживает катарсис, совершая переход в иной мир.

Таким образом, «Перезвоны» складываются в сложнейшую этико-философскую концепцию о бытии человека, в сознании которого на пороге ухода в иную реальность в ретроспективе оцениваются, и подчас переоцениваются, этические и моральные императивы. Создается эпическая картина макро- и микромира, в котором особое место занимают картины детства и юности с их неиспорченным и незамутненным восприятием жизни. В данном контексте привычно трактуемое исследователями как сугубо «почвенное», традиционное начало, обретает в «Перезвонах» проекцию общечеловеческого, глобального. Именно в симфонии-действе удивительным образом взаимодействуют и переплетаются основные смысловые оппозиции, составившие основу алгоритма художественного мышления В. Гаврилина.

1. Лотман, Ю. Текст в тексте // Ю. Лотман. Об искусстве. – СПб: «Искусство», 1998. – С. 423–436.
2. Мещерякова, Н. «Иоанн Дамаскин» Танеева и «Перезвоны»: диалог на расстоянии века // Музыкальная академия. – 2000. – № 1. – С. 190–195.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – Т. 1. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. – 672 с.

О. В. Кузьмина

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПРОБЛЕМЫ НОТАЦИИ В МУЗЫКЕ ДЛЯ ГИТАРЫ

В конце XX в. заметно возрос интерес к гитарной музыке у профессиональных композиторов и исполнителей, желающих расширить свой репертуар с помощью оригинальных сочинений и переложений. В результате чего гитарный репертуар качественно обогатился. Многие композиторы стремились открыть новые возможности гитары, выискивая красочные приемы игры, открывая новые тембры (иногда ради имитации звуков других инструментов), что приводило к очень интересным звуковым результатам. Этот процесс шел параллельно в разных странах на протяжении нескольких лет и привел к тому, что гитарная музыка оказалась перенасыщенной новыми приемами и их графическими отображениями. Такое переполнение графическими знаками вызвало значительные изменения в нотном тексте.

Большинство доступных нам школ и самоучителей игры на гитаре, а также нескольких методических разработок [1–5; 7–8; 10] описывают, к сожалению, лишь избранные из традиционных приемов, графика которых представлена несколько однобоко и зависит от того, к какой школе и стране принадлежит автор. Современные приемы игры на гитаре и соответствующая им графика вообще не раскрыта в методической литературе для гитары, поэтому гитаристам приходится опираться на сноски, приведенные внизу или в конце, чтобы понять, как играть новый прием.

В настоящее время для гитарной школы остро назрел вопрос в унифицировании системы нотных обозначений, так как отсутствие таковой создает дополнительные сложности при чтении и оформлении нотного текста. Сегодня есть две проблемы, затрудняющие чтение нотного текста:

1. Обозначение одинаковых приемов игры различной графикой. Это связано с тем, что из-за активного развития тембро-красочного компонента в музыкальном искусстве, композиторы разных стран почти одновременно изобретают новые приемы игры и, соответственно, каждый придумывает свою графическую фиксацию. Примером может служить «пиццикато Бартока», имеющего более двадцати видов обозначений. Также можно продолжить список приемами «баррэ» и «флажолетов», имеющими не менее 6 видов обозначений.

2. Вторая проблема связана с тем, что одинаковые знаки могут читаться по-разному и даже совершенно противоположно друг другу. Нередкий случай, когда одна графика фиксирует разные приемы игры в одном произведении, а композитор поясняет прием непосредственно в нотном тексте, либо дает сноску. Это делает нотацию достаточно громоздкой и плохо читаемой. Если представить, что данное произведение исполняется с листа,

то задача исполнителя усложняется в несколько раз. Примером могут служить многочисленные обозначения крестиком (так называемая икс-нота, «х»), означающие с одной стороны, звуки неопределенной звуковысотности, а с другой стороны, всевозможные удары по различным частям инструмента и струнам. Для обозначения мест удара некоторые композиторы (Л. Брауэр, Ф. Клейнманс, В. Козлов) часто используют рисунок. Такое оригинальное обозначение вполне могло бы закрепиться в современной литературе для гитары.

Проанализировав часть нотной и методической литературы для гитары, можно сделать вывод, что графика приемов для этого инструмента далеко не совершенна и требует пояснений, а пособий по унифицированию графики приемов крайне мало. Для инструментов симфонического оркестра профессиональными композиторами и музыковедами уже создано ряд работ по унифицированию системы обозначений и проблемам нотации в современной музыке: Супонева Г. И. «Проблемы нотации в музыке XX века», Кузьмин А. Р. «Нотация в музыке XX века», Секретова Л. А. «Техники композиции в музыке XX века» и другие. Однако уже сегодня существует огромное количество нотных образцов, в которых добавляется новая для нас информация. Существует масса зарубежных изданий, которые для нас пока недоступны и ждет своих исследователей. Все это говорит в пользу того, что существующие работы по унифицированию системы нотных обозначений для гитары будут пополняться новыми сведениями и издаваться.

1. Агафшин, П. Школа игры на шестиструнной гитаре / П. Агафшин. – Изд. 6-е. – М., 1987. – 208 с.
2. Вещицкий, П. Самоучитель игры на шестиструнной гитаре / П. Вещицкий. – М.: Музыка, 1990. – 113 с.
3. Иванов-Крамской, А. Школа игры на шестиструнной гитаре / А. Иванов-Крамской. – М.: б.и., 1986. – 152 с.
4. Каркасси, М. Школа игры на шестиструнной гитаре / М. Каркасси. – М.: Совет. Композитор, 1986. – 152 с.
5. Кирьянов, Н. Искусство игры на шестиструнной гитаре: в 4 ч. / Н. Кирьянов. – М., б.и., 1991. I ч. – 180 с., II ч. – 240 с., III ч. – 175 с., IV ч. – 185 с.
6. Кузьмин, А. Нотация в музыке XX века: учеб. / А. Кузьмин. – Челябинск, 2010. – 102 с.
7. Ларичев, Е. Самоучитель игры на шестиструнной гитаре / Е. Ларичев. – Изд. 11-е. – М.: б.и., 1991. – 96 с.
8. Пухоль, Э. Школа игры на шестиструнной гитаре / Э. Пухоль. – М.: б. и., 1989. – 192 с.
9. Супонева, Г. Проблемы нотации в музыке XX века / Г. Супонева. – М.: б. и., 1993. – 71 с.
10. Herrera, F. Enciclopedia de la guitarra [Электронный ресурс] / F. Herrera. – режим доступа: 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Е. В. Литвин

МК им. С.А.Дегтярёва БГИИК

МУЗЫКАЛЬНО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ

В западных странах компьютер давно применяется в музыкальном обучении. Это и обучение музыкально – теоретическим дисциплинам, а также решение учебных задач, связанных с исполнительской и композиторской деятельностью. Одной из сложностей применения компьютерных технологий в музыкальных среднеспециальных и высших учебных заведениях нашей страны – отсутствие единых стандартов.

Большинство педагогов считает, что обучение с помощью компьютера не приводит к достойному результату. Однако, приобщение учащихся не только к игре на инструменте, но и к элементам композиторской и звукорежиссёрской деятельности способствует их музыкальному развитию и вызывает неподдельный интерес к музыкальному творчеству. Ведь компьютерные технологии расширяют возможности творческой деятельности ребёнка и превращают её в достояние каждого.

С целью привлечения внимания к новейшим педагогическим и информационным технологиям и методикам современного образования проводятся научно – практические конференции, многочисленные конкурсы и фестивали. Вот некоторые из них. Открытый конкурс фестиваль детского музыкально – электронного творчества учащихся, студентов и преподавателей Московской области и России, Всероссийский конкурс электронного музыкального творчества детей и юношества «СИН – Тетра», Международный фестиваль – конкурс «Музыкальная электроника и мультимедиа» (Москва – Санкт – Петербург), Областной конкурс-фестиваль детского музыкально-электронного творчества в Брянске.

Один из способов оптимизации учебного процесса применение компьютерных обучающих программ.

Для начального этапа обучения можно использовать программы DanceMachine, DoReMix, eJay, MusicGenerator. Для создания аранжировок вполне подойдёт программа Steinberg Cubase SX3. Перспективные направления – программы для контроля точности звуковысотных интонаций.

Особо хочется отметить программу для анализа звука А. В. Харуто. Её создатель – заведующий научно-учебным центром музыкально-компьютерных технологий, доцент Московской консерватории. Эта программа позволяет контролировать точность звуковысотной интонации.

Исполняя произведение на инструментах с нефиксированной настройкой (скрипке,альте) и записывая звук в компьютер учащийся получает результат в виде графика, показывающий качество динамического и звуковысотного

рисунка. Подобный тренажёр можно использовать для самоконтроля. Кроме того, на основе этой программы можно обучать исполнителей (вокалистов) точному аутентичному воспроизведению народной музыки. Подойдёт такая программа и музыковедам для слухового анализа. Компьютерные технологии позволяют создавать четвертитоновые созвучия.

Безусловно такие программы имеют свои положительные и отрицательные стороны. Использование электронных инструментов в учебном процессе сдерживается из-за отсутствия педагогов, которые применяли бы их на практике. Однако, активное внедрение в музыкально-педагогический процесс электронных инструментов и компьютера открывает новую страницу в отечественной педагогике.

А. В. Мугалимова

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИЗМА КОНЦЕРТА-СИМФОНИИ ДЛЯ ТРЕХСТРУННОЙ ДОМРЫ С ОРКЕСТРОМ М. Д. СМЕРНОВА

Уральский композитор Михаил Дмитриевич Смирнов (1929–2006) относится к старшему поколению современных российских композиторов второй половины XX века. Уроженец села Белоярка Курганской области, он большую часть жизни прожил в Челябинске. Дарование и огромная работоспособность обеспечили М. Смирнову бесспорное лидерство среди представителей уральской композиторской школы.

Плодотворная композиторская деятельность М. Смирнова включает около 100 сочинений: 13 симфонических произведений, 8 опусов для хора и оркестра, 12 камерно-инструментальных пьес, 8 сочинений для русских народных инструментов и более 40 песен. Самые значительные инструментальные произведения М. Смирнова связаны с воплощением как *общечеловеческих* идей борьбы жизни и смерти, добра и зла, так и с выражением собственного *личного* отношения к драматической судьбе своего народа, своей страны. Отсюда – широчайшее использование композитором жанра плача-причитания, устоявшегося в веках в русском народном творчестве средства выражения страдания и горя. Именно этот жанр стал своеобразным «авторским знаком» (термин Т. М. Синецкой), драматургической основой Струнного квартета, Четвертой и Пятой симфоний, «Эпитафии», «Причета» для сопрано и оркестра народных инструментов и анализируемого в данной работе **Концерта-симфонии для трехструнной домры с оркестром**. Это произведение – единственный образец подобного *жанра* в инструментальном творчестве М. Смирнова. Известно, что жанр концерта-симфонии существует с XVII в. Его образцы зафиксированы у И. К. Баха,

Й. Гайдна, В. А. Моцарта, в творчестве композиторов XX в., в частности, у К. Шимановского, С. Прокофьева.

Концерт-симфония для трехструнной домры с оркестром М. Смирнова был написан в период *глубокого кризиса* в истории России, когда произошел развал Советского Союза, продолжалась война в Афганистане и Чечне, когда была сделана попытка государственного переворота ГКЧП и появились факты фальсификации итогов Великой Отечественной войны. Многие воспринимали все эти события как морально-нравственную и политическую катастрофу. У людей было ощущение жестокого разочарования в привитых с детства гуманистических идеалах. Но главным было осознание бессилия и невозможности народа и каждого человека в отдельности изменить ход событий в стране.

Люди, хорошо знавшие М. Смирнова, утверждали, что композитор всегда остро воспринимал окружающую действительность, что его беспокоила судьба нашей страны и народа. Глубоко драматический характер музыки концерта дает основание говорить о том, что это сочинение является откликом композитора на реальные события и, шире, музыкальным обобщением накопившихся в его душе горестных переживаний.

Концерт-симфония представляет собой одночастное четырнадцатиминутное произведение, написанное в полной сонатной форме со вступлением и кодой.

Главной особенностью музыки концерта является целенаправленное *сквозное развитие жанра причета*, обеспечившего глубокое единство содержания и формы произведения.

Сочинение открывается небольшим вступлением – источником конфликта двух главных образных сфер произведения, воплощенных лаконично и концентрированно, что чрезвычайно типично для стиля композитора в его самых драматичных инструментальных произведениях. Первый из двух микрообразов, вызывающих прямую ассоциацию с автоматной очередью, расстреливающей людей, создается резко очерченной ритмоформулой малого барабана. Незамедлительной реакцией на этот злобно-агрессивный образ является взрыв мотивов плача-причитания, воспринимаемых как вспышка человеческой боли.

Музыкальный материал, наполняющий вступление, даёт ясное представление о склонности композитора к технике микротематизма, исходящего из двузвучной фольклорной попевки причета.

После краткого десятитактового вступления начинается собственно сонатная форма, контуры которой достаточно четки и вполне классичны в своем выражении. Экспозиция включает все основные этапы развития. На протяжении 36 тактов трехчастной главной партии музыка звучит печально, щемяще с типичными интонациями мольбы и жалобы, развивая мотив плача из вступления. Основная мелодия поручена исключительно солирующей домре как выражение глубоко *личного* переживания героя произ-

ведения. Мелодическую основу главной партии составляет нисходящая хореическая секундовая попевка, которая начинается из вершины-источника в ясном диатоническом ми миноре.

Вариантное развитие основного оборота приводит в середине главной партии к преодолению диатонического минора и появлению острохроматического полного двенадцатиступенного лада. В свою очередь, разработочная середина простой трехчастной формы вызывает динамическую переоркестрованную репризу (ц. 3). Здесь партия солирующей домры фактурно усложнена интервалами и даже трехзвучными аккордами, а в партиях балалаек появляется оstinatный ритм, вызывающий в памяти лейтритм темы судьбы из Пятой симфонии Бетховена.

Связующая часть (ц. 5), развивая главную тему, в то же время имеет свое собственное «образно-тематическое лицо», контрастное всей предыдущей музыке. Именно этой новой четырехтактовой *теме*, звучащей контрапунктом к партии солирующей домры, будет суждено сыграть важнейшую драматургическую роль в развитии данного сочинения. Лаконичная, состоящая из пяти нот, она звучит тревожно, остро-вопросительно, так как заключена в рамки тритона на фоне уменьшённого септаккорда. Оформленная раз и навсегда интервалом *уменьшенной квинты*, эта интонационно «чужеродная» причету тема своим сковывающим сумрачным характером создаёт образ удушающей всё живое «темы власти».

Важное драматургическое значение этой новой темы, приобретающей значение лейтмотива, доказывается ее настойчивым, *пятикратным* (уже в рамках связующего раздела) проведением в самых разных оркестровых пластах, причем с явным углублением в ней грозного агрессивного начала, особенно в моменты её объединения с темой «расстрела» (например, в тактах 70–76).

С появлением побочной и заключительной партий драматургия произведения вступает в новую фазу своего развития. Масштабная побочная партия связана с воплощением двухпланового внутриконтрастного образа, родившегося из соединения *причетных* интонаций главной темы с призывными, все более ритмически активными восклицаниями связующей темы.

Мелодия побочной темы у солирующей домры представляет собой образец производного контраста от главной темы как ее мелодический и ритмический вариант, сохраняющий исходную нисходящую секундовую интонацию в качестве главного содержательного элемента всей сонатной экспозиции. Заметим, что для поздних произведений М. Смирнова типична концентрация тематизма, преобладание узкообъёмных тем в диапазоне терции или тритона. В партии же оркестра композитор девятикратно проводит авторитарную «тему власти», изменяя ее ритмический рисунок, усложняя мелодическое наполнение, но сохраняя её тритоновый диапазон. В оркестровом сопровождении на протяжении всей побочной партии 35 раз

звучит оstinатно-триольная ритмическая фигура, вызывающая ассоциацию с пульсирующим биением сердца.

Интересно тональное оформление побочной партии в до миноре – тоналности «шубертовой VI», традиционно выражающей глубокую степень омрачения колорита. В побочной партии роль драматического срыва выполняет все та же ритмическая фигура «расстрела». Проведя её 19 раз, композитор подчеркивает её важную смысловую и формообразующую роль. Именно с вторжением этой роковой *микротемы* кардинально меняется вся оркестровая фактура, в которой главенствует *ритмоформула* барабана, заставляя «замолчать» весь оркестр, оставляя лишь секундовые «всхлипывания» солирующей домры.

Внутриконфликтный заключительный раздел экспозиции включает в себя весь ее контрастный образно-тематический комплекс. Появившаяся в начале заключительной партии строгая, суровая, хоральная тема воскрешает в памяти контуры известного русского песнопения «Со Святыми упокой». Ей сопутствуют жалобные нисходящие ламентации как выражение страдания отдельной личности. В партии же малого барабана угрожающе, повелительно и неотступно повторяется «расстрельная» ритмоформула как олицетворение властной истребляющей силы. Трагичность музыки усугубляется в партии ударных оstinатными ровными четвертями, традиционно присущими жанру похоронного марша.

Таким образом, *трагедийный смысл* музыки композитор выражает приёмом обобщения через жанр, концентрируя и объединяя в контрастной полифонии заключительной партии три самых трагических жанра: хорал, похоронный марш и плач. Важно при этом, что в последних десяти тактах экспозиции не только зеркально отражается образно-тематический конфликт вступления, но и проводится мысль о неразрешённости этого конфликта: на первый план композитор упорно выводит бездушно-оstinатную ритмоформулу «расстрела», на которую краткими жалобными «всхлипываниями» откликаются секундовые нисходящие попевки плача-причитания.

В четырех разделах разработки композитор по-новому раскрывает глубинный смысл двух важнейших для него образных сфер, условно обозначенных как обобщенный образ страдания людей и образ неотступного зла. Необычная логика чередования разделов разработки обнаруживает драматургическое мастерство автора, продуманность сюжетного, по существу, развития музыки. Так, вместо обычного вступительного раздела разработки звучит масштабная *каденция* солирующей домры, которая воспринимается как страстная исповедь героя произведения. Перенеся каденцию в самое начало разработки, композитор придал ей значение прямой, непосредственной реакции на неразрешённость конфликта в конце экспозиции. Принципиально важно, что интонационная сфера каденции основана на *главной, сквозной* для всего произведения, секундовой лейтпопевке

плача, эмоциональное наполнение которой здесь сильно изменяется по сравнению с экспозицией. Лишь в крайних кратких разделах каденции эти нисходящие интонации можно трактовать в их традиционном понимании как символ жалобы, стенания. В центральном же разделе каденции ламентозные мотивы выражают громадный напор гнева, протеста личности против зла. Именно в этих десяти тактах М. Смирнов кардинально изменяет условия существования нисходящей секунды: она звучит в усиленной (*fortissimo*) динамике, в акцентированно подчёркнутом триольном ритме, с «говорящими» паузами, но, главное, в новом, *аккордовом* изложении. В партии домры все трёхзвучные аккорды в диапазоне остродиссонансирующей большой септимы, заполненной чистой и увеличенной квинтой, звучат предельно жестко, резко.

Второй, самый скромный по масштабам (всего 18 тактов, ц. 10–11) фрагмент разработки воплощает состояние внезапной растерянности и нерешительности. Такое новое эмоциональное состояние можно понимать как результат обогащения семантического содержания жара *плача-причитания*. Атмосферу настороженного ожидания композитор очень точно выразил оркестровыми средствами (при абсолютном «молчании» солирующей домры): партия становится предельно аскетичной, прозрачной, наполненной краткими тихими мотивами и фразами вздохов у разных инструментов оркестра. Драматургическое значение этого раздела заключается в том, что именно с него, как бы из глубины души и сознания автора, начинается восхождение к объединению чувства личного протеста героя и всеобщего гнева народа, и, шире – к синтезу субъективного и объективного начал.

Третья же, центральная часть разработки (*Energico*) выступает в роли перехода к грандиозной кульминационной зоне всего сочинения и тематически представляет собой образец контрастной полифонии, где одновременно звучат интонации *плача-причитания* из главной темы, варьированная лейттема из связующей части и «пульсирующий ритм сердца» из побочной партии.

Именно на этом контрастом образно-тематическом материале основан кульминационный взрыв третьего раздела, конфликтность которого подчеркнута пронзительным звучанием уменьшенного квинтсектаккорда.

Подлинной трагедийности музыка достигает в последних двадцати тактах четвёртого *предыктового* этапа разработки, где автор многократно в открытом виде сталкивает мощные фразы горестного стенания у оркестра и объединенные бесчеловечной ритмоформулой «расстрела» партии барабана и домры. По смыслу эта часть концерта воспринимается как генеральная кульминация, выражающая вовлечение личностного человеческого начала в сферу зла, насилия и жестокости. Воплощая эту идею, композитор еще более усиливает, по сравнению с каденцией, диссонантность оstinатных аккордов солирующей домры, расширяя их интервальный диапазон до терцдецимы, включающей уменьшенную квинту и большую септиму.

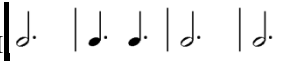
Драматизм предыктового раздела поддерживается доминантовым органичным пунктом, по масштабам (41 такт) превышающим главную партию (36 актов) и в экспозиции, и в наступающей репризе. Переоркеструя в ней главную тему, композитор инициирует процесс *переосмысления* её внутреннего содержания и семантики: если в экспозиции главная тема выражала лишь страдание, мольбу отдельной личности, то в репризе эта же тема воплощает стойкость духа, мужество, волевой настрой людей, объединившихся в стремлении противостоять натиску агрессии.

В связующей части при сохранении её оркестровки автор увеличивает динамику звучания в два раза (*fortissimo*), поддерживая уровень эмоционального напряжения музыки на высоком уровне. Побочная партия в репризе, как и главная, переоркестрована ради выявления в ней новых черт образного содержания. Если в экспозиции побочная тема была инструментована весьма скромно (одноголосно и *mezzo piano* у солирующей домры, в осторожном пиццикатном сопровождении), то в репризе мелодия побочной партии звучит в усиленной динамике (*mezzo forte*) в партиях домр, в октавном удвоении, символизируя голос народа, переживающего те же эмоции, что и главный герой. Эту глубоко человечную музыку постоянно сопровождает «тема власти» у солирующей домры, а им противопоставлены два новых оркестровых пласта: бездушный постоянный ритм у барабана и жестоко-скрежещущий остинатный же интервальный комплекс (наложение большой септимы и малой секунды) у баянов, а позже и у балалаек:

Образно-тематическое содержание *заключительной партии* в репризе в принципе то же, что и в экспозиции, но музыкальный материал хора переоркестрован: вместо деревянных духовых и баянов в репризе играют домры, *очеловечивая* обобщенно-трагический образ песнопения «Со Святыми упокой» (т.т. 395–409). Самой большой драматургической неожиданностью репризы стал внезапный, предельно агрессивный взрыв в оркестре, оформленный самым резким в концерте кластерным аккордом у баянов (т.т. 410–427), после которого звучит восемнадцатитактовый доминантовый *предыкт* к коде, что не характерно для классической структуры сонатной формы. Тематизм предыкта связан с семантикой главного жанра концерта-симфонии – *плачем-причитанием*, но смысл этого раздела формы еще более драматизирован новым проявлением *трагедийности*: малый барабан на фоне кластера у баянов впервые в произведении исполняет пятнадцатитактовое угрожающее тремоло, а солирующая домра словно молит о пощаде бесконечными цепочками нисходящих хореических малых секунд.

В коде воплощается последняя схватка добра и зла, символами которой на протяжении всего произведения были главная тема, связанная с жанром плача и ритмоформула «расстрела» из связующей части. Здесь главная тема звучит *семантически переосмысленной* как выражение достигнутого уже в репризе образа мужества, стойкости, силы духа народа (ц. 22). Но последние три такта коды остаются за солирующим барабаном, ко-

торый *forte* и *fortissimo* утверждает неистребимую силу зла. Этот ошеломляющий контраст последних тактов коды доказывает: конфликт, заявленный во вступлении концерта-симфонии, остался открытым, что соответствовало правде жизни того времени, когда создавалось произведение.

В системе выразительных средств, выражающих образное содержание драматургии концерта-симфонии, важнейшее значение, наряду с мелосом, имеет *фактор ритма*. Семантика ритма в концерте весьма разнообразна, ее развитие в сочинении явно подчёркивает важную, действенную роль причета в сквозной драматургии концерта. Например, вся главная партия сонатной формы пронизана остинатным ритмическим током, сообщаемым музыке плача-причитания трепетную взволнованность в экспозиции и нервную возбуждённость в репризе, где подчёркнутое обнажение ритмоформулы бетховенской темы судьбы способствует драматизации образа главной партии. Ритмическое остинато пронизывает и большую часть сольной каденции, выражая, вероятно, мощь и неотступность всепоглощающей эмоции гнева и протеста. Напротив, во втором разделе разработки метроритмические нарушения, перебои, синкопы и паузы в развитии главной и побочной тем, скорее всего, отражают чувства душевного смятения, растерянности, тревожного волнения. Более сложна «ритмическая судьба» зловещей «темы власти». Ритмическое оформление этой декламационно-речевой фразы поначалу вполне повествовательно-спокойное, со структурой дробления с замыканием . Но в дальнейшем композитор *активизирует* и её ритмический рисунок, и динамику, и оркестровку, повышая эмоциональную «температуру» темы-императива. Заключительная же тема в экспозиции и репризе неизменно звучит в отрешённо-смиранных половинных длительностях, что соответствует трагическому образному содержанию хора «Со Святыми упокой», воспринимаемому как результат столкновения лирических тем с темами зла. Значение заключительной партии очень велико, так как в ней воплотилась одна из самых узнаваемых особенностей стиля М. Смирнова: соединение смысловой выразительности музыки с яркой образностью авторского мышления. В частности, тему «расстрела» композитор поручает малому барабану, закрепляя за этим *тембром* персонифицированный образ чего-то воинственного, бездушно-агрессивного, придавая музыке черты изобразительности. В сочетании с остинатной ритмической фигурой , ассоциирующейся с автоматной очередью, с расстрелом, это темброво-ритмическое образование приобретает самостоятельную *тематическую* функцию, что, кстати, можно считать характерным явлением для инструментальной музыки XX века, в частности, для симфоний Шостаковича № 5, 7, 8, 11, 13, 14.

Таким образом, в концерте-симфонии М. Смирнова выстраивается определённая *темброво-ритмическая* составляющая партитуры, обогащающая и выразительный, и изобразительный пласт музыки.

Ладово-гармонический язык произведения представляется довольно простым и ясным, с явной опорой на мажоро-минорную систему и терцовое строение аккордов.

Принципы формообразования в одночастном произведении М. Смирнова отвечают устоявшимся конструктивным закономерностям, характерным для классической сонатной формы. Концерт отличается продуманной логикой сквозного развития драматургии, что отражается в чёткости и ясности разделов формы, их масштабной пропорциональности. К особенностям структуры концерта-симфонии можно отнести, во-первых, предельно краткое внутри-контрастное вступление; во-вторых, необычное, в первом разделе разработки, местоположение каденции; в-третьих, сжатую, глубоко-конфликтную коду, выражающую всю остроту противоречий, воплощённых в музыке концерта.

Подводя итоги анализа образного содержания и развития тематизма концерта – симфонии М. Смирнова, отметим, прежде всего, стремление автора воплотить в музыке сложный, полный смятения, внутренний мир современного человека, испытавшего страдание и боль, причинённые насилием, выразить его личное, остроэмоциональное отношение к реальной действительности. Реализуя свой замысел, композитор использует прием обобщения через жанр. Главным жанровым стержнем сочинения становится *плач-причитание*, приобретающий сквозное лидирующее значение, претерпевающая при этом многообразные эмоциональные трансформации.

Самое *важное*, что развивая вариантно главную тему, автор добился углубления её образного содержания и, шире, *обогащения семантики жанра плача* как воплощения горя и страдания. Так, в экспозиции сонатной формы смысл песенных нисходящих диатонических секундовых интонаций у солирующей домры ясен в их самом привычно-традиционном понимании: выражения вздохов, стонов одного человека. В репризе же, в звучании *всего* оркестра главная мелодия символизирует голос многих людей, быть может, всего народа. В каденции домры в начале разработки эти же секунды, включённые в остродиссонирующие трехзвучные аккорды, воспринимаются как крик души человека, потрясённого произошедшими событиями. Здесь в хореических ламентациях слышится гнев, протест, сопротивление злу, подчёркнутые декламационно-речевым началом. Во втором разделе разработки автор, разряжая оркестровую фактуру, насыщая музыку паузами, придаёт секундовым мотивам *новый* смысл: тревогу, душевную растерянность, неуверенность. В кульминационной же зоне, в предыкте перед репризой, основной интонационный комплекс выражает силу воли и отдельной личности, и всех людей. В репризе сонатной формы композитор всеми средствами выразительности (оркестровой фактурой, динамикой, огромным диапазоном) подчёркивает стойкость человеческого духа в прямом его столкновении с истребляющей силой зла.

Таким образом, продуманной логикой и целенаправленностью сквозного *мелодического* развития композитор добивается удивительного

единства стиля музыки и цельности формы произведения. Активно изменяя «условия существования» основной *причетной* фольклорной попевки, М. Смирнов превращает её в элемент своей собственной авторской речи, тем самым позиционируя себя как часть своего народа, объединяясь с ним в едином чувстве и переживании.

Проанализированное образное содержание музыки концерта-симфонии выявило особенности драматургии этого остро-конфликтного произведения. Написанное в 1993 году это сочинение, явилось откликом композитора на реальные события в России, музыкальным обобщением накопившихся в душе автора горестных переживаний о судьбе народа в современной России. Концерт-симфония стал третьим, после струнного квартета *h-moll* (1985 г.) и Четвертой симфонии (1990 г.), произведением М. Смирнова, в котором *причет* как символ выражения страдания и горя стал основой драматургии. Самое важное, что сохраняя нисходящую секунду как интонационную основу тематизма на всех этапах его развития в сонатной форме, композитор добился расширения её образного содержания, и, шире, обогащения семантики жанра *плача*. Автор максимально выявил огромный запас его смысловых возможностей: от традиционного выражения в экспозиции тяжелых *личных* переживаний человека до воплощения в разработке и репризе гнева, протеста против зла, а в коде – утверждения силы духа народа. Композитор мастерски использует весь комплекс выразительных средств, среди которых выделяется фактор ритмических и тембровых преобразований мотивов плача. Мелодическим же стержнем всего произведения стали *причетные* интонации, определившие жанровые особенности драматургии Концерта-симфонии М. Смирнова.

1. Григорьева, Г. Музыкальные формы XX века. Курс «Анализ музыкальных произведений»: учебное пособие / Г. Григорьева. – М., 2004. – 175 с.: нот.
2. Казанцева, Л. Основы теории музыкального содержания: учебное пособие / Л. Казанцева – Астрахань, 2001. – 368 с., нот.
3. Кудряшов, А. Теория музыкального содержания. Художественные идеи европейской музыки XVII – XX вв. / А. Кудряшов. – СПб., 2010. – 432 с.: ил. – (Учебники для вузов. Специальная литература).
4. Синецкая, Т. М. Композиторы Южного Урала / Т. М. Синецкая. – Челябинск: Дом печати, 2003. – 352 с.
5. Синецкая, Т. М. Смирнов Михаил Дмитриевич / Т. М. Синецкая // Челябинск: энциклопедия // сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 758.
6. Соколов, А. Введение в музыку XX века: учебное пособие по курсу «Анализ музыкальных произведений» для студентов высших учебных заведений / А. Соколов. – М., 2004. – 231 с., ил.: ноты.
7. Холопова, В. Музыкальные эмоции / В. Холопова. – М., 2010. – 348 с.
8. Холопова, В. Теория музыки: мелодика, ритмика, фактура, тематизм: учебное пособие / В. Холопова. Изд. 2., стер. – СПб., 2010. – 368 с.: ил. – (Учебники для вузов. Специальная литература).
9. Холопова, В. Формы музыкальных произведений: учебное пособие / В. Холопова. Изд. 3-е, стер. – СПб., 2006. – 496с. - (Учебник для вузов. Специальная литература).

Л. А. Тимошенко

Белгородский государственный институт искусств и культуры

ИГРА В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Система детского музыкального образования стала складываться в нашей стране в начале прошлого столетия. Сегодня это организованная и многофункциональная структура, с присущими образованию принципами системности, последовательности, преемственности. Уникальность и значимость музыкального воспитания в том, что оно взаимодействует с чувственной сферой человека, его внутренним миром, оказывая влияние на формирование эмоционально-нравственной и духовной культуры. К слову сказать, это является его целью, а не побочным результатом. Именно общение с музыкальным искусством пробуждает способность видеть, ценить и создавать красоту в жизни. Это привлекало и до сих пор признается важным качеством человека.

В наше время, несмотря на слабое финансирование образовательной сферы, потерю престижа профессии учителя, служение музыкальному искусству и получение музыкального образования является популярным для многих молодых людей. Но настораживает одно обстоятельство, что у многих детей желание учиться в музыкальной школе быстро пропадает. Причинами этого явления могут служить как объективные, так и субъективные факторы. Педагоги музыкальных школ ищут методы, способы и формы обучения, которые заинтересовали бы ребят, открыли бы им новые пути к музыкальному познанию, пониманию и творчеству. Поэтому необходимы проверенные временем образовательные средства, которые были бы близки детской природе, ее возрастным и психологическим особенностям, связанные с исследованием, выражением себя, сочетающие действие и мысль, и при этом приносили бы удовольствие [2].

Применение игры в учебном процессе имеет много преимуществ, с ее помощью можно решить многие проблемы. Но не все педагоги «пускают» игру в школу, что является одним из противоречий современности. Объясняется это часто тем, что имея общие сведения о возможностях учебной игры, в представлении многих педагогов она до сих пор является больше предметом развлечения и отдыха. Вторым противоречием является тот факт, что от молодого учителя музыки требуется знание игровых технологий, умение спланировать, организовать и провести игру, при этом в среднем и высшем профессиональном звене отсутствует методика обучения игровым технологиям, не выработаны единые требования по использованию игры, не говоря об общей игровой педагогической концепции. В практике отдельных педагогов присутствуют игровые приемы, но часто они имеют характер спонтанный, импровизационный. Для эффективного включения игры в дея-

тельность школьников необходимо взрослым осознать развивающую и воспитательную ее суть.

Перед профессиональным звеном музыкального образования стоит задача обучения студентов теоретическим и практическим основам методологии этого вида специфической деятельности, формирования у них понимания, что игра в современном учебном процессе адекватна времени, в ней есть все для полноценного развития ребенка. Подобные знания и навыки окажут влияние на уровень компетенции молодого специалиста, на готовность к работе с детьми, на его адаптацию в непростой детской атмосфере. С помощью игровой ситуации можно быстрее расположить к себе учащихся, найти с ними общий язык, а сами занятия станут увлекательнее. Такая содержательность и творческая атмосфера урока будет способствовать развитию детского интереса к музыке, что отразится на результатах осмысления музыкально-теоретических понятий и исполнительской практики.

Это утверждение основывается, прежде всего, на том, что музыкально-игровая традиция с ее импровизационной, празднично-игровой формой сопровождала человека на протяжении всего развития цивилизации. Многообразие ее форм зависело от городского или деревенского уклада жизни, от семейных и общественных традиций, от региональных и национальных отличий и от других историко-географических особенностей. Своеобразное единение игры и музыки мы наблюдаем в народных песнях. В старину существовал даже термин «играть песню», т.е. кроме манеры пения, исполнения музыкального и литературного текста от артистов ожидали некой игры. Примером тому могут служить свадебные, обрядовые, величальные песни. Содержание песен разыгрывалось и в хороводе, в уникальном и самобытном музыкально-игровом жанре наших предков. Хождение по кругу уподоблялось хождению за солнцем, оно сопровождалось играми, плясками, песней, а тематика хороводных песен была связана с картинами родной природы, крестьянским бытом, трудом и отдыхом. Продолжая эти рассуждения, можно вспомнить традиции скоморошества в Древней Руси. Впоследствии творчество представителей народной культуры воплощалось в спектаклях «балаганчиков». Балаган олицетворял центр праздничного веселья и служил комплексным воплощением многих видов искусств – театра, пантомимы, клоунады и, конечно, все это веселье сопровождалось музыкой. Участники представлений должны были владеть искусством пения, игрой на музыкальных инструментах и многими другими актерско-игровыми способностями. В Европе подобную роль выполняли средневековые поэты-певцы – трубадуры.

Итак, в истории культуры взаимоотношения игры и музыки, безусловно, существовали, и факт «долгожительств» и востребованности их в жизни человека бесспорен. В научной теории культуры Б. Малиновского звучит очевидная мысль, что все явления культуры проходят проверку временем и лишь постепенно институционализируются, «завоевывают ме-

сто под солнцем»...[1]. В полной мере это относится к игровой и музыкальной деятельности.

Напрашивается вывод, что в современном музыкальном образовании необходимо использовать эту благодатную почву игры. Учебная игра может применяться с самых первых музыкальных занятий, область применения ее может касаться различных сфер, например, знакомства с нотной записью, звучания тембра музыкальных инструментов, сложностей метроритма, динамики и много другого, с чем приходится сталкиваться ученику в освоении музыкальной грамоты. Игровые приемы понадобятся в самостоятельных занятиях учеников, в течение которых неоднократные повторения нотного текста должны сопровождаться целым рядом условий, связанных с разучиванием технических мест, штрихов, динамики и т.д.

Кроме того, игра на инструменте – это процесс творческой импровизации исполнителя, в котором просматривается игровое начало в вариантной множественности трактовок произведения. Считается, что игровой аспект является неукоснительным условием бытия музыкального творчества, которое, в свою очередь, немислимо без участия человека, без свойственных ему индивидуальных особенностей, степени чуткости к восприятию музыки, особой манеры интонирования. Созданная игрой воображения композитора, музыка несет в себе тайну, которую пробует понять интерпретатор, исполнитель. Играв с текстом, расшифровывая смысл и идею композитора, он вносит субъективный творческий вклад в жизнь произведения. Слушатель в свою очередь тоже творит игру, интерпретируя музыкальные образы созвучно своему эмоциональному состоянию и внутренним установкам. Вполне очевидно, что в процессе музыкального творчества присутствие игрового компонента обязательно, только тогда музыкальный образ отдалится от реальности, даст волю воображению, полету фантазии. Возможно, поэтому практическую музыкальную педагогику считают своеобразным видом искусства, цель которой стимулировать развитие индивидуальности ребенка, научить его создавать свой мир музыкальных представлений и прислушиваться к ним, конструируя свои игровые отношения с музыкальным произведением.

Многообразие видов музыкальных занятий – слушание и воспроизведение музыки, инструментальное и вокальное исполнительство, сольфеджирование и музыкально-теоретическая область знаний, сочинение, импровизация и др., создает идеальные условия для образования «игровой лаборатории», атмосферы увлеченности, радости самостоятельного творчества, поисков и открытий. Учитывая широкий диапазон игровой деятельности, игры востребованы в течение длительного времени, интерес к ним не ослабевает даже в годы взросления. Практика показывает, что студенты колледжа и вуза легко включаются в игру, каждый находит в ней свою нишу для проявления своих способностей. Учитывая объемность спектра полезности игры, введения ее в процесс музыкальной педагогики окажет благотворное влияние на общее развитие учащихся.

1. Малиновский, Б. Основы межкультурной коммуникации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: countries.ru/library/intercult/mkt.htm
2. Степанова, О. А. и др. Методика игры с коррекционно-развивающими технологиями: учеб. пособие для студентов сред. пед. учеб. заведений / О. А. Степанова, М. Э. Вайнер, Н. Я. Чутко / под ред. Г. Ф. Кумариной. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.

А. В. Чернов

Челябинская государственная академия культуры и искусств

Б. М. ТЕПЛОВ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Борис Михайлович Теплов (1896–1965) принадлежит к числу крупнейших отечественных психологов с мировым именем. Расцвет его научной и исследовательской деятельности приходился на период с 1930-х по 1960-е годы – времени, когда, наряду с изменениями в жизни и сознании людей, происходили значительные перемены во многих сферах и областях российской и мировой науки, совершались открытия, заставлявшие заново пересмотреть научные системы, сложившиеся прежде (достаточно вспомнить «прорывы» в областях физики, генетики, радиоэлектроники, начавшееся в 60-е годы освоение космоса). В процессе стремительно нарастающего и развивавшегося научно – технического прогресса российским ученым принадлежало далеко не последнее слово; подчас их разработки и открытия становились определяющими для развития многих отраслей научного знания, а такие имена как Н. А. Вавилов, И. М. Сеченов, С. П. Королев составили гордость как российской, так и мировой истории освоения новых горизонтов науки и техники.

В этой связи вклад Теплова в развитие отечественного направления психологии является не менее значимым. Именно ему удалось, критически обобщив, с одной стороны, достижения российской и зарубежной психологии начала XX века и продолжая развивать типологическую концепцию И. П. Павлова – с другой, создать новаторское по своей основе направление в изучении психологии и психофизиологии индивидуальных развитий. Теплов был выдающимся психологом, осуществившем в своем творчестве синтез гуманитарного и естественно – научного знания.

Одной из характерных черт облика Теплова – ученого является разносторонность и разносторонность научных изысканий: в его трудах затрагивается широкий круг вопросов как общей психологии, так и психологии педагогической, музыкальной, инженерной, военной, психологии труда, где Теплову принадлежит заслуга не только в разработке основных положений и методов исследования, но также в определении и расшифровке основополагающих понятий. Эта своего рода «универсальность», широта охвата исследовательского материала в рассмотрении тех или

иных научных вопросов во многом является отражением незаурядной личности Теплова – человека эрудированного и разносторонне образованного. Достаточно вспомнить основные вехи его биографии: историко-филологическое образование, карьера военного параллельно профессиональные занятия музыкой, выступления в качестве пианиста, руководство вокальным кружком. По воспоминаниям Теплов также был большим знатоком живописи, в особенности русской, а также архитектуры.

Во многом благодаря соединению музыкальных и психологических интересов возникла работа Теплова о музыкальной одаренности [9]. С этого момента в тепловской концепции психологии индивидуальных различий проблема исследования способностей музыкальных становится одной из центральных. Кредо Теплова – психолога наиболее полно выражено в предисловии к сборнику собственных трудов «Проблемы индивидуальных различий»: «для автора...имеет наибольшее значение логика научного исследования специальных способностей к определенному виду деятельности (в данном случае музыкальной. – Б. М.Теплов) и вытекающие из этого исследования педагогические выводы» [8].

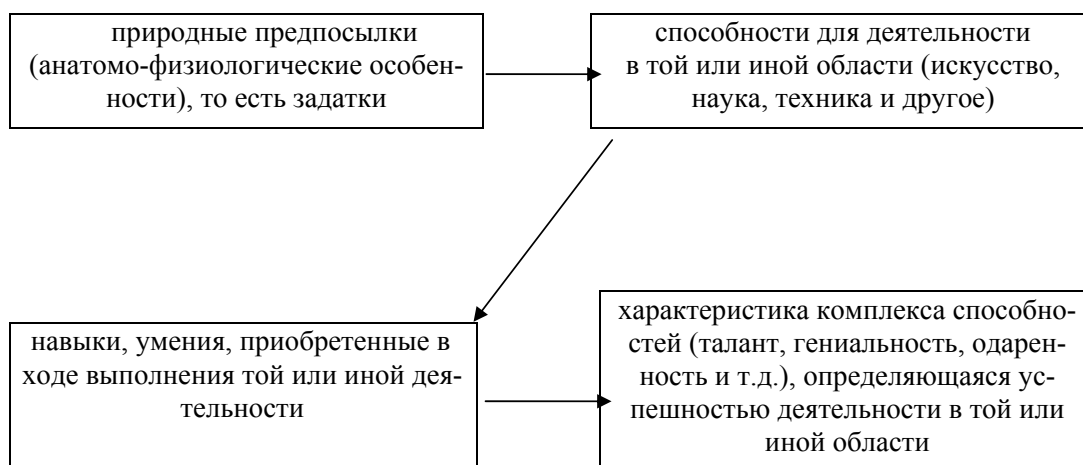
Если попытаться кратко охарактеризовать, в чем заключается новаторство Б. М. Теплова в области музыкальной психологии, то можно выделить основную характерную линию: направление исследований на стыке психологии и физиологии и поиск путей взаимодействия, точек соприкосновения между гуманитарно-научным и естественно-научным методами изучения. Значение физиологических основ индивидуально-психологических особенностей в вопросах понимания психологических различий между людьми неоднократно подчеркивается И. П. Павловым в его типологической концепции: «законно прилагать всяческие усилия для понимания явлений, связанных с психической деятельностью на основе установленных физиологических процессов» [5, с. 85]. По собственному признанию Теплова, его интересовали «все физиологические особенности, которые И. П. Павлов называл свойствами высшей нервной деятельности». Таким образом, следуя за Павловым, Теплов называет свойствами нервной системы ее природные, врожденные особенности, влияющие на индивидуальные различия формирования способностей и характера [6, т. 2. с. 170–171].

Прежде чем затрагивать вопросы музыкальности, одаренности, музыкальных способностей, Теплову представляется важным и необходимым расшифровать и уточнить смысл данных терминов. Само понятие «музыкальность» понимается как «совокупность способностей», и именно Тепловым был проведен анализ основных положений, относящихся к области способностей. В частности, «под способностями подразумеваются индивидуально – психологические особенности, отличающие одного человека от другого», но лишь «в контексте выполнения какой-либо профессиональной либо иной деятельности» [там же. т. 1. с. 16]. В свою очередь «способности, как таковые, не сводятся к тем знаниям, умениям или навыкам, кото-

рые вырабатываются у человека в процессе обучения». Дифференцируя понятия «способность», «навык», «умение», «знание», Теплов формулирует основной тезис своей концепции: «под способностями имеются в виду такие индивидуальные особенности, которые не сводятся к наличным навыкам, умениям или знаниям, но которые могут объяснить легкость и быстроту приобретения этих знаний и навыков» [там же, с. 16].

Безусловно значимым для Теплова является вопрос взаимоотношения понятий «способность» и «врожденность». Ученый подвергает критике категорию «врожденные способности» и настаивает на необходимости разграничения этих терминов: «исходя из определения понятия слова «способности» как индивидуально – психологических особенностей человека, нельзя говорить о “врожденности” последних. Врожденными могут быть лишь анатомо-физиологические особенности, то есть природные задатки, которые лежат в основе развития способностей. Сами же способности являются результатом развития» [там же, с. 17]. По мнению Теплова, в повседневной практике (как музыкально – педагогической, так и в бытовом употреблении) характеристики такого рода, как «врожденная музыкальность», «врожденный исполнительский дар», «врожденное чувство ритма», используемые по отношению к конкретному индивиду, не совсем точно отражают суть явления с научной точки зрения, так как в этих случаях подразумеваются именно врожденные задатки, а не сами способности, к числу которых относятся исполнительский дар, чувство ритма и другие.

Исходя из вышеуказанного, идею Теплова можно представить графически в виде следующей схемы:

Из данной схемы видно, что способности органично вытекают из природных задатков и затем переходят в стадию своего развития с помощью навыков и умений. Характеризуя свойства способности, Теплов опре-

деляет, что «способность по самому своему существу есть понятие динамическое», следовательно, «способность не может возникнуть вне соответствующей деятельности» [Там же, с. 19, 20].

В этой связи необходимо привести примеры из жизненной практики, показывающие, что способности могут существовать как бы в скрытой форме, не проявляясь непосредственно в деятельности, адекватной их применению. Характерный пример из музыкальной области: в отзывах об особенностях исполнительской манеры Г. Г. Нейгауза, корифея и одного из основоположников отечественной пианистической школы, наряду с упоминанием таких качеств, как эмоциональность, исполнительское мастерство, также говорится о его необычайно ярком дирижерском даровании. Это мнение, помимо пианистов-профессионалов, разделяли музыканты оркестра: после одного из исполнений концерта с оркестром многие из них говорили, что «даже спина» у Генриха Густавовича будто дирижировала» [3, с. 37]. То есть, дирижерское начало было одной из сильных сторон Нейгауза-исполнителя, пианиста. Надо сказать, что Нейгауз ни разу в жизни не становился за дирижерский пульт, хотя к этому были предпосылки. Известно, что во время обучения в Берлине ему было предложено занять пост дирижера Штутгартской оперы [там же, с. 330]. Сам Нейгауз считал дирижерское начало одним из важных в комплексе качеств музыканта – пианиста; кроме того, проблемам, связанным с дирижированием, был посвящен ряд его статей [4].

Вышеприведенный пример (а их можно привести немало, достаточно вспомнить и проанализировать творческие биографии многих выдающихся музыкантов и художников) может служить подтверждением, что наличие способностей (в данном случае дирижерской) не всегда определяется посредством деятельности, адекватной специфике этих способностей.

Отдавая должное основополагающему значению концепции Теплова, ее определяющей роли на раннем этапе развития советской психологии, многими специалистами (в том числе и последователям Теплова, его учениками) признается тот факт, что способности часто рассматривались как состоявшаяся действительность. Попытки дальнейшей разработки проблематики способностей показали, что критерий успешной деятельности, будучи важным, не может полностью раскрыть внутренние условия становления способностей, без чего трудно дифференцировать собственно способности, знания, умения, навыки. Способности – это и возможности, которые за долгие годы, а иногда и навсегда, могут оставаться скрытыми и для самого человека, и для других. В число этих потенциальных возможностей входят природные предпосылки способностей, задатки; следовательно, в их распознавании, измерении и развитии и заключается задача, в том числе и педагогическая [1].

В понимании тепловской концепции нужно также учитывать историческую ситуацию (Павловская сессия 1950 года), когда перед советской

психологией была поставлена проблема применения павловской типологической системы, основанной на опытах в областях естествознания и физиологии, в русле психологии как науки, и тем самым доказать силу психофизиологических методов выведения общих предпосылок развития способностей. Иными словами, был осуществлен поворот от гуманитарного подхода в исследовании многих вопросов к естественнонаучному. (Гуманитарный метод исследования – его придерживался Теплов в своих работах, созданных до 1950-х годов, – включает в себя монографический подход, знание биографий, неповторимых конкретных особенностей отдельных личностей, анализ их психологического склада, оттенков поведения, анализ их деятельности и творчества, свидетельств современников. Естественнонаучный метод опирается на исследования, основанные на измерениях, статистических и электрофизиологических методах диагностики индивидуальных различий.)

В этом свете важнейшим стал вопрос: «что же есть задаток?» и поиск методов исследования данной проблемы. Такую задачу ставит и Теплов: «систематическое исследование физиологических основ индивидуально – психологических особенностей не только желательно, но и совершенно необходимо для подлинно научного понимания психологических различий между людьми». На этом пути «можно надеяться подойти к изучению природных задатков, лежащих в основе индивидуальных различий в способностях людей» [7, с. 127]. Несмотря на то что в лабораториях Теплова опытно-экспериментальным путем были доказаны некоторые общие положения, связанные с изучением «задатков», а в последующие годы (1970–1980-е) «проводились интенсивные поиски и попытки создания методик, направленных на доказательное изучение психических явлений, и, на этой научной основе, оказание квалифицированной помощи конкретному человеку» [2] (труды, посвященные психологической диагностике), всё же не были преодолены трудности в изучении природных предпосылок способностей: «они могут быть определены как задатки только при сопоставлении анатомо-физиологических особенностей с теми или иными индивидуальными различиями в способностях как сложных приобретенных и пожизненных образованиях, проявляющихся, в частности, в успешной деятельности» [1].

Возвращаясь к трактовке Тепловым понятия «способность», мы видим, что «отдельные способности не просто существуют рядом и независимо друг от друга, а приобретают иной качественный характер в зависимости от наличия и степени развития других способностей» [6, с. 22]. К исследованию характера взаимодействия различных способностей общих и специальных – отчетливо прослеживается научный интерес Теплова. Эта линия выявляется особенно ярко в беседах Теплова с выдающимися музыкантами, его современниками – К. Н. Игумновым, Г. Г. Нейгаузом и многими другими. Случается, что категория «способность» не всегда может с достаточной полнотой выразить суть явления, когда речь идет о выдающемся

масштабе дарования художественной индивидуальности, будь то деятель культуры, художник, музыкант, архитектор. Например, если говорить о Микеланджело, как о скульпторе, обладавшем широким кругом способностей, то такая формулировка вряд ли может звучать исчерпывающе. Здесь, безусловно, возникает потребность в ином, более синтетическом определении. Таким определением является понятие «одаренность» как своеобразное сочетание способностей (высшей степенью одаренности считается «гениальность», согласно Канту). В свою очередь, для достижения результата недостаточно одной лишь одаренности, важную роль играют умения, приобретаемые благодаря другим качествам индивидуальности: особенностям характера – упорству, трудолюбию, усердию, стремлению к овладению тайнами своего дела и многим другим.

Поэтому вопрос – что считать отдельными способностями и что считать способностями, основными для одаренности в той или иной деятельности – представляются Теплову одним из важных в психологии одаренности. Ученый акцентирует внимание на том, что «не следует называть способностью то, что на деле является комплексом способностей, причем сложным» [там же, с. 31]. В качестве примера не без оснований приводится чтение с листа в музыкальной практике. И действительно, несмотря на то, что часто говорится о способности к чтению нот с листа, на самом деле, если разобраться, это целый комплекс способностей, которые могут развиваться, приобретать качества навыков, умений – таких как скорость чтения самих нот, умение читать на несколько тактов вперед, координация зрения, слуха, рук, реакция и других. В основе успешного чтения с листа в каждом индивидуальном случае могут быть различные сочетания способностей.

Понятие «одаренность» характеризуется как чертами специального свойства, так и общего порядка. Скорее, можно предположить, что одаренность редко бывает узкоспециализированной, то есть проявляющейся исключительно в деятельности одного рода. Чаще всего одаренность, как свойство таланта, распространяется или влияет на сферы деятельности, сопутствующие основной. Подтверждением могут служить таланты многих выдающихся людей прошлого: Леонардо да Винчи, к примеру, был не только гениальным живописцем, но и архитектором, скульптором, ученым, математиком, астрономом. То же самое можно сказать о Микеланджело, М. Ломоносове, А. Швейцере, чья деятельность была выдающейся во многих областях. Среди музыкантов тоже много примеров разносторонности: многие композиторы обладали талантами литераторов, живописцев, актерскими данными, которые не являлись ключевыми для непосредственно основной для них музыкальной деятельности (достаточно назвать имена Бетховена, Листа, Вагнера, Шумана, Римского-Корсакова, Чайковского и многих других). По мнению Теплова, здесь может идти речь о широте проявлений одаренности, но не о нескольких сразу. Возможность же успешно действовать в различных областях объясняется наличием некоторых об-

щих моментов одаренности, имеющих значение для смежных (каковыми являются музыка, архитектура, театр, скульптура) или различных сфер профессиональной деятельности. В последнее время яркий пример – театр и бизнес; ситуация, когда актеры и режиссеры часто являются менеджерами и (или) продюсерами своих проектов, подчас одновременно и авторами пьес. Напрашивается мысль, что такого рода «одаренность» часто вызвана вынужденной необходимостью.

Выше были рассмотрены основные положения концепции Теплова, связанные с общими базисными понятиями музыкальной одаренности и музыкальности. В этой сфере он также явился инициатором новаторских исследований музыкальных способностей: это и восприятие характера звука, его тембра, гармонии, окраски; звуковысотных динамических аспектов слышания; проблемы мелодического и гармонического слуха, ладового чувства. На основе глубокого изучения и анализа многих элементов, составляющих как бы «костяк» музыкальных способностей, и, подкрепив их научными аргументами, так и экспериментальным путем, Теплов выделяет три основные музыкальные способности:

- ладовое чувство (то есть способность эмоционально различать ладовые функции звуков мелодии или чувствовать эмоциональную выразительность звуковысотного движения);

- способность к слуховому представлению (то есть способность пользоваться слуховыми представлениями, отражающими звуковысотные движения). На более высоких ступенях развития она образует то, что обычно называется «внутренним слухом». Эта способность образует основное ядро музыкальной памяти и музыкального воображения;

- музыкально-ритмическое чувство (то есть способность активно (двигательно) переживать музыку, чувствовать выразительность музыкального ритма и умение точно воспроизводить его).

Эти три способности лежат в основе переживания выразительного содержания звуковых и ритмических движений.

Актуальным и по сегодняшний день является тезис Теплова о качественном и количественном методах подхода в развитии музыкальных способностей, где им подчеркивалась необходимость дифференцированности педагогических усилий в выявлении комплекса способностей, присущих данной индивидуальности, взаимодействие и взаимопроникновение отдельных сторон музыкальной одаренности и направленность воспитания последних в контексте становления творческой музыкальной личности. Словами «качественные различия» характеризуется своеобразие способностей, обусловленное сочетанием составляющих их компонентов; «количественные различия» означают степень, уровень способностей.

Проблема музыкальных способностей представлена в трудах Теплова весьма разнообразно: в сферу исследования вошли как некоторые специальные особенности слухового восприятия и других компонентов музыкаль-

ности, так и некоторые свойства и природные предпосылки всестороннего развития. Разнообразие характера способностей интересовало его также с точки зрения их специфической структуры. Теплов писал, что «у разных людей музыкальный слух может быть качественно различным» и «отыскание в способностях качественных различий является чрезвычайно важной задачей» [9]. В труде о музыкальных способностях, благодаря тонкому, скрупулезному анализу, им было доказано, что музыкальное «слышание» было бы невозможно без достаточного богатства музыкальных впечатлений, равно как и предпосылкой всестороннего развития способностей в целом может служить соответствующая форма деятельности.

Изучение музыкальной деятельности, проведенное Тепловым, показало, что для успешных занятий ею важное значение имеют не только специфические музыкальные данные (сенсорные и эмоциональные), но и такие, которые нужны как для музыки, так и для многих других видов деятельности – особенности внимания, воображения, волевые особенности и многие другие. Безусловно, проблематика музыкальных способностей явилась отражением обширного интереса Б. М. Теплова как к конкретным вопросам музыкальной психологии, так и к вопросам психологии личности в целом.

1. Голубева, Э. А. Комплексное исследование способностей. К 90-летию Б. М. Теплова / Э. А. Голубева // Вопросы психологии. – 1986. – № 5.
2. Голубева, Э. А. Способность и индивидуальность / Э. А. Голубева. – М., 1993.
3. Нейгауз, Г. Г. Воспоминания, письма, материалы / сост. Е. Рихтер. – М.: Имидж, 1992.
4. Нейгауз, Г. Г. Размышления, воспоминания. Дневники. – М., 1975.
5. Павлов, И. П. Pro-et-contra: антология. – СПб., 1999.
6. Теплов, Б. М. Избранные труды / Б. М. теплов. – Москва, 1985.
7. Теплов, Б. М. Исследование индивидуально-психологических различий / Б. М. Теплов // Народное образование. – 1957. – № 1.
8. Теплов, Б. М. Проблемы индивидуальных различий. – М., 1961.
9. Теплов, Б. М. Проблемы одаренности. // Совет. педагогика. – 1940. – № 4, 5.

О. Л. Юровская

Челябинская государственная академия культуры и искусств

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНЫХ СТИХОВ НА УРАЛЕ

Духовные стихи занимают особое место в отечественной духовной культуре. На протяжении многих веков, с момента возникновения христианства на Руси, а позднее и в России создавалось множество прекрасных образцов этого жанра, повествующих о жизни и подвигах святых, христианских героев-воинов, о страстях и воскресении Христа, о страданиях Богородицы и других, важных для христианина темах. Социальная среда, в которой стих создавался и распространялся, включала все слои общества.

Это крестьянское и городское население, среди которого стих существовал в устной фольклорной традиции, а также образованная часть общества, владеющая знанием церковных догматов и воспринимавшая стих из письменных церковных источников. За время своего существования жанр духовного стиха вобрал в себя и канонические представления о христианской вере, и народно-крестьянское, старообрядческое, сектантское понимание христианства, каждый раз представляя свой оригинальный лингвистический, интонационный и образно-тематический вариант.

История изучения духовного стиха насчитывает не один век. Интерес, возникший к этому жанру еще в начале XIX столетия, был вызван общекультурными процессами, связанными с поиском духовных ценностей. Вскоре он перерос в мощное направление, объединившее как отдельных ценителей народной культуры, так и целые исследовательские коллективы. Ранней формой изучения духовных стихов было их коллекционирование, которым занимались представители самых разных слоев российского общества.

История собирания и исследования духовного стиха начинается с первых публикаций в середине XIX века. В это время в Петербурге и в Москве выходят сборники духовных стихов П. В. Киреевского [19], В. Г. Варенцова [4], П. А. Бессонова [3], ставшие основным источником для исследователей этого жанра.

На Урале история собирания духовных стихов начинается со времени создания сборника «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Его рукописный вариант датируется 80-ми годами XVIII века, а издание с нотами впервые осуществлено в 1818 году [9]. Автор «Древних российских стихотворений» – Кирша Данилов (Кирилла Данилович) принадлежал к числу мастеровых Нижнетагильского завода Демидовых. Как указывает Т. И. Калужникова [15], сборник воспроизводит репертуар урало-сибирской песенной традиции. Тексты и напевы духовных стихов соседствуют в этом сборнике с былинами, лирическими протяжными песнями, скоморошинами и небылицами. Мелодии выписаны в одноголосном изложении отдельно от текстов. Уникальность этого сборника заключается в ряде особенностей. Во-первых, это один из самых ранних, сохранившихся до настоящего времени памятников, созданных не в столице, а в провинции. Во-вторых, в нем преобладают эпические песни, не представленные в изданиях того времени.

На протяжении целого столетия сборник Кирши Данилова остается единственным собранием, включающим уральские песни с напевами. Более или менее регулярная запись песенного фольклора на Урале начинается в 60-е годы XIX века под влиянием деятельности учрежденного в 1845 году в Петербурге Русского географического общества (РГО). Образованная при нем в 1884 году Песенная комиссия организует экспедиции в разные регионы России, рассылая специально разработанную программу по

собирацию памятников устного народного творчества, предназначенную для энтузиастов-краеведов. Аналогичные задачи ставит перед собой и этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва). В ответ на программы этих организаций собиратели на местах, в том числе и уральцы, посылают в столицы этнографические материалы.

Одним из собирателей уральского фольклора в 30–40 гг. XIX века был русский писатель и этнограф В. И. Даль, служивший чиновником при военном губернаторе в Оренбурге в 1833–1841 гг. Записанные им фольклорные произведения вошли в следующие сборники: «Песни, собранные П. В. Киреевским» [19], «Пословицы русского народа» и «Толковый словарь живого великорусского языка». В числе многих жанров, зафиксированных Далем на Урале, есть и *духовные стихи*. Некоторые из них – «Сорок калик со каликою», «Как во городе во Иерусалиме», «Человек на земле живет» – вошли в сборник П. А. Бессонова «Калики переходящие», представляющий собой крупнейшее собрание духовных стихов второй половины XIX века.

Кроме записей Даля, в эту коллекцию вошли *духовные стихи*, записанные П. Кораблевым в Пермской губернии, в числе которых «Вознесение. Иван Богослов», «Жили то были два брата», «Спустится на землю судья праведный», «Во славном во городе Иерусалиме» и «Ай, мати ты, мати Мария».

Шесть выпусков «Калик переходящих» объединены в два тома по три выпуска в каждом. Они включают стихи с комментариями, в которых указывается место записи текста (губерния, село), его исполнитель (калека, крестьянин и т.д.), имя собирателя и другие сведения. Наряду с текстами стихов, выпуски содержат объемные вводные разделы, называемые «Предупреждениями». Однако, как и в других сборниках духовных стихов того времени, большинство текстов было опубликовано без напевов, что связано в то время со сложностью звукозаписи и расшифровки материалов. Тем не менее, сборник П. А. Бессонова «Калики переходящие» – уникальное и наиболее полное собрание текстов стихов в XIX веке, включающее 675 образцов этого жанра.

Духовные стихи из коллекции В. Даля «Егорий Хоробрый», «Поездка в Иерусалим», «Пустынный и Дьявол», записанные на Урале, вошли в сборник выдающегося русского собирателя фольклора, исследователя славянской духовной культуры, А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» [1].

С начала 70-х годов XIX века, фольклористическая работа на Урале приобретает более широкий размах и целенаправленный характер, будучи сосредоточена в рамках деятельности Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ, 1870–1929 гг., Екатеринбург) [21]. Одной из задач УОЛЕ является собирание и исследование фольклора. Благодаря энтузиазму членов и корреспондентов общества, накоплен широкий круг фольклорных материалов, частично опубликованных на страницах «Записок УОЛЕ»: это песенные тексты, описания обрядов, сказки, пословицы и дру-

гие фольклорные источники. Большая часть песен записана без напевов. К публикациям такого рода можно отнести работы П. А. Вологодина, В. Н. Шишонко, А. И. Мякутина, И. М. Крашенинникова, В. Н. Серебренникова.

Петр Александрович Вологдин, горный деятель, журналист и краевед, более 20 лет работал горным смотрителем на Кувинском заводе Соликамского уезда. Уже тогда он проявил интерес к краеведению, собирая фольклор и этнографические материалы о коми-пермяках. В 1887–1893 годах П. А. Вологдин в Перми редактировал неофициальную часть газеты «Пермские губернские ведомости». В этом издании в 1863–1864 гг. он опубликовал богатейшую коллекцию народных игровых и проголосных песен, *духовных стихов*, заговоров и сказок, записанных в бывшем Соликамском и Оханском уездах Пермской губернии [5].

Василий Никифорович Шишонко, медик, педагог, историк-краевед, внес значительный вклад в изучение истории Пермского края, составив «Пермскую летопись» в 7-и томах. Кроме того, В. Н. Шишонко собирал песни, былины, легенды, бытующие в Прикамье. Его рукопись «Народное творчество Пермской губернии», осталась неизданной, но часть собранного материала вошла в книгу «Отрывки из народного творчества Пермской губернии» (Пермь, 1882 г.). В одном из томов «Пермской летописи» в 1884 г. Шишонко публикует *тексты духовных стихов* уральских раскольников [31].

В связи с заселением территории Урала выходцами из казачьих районов Дона, Кубани, Яика, Волги, возникает интерес собирателей к казачьей культуре. В 1904–1910 годах выходит в свет сборник А. И. Мякутина «Песни Оренбургских казаков» в 4-х частях [22]. В четвертой части этого сборника содержится *18 текстов духовных стихов (без напевов)*. Помимо фольклорных образцов Оренбурга и его окрестностей, эти сборники включают записи, сделанные в Челябинском, Миасском и Златоустовском уездах. Это издание содержит примечания к текстам, паспортные данные (где, когда и от кого записан каждый стих), указатель лиц, сообщивших песни, и станиц, которым они принадлежат.

Духовные стихи содержатся и в других сборниках казачьих песен, но уже с напевами. В сборнике Ф. Н. Баранова «Песни Оренбургских казаков с напевами» [2] охвачен широкий круг песенных жанров, бытовавших на территории Оренбургского казачьего войска в конце XIX – начале XX веков и записанные в 1880–1913 годах. Здесь встречаются песни-игры, плясовые, хороводные, свадебные, *духовные стихи* (вып. 1); старинные, военные, песни бродяг, беглых разбойников и вольных людей (вып. 2). Авторское предисловие содержит отдельные сведения о публикуемых песнях.

В 1917 году в Известиях Пермского Епархиального Церковно-Археологического Общества, В. Н. Серебренниковым публикуются *11 текстов духовных стихов (без напевов)*, записанных в селе Пихтовка Оханского уезда Пермской губернии от Натальи Григорьевой [28]. В. Н. Серебренников (псевдоним Г. Аргентов), учитель сельского на-

чального училища – один из самых деятельных собирателей фольклора Прикамья.

Ипполит Михайлович Крашенинников, ботаник, географ, в 1913 году вместе с группой единомышленников попытался создать в Челябинске научное общество и музей, образовав здесь отделение УОЛЕ. На страницах журнала «Этнографическое обозрение» 1908 года он опубликовал *тексты двух духовных стихов* крестьян-старообрядцев деревни Зайковой Челябинского уезда. Один из стихов является исторической песней о разорении старообрядческих скитов в 1853 году [20].

К числу немногих записей народных *песен с напевами*, опубликованных на страницах «Записок УОЛЕ», относятся «Две старинные песни, записанные со слов 60-летней крестьянки Полевского завода Афанасьи Ушаковой в 1871 году П. М. Вологодским» [6]. Эта публикация редких жанров былины и духовного стиха отличается достаточно высоким для того времени уровнем фиксации (стихи подтекстованы под мелодии, отмечены мелодические варианты, обозначены темп по метроному и характер исполнения), а также паспортизации песенных образцов.

На протяжении 1896–1915 годов создается рукописный сборник с нотами «Народная литература Камышловского уезда», принадлежащий перу корреспондента УОЛЕ, заведующего Колчеданским мужским училищем И. Я. Стяжкина [29]. Грандиозный по масштабам труд (около 1000 листов) включает *духовные стихи* и канты, песни, описания свадебного и масленичного обрядов и вечеров, сказки, заговоры, приметы, загадки, пословицы и поговорки, словарь местных слов и выражений с описанием особенностей произношения. В числе обследованных собирателем сел и деревень названы следующие населенные пункты, входившие в прошлом в состав Камышловского уезда Пермской губернии: деревни Малая Грязнуха, Соколова, Черноскутова, сёла Каменное озеро, Квашнинское, Колчедан, Завьяловское, города Екатеринбург и Бирск Уфимской губернии. Из всего огромного массива песен *нотациями снабжены только 23 образца*. Каждая нотация содержит одну мелострофу, что не позволяет запечатлеть вариативность в мелодике. Но, несмотря на несовершенство нотной записи песен, что объясняется недостаточной музыкальной подготовкой собирателя, это собрание вносит ценный вклад в развитие музыкальной фольклористики на Урале.

В числе первых публикаций *духовных стихов с напевами* является сборник Прикамских песен Н. В. Воронова «Напевы кержацких духовных стихов» 1867 года [7]. Одноголосные напевы стихов, помещенные отдельно от поэтических текстов, нотированы в альтовом ключе. Ключевые знаки и тактовые черты в нотации отсутствуют.

В связи с открытием в 1934 году Свердловской консерватории, начинается целенаправленная профессиональная деятельность по собиранию

и изучению музыки устной традиции русского населения на Урале. Консерватория становится центром этой деятельности.

В 30-е годы в России исследование духовных стихов практически прекращается, и лишь к концу XX века вновь усиливается интерес к этому жанру. Духовные стихи привлекают внимание филологов, музыковедов, фольклористов и археографов.

В 70–90 годах XX века собирание и изучение уральского музыкального фольклора носит более дифференцированный характер. Именно с этого времени можно говорить о специальном внимании фольклористов к устному творчеству населения Среднего Урала. Центрами работы в этом направлении становятся кабинет народной музыки Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского и Свердловский областной дом фольклора. Этот этап качественно отличается от предыдущего тем, что для записи песен, наигрышей и обрядов используется аудио и видео аппаратура, комплектуются фольклорные фоноархивы. Создаются не только нотные, но и аудиособрания (пластинки, аудиоприложения к песенным сборникам) песенного фольклора.

К современным достижениям в области изучения духовного стиха следует отнести появление новых записей этого жанра, собранных во время этнографических экспедиций в районы проживания старообрядцев.

На базе фондов консерватории издано несколько сборников научного характера, включающих духовные стихи. К числу таких научных публикаций относятся два сборника из серии «Библиотека уральского фольклора». Первый том серии [Т. И. Калужникова, 17] посвящен изучению календарных и сезонно-приуроченных песен, активно бытовавших у русского населения Среднего Урала до начала XX века. Сборник содержит 7 *напевов старообрядческих духовных стихов*. В песенных стихах и репортажах об обрядах сохранены особенности местных говоров, в нотной записи песен отражены особенности их ритмической структуры. Издание снабжено комментариями, где помимо паспортных данных песен, отмечены варианты их более ранних публикаций. *Напевы старообрядческих духовных стихов* содержатся и во втором томе серии [Т. И. Калужникова, М. А. Кесарева, 18] в количестве трех образцов, а также в сборнике Т. И. Калужниковой «Песни горнозаводского Урала» (4 духовных стиха) [16].

К числу научных публикаций уральских казачьих песен принадлежит сборник Т. И. Калужниковой «Песни уральских казаков» [26], наиболее полно отражающий современное состояние песенной традиции уральских (яицких) казаков. *Духовные стихи*, представленные в сборнике двумя образцами («Ходил старец по пустынюшке» и «Уж вы, голуби»), синтезирует фольклорные и православные культовые певческие традиции уральского казачества.

Наряду с собиранием духовных стихов в рассматриваемый период, предпринимается и исследование этого жанра. Исследованию внебогослужебного пения уральского региона посвящены работы С. Е. Никитиной

[23, 24], которая обращает внимание на развитие устной и письменной духовных традиций и анализирует тексты духовных стихов. Кроме этого, в своих исследованиях она уделяет внимание классификации и типологии жанра.

Воплощение традиций древнерусского певческого искусства в духовной культуре Урала подробно разбирается в работе Н. П. Парфентьева [25]. М. Г. Казанцева в своих работах [10, 12] также сосредотачивается на формировании репертуара старообрядческих стихов на Урале и взаимодействии в них профессиональной и народной традиций. Особое внимание автора уделяется изучению напевов покаянных стихов, исходя из устных и письменных источников [13].

Среди учебной литературы, затрагивающей специфику духовных стихов на Среднем Урале, следует отметить учебное пособие М. Г. Казанцевой, посвященное музыкальной культуре старообрядчества [11]. В нем рассмотрены вопросы музыкальной грамоты старообрядцев, развитие ими древнерусских традиций в музыкальных памятниках певческого искусства, соотношения устной и письменной традиций в уставном пении и внебогослужбной духовной лирике. Особенности музыкального мышления прослежены во взаимодействии профессионального и народного певческого искусства, исторически сложившегося в быту разных конфессиональных групп. В пособие включены редкие материалы, собранные в экспедиции и освещающие разные стороны музыкального быта современного старообрядчества, а также уникальные расшифровки письменной и живой устной традиций старообрядцев Урала.

Бытованию жанра духовных стихов на Среднем Урале уделяется внимание в учебном пособии Т. И. Калужниковой «Песенная традиция русского населения Среднего Урала» [14]. Автор характеризует способы бытования, поэтику, ритмические, мелодические особенности и способы артикуляции духовных стихов.

В Зауралье (Курганская область) традиция старообрядческого духовного стиха отражена в исследованиях В. П. Федоровой [30]. Именно ей принадлежит открытие старообрядческой культуры в данном регионе. В. П. Федоровой собраны уникальный фольклорный фонд и коллекции декоративно-прикладного искусства старообрядцев края.

Собирание и исследование духовных стихов на Южном Урале отмечено несколькими публикациями С. Г. Шулежковой, Т. И. Рожковой, С. А. Моисеевой и А. В. Глинкина.

Сборник С. Г. Шулежковой «Духовный фольклор на Южном Урале» [32] посвящен *духовным стихам*, бытующим в данном регионе в устной и письменной традиции. В первую часть издания вошли уникальные образцы русского духовного фольклора, обнаруженные в одной из рукописных книг середины XIX века. Вторая часть – самая обширная – объединяет духовные стихи, собранные в 1990 – начале 2000 годов магнитогорским этнографом

А. Г. Серовым в казачьих поселениях Челябинской области и Башкирии. Третья – отражает репертуар народных духовных песнопений, зафиксированный в 2005 году преподавателем Магнитогорского университета А. А. Осиповой в русском селе Подгорное Кугарчинского района Башкортостана.

Публикация Рожковой Т. И., Моисеевой С. А. «Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале» [27] представляет собой сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета 1993–2007 годов. В издании обобщается экспедиционный материал, собранный в русских селах горнозаводского района Башкирии.

Вышеназванные публикации включают *тексты и напевы духовных стихов* и имеют научный характер. Они снабжены примечаниями к текстам, подробными комментариями к духовным стихам и вступительными статьями (Моисеева С. А. «Региональный похоронный обряд: архаика и современность»; Рожкова Т. И. «Поминальные стихи на Южном Урале: культура исполнения, источники»; Шулежкова С. Г. «Духовный фольклор Южного Урала как предмет исследования»). Кроме этого, издания содержат предметно-тематический указатель, список информантов, словарь диалектных слов и фото-приложения.

В сборник А. В. Глинкина «Народные песни Южного Урала», представляющие публикацию народных песен Челябинской области, вошли шесть музыкальных образцов духовного стиха [8], записанных в Нагайбакском и Варненском районах Челябинской области. Автор сборника, известный фольклорист, музыкант, собиратель песенного фольклора Челябинской области, отмечает факт существования традиции исполнения духовных стихов в селе Бородиновка Варненского района. Только в 2004 году им было записано около 30 музыкальных образцов.

Данный обзор показывает, что собирание и исследование духовных стихов на Урале имеет свою историю, отличную от столичной фольклористики. Наибольшее расхождение между Уралом и столичными городами обнаруживается в конце XIX – первой половине XX века. В то время, когда в Москве и Петербурге появляются первые сборники и исследования духовных стихов, на Урале еще долгое время ведется работа, не выходящая за рамки общей этнографии края. Когда фольклористами Петербурга и Москвы широко используется звукозаписывающая аппаратура, в провинции все еще сохраняется слуховой способ фиксации песен.

Историю собирания и изучения духовного стиха на Урале можно разделить на *два периода*, различающихся между собой по целям и характеру фольклористической деятельности, по методам фиксации и научному уровню осмысления материалов. Как отмечает Т. И. Калужникова [15], на *первом этапе* (с середины XVIII – до середины 30-х годов XX века) уральской музыкальной фольклористике присущ в целом любительский харак-

тер. Собираание духовных стихов и других жанров осуществляется специалистами-словесниками и энтузиастами из числа местной интеллигенции, как правило, дилетантами в области музыки. Задачу своей собирательской практики они видят в максимально полном этнографическом описании того или иного явления народной культуры, куда песня входит в качестве одной из составляющих. Главное внимание уделяется фиксации песенных текстов, тогда как напевы, записанные на слух, включаются в небольшой круг источников. Результатом такого подхода было одноголосное изложение мелодий и нотировка всего одной мелострофы песни. В звуковысотном и ритмическом отношении многие нотации ориентированы на нормы европейского гомофонно-гармонического стиля (гармонический минор, тактовая система ритмики и т. д.). Это явление, свойственное и для столичной фольклористики на раннем этапе ее развития, но уже к 60-м годам XIX века ею преодолевается, на Урале сохранялось еще довольно долго. Исследовательские работы данного периода представлены предисловиями к песенным сборникам и отдельными статьями.

Второй этап собирания и исследования духовных стихов отмечен целенаправленным и планомерным обследованием очагов старообрядческой культуры на Среднем Урале и в Зауралье, а также русских поселений горнозаводской зоны Южного Урала; использованием современных средств звукозаписи; применением аналитической нотации музыкальных текстов, отражающей их ритмическую структуру; теоретическими работами, затрагивающими различные аспекты в изучении духовных стихов; появлением сборников текстов и напевов научного типа.

В результате усилий многих ученых и собирателей на Урале накоплен богатый и интересный материал, требующий систематизации, обобщения и дальнейшего осмысления жанра духовного стиха. Вместе с тем, многие районы его бытования на Урале и сейчас ждут своего исследователя, сохраняя этот уникальный пласт русской культуры в нетронутом виде.

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские легенды / А. Н. Афанасьев. – Лондон, 1859.
2. Баранов, Ф. Н. Песни оренбургских казаков с напевами [Ноты]: в 3-х выпусках / Ф. Н. Баранов. – Оренбург, 1913.
3. Бессонов, П. А. Калики переходные. Сборник стихов и исследование: в 6 вып. / П. А. Бессонов. – Вып. 1 – 3. М., 1861. 824с.; Вып. 4. М., 1863. 252 с.; Вып. 5. М., 1863. 260 с.; Вып. 6. – М., 1864. 328 с.
4. Варенцов, В. Г. Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым / В. Г. Варенцов. – СПб., 1860. – 248 с.
5. Вологдин, П. А. Материалы для этнографии Закамья / П. А. Вологдин // Пермские губернские ведомости. – 1863. – № 32, 33, 36, 44, 50; 1864. – №1, 2, 3, 46–48, 50, 51, 52.
6. Вологодский, П. М. Две старинные песни, записанные со слов 60-летней крестьянки Полевского завода Афанасья Ушаковой в 1871 г. [Ноты, текст / П. М. Вологодский] // Записки УОЛЕ. – Екатеринбург, 1874. – Т. 1. – Вып. 2. С. 126 – 129. Мелодии к песням // Записки УОЛЕ. – Екатеринбург, 1876. – Т. 3. – Вып. 2.
7. Воронов, Н. В. Напевы кержацких духовных стихов [Ноты, текст] / Н. В. Воронов // Пермские епархиальные ведомости. – 1867. – № 26. – С. 415.

8. Глинкин, А. В. Народные песни Южного Урала [Ноты] / А. В. Глинкин. – Троицк, 2008. – 248 с.
9. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева [Текст, ноты] / Предисл. К. Калайдовича, ред. муз. записей Д. Шпревича. – 1818.
10. Казанцева, М. Г. Взаимодействие профессиональной и народной традиций (на материале старинных стихов) / М. Г. Казанцева // Фольклор Урала. Фольклор городов и поселков. – Свердловск: УрГУ, 1982.
11. Казанцева, М. Г. Музыкальная культура старообрядчества: Учебное пособие [Текст, ноты] / М. Г. Казанцева. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – 156 с.
12. Казанцева, М. Г. Об изучении формирования репертуара духовных стихов Урала / М. Г. Казанцева // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции: тез. докл. Екатеринбург: ЛАИ, 1998. – 96с.
13. Казанцева, М. Г. Покаянные и духовные стихи Урала (по рукописным материалам XVII – XX вв.) / М. Г. Казанцева // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества. – Новосибирск: Изд-во НГК, 1999. – С. 325–331.
14. Калужникова, Т. И. Песенная традиция русского населения Среднего Урала: учеб. пособие для студентов музыкальных вузов [Ноты, текст] / Т. И. Калужникова; Урал. гос. консерватория им. М. П. Мусоргского. – Екатеринбург, 2005. – 200 с.
15. Калужникова, Т. И. Песенная традиция русского населения Среднего Урала в народных знаниях и музыкальной фольклористике: учебное пособие по спецкурсу [Текст, ноты] / Т. И. Калужникова. – Тюмень, 2002. – 24 с.
16. Калужникова, Т. И. Песни горнозаводского Урала [Ноты, текст] / Т. И. Калужникова. – М., 1997.
17. Калужникова, Т. И. Традиционный русский музыкальный календарь Среднего Урала [Ноты, текст] / Т. И. Калужникова. – Екатеринбург, 1997. – «Библиотека уральского фольклора». – Т. 1.
18. Калужникова, Т. А., Кесарева М. А. Песни старого Урала. Невьянский и Каменский районы Свердловской области [Ноты, текст] / Т. А. Калужникова, М. А. Кесарева. – Екатеринбург, 2001. – Серия «Фольклор Урала». – Т. 2.
19. Киреевский, П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским [Текст] / П. В. Киреевский. – Вып. 1–10. – СПб, 1860–1874.
20. Крашенинников, И. М. Духовные стихи крестьян-старообрядцев дер. Зайковой, Челябинского уезда / И. М. Крашенинников // Этнографическое обозрение. – 1908. – № 1, 2. – С. 152–157.
21. Липатов, В. А. Уральское Общество Любителей Естествознания и его фольклорная деятельность: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Владислав Александрович Липатов. – М., 1984.
22. Мякутин, А. И. Песни оренбургских казаков / А. И. Мякутин. – Оренбург: изд. «Оренбургского казачьего войска». – Т. 1, 1904; т. 2, 1905; т. 3, 1906; СПб, т. 4, 1910.
23. Никитина, С. Е. Пермский фольклор и книжная традиция: обзор материалов экспедиции 1972 г. / С. Е. Никитина // Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. – М., 1978.
24. Никитина, С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – М.: Наука, 1993. 186 с.
25. Парфентьев, Н. П. Древнерусское певческое искусство и его традиции в духовной культуре населения Урала (XVII – XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. П. Парфентьев. – Новосибирск, 1981. 24 с.
26. Песни уральских казаков [Ноты, текст] / Запись, нотирование, составление, вступ. статья и коммент. Т. И. Калужниковой. – Екатеринбург, 1998.
27. Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: сб. материалов фольклор. экспедиций лаб. нар. культуры Магнитогорского гос. ун-та (1993–2007). – Магнитогорск: МГУ, 2008.
28. Серебренников, В. Н. Из похоронных причитаний. Стихи духовного содержания, записанные в с. Пихтовка Оханского уезда, Пермской губ. [Текст] / В. Н. Серебренников // Известия Пермского Епархиального Церковно-Археологического Общества. – Пермь: Типо-литогр. губ. правл., 1917. – Вып. 2. – С. 46–54.

29. Стяжкин, И. Я. Народная литература Камышловского уезда [Рукопись] / И. Я. Стяжкин. – ГАСО. – Ф. 101. – Оп. 1. Д. 756.
30. Федорова, В. П. Духовные стихи старообрядцев Южного Зауралья: к проблеме осмысления истоков и сущности раскола / В. П. Федорова. – М., 1996.
31. Шишонко, В. Н. Пермская летопись с 1645 по 1676 гг. Период третий / В. Н. Шишонко. – Пермь, 1884. – С. 550–592, 1154–1156.
32. Шулежкова, С. Г. Духовный фольклор на Южном Урале [Текст, ноты] / С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2005. – 223 с.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА К МАТЕРИАЛАМ ФОРУМА

Аверьянова С. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Социально-психологические проблемы связаны со становлением молодых людей, их самоопределением, самоактуализацией, самоутверждением и саморазвитием. На этапе молодости проблемы социализации имеют особое, специфическое содержание. Естественно-культурные проблемы также оказывают влияние на процесс социализации молодежи в современном Российском обществе.

Ключевые слова: социализация, проблемы, socialization, problems.

Агеева И. С.

СИСТЕМНОСТЬ ДОСУГОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Досуг создает для человека возможности реализовывать потребности и аспекты его внутреннего развития, что не возможно в полной мере в деловой сфере деятельности, в сфере домашнего хозяйства, на фоне повседневных забот. Тем самым затрудняется реализация системности досуговых ценностей под влиянием индивидуальных особенностей развития личности. Доминирующее положение туризма в различных сферах деятельности личности, а в особенности в досуговых предпочтениях, является основой для всеобщего рассмотрения досуговых ценностей.

Leisure creates opportunities for people to realize the needs and aspects of its internal development that cannot be fully in business activities in the household, on the background of everyday worries. Thus impeding the implementation of the systems under the influence of recreational values of the individual characteristics of the person. The dominant position of tourism in various fields of personality, especially in leisure preferences, is the basis for the consideration of general recreational values.

Азнагулова А. Г.

АНАЛИЗ РАБОТЫ ИНТЕРНЕТ – ПРИЁМНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА

Статья посвящена работе «Интернет – приёмной» Администрации города Челябинска. В статье рассматривается технология работы с обращениями граждан от заполнения формы на официальном сайте администрации г. Челябинска до размещения ответа в сети открытого доступа. Особое внимание уделяется нормативно-правовым актам регулирующим работу с обращениями граждан.

Ключевые слова: интернет-приёмная, обращения граждан, электронное обращение.

Алимова У. А.

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ И СПОСОБАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ

В настоящее время становится очевидным тот факт, что интеграция музеев в глобальную сеть Интернет поможет в решении актуальных проблем, и подскажет пути их дальнейшего развития.

Ключевые слова: Интернет, веб-сайт, виртуальный музей, музейная коммуникация.
Keywords: World Wide Web, web-site, virtual museum, museum communication.

Андропова Т. В.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИНТЕРНЕТА

В статье рассматривается понятие интеллекта, влияние интернета на человеческий интеллект, его интеллектуальную культуру.

Ключевые слова: интеллект, интеллектуальная деятельность, интеллектуальная культура, интернет.

Keywords: intelligence, intellectual activity, intellectual culture, the Internet.

Антонова Н. В.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Раскрывается вопрос гендерной маргинальности, представлена классификация ее форм.

Ключевые слова: женщины, мужчины, гендерная маргинальность

Антонова Н. И.

ПРОБЛЕМА КОНСТИТУИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ «ФИЛОСОФИИ СПОРТА» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СТРАТЕГИЙ И ВЫЗОВОВ

Рассматриваются причины отсутствия дисциплинарного и институционального оформления философии спорта в нашей стране в контексте философско-социологического подхода к анализу темы.

Ключевые слова: философия спорта, социально-политический институт, социальная политика, институциональная власть

The article examines the reasons of absence of disciplinary and institutional registration of sport philosophy in our country in the context of the philosophical-sociological going near the analysis of theme.

Keywords: sport philosophy, socio-political institute, social politics, institutional power

Бабаева Е. В.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ ВУЗОВ МОСКВЫ КАК ФОРМА СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. 1971–1980 ГГ.

Раскрывается образ студенческих строительных отрядов, ставших образцом студенческого самоуправления. В качестве примера выбран Московский городской студенческий строительный отряд. Рассмотрены цели и задачи, социально-культурная символика, статус и формы ССО.

Ключевые слова: студенческие строительные отряды, организация труда, возрождение, студенчество, комсомольская самодеятельность

Бабчук И. Д.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ МУЗЫКАНТА-ИСПОЛНИТЕЛЯ ПЕРЕД КОНЦЕРТОМ

Рассматривается актуальность вопроса формирования эмоционального состояния исполнителя; обозначены противоречивые указания в данном отношении, выявленные в специальной литературе, даны рекомендации по формированию готовности к концертному выступлению.

Ключевые слова: музыкант-исполнитель, психологическая готовность, эмоциональное состояние

Баитанар И. М.

ДЕЛОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ

Рассматривается деловая игра как средство активизации процесса обучения будущих специалистов-документоведов. Раскрывается практическое занятие, проводимое в форме деловой игры «Организация документооборота» в рамках курса «Организация и технология документационного обеспечения управления».

Ключевые слова: активные формы обучения, деловая игра, обучение, будущие специалисты-документоведы, специалисты служб документационного обеспечения управления.

The article discusses the business game as a means of strengthening the process of training future professionals documentologists. Opens practice session, held in the form of a business game workflow in the course. The organization and document management technology.

Keywords: active forms of learning, role play, learning, future specialists documentologists, experts of document management services.

Белобородова Е. В.

К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО КОМПЕТЕНТНОСТИ

С помощью анализа работ отечественных и зарубежных ученых-исследователей автор пытается раскрыть содержание профессиональной компетентности в проекции профессиональных умений.

Ключевые слова: Компетентность, профессиональная компетентность, содержание профессиональной компетентности, подход.

Keywords: Competence, professional competence, content of the professional competence, approach.

Биче-оол В. К., Айназаров П. Д.

ИСТОРИЯ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Статья посвящена отличительным особенностям и истории национальных танцев Узбекистана. Автором рассмотрены классические узбекские танцы ферганской, бухарской и хорезмской танцевальных школ.

Ключевые слова: танец, хореография, узбекский национальный танец, самобытность, история танца, этнография.

Болтаев К. Ж., Мухаммедова Х. Х., Умурова Н. М.

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРЕДМЕТА
ФАКУЛЬТЕТСКОЙ И ГОСПИТАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ

В подготовке врачей терапевтов большое внимание уделяется интерактивным методам обучения, стимулирующим творческую активность студентов.

Ключевые слова: инновационные технологий, деловые игры, мозговой шторм

In preparation of doctors of therapists the great attention is given to the interactive methods of training stimulating creative activity of students.

Keywords: innovative technologies, business games, brain storm

Борде Жоэль / Joëlle BORDET

L'INTERVENTION PSYCHOSOCIOLOGIQUE DANS LES QUARTIERS D'HABITAT SOCIAL, UNE PRATIQUE DE PSYCHOLOGUE EN MILIEU URBAIN

Статья посвящена «психологическому вмешательству» (интервенции) в кварталах социального жилья (Жанвилье, Дюнкерк, Иль-де-Франс). Автор рассматривает профессиональную практику социопсихолога в трех аспектах: а) просьба о вмешательстве в кризисной ситуации, б) начало групповой и межведомственной работы, в) изучение главных вопросов и решений в политике, в профессиональной и общественной практике.

L'article est consacré à l'intervention psychologique dans les quartiers d'habitation sociale (Gennevilliers, Dunkerque, l'Ile-de-France). L'auteur considère sa pratique de professionnelle de psychosociologue sous trois modes d'intervention : a) demande d'intervention en situation de crise, b) création des processus de travail collectifs et interinstitutionnels et c) exploration d'un thème porteur d'interrogations et d'enjeux dans les choix politiques et dans les pratiques professionnelles et associatives.

The article is devoted to psychological intervention in council house districts (Gennevilliers, Dunkerque, Ile-de-France). The author considers the professional psychosociologist practice in three modes of operation: a) request for intervention in crisis situations, b) creation of group and interinstitutional work process and c) exploring a central theme of questions and issues in the policy choices in professional and association practice.

Борченко И. Д.

РОЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается понятие мультикультурализма как характеристика современного общества, представленного многообразием культур; процесс социальных коммуникаций в мультикультурной среде современного общества.

Ключевые слова: мультикультурализм, мультикультурное образование, мультикультурность, глобализация.

In this article the concept of multiculturalism as the characteristic of the modern society presented by variety of cultures. Process of social communications in the multicultural environment of modern society is considered.

Keywords: multiculturalism, multicultural education, multikulturnost, globalization.

Бояркина Ю. А.

ПОНЯТИЕ ГОТОВНОСТИ УЧАЩИХСЯ К ОСВОЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рассмотрены критерии готовности учащихся к деятельности, направленной на усвоение информации, а так же обозначены основные информационные навыки. Показана технология удовлетворения информационной потребности индивида.

Ключевые слова: информационное пространство; готовность учащихся к деятельности по усвоению информации; информационные навыки.

This article covers the criteria of students' readiness to master information, defines the main information skills; shows the technology of individual information requirement satisfaction.

Keywords: Information educational expanse, students' readiness, information space.

Бредихин С.С.

ЧЕЛОВЕК ТРУДЯЩИЙСЯ В ТЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Проводится анализ ключевых положений философской антропологии труда в теологических системах средних веков. Исследуются историко-философские основы теологической парадигмы труда, проводится критическое рассмотрение ее основных положений, указываются пути ее развития и перспективы в современном мире. Автор придерживается взгляда, согласно которому теологические системы средних веков содержат до сих пор нереализованный теоретический потенциал в философской антропологии вообще и философской антропологии труда в частности.

Ключевые слова: труд, трудящийся человек, средневековая философия, теология.

Keywords: Labour, working man, mediaeval philosophy, theology.

Бриске И. Э.

МЕТОДИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА-ХОРЕОГРАФА

Аннотация: в статье сделана попытка определить сущность методического мышления студентов-хореографов и его роль в формировании методической компетентности.

Ключевые слова: методическое мышление, методическая компетентность

The article represents an attempt to define the essence of methodical thinking and to discover its role in forming methodical competency of choreography students.

Keywords: methodical thinking, methodical competency.

Бубенков П. О.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРОВ
НА ПРИМЕРЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Статья посвящена применению аудиовизуальных средств в работе некоммерческих организаций в целях развития социальной инициативы волонтеров и участников добровольческого движения.

Ключевые слова: волонтерство, педагогика, аудиовизуальные средства, видео-фильмы, фотографии, общественные организации, ДИМСИ

Keywords: Volunteering, pedagogy, audiovisual, video, photos, social organizations, DIMSI

Бубенкова М. В.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Данной статья посвящена вопросу об использовании потенциала интерактивных технологий в международных мероприятиях для развития межкультурной коммуникации. Рассмотрены такие виды интерактивных технологий как тренинговые, игровые, рефлексия, дебрифинг и их способность оказывать влияние на развитие коммуникации между представителями различных стран и культур.

Ключевые слова: культура, межкультурная коммуникация, интерактивные технологии.

Keywords: Culture, Intercultural Communication, Interactive Technologies.

Бушев А. Б.

ЭЛЕМЕНТЫ ХРИСТИНСКОЙ РЕЛИГИИ В ВОСПИТАНИИ

Проблема религиозной индоктринации рассматривается как источник этического и эстетического воспитания. Христианская поэзия связывается с культурным наследием серебряного века русской культуры.

Ключевые слова: христианство, обрядность, библеизмы, концепты, православная поэзия

The religious indoctrination is looked at as a source of ethical and aesthetical upbringing and is linked in education with the heritage of Silver Age Russian Religious Philosophy.

Keywords: Christianity, rites, Biblical concepts, Orthodox Christianity

Ваганов А.А.,

МУЗЕИ ПРИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В дореволюционные период на Урале, как и по всей России, при учебных заведениях действовали небольшие музеи. Как правило, они служили источниками наглядных пособий для занятий по естественнонаучным дисциплинам. В Уфимской губернии такие музеи находились при гимназиях, техническом училище, фельдшерской и торговой школах, учительском институте и некоторых начальных школах.

Ключевые слова: музей, образование, наглядное пособие

Keywords: museum, education, visual aid

Важенина О. А.

К ПОНЯТИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Целью данной статьи является выработка концептуального определения национальной идеи в рамках культурологии, основанном на анализе определений,

сформулированных в рамках различных научных подходов к пониманию данного феномена. Мы выделили характерные для всех рассмотренных нами определений черты концепта национальной идеи, и на основе данного анализа сформулировали рабочее определение данного феномена.

Ключевые слова: национальная идея, концепт, феномен.

The objective of the article is put into the working out of the national idea definition according to culturology science. The definition is based on the analysis of definitions, which were taken from different sciences: philosophy, political science, sociology, economy. We find out the typical indications in the analyzed definitions and then we formulate the national idea working definition.

Keywords: national idea, concept, phenomena.

Ванина Е. В.

ВЁРДЖИНЕЛЬНАЯ МУЗЫКА В СВЕТЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
С ОРГАННОЙ И ЛЮТНЕВОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Освещены некоторые особенности развития клавирной, в частности английской вёрджинельной музыки, в контексте влияния на нее лютневого органного наследия и исполнительской практики.

ключевые слова: вёрджинел, орган, лютня, клавир, английская музыка
virginal, organ, lute, clavier, english music

Ветошкин А.П., Кружкова Т.И.

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ДЕЛОВОГО МИРА РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Рассматривается роль делового мира России в развитии предпринимательства. Анализируются особенности и базовые ценностные ориентации представителей делового мира, и их влияние на уровень и характер развития предпринимательства. Обозначены основные формы хозяйственной деятельности представителей делового мира и их специфика. Сформулирована идея о существовании определенного духовного основания – нравственного кода в сфере хозяйственной деятельности представителей российского делового мира, основанного на понимании необходимости социальной ориентации своей хозяйственной деятельности как морального долга перед обществом.

Ключевые слова: деловой мир, моральный долг, малое и среднее предпринимательство, индивидуальное предпринимательство, товарищество, артель, кооператив, ценности.

This paper examines the role of the business world in the development of entrepreneurship. The features and the basic value orientation of the business world and their impact on the level and nature of entrepreneurship are analyzed. The main forms of economic activity of the business world and their specificity are identified. The idea of the existence of certain spiritual foundation – the moral code in the field of economy of the Russian business world, based on an understanding of the need for social orientation of its business as a moral duty to society is formulated.

Keywords. Business world, a moral duty, small and medium businesses, individual entrepreneurship, partnership, co-operative, community, values.

Вишнякова И. Н.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ У УЧАСТНИКОВ
ДЕТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА СРЕДСТВАМИ ФОЛЬКЛОРА

Раскрываются некоторые аспекты формирования гуманистических отношений у детей в художественно-творческом коллективе, где фольклор является средством формирования таких отношений.

Ключевые слова: гуманистические отношения, социально-культурная деятельность, фольклор.

Keywords: humanistic relations, social and cultural sphere, folklore.

Власова И. А.,

АЭРОБИКА КАК СРЕДСТВО ОСВОЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В ВУЗЕ

Аэробика как вид спортивного ориентированного физического воспитания позволяет формировать физическую культуру личности студентов в процессе освоения ее ценностного потенциала.

Ключевые слова: ценностный потенциал физической культуры, физическая культура личности, физический потенциал студента, фитнес-аэробика, спортивно ориентированная программа, ценностные ориентации.

Aerobics as a type of sport-oriented education allows to form the physical culture of personality of students in the process of mastering of its value potential.

Keywords: value potential of physical culture, physical culture of personality, physical culture of a student, fitness-aerobics, a sport-oriented programme, value orientations.

Волкова М. Г.

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

В последние полтора века наука обогатилась рядом учений, в центре которых находится тема понимания. Игровые технологии, в отличие от традиционных лекций и семинаров, предназначены для того, чтобы подготовить ум к исследованию, пониманию, а не просто наполнить его знаниями.

Ключевые слова: ролевая игра, образовательная технология.

The last one and a half century the science was enriched with a number of doctrines in which center there is an understanding subject. Game technologies, unlike traditional lectures and seminars, are intended to prepare mind for research, understanding, instead of it is simple to fill it with knowledge.

Keywords: Role-playing game, educational technology.

Гаврилова Е. М.,

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТОВОГО ОТНОШЕНИЯ К ДОКУМЕНТУ

Исследуемая тема находится на стыке документоведения и культурологии, и посвящена рассмотрению китайской мифологии как фактора формирования культа документа. В исследовании предпринимается попытка систематизации сюжетов мифов древних и традиционных культур, характеризуются выявленные сюжетные линии китайских мифов о документах.

Ключевые слова: документ, миф, мифология документа, мифы древних и традиционных культу, китайские мифы.

This article is devoted to a promising interdisciplinary learning task as studying the role of the document in the culture. In the society the documentary cult exists, China's mythologizing the document is one of the factors of its formation in culture of Chinese. There are many plots connected with the documents in mythology of ancient and traditional cultures. The author identifies and briefly describes storylines in connection with documents, takes attempts to interpret such myths of Chinese.

Keywords: the document, myth, mythology of the document, myths of the ancient and traditional cultures, myths of Chinese.

Гаврилова К. А.

HIP-HOP КАК МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА

Рассматривается hip-hop как молодежная субкультура, направления hip-hop танца, особенности и специфика.

Ключевые слова: культура, молодежь, hip-hop, танец.

In this work hip-hop as youth subculture, the hip-hop directions of dance, feature and specifics is considered.

Keywords: culture, youth, hip-hop, dance.

Головина М. Ю.

МЕСТО ЭЛЕКТРОННЫХ БИБЛИОТЕК В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ.

Рассматривается система научных коммуникаций в контексте связи ее с электронными библиотеками.

Ключевые слова: электронная библиотека, система научных коммуникаций

Keywords: electronic library, system of scientific communication.

Гончаров С. З.

КОГДА ВОЗНИКАЕТ МОТИВАЦИЯ К ИННОВАЦИЯМ?

Раскрываются социокультурные предпосылки деятельности креативной личности и противоречие между целью производства капитала и культурным воспроизводством поколений.

Ключевые слов: самодетельность, креативность, мотивация, инновация, капитал, культура, образование.

In article sociocultural preconditions of activity of the creative personality and a contradiction between the purpose of production of the capital and cultural reproduction of generations reveal.

Key words: amateur performance, creativity, motivation, innovation, capital, culture, education.

Григорьева Е. И. Анапсюк Л. А.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО
ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ КСЕНОФОБИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Предлагается модель и социально-культурная технология создания особой педагогической среды, обеспечивающей предупреждение и преодоление ксенофоб-

ного поведения молодежи, ее успешную социализацию на основе развития толерантного потенциала личности.

Ключевые слова: ксенофобия, ксенофобное поведение молодежи, психолого-педагогическое воздействие

Данилова А.А.

ПРОБЛЕМЫ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ПРОФЕССИИ ДОКУМЕНТОВЕДА:
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЗАДОПТАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ

Раскрываются суждения автора в отношении проблемы стереотипизации профессии документоведа. Описываются явления профессиональной дезадаптации и деформации специалистов-документоведов.

Ключевые слова: документоведы, профессиональные стереотипы, профессиональная дезадаптация, профессиональная деформация.

Keywords: record managers, professional stereotypes, professional dezadaptation, professional deformation.

Демаков В. Г.

ПОЕЗДКА АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА НА УРАЛ В ФЕВРАЛЕ 1919 ГОДА

Рассказывается о поездке по прифронтовым районам с 8 по 26 февраля 1919 г. адмирала Александра Васильевича Колчака (1874–1920), Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего. Рассматривается посещение им городов Урала – Кургана, Челябинска, Златоуста, Троицка, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Перми. Многие материалы публикуются впервые.

Ключевые слова: Колчак, Урал, Гражданская война, Курган, Челябинск, Златоуст, Троицк, Екатеринбург, Нижний Тагил, Пермь.

Keywords: Kolchak, Ural, Civil war, Kurgan, Chelyabinsk, Zlatoust, Troick, Ekaterinburg, Nijniy Tagil, Perm.

Дуранов М. Е.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Развитие любого аспекта общества, тем более социально-экономического, имеет соответствующие предпосылки, базу, выступающую в виде факторов духовного и материально-технического порядка. Игнорирование этих факторов, отрицание преемственного развития социума ведет к коллапсу, что мы наблюдали в России 90-х годов XX века.

Ключевые слова: культура, общество, духовно-нравственные ценности.

Евсикова И. А.

МУЗЫКАЛЬНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ 1950–1959 ГГ. О ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАГНИТОГОРСКОЙ ХОРОВОЙ КАПЕЛЛЫ

Журналистские материалы зачастую являются единственными источниками информации о культурных событиях и по причинам старения требуют своевременного активного привлечения периодики в историческую реконструкцию музыкально-художественных процессов.

Ключевые слова: газета, хоровая капелла, культура

Ерёмина Л. В.

ОБРАЗОВАНИЕ И СПОРТИВНАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ

Достижение эффективных результатов воспитания личности средствами физической культуры на современном этапе предполагает выбор разнообразных методов, которые помогут в динамике учебного процесса и создадут условия для анализа его основных элементов.

Ключевые слова: спортивная культура, обучение, здоровье.

The article is devoted to the discussion of effective methods for upbringing of individual by means of physical culture. Nowadays it is supposed different options of methods and means, which help in the development of educational process and will be basis for analysis of it.

Keywords: sports culture, education, health.

Ерыкалина А. Ю.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рассматривается процесс становления краеведения на Южном Урале в начале XX века, роль просвещения и деятельность научных организаций в деле развития сети архивов и музеев, а также вклад южноуральских краеведов в изучение истории и природы региона.

Ключевые слова: просвещение, Южный Урал, краеведение, история, интеллигенция, музей, архив.

The article deals with the process of formation of local history in the South Urals in the early twentieth century, the role of education and research activities of organizations in the development of a network of archives and museums as well as the contribution of the South Urals regional specialists in the study of history and nature of the region.

Keywords: enlightenment, the Southern Urals, local history, history, intellectuals, museum, archive.

Журба Н. Н.

ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМЕ ОДАРЕННОСТИ ДЕТЕЙ В РОССИИ И ФРАНЦИИ.

Рассматриваются актуальные для повышения квалификации педагогов вопросы, связанные с обучением, воспитанием, социализацией одаренных и талантливых детей, а так же их мотивационно-личностные особенности. Особое внимание уделяется сравнительному анализу концепции системы поиска и сопровождения одаренных и перспективных детей в системе образования России и Франции.

Ключевые слова: одарённость, саморазвитие, поддержка и развитие одаренного ребенка, потенциал, интеллектуальные способности, стратегия деятельности, ускорение, углубление, обогащение, проблематизация, дифференциация и индивидуализация обучения, инновационная активность.

The article deals with current issues related to training, education, socialization of gifted and talented children, as well as their motivation and personality traits. Particu-

lar attention is paid to the comparative analysis of the concept of search and tracking of gifted and promising children in the educational system of Russia and France.

Keywords: gifted, self-development, support and development of a gifted child, potential, intellectual ability, business strategy, acceleration, deepening, enriching, problematization, differentiation and individualization of learning, innovation activity.

Загорулько И. А.

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ставится проблема формирования понятия «Культура питания» и ключевые индикаторы. Данная проблема рассматривается с точки зрения культурологического подхода.

Ключевые слова: культура питания, традиционные практики питания, актуальные практики питания, домашнее питание, практики общественного питания.

Keywords: culture of nourishment, habits of traditional nourishment, actual habits of nourishment, nourishment at home, public habits of nourishment

Зайкова О. Н.

ЭФФЕКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ РЕКЛАМНОЙ ИНДУСТРИИ (ИЗ ПРАКТИКИ РАБОТЫ КАФЕДРЫ РЕКЛАМЫ)

Обосновывается необходимость привлечения представителей бизнеса в учебный процесс при подготовке специалистов по рекламе. На примере работы кафедры рекламы Челябинской государственной академии культуры и искусств выделены эффективные формы организации учебного процесса, вызывающие интерес потенциальных работодателей, способствующие обеспечению нового качества подготовки кадров, совершенствующие систему коммуникаций внутри вуза.

Ключевые слова: специалист по рекламе, фирменный стиль, качество образовательного процесса, система коммуникаций вуза

Need of involvement of representatives of business locates in article in educational process at training of specialists on advertizing. On an example of work of chair of advertizing of the Chelyabinsk state academy of culture and arts effective forms of the organization of the educational process, causing interest of the potential employers, promoting ensuring new quality the trainings improving system of communications in higher education institution are allocated.

Зайцева С. П.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Правовое воспитание – это весьма емкий и многообразный процесс, содержанием которого, прежде всего, является правовое просвещение и обучение основам права, а так же формирования правового сознания и правового поведения.

Ключевые слова: правовая культура, юридическая практика, правовая пропаганда, правового воспитания.

Замогильный С.И., Горемыко М.В.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

Рассматривается средний класс в индустриальных странах в качестве важнейшего элемента социального организма, который создает высокий уровень социальной ответственности. При формировании «среднего класса» очень важны культурная политика и радикальные меры в сфере образования: свободная рыночная экономика, частная собственность, государственное регулирование экономики, а ключевыми вопросами в системе управления являются мораль и образование.

Ключевые слова: средний класс, мораль, образование, социальная ответственность

Keywords: middle class, morals, education, social responsibility.

Зубанова Л. Б.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РЕГИОНА: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена осмыслению проблем философско-культурологического анализа художественной культуры региона (на примере Южного Урала), обобщаются ключевые направления социологических исследований искусства.

Ключевые слова: художественная культура, художественное пространство, искусство, региональная культура, социология, культурология, художественные запросы и интересы

Keywords: art culture, art space art, regional culture, sociology, cultural, artistic needs and interests

Ивлева Л. Д.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ БАЛЕТА В РОССИИ (1920–1950 гг.)

Рассматриваются вопросы развития драматургии балета, взаимосвязи музыки и танца, утверждения новых жанров, а также принципы творчества выдающихся хореографов России в период 1920–1950 гг.

Ключевые слова: конструктивизм эстетики драмбалета, танцсимфония, симфонизм.

The article considers the matters of development of ballet dramaturgy, interrelation of music and dance, representation of new genres, and also the principles of creativity of prominent choreographers of Russia at the period of the 20th – the 50th of the 20th century.

Keywords: constructivism of aesthetics of dram-ballet, dance-symphony, symphonism.

Исламов П. Г.

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дан анализ расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы. Рассмотрена мотивация совершения убийства среди осужденных. На основе проведенного анализа представлены типичные недостатки производства обыска при расследовании убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы.

Ключевые слова: Расследование убийств, осужденные, лишения свободы, исправительные учреждения, преступления, кражи, грабежи, разбои, хулиганство, убийств.

In article the analysis of the investigation of the killings committed by the convicted persons in places of detention. Considered the murder motivation among prisoners. On the basis of the conducted analysis shows the typical disadvantages of search in the investigation of murders committed convicted persons in places of detention.

Keywords: investigation into the murder, convicted, incarceration, correctional services, crimes, theft, looting, robbery, hooliganism and assassinations.

Калинина В. М.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ФАРФОРОВОЙ СКУЛЬПТУРЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Цель данной работы проследить историю обращения мастеров-фарфористов к теме народной жизни, к русским национальным образам с теми стилевыми особенностями, которые были присущи определенному времени

Ключевые слова: фарфор, художники, керамические формы, миниатюры

Калугина Т. А.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА К ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ.

Названы главные причины старения населения. Констатируется, что в условиях современного вуза необходимо опережающее получение будущим специалистом целостной системы знаний о социальных механизмах старения и средствах, повышающих социальную мобильность пожилых людей, что позволит в дальнейшем более квалифицированно и успешно решать социально-демографическую проблему депопуляции.

Ключевые слова: социальная работа, пожилые люди, беспомощность, жители дома престарелых, социальный работник, геронтология, депривация

Keywords: social work, older adults, helplessness, nursing home residents, social worker, gerontology, deprivation

Капитова Н. А.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ АФИШИ КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ

Дан обзор сложной взаимосвязи ценностей общества и художественно-эстетического содержания афиши на протяжении исторического развития плакатного искусства. Рассмотрены основные тенденции развития афиши как феномена культуры на различных исторических этапах.

Ключевые слова: афиша, плакат, история афиши.

Keywords: bill, placard, poster, affiche, the history of posters.

Капустян Н.Ю.

ПРИМЕНЕНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Показана необходимость использования в дополнительном образовании детей средств мультимедиа, их применение для активизации эмоционального воздействия занятия. Разработка презентаций и дидактического материала к урокам.

Ключевые слова: дополнительное образование, средства мультимедиа, обучение, использование наглядных пособий, использование визуальных методов.

Keywords: Second education, multimedia, training, use of visual aids, use of visual methods.

Касьянова А. В.

ТЕХНОЛОГИИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Автор статьи рассматривает понятие культурно-досуговой технологии, выделяет технологии, направленные на развитие культурной идентичности молодежи.

Ключевые слова: культурно-досуговая технология, культурная идентичность, молодежь.

Keywords: cultural and leisure technology, cultural Identity, youth.

Катаева Е. И.

ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Между современной профессиональной социально-культурной деятельностью и культурно-просветительной работой 20-х годов XX века сохраняется историческая преемственность. Эта преемственность определяется местом культурно-досуговых институтов в структуре индустриального общества.

До сих пор сохраняет актуальность и богатый практический опыт (формы, методы, организация клубной работы), накопленный в советское время, так как просветительная деятельность, осуществляемая в I четверти XX века четко выполняла основную идею советской власти – воспитание личности и создание развитого социалистического общества.

Ключевые слова: воспитание, личность, просветительная деятельность, просвещение, формирование, формы.

There is the history continuity between modern professional social-cultural activity and cultural-educational work of 20th years of 20 century. This continuity is determined by cultural-leisure institutions in industrial society structure.

Rich hands-on experience(forms, methods, recreation center work's organization) is still actual. It was accumulated at Soviet time, due to educational activity of first quarter of 20 century performed the main Soviet power idea clearly. The idea was personality education and creation of developed socialist society.

Keywords: Education, personality, educational activity, enlightenment, formation, forms.

Коженкин И. А.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИБЛИОТЕЧНОЙ МЕБЕЛИ И ОБОРУДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИИ.

В истории изучения библиотечной мебели и оборудования можно выделить три основных периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Каждый период характеризуется своими особенностями и подходами

Ключевые слова: библиотечная наука, мебель, оборудование

Кокорина С. В.

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Становление и развитие национальной книги и национального книгоиздания начала XVIII в. на примере издательской деятельности миссионерских организаций и типографии Академии наук.

Ключевые слова: история, книжная культура, национальная книга, издательства, русификация, национальная политика, народы России, типография Академии наук, миссионерство, Российская Империя.

Keywords: history, book culture, national book, publishing houses, russification, national policy, the peoples of Russia, printing house of the Academy of Sciences, missions, the Russian Empire.

Кокишаров Е. Н.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ КУЛЬТУРОФОРМИРУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЯН

Понятие культура относится к теоретическим построениям, изучаемым многими научными дисциплинами. Она часто рассматривается как детерминанта социальной жизни, отражающаяся в языке, поведении, отношении и мотивации к труду. Культура труда является результатом исторического развития общества. На ее формирование оказывает влияние совокупность различных культурных, социальных, религиозных, исторических факторов и обстоятельств, в том числе и менталитет. Предлагаем проследить исторически формирование менталитетов имеющих отношение к трудовой деятельности россиян.

Ключевые слова: трудовая культура, производственная культура.

Notion 'culture' belongs to the theoretical constructions studied by the different sciences. It is often understood as a determinant of social life and is reflected in the language, behavior, creative work, norm of these or that groups of people. Labor culture is a result of historical development of the society. The formation of the labor culture is influenced by the complex of cultural, social, religious, historical factors, circumstances and the mentality. Here we show the historical formation of the mentalities connected to the labor sphere of the Russians.

Keywords: culture of labor, production culture.

Коростина Е. П.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДУХОВНО-ХОРОВЫХ СОЧИНЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ХОРОВОГО НАСЛЕДИЯ С. З. ТРУБАЧЕВА

Статья посвящена проблеме употребления понятия «концепт» при подходе к анализу хоровой духовной музыки на примере творчества С. З. Трубачева (1919–1995).

Ключевые слова: концепт, целостный анализ, духовная музыка, музыкальный анализ, хоровая фактура, церковно-певческий канон.

Keywords: concept, integrated analysis, sacred music, musical analysis, choral texture, motet canon.

Котикова Т. И.

ДИХОТОМИЯ СМЫСЛОВ» КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ
В. ГАВРИЛИНА

Автор рассматривает стиль В. Гаврилина как систему, в основу которой положен принцип дихотомии. Несмотря на то, что внешне композитор производит впечатление традиционалиста, его мышление складывается из множества смысловых, стилевых и философских оппозиций. Ключевым "центром", в котором сходятся основные смысловые антитезы В. Гаврилина стало его сочинение «Перезвоны».

Ключевые слова: дихотомия, смысловая оппозиция, авторский стиль, художественное мышление, отечественная музыкальная культура, музыка 20 века.

In this work the author considers V. Gavrilin's style as the system in the basis of which there is the dichotomy principle. In spite of that the composer outwardly makes impression as the traditsionalist, his thinking develops of the great number of semantic, style and philosophical oppositions. His composition "Ringing" became key "center" in which there are V. Gavrilin's main semantic antitheses.

Keywords: dikhotomiya, semantic opposition, author's style, art thinking, native musical culture, music of the 20th century.

Кравчук В. И.

ФИЗИЧЕСКАЯ И СПОРТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА ЛИЧНОСТИ
СТУДЕНТА.

Ориентация на социокультурные ценности – одна из приоритетных задач формирования социокультурного аспекта физкультурного образования личности студента. Культурологический подход позволяет формировать физический и спортивный потенциал студентов, активно влиять на их мотивационную сферу и личностные качества. Физическая и спортивная культура заключают в себе наибольший ресурс воспроизводства личности студента.

Ключевые слова: социокультурные ценности, физкультурное образование, развитие личности студента, физическая и спортивная культура.

Orientation on sociocultural values is one of the foreground tasks of student's personality sociocultural aspect formation in athletic education. Culturological approach allows to form students' physical and athletic potential and actively affect on their motivational sphere and personal qualities. Physical and athletic culture implies the greatest resource of student's personality reproduction.

Keywords: sociocultural values, athletic education, student's personality development, physical and athletic culture.

Криницына Е. В.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Речь идет о ведущих тенденциях развития мировой образовательной системы, углублении ее фундаментализации, усилении гуманистической направленности, духовной и общекультурной составляющих образования, формирование у студентов системного подхода к анализу сложных социальных и профессиональных

ситуаций, творческого стратегического мышления, воспитание социальной и профессиональной мобильности.

Ключевые слова: тенденции развития воспитательных и социальных систем,

Кузьмина О. В.

ПРОБЛЕМЫ НОТАЦИИ В МУЗЫКЕ ДЛЯ ГИТАРЫ

Проанализированы некоторые проблемы нотации в музыке для гитары, связанные с графическим оформлением нотного текста, а также сделан вывод о том насколько необходимо систематизировать систему обозначений в музыке для гитары. Статья предназначена музыковедам, преподавателям гитары, гитаристам-исполнителям, а также композиторам, пишущим для гитары.

Ключевые слова: гитара, нотация, приемы игры, Кузьмина О.В., графика приемов для гитары, проблемы нотации, современные приемы игры на гитаре.

Keywords: Guitar, notation, Kuzmina O., graphic techniques for guitar, problems notation, modern techniques of playing the guitar.

Куликов Денис Вячеславович,

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ТАНЦОРОВ К ВЫСТУПЛЕНИЮ

Рассматривается процесс психологической подготовки танцора к соревновательной деятельности, особенности психологического настроения в процессе подготовки танцора к выступлению.

Ключевые слова: волевые качества, мотив, психологическая подготовка, соревнование.

In this work process of psychological preparation of the dancer to competitive activity, feature of a psychological spirit in the course of preparation of the dancer for performance is considered.

Keywords: strong-willed qualities, motive, psychological preparation, competition.

Курмаева Т. В.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД ПРИ РАБОТЕ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ

Среди самых интересных и загадочных явлений природы детская одаренность традиционно занимает одно из ведущих мест. Проблемы ее диагностики и развития волнуют педагогов на протяжении многих столетий.

Ключевые слова: одарённые дети, Рабочая концепция одарённости

Лаврова К. Б.

БИБЛИОТЕЧНЫЕ АРХИТЕКТОРЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: XIX – НАЧАЛО XX ВВ.

На основе предварительного исследования приводятся сведения об истории малоизвестного направления – библиотечной архитектуре. Эти сведения приводятся через призму личности архитекторов, позволяя увидеть мотивы их обращения к проектированию именно библиотек.

Ключевые слова: библиотечная архитектура, библиотечные архитекторы, история библиотечного дела, библиотечные здания

Keywords: library architecture, library architects, history of librarianship, library buildings

Ланганс Е. Г.

ТЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена своеобразию раскрытия темы самоопределения человека в Русской философии начала XX века, важнейшей проблемой которой была проблема свободы личности в ее отношении к божественному началу, с одной стороны и к обществу, с другой.

Ключевые слова: самоопределение человека, свобода личности, свобода, свобода воли, свобода духа, творчество.

Article focuses on the originality of the topic of human self-determination in Russian philosophy of the early twentieth century, which the most important problem was the problem of individual freedom in its relation to the divine original, on the one hand, and to society, on the other.

Keywords: self-determination, freedom, individual freedom, free will, freedom of spirit, creativity.

Лексина Г.Н.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРОГРЕССИВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Уточняются понятия добровольчества и добровольческой деятельности. Раскрываются причины включения молодежи в добровольческую деятельность.

Ключевые слова: добровольчество (), добровольческая деятельность ().

Keywords: voluntarius, voluntary activity

Литвин Е. В.

МУЗЫКАЛЬНО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ.

Как правило, к использованию компьютерных технологий в музыке относятся с недоверием. Но техника ни в коем случае не убивает творчество. Напротив, они развивается в тесной взаимосвязи с ним.

Ключевые слова: компьютерные технологии, обучающие программы, творчество.

As a rule to use computer technology in music pertain with mistrust. But technology in no event kills the creative activity. Opposite, they develop in close-fitting intercoupling with him.

Keywords: computer technologies, the training program, creative activity.

Ложников В.С.

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ.

Профессиональная адаптация – предпосылка активной деятельности и необходимое условие ее эффективности. В этом заключено положительное значение адаптации для успешного функционирования индивида (студента) в той или иной социальной роли.

Ключевые слова: адаптация, эффективность, активная позиция

Лыкова Рима Рафиковна

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОЦИАЛИЗАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ДЕТСКОЙ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТУДИИ.

Рассмотрена социализация личности в детской хореографической студии с позиций синергетического методологического подхода. Выведена цель социализации личности в данном контексте, определены принципы социализации младших школьников в хореографической студии.

Ключевые слова: социализация, синергетика, холизм, хореографическая студия, принципы социализации.

The article describes the socialization of the individual in the children's choreographic studio positions synergistic methodological approach. The goal of socialization in this context is derived, the principles of socialization younger students in the choreographic studio are presented.

Keywords: socialization, synergy, holism, choreographic studio, principles of socialization.

Алдошина М.И.

ЭТНОКУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Рассматривается актуальная проблема формирования этноэстетической культуры студентов. Ситуация в культурной и социальной жизни России начала XXI века содержит проблемы личностного становления как часть проблем профессионального образования в университете. Она включает понятие, аспекты структуры и результаты данного процесса в университете.

Ключевые слова: культура, этноэстетика, студент, университет

The current situation in Russia in the twenty-first century in social and culture makes the problem of personal development as part of his professional education at the university. The ethno-aesthetic culture of pre-service teachers, its structure, content, and the result,s aspect of development in the university are regarded.

Keywords: culture, etnoestetika, student, universit.

Гендова М. Ю.

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ: ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Рассматриваются философские категории: духовная культура, ценность, традиция; роли эти категорий на основных участников процесса воспитания: педагогов и будущих артистов балета; и месте нравственного воспитания будущих артистов сегодня. Какие предложения существуют по решению данного вопроса.

Ключевые слова: духовная культура, традиции, ценности, артист балета, интеграция, социокультурная среда.

The article is dedicated to the philosophical categories of the testament cultural, values, traditions; the roles of these categories on the main participants by the process of upbringing: the teachers and the future artist of ballet. The article is dedicated to some stages of moral upbringing by the future artist of ballet today. When do suggestions exist for the decision of this question?

Keywords: the testament cultural, traditions, values, the future artist of ballet, integration, the socio-cultural surroundings.

Малахова А. Н.

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВАМИ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ИГРЫ КАК ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОБЩЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается дидактическая игра как средство развития коммуникативных умений. Доказана актуальность создания программы, которая будет ориентироваться на основополагающие идеи образования – принцип индивидуального подхода, принцип целесообразности, принцип гуманизации образования и др.

Ключевые слова: коммуникативные умения, современная педагогическая практика, дидактическая игра, старший дошкольный возраст, социализация личности, аспекты процесса общения.

Keywords: Communicative abilities, modern student teaching, didactic game, the senior preschool age, socialisation of the person, aspects of process of dialogue.

Мальцева Е. В.

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭВОЛЮЦИИ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ШОУ

Использование новых аудиовизуальных технологий в сочетании с яркой художественной идеей позволяет авторам удерживать интерес зрителя, способствует усилению эстетического и психоэмоционального эффекта; играет культуросозидающую роль в развитии жанра массового мультимедийного шоу.

Ключевые слова: аудиовизуальные технологии, мультимедийное шоу

Usage of new audiovisual technologies together with a creative artistic idea makes it possible for authors to restrain the spectators' attention, it contributes into enforcing esthetic and psychomotor effect; it plays a culture-creative role in development of the genre of mass multimedia show.

Keywords: audiovisual technologies, multimedia show

Маркова А. В.

КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕГИСТРЫ В ДИАЛОГАХ СЕМЕЙНЫХ СИТКОМОВ

Ситкомы, получасовые ситуационные комедии, занимают стабильное место в сетке вещания ряда каналов современного российского телевидения (СТС, Домашний, ТНТ и др.), обладают высоким рейтингом и цитируемостью. Что позволяет рассматривать ситкомы как утвердившуюся часть повседневности современного российского телезрителя.

Ключевые слова: ситкомы, диалоги, коммуникативные регистры, телевидение

Н. Э. Мартынова

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понимание значимости, механизмов воздействия культуротворческих процессов для развития этнокультуры, актуализирует проблему влияния, обозначения статуса культуротворчества в современных условиях организации досуговой деятельности.

Ключевые слова: культуротворчество, этнокультурная досуговая деятельность, творчество, традиции и новации.

Keywords: culture creativity, ethno-cultural recreational activities, tradition, innovation.

Махмутова Л. Г.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Рассматривается понятие «универсальные учебные действия», раскрыта его связь с учебной деятельностью младших школьников, приведены технологии формирования универсальных учебных действий.

Ключевые слова: универсальные учебные действия, учебная деятельность, младшие школьники, образовательные технологии

Keywords: universal educational doings, educational activity, primary school pupils, educational technologies

Мацура Т. А.

ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ

Обозначение основных тенденций развития современной книгоиздательской структуры России и место электронной книге в этой структуре.

Ключевые слова: издательства-лидеры, российская система книгоиздания, электронная книга(e-book)

Миляева Е.Г.,

РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ О СВОБОДЕ КАК ОСНОВНОЙ ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Формулируется проблема философского осмысления соотношения свободы и ответственности человека в современном мире.

Ключевые слова: свобода и ответственность человека, современный мир, философская антропология

Keywords: freedom and human responsibility, contemporary world, philosophical Anthropology

Михайлова Е.А.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ СОЦИАЛЬНО-ТВОРЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ.

Настоящая статья посвящена понятию социально-творческой реабилитации инвалидов, и раскрытию основных подходов к его трактовке как отечественными, так и зарубежными учеными в области философии, психологии и педагогике. Основная идея статьи – рассмотреть выделяемые в научной литературе характеристики реабилитационного процесса инвалидов в рамках творческой деятельности.

Ключевые слова: реабилитация, инвалид, социальная реабилитация, социокультурная реабилитация инвалидов, творчество.

Keywords: rehabilitation, disability, social rehabilitation, social and cultural rehabilitation of the disabled, creativity.

Мордасов А. А.

РАЗВИТИЕ ПАРАТЕАТРАЛЬНЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Появление новых форм и видов театрализованной деятельности, доказывает продолжающееся шествие театральности в культуре XXI века. Информационные технологии предлагают новые пути использования театрализованных методов в проведении досуга и современных праздников.

Ключевые слова: театрализованные действия, театральность, паратеатральные формы, перформанс, хэппенинг, флеш-моб и др.

Мошкина О.

РОЛЬ МЕДИАКУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ САМОРАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Фокусируется внимание на актуальном явлении – медиакультуре, ее особенностях и функционировании в современном обществе. Последовательно анализируются положительные и отрицательные стороны явления

Ключевые слова. Медиа, медиакультура, экранная культура, медиаобразование, средства массовой коммуникации

Keywordsd. Media, Mediaculture, Screen culture, Mediaformation, Means of a mass communication

Мугалимова А. В.

ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИЗМА КОНЦЕРТА-СИМФОНИИ ДЛЯ ТРЕХСТРУННОЙ ДОМРЫ С ОРКЕСТРОМ М. Д. СМЕРНОВА.

Впервые представлен музыковедческий анализ одного из самых драматических инструментальных опусов зрелого периода творчества уральского композитора М. Д. Смирнова (1929–2006). Обращено внимание на историю создания концерта-симфонии, написанного в 1993 г., в период глубокого кризиса в истории России, когда произошел развал Советского Союза, продолжалась война в Афганистане и Чечне, когда была сделана попытка государственного переворота ГКЧП и появились факты фальсификации итогов Великой Отечественной войны. В процессе анализа выявлено трагедийное образное содержание произведения и его гражданственная, гуманистическая идея: вызвать у слушателей сострадание к судьбе своего народа. Особое внимание уделено мастерскому использованию плача как главной жанровой и тематической основе сочинения. Подчеркнута способность композитора максимально выявить богатство семантики плача-причитания.

Ключевые слова: концерт-симфония, плач-причитание, семантические преобразования, сонатная форма, оркестровка.

Наврузова Ш. И., Жарылкасынова Г. Ж., Хамидова З. Н.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В МЕДИЦИНСКИХ КОЛЛЕДЖАХ

Использование инновационных образовательных технологий в учебном процессе медицинских колледжей будет способствовать повышению эффективности профессиональной подготовки специалистов, повышает активность студентов в процессе обучения.

Ключевые слова: инновации, медицинский колледж, образовательные технологий

Use of innovative educational technologies in educational process of medical colleges will promote increase of efficiency of vocational training of experts, raises activity of students in the course of training.

Keywords: innovations, medical college, educational technologies

Нагевичене В. Я.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Специфика старообрядчества во многом определялась тем, что оно являлось религиозной формой социального протеста, религиозным его выражением. Характеристика старообрядчества как религиозного направления не может быть однозначной, подобно тому, как не была таковой его социальная сущность.

Ключевые слова: Старообрядчество, поповцы, беспоповцы, секты, толки, согласия, эсхатология.

Keywords: Old Believers, popovtsy, bespopovtsy, sects, tolki, soglasiya, eshatologiya

Новак О.Ю.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В МОЛОДЕЖНЫХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ (ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НОВОСИБИРСКОМ АКАДЕМГОРОДКЕ)

Представлены вопросы этнического разнообразия как составной части культурного разнообразия российских мегаполисов и вопросы формирования общего коммуникативного пространства посредством поликультурной проектной деятельности.

Ключевые слова: культурное разнообразие, межкультурное взаимодействие, культурное плюралистическое общество, коммуникационное пространство.

This paper presents the issues of ethnic diversity as an integral part of the cultural diversity of Russian cities and the issues of forming common communication space through the multicultural project activities.

Keywords: cultural diversity, intercultural communication, cultural pluralistic society, communicative space.

Орехова М. В.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН ИНТЕРНЕТ-ПРИЕМНОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Поставлена задача проанализировать обращения граждан в интернет – приемную на примере правительства Челябинской области. Были рассмотрены, порядок приема обращений граждан, а так же их статистика. На основе проведенного исследования автор выявил основные проблемы работы интернет-приемной правительства Челябинской области и пути их решения.

Ключевые слова: обращения граждан, правительство, интернет, федеральный закон.

The paper asked to review the complaints of citizens on the Internet – for example, the government receiving the Chelyabinsk region. Were considered, the order of reception

of citizens, as well as their statistics. Based on the study, the author has identified the main problems of the Internet – the receiving Government of Chelyabinsk region and ways to solve them.

Keywords: treatment of citizens, government , Internet, federal law.

Панасенко С. Л.

ЗНАЧЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО И ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЁЖИ

Поднимается вопрос патриотического и гражданского воспитание молодежи, как основной цели учебных заведений и педагогических работников по развитие политической культуры молодёжи в системе общественных отношений, которая состоит в формировании гражданственности и патриотизма как основного интегративного качества личности, заключающего в себе внутреннюю свободу, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, уважение к государственной власти, любовь к Родине, стремление к миру, гармоническое проявление патриотических чувств и культуры межнационального общения и толерантности.

Ключевые слова: педагогические проблемы, молодежь, политика, политическая культура, педагогическое воздействие и воспитание, патриотизм, гражданское общество, государство, политическая жизнь, формирование политических взглядов, толерантность.

In this article the question patriotic and civil youth education, as main objective of educational institutions and pedagogical workers on development of political culture of youth in system of the public relations which consists in a civilization and patriotism formirovaniya as the main integrativny quality of the personality comprising internal freedom, self-respect and discipline, respect for the gosudarkstvenny power, love for the country, aspiration to the world, garmonicheksky manifestation of patriotic feelings and culture of mezhnatsioknalny communication and tolerance is brought up.

Keywords: Pedagogical problems, youth, policy, political culture, pedagogical influence and education, patriotism, civil society, state, political life, formation of political views, tolerance.

Панькин И. Д.

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Анализируется процесс использования исторических источников, как предмет историографического исследования. Целью работы является рассмотрение полемики, которая ведется между представителями уральской и интеллектуальной научных школ по вопросам о предмете, функциях и задачах современных историографических исследований. Показаны различия в подходах к источникам учеными различных историографических школ .Раскрывается место этих научных школ в историографических исследованиях на современном этапе.

Ключевые слова: историографическая школа, исторические источники, интеллектуальная история, источниковая база, уральские историографы.

Keywords: Historiographic school , historical sources , intellectual history , sourcing base , ural hisnoriographers.

Пельков Д. Е.

КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД В РАЗВИТИИ СЕТИ НАРОДНЫХ ДОМОВ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1905–1912 ГГ.)

Рассматривается изменение в количестве народных домов в губернии, связанное с войной, революцией и с кризисом основного учредителя народных домов – попечительства о народной трезвости.

Ключевые слова: народный дом, попечительство о народной трезвости, государственный совет, земство.

Keywords: People's house, the trusteeship of the people's sobriety, council of state, Zemstvo (elective district council in pre-revolutionary Russia)

Пелькова Т. Ю.

ОРГАНИЗАЦИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Статья посвящена началу архивного строительства в Челябинской губернии в первые годы советской власти. Рассматривается процесс создания и организации губернского архива в г. Челябинске, уделяется внимание проблемам, связанным с формированием фонда в начальный период, с кадровым обеспечением, поиском и предоставлением помещения для архива, исполнением декретов советской власти по архивному делу. В статье приводится периодизация истории архивных учреждений в составе Челябинской губернии.

Ключевые слова: архив, архивное строительство, формирование фонда, государственный архивный фонд, функции архивов, архивная служба, архивный документ.

Keywords: archive, archives construction, the formation of the Fund, the state archive Fund, the functions of the archives, archives service, archival document.

Пеннер Р. В.

СООТНОШЕНИЕ ОБЫДЕННОГО ПОНИМАНИЯ СВОБОДЫ И ПОПЫТКА СИНТЕЗА ЮРИДИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РАКУРСОВ ЕЕ РАССМОТРЕНИЯ

Актуализация понятия свободы в современном обществе. Проблема формулировки дефиниций свободы. Попытка дать определение свободы человека как представителя гражданского общества.

Ключевые слова: свобода, свободное общество, гражданское общество, права человека, обязанности человека, принцип самоконтроля

Keywords: freedom, free society, civil society, human rights, human responsibilities, the principle of self-control

Переверзев В. В.

КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ 1962 Г. В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В предлагаемой статье рассматривается освещение советской периодической печатью (на примере газет «Известия» и «Магнитогорский рабочий») китайско-индийского пограничного конфликта 1962 г. В связи с этим анализируются соответствующие материалы, выявляется их тональность и направленность. Авто-

ром делается вывод о том, что большинство материалов по своему характеру были нейтральными, что в известной мере отражало начавшееся некоторое время назад похолодание в отношениях между Москвой и Пекином.

Ключевые слова: китайско-индийский конфликт, периодическая печать, Карибский кризис.

This article shows how the Chinese-Indian frontier conflict of 1962 was covered by the Soviet periodicals (through the example of Izvestiya and Magnitogorskiy Rabochiy newspapers). In this respect, appropriate materials are analyzed and their tone and orientation are revealed. The author concludes that the most materials were neutral which in a way indicated cooling of the Moscow-Beijing relations that had started some time ago.

Keywords: Sino-Indian conflict, Periodicals, Caribbean crisis.

Пермяков А.К.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФАСИЛИТАЦИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНО ОРГАНИЗОВАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГА

Фасилитация учения – это технология, позволяющая реализовать принятую во всем мире современную парадигму образования «Обучение в течение жизни»

Ключевые слова: фасилитатор, принцип фасилитации

Пирожкова М. А.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Рассматриваются психолого-педагогические особенности развития юношеского возраста. Выделены возрастные особенности, способствующие развитию литературно-творческих способностей.

Ключевые слова: психолого-педагогические доминанты, юношеский возраст, общение, интересы, способности, литературно-творческие способности.

Keywords: psychological and pedagogical dominant, youth age, communication, interests, abilities, literary creativity.

Плахутина Е. Н.

БИБЛИОТЕКА В ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Выделены первичный и вторичный уровни информационно-образовательного пространства (ИОП) вуза, в основу которого входят информационно-содержательная составляющая в виде документных образовательных ресурсов и организационная составляющая, позволяющая их использовать в образовательном процессе. Первая часть формируется системой учебно-методических комплексов (УМК), а их использование обеспечивается одной из организационных структур ИОП вуза – библиотекой, которая удовлетворяет информационные образовательные потребности студентов с помощью УМК.

Ключевые слова: информационно-образовательное пространство вуза, библиотека, учебно-методический комплекс, учебно-методическое обеспечение

Keywords: Information and educational environment of the university, library, complex of teaching and methodological aids, informational support

Плеханова О. Е.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК ИННОВАЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Раскрываются вопросы социально-культурной реабилитации людей пожилого возраста как инновационного направления подготовки будущих учителей в условиях педагогических ВУЗов. Подчеркивается, что социально-культурная реабилитация способствует продлению жизни и активному долголетию пожилых людей.

Ключевые слова: социально-культурная реабилитация, социально-культурная деятельность, инновация, пожилой человек, педагогическое образование.

Keywords: social and cultural rehabilitation, social and cultural activity, innovation, elderly, teacher education.

Позднякова Ж. С.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
АННОТАЦИЯ

Рассматривается актуальная проблематика формирования управленческой культуры; системный подход к формированию управленческой культуры, определены компоненты управленческой культуры студента – будущего менеджера, так же обосновывается смысл процесса формирования.

Ключевые слова: культура, процесс управления, управленческая культура, менеджер, формирование управленческой культуры

Keywords: culture, process control, management culture , the manager , the formation of a management culture

Полушкина М. С.

ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕРИОДИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются издатели православных периодических изданий: определение читательской аудитории, позиционирование на рынке периодических изданий, распространение.

Ключевые слова: православные периодические издания; медианпространство

Keywords: orthodox periodicals; multimedia space.

Помелов В. А.

ЭСКАПИЗМ ДЕТСКОЙ СКАЗКИ И ЭСКАПИЗМ ВИДЕОИГРЫ. ЭСТЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Сравнивается сказка как прототип видеоигры, видеоигра рассматривается с эстетической позиции. Выделяется специфика эскапизма, присущая каждой из этих драматических форм.

Ключевые слова: видеоигра, сказка, эскапизм, драма, эстетика

Keywords: videogame, tale, escapism, drama, aesthetics

Пономарева А. В.

СПЕЦИФИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ
Раскрывается значение участия молодежи в международной деятельности, отмечаются цели и задачи международного сотрудничества, приведена характеристика форм международной социально-культурной деятельности молодежи.

Ключевые слова: международная социально-культурная деятельность, международное сотрудничество,

Прошкина М. П.

РОЛЬ ДОСУГА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ЕГО ЧЛЕНОВ
Досуговая деятельность отличается абсолютной добровольностью. Досуг опирается на принцип удовольствия, на чувственную основу приятных ощущений, переживаний, мыслей. Плодотворное использование досуга человеком – важная задача общества.

Ключевые слова: досуг, свобода, добровольность

Ребикова Ю. В.

ПРИНЦИП ДОСТУПНОСТИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТБОРА СОДЕРЖАНИИ
МОДУЛЬНЫХ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ ПО РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, ЗАТРОНУТЫМИ ЭПИДЕМИЕЙ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ

Рассматривается вопрос проведения модульных курсов повышения квалификации с социальными педагогами по проблеме адаптации детей, затронутых эпидемией ВИЧ и обосновывается необходимость применения принципа доступности для отбора содержания данной курсовой подготовки.

Ключевые слова. ВИЧ-инфекция, адаптация, модульный курс повышения квалификации, принцип доступности.

In given article the question of carrying out of modular courses of improvement of qualification with social teachers on a problem of adaptation of children mentioned by epidemic of a HIV is considered and necessity of application of a principle of availability to selection of the maintenance of the given course preparation is proved.

Keywords. HIV-an infection, adaptations, modular courses of improvement of qualification, an availability principle

Родионов В. В., Биче-оол В. К.

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ТАЙМЫРА В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассматривается влияние глобализационных процессов на культуру коренных (аборигенных) малочисленных народов Таймыра, положительные и отрицательные стороны глобализации.

Ключевые слова: глобализация, культура, народы, таймыр, этнос.

Summary: in this article influence of globalization processes on culture of the indigenous (native) small people of Taimyr, positive and negative sides of globalization is considered.

Keywords: globalization, culture, people, Taymyr, ethnos.

Рожкова К. Е.

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФИЛОСОФА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА РОЗАНОВА В
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Отмечается появление интереса к изобразительному искусству со стороны религиозных философов. Рассмотрены взгляды В. В. Розанова на православную живопись в контексте Церкви и культуры. Раскрыта оценка наследия М. В. Нестерова и В. М. Васнецова религиозными философами.

Ключевые слова: религиозная философия, икона, новое христианское сознание, канон.

Keywords: religious philosophy, an icon, a new Christian consciousness, canon.

Романов П. Е.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЯ В СФЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ В
РОССИИ

Одним из ключевых вопросов сегодняшнего дня в сфере книгораспространения является интернет-торговля. Растущая популярность книжной интернет-торговли заставляет книжную индустрию активно адаптироваться к новым условиям.

Ключевые слова: интернет-торговля, интернет-продажи, книгораспространение

Сафонова Н. А.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются основополагающие вопросы изучения традиционной культуры в теоретико-методологическом аспекте. Раскрывается соотношение следующих дефиниций: традиция, обычай, обряд, ритуал.

Ключевые слова: традиционная культура, обычай, обряд, ритуал.

Keywords: traditional culture, custom, ritual, ritual.

Свичкарь И. Г.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ, ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
PROBLEMS OF CONSERVATION, PROTECTION AND DEFENSE OF HISTORICAL AND CULTURAL
HERITAGE

Сложность изучения проблем сохранения, охраны и защиты ИКН заключается, в первую очередь, в том, что этими проблемами занимается не одна самостоятельная наука, а как минимум, три: история, культурология и краеведение. К ним примыкают правоведение и искусствоведение. В связи с этим до сих пор не преодолено терминологическое разночтение одних и тех же понятий.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, культурно-исторический процесс, культурные ценности

The complexity of studying the problems of conservation, protection and TSC is, first of all, is that these problems are not engaged another independent science, but at least three: the history, culture and local history. These adjacent jurisprudence and art. In this regard, have not yet overcome the terminological discrepancy of the same concepts.

Keywords: historical and cultural heritage, cultural-historical process, cultural values

Сейма А. А.

ВОСПРИЯТИЕ СМЫСЛА, КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР АДЕКВАТНОЙ РЕАКЦИИ
НА СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ

Дано краткое разъяснение философской категории «смысл» в ее социокультурном аспекте. Восприятие смысла – одна из важнейших частей культуры мышления – описывается в статье как ключевой момент в развитии общества и в реагировании на цивилизационные вызовы.

Ключевые слова: смысл, сущность, культура мышления, философия, феноменология
Keywords: sense, essence, culture of thinking, philosophy, fenomenology.

Семенова Е. В.

ОПТИМИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА

Интенсивность информационного потока сегодня является ключевым фактором профессиональной деятельности. Профессионалу сегодня приходится постоянно работать в условиях изменяющейся информационной среды, которую он должен структурировать, систематизировать, переработать, на основе чего – собственно принять актуальное профессиональное решение.

Ключевые слова: педагог, учебный процесс, занятие

Сергеев С. С.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ-МИГРАНТОВ

Люди, эмигрирующие в целях получения образования или в силу экономических причин, ассимилируются довольно легко, в то время как беженцы, как бы «вытолкнутые» политическими катаклизмами, психологически сопротивляются разрыву связей с родиной и ассимилируются гораздо дольше и с большими трудностями. Вместе с тем, незнакомая среда вызывает тревогу и смятение, следствием межкультурного контакта может быть даже психосоматическое заболевание. Следовательно, необходимы методы и технологии, способствующие инкультурации мигрантов, в том числе и подростков, в новые условия существования, одним из которых является социально-культурная адаптация.

Ключевые слова: подростки-мигранты, социально-культурная адаптация, аккультурация, инкультурация

Keywords: young workers, socio-cultural adaptation, acculturation, inculturation.

Синецкий Н. С.

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Раскрываются особенности Арабской цивилизации. Арабы относятся к семитским народам и населяют Аравийский полуостров с IV–III тыс. до н. э.

Ключевые слова: Аравия, Ислам, Халифат

Синтяева Г. А.,

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ДЕТСТВА

Рассматриваются культурные ценности в структуре образовательного пространства детства, а также их роль в воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Ключевые слова: культурные ценности, образовательное пространство, детство.

The cultural values in the structure of the educational space of the childhood, as well as in education of children of preschool and younger school age are considered in given article.

Keywords: the cultural value, the educational space, the childhood.

Скороходова О. А.

ИЗУЧЕНИЕ КУРСА «СЦЕНИЧЕСКАЯ РЕЧЬ» КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО РЕЖИССЕРА

Создание эмоциональной развивающей среды в процессе изучения курса «Сценическая речь» способствует формированию эмоциональной культуры будущего режиссера. Эстетизированная эмпатия предполагает познание собственного внутреннего мира, духовное и культурное совершенствование.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональная культура, режиссер, формирование эмоционально-ценностного отношения к миру, сценическая речь, вербальное и невербальное общение, эстетизированная эмпатия.

Formation of emotional developing space in the process of studying the course “Scenic speech” contributes to formation of emotional culture of prospective stage manager. Aesthetic empathy supposes cognition of the own inner world, moral and cultural improvement.

Keywords: Emotions, emotional culture, stage manager, formation of emotional-axiological attitude to the world, scenic speech, verbal and non-verbal communication, aesthetic empathy.

Соколов П. И.

ПОЗИТИВНАЯ СИЛА ОТЧУЖДЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Выдвигается авторская концептуальная идея о возможном позитивном содержании феномена отчуждения. На основе антропологического анализа феномена отчуждения проводится мысль о его многогранности и многоплановости, не укладывающейся в рамки одномерной оценки данного феномена как исключительно негативного.

Ключевые слова: отчуждение, человек, антропологическая проблема, философская антропология.

Keywords: alienation, human, anthropological problem, philosophical anthropology.

Соколова Н. А.

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ

Конкретизируется понятийно-категориальный аппарат проблемы профессиональной адаптации молодых педагогов, уточняется ее структура, выделяются этапы и показатели успешности профессиональной адаптации.

Ключевые слова: профессиональная социализация, профессиональная адаптация, профессиональная идентификация, профессиональная интеграция.

Соколова О. В.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО КИДАЛТА

В материалах формулируются некоторые предпосылки анализа гендерных оснований современного информационного кидалта. Как развивающегося явления.

Ключевые слова: кидалт, информационное общество, эмансипация, гендер.

Keywords: kidult, information-oriented society, emancipation, gender

Солдаткин В. Е.

ЦЕРЕМОНИЯ КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА ПРОГРАММЫ ЛИЧНОСТНОГО ЮБИЛЕЯ

Рассматривается одна из основных структурных единиц программы личностного праздника – церемония. Приводятся конкретные примеры из истории праздничной культуры XVIII и XXI вв.

Ключевые слова: личностный праздник, юбилей, церемония.

The article considers one of the main structural parts of personal festivity program – ceremony. It gives definite examples from the history of festive culture of the 18th and 21st centuries.

Keywords: personal festivity, jubilee, ceremony.

Соломко Д. В.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Театральное действие рассматривается через призму методологических подходов, таким образом открывается возможность получить некий образ или снимок, «картину», не просто схему. Каждое видение – это своеобразное представление феномена театрального действия, в ключе определенного подхода. С позиции полипарадигмального подхода дается многогранное представление о театральном действии, выявляются разные свойства феномена театрального действия как культурной формы и культурного артефакта и по принципу дополнительности сводится все это в одну картину.

Ключевые слова: культура, культур-философская рефлексия, театр, театральное действие, целостность жизненного мира человека, дегуманизация, деконструкция, текст, интертекстуальность.

Keywords: culture, culture-philosophic reflection, theater, theatric action, the integrity of a man's living world, dehumanization, deconstruction, text, intertextuality.

Солодовникова Е.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАЦИЙ ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РЕКЛАМНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП»)

Общественно-образовательные проекты как особая форма научной, творческой и образовательной работы со студентами в последние годы активно развивается многими вузами г. Челябинска.

Ключевые слова: общественно-образовательные проекты, реклама, фестивали рекламы

Стародубец Ю. Г.

БЛОГИ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЕ

Статья посвящена проблеме трансформации одной из форм коммуникативного взаимодействия в сети Интернет. Автор статьи выделяет три этапа развития блогосферы и констатирует трансформацию и интеграцию блогов в более формы Интернет-коммуникации.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, блог, блогосфера, микроблоги, трансформация блогосферы.

Keywords: Internet communication, blog, transformation of the blogs, micro blogs, blog's sphere.

Стожко К. П.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕНОМЕНА ТРУДОВОЙ СТОИМОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Исследуется проблема качественной трансформации общественно-необходимого труда в постиндустриальном обществе. Выявляется качество «абстрактного» труда, являющегося источником трудовой стоимости, которая выражает общественно-исторический характер такого труда. Раскрываются особенности в изменении характера общественно-необходимого труда через снятие феномена его отчуждения, что объективно ведет к изменениям в содержании самой трудовой стоимости и всей системы социально-трудовых отношений в обществе.

Ключевые слова. Трудовая стоимость, отчуждение труда, общественно-необходимый труд, неореалистский подход, неоминалистский подход, диалектика труда, качество труда, социально-трудовые отношения.

The problem of qualitative transformation of socially necessary labor in post-industrial society is studied. The quality of the "abstract" of labor, which is a source of labor value, which expresses the socio-historical nature of such work is revealed. Especially in the changing nature of the socially necessary labor are revealed through the removal of its alienation phenomenon that objectively leads to changes in the content of the labor cost and the system of social and labor relations in society.

Keywords. Labor cost, alienation of labor, socially necessary labor, neorealistsky approach, neominalistsky approach, dialectic of labor, quality of work, social and work relationships.

Терентьева Н. А.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:
КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ

Статья посвящена осмыслению понятия «хореографическая культура», соотношения его с рядоположенными категориями, определением ключевых компонентов хореографической культуры.

Ключевые слова: хореографическая культура, духовная культура, эстетическая культура, балет, искусство

Keywords: choreographic culture, spiritual culture, aesthetic culture, ballet, art

Терехов А. Н.

«НАС В ПЕХОТУ СРАЖАТЬСЯ ПОСЛАЛИ...» (МОРСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ – ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА)

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. морские пехотинцы и бойцы морских стрелковых бригад показали особую стойкость и героизм при обороне Заполярья, в боях под Либавой, Таллином, на Моонзундских островах, полуострове Ханко, под Москвой и Ленинградом. Мужественно и героически дрались они за Одессу и Севастополь, Керчь и Новороссийск, в Сталинграде, стойко защищали Кавказ. В ходе Великой Отечественной войны морская пехота покрыла себя неувядаемой славой.

Ключевые слова: морские пехотинцы, Герои Советского Союза, Великая Отечественная Война

Тимошенко Л. А.

ИГРА В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Игра и музыка являются естественной, занимательной, неутилитарной, но вместе с тем деятельностью, имеющей развивающий и воспитывающий смысл для подрастающего поколения. Истоки взаимосвязей этих двух аспектов культуры просматриваются в народной культуре. В современной системе музыкального образования присутствие игры может стать важной составляющей в формировании познавательного и поисково-творческого интереса учащихся.

Ключевые слова: игра и музыка, их взаимосвязи, народная культура, музыкальное образование

Keywords: Game and music, their interrelations, national culture, music education

Тузовский И. Д.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СЕМАНТИКА ТЕРМИНА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА БОЛЬШЕЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ

Дан анализ процессуального понимания значения понятия «глобализация», исходя из предположения о ее большей исторической длительности.

Усанова Д. О.

«ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДОСУГА И ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматриваются существенные изменения, произошедшие под влиянием интернет-технологий, в языковых практиках и сфере досуга современного человека.

Ключевые слова: виртуальная реальность, трансформация, «язык подонков», цивилизация досуга, виртуальная культура.

Keywords: virtual reality, transformation, civilization of leisure, padonkaffsky jargon, virtual culture.

Фадькин К. Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ
СРЕДСТВАМИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Раскрыта необходимость обращения к вопросу формирования здорового образа жизни современной молодежи.

Ключевые слова: физическая культура, здоровье, военнослужащие

Федоров Н. С.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ УЧАЩИХСЯ ПРИ
ИЗУЧЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ЮЖНОУРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Рассматриваются проблемы приобщения учащихся к научной и краеведческой деятельности и изучения старообрядчества, виды научной деятельности и критерии допуска учащихся к научным конференциям, а также контрольные показатели. Систематизирован и обобщен опыт деятельности НОУ за последние три года.

Ключевые слова: наука, ученик, история, старообрядчество

Keywords: science, schoolboy, history, old believers

Фокина Н. Н.

КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Понятия «личность», «культура», «культура для общества», «экология» определены как основа развития социально-культурной среды общества. Перечисленные термины задают стандарты, которые личность может использовать для оценки собственного поведения и которые формируют социально-культурную среду общества.

Ключевые слова: культура, социально-культурное поведение, личность, экология, общество.

The author of this article identifies the notions «personality», «culture», «culture for society», «ecology» as the basis of social cultural development. The listed terms set the standards which every person can use for estimating his/her own behavior and which form social cultural habitat of society.

Keywords: culture, social cultural behavior, personality, ecology, society.

Фукс Д. А.

«СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РАКУРСЫ МЕДИАКУЛЬТУРЫ: НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ШОУ-ПРОГРАММ».

«Sociocultural foreshortenings of media culture: on an example of television show programs».

Фурсова А. Ю.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТВОРЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ
ТЕАТРОВ КУКОЛ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 70-80-Х ГГ. XX ВЕКА

Исследуется процесс формирования художественного и артистического персонала театров кукол на Южном Урале как особой категории творческой интеллигенции. Выявляются основные этапы подготовки актеров для театров кукол в советской системе профессионального образования. Раскрывается роль художе-

ственных руководителей в развитии профессионального обучения кадров для детских театров.

Ключевые слова: театр кукол, творческий коллектив, художественно-технический персонал, творческая лаборатория, профессиональная подготовка, УНИМА

The article deals with the process of the art and artistic personnel of puppet theaters development as special category of the creative intellectuals in the Southern Urals. The main stages of actors' preparation for puppet theaters in the Soviet system of professional education are discovered. The role of artistic directors in staff professional development for children's theaters is revealed.

Keywords: puppet theater, creative collective, artistic and technical staff, creative laboratory, professional training, UNIMA.

Хворостова Я. Г.

УМСТВЕННАЯ (ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ) ОДАРЕННОСТЬ: ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Жизнь постоянно показывает, что наряду со специальными видами одаренности существует и более широкая – умственная или интеллектуальная одаренность, сказывающаяся всюду, где требуются достоинства ума. В условиях общеобразовательной школы различия между учениками именно в умственном отношении выступают на первый план. Теперь, на современном этапе развития нашего общества, внимание к детям, опережающих своих сверстников, с признаками незаурядного интеллекта, – актуальная задача школы.

Хомяков А. В.

ЗНАЧЕНИЕ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Цель данной статьи: дать четкий культурологический анализ обрядовых элементов используемых при воспитании и создании личности ребенка в семье, в дошкольных и дополнительных образовательных учреждениях. В статье описывается эволюция обрядовых действий конца XIX – начала XX в. Весь спектр родильных крестьянских обрядов. Происходящая трансформация обрядовой культуры и применение ее на основе закладывания первичных навыков общения детей со сверстниками и взрослыми. Просматривается праздничная культура, как основа взаимодействия между детьми с окружающим социальным и природным миром.

Ключевые слова: традиция, ритуал, обряд, гражданская обрядность, праздник, личность, ребенок. Tradition, ritual, rite, holiday, personality, obryadovaya culture.

Черникова С. В.

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ США И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются структурные компоненты поликультурной образовательной политики в странах США и России. Поднимается вопрос усовершенствования системы работы с иностранцами в сфере образования РФ.

Ключевые слова: поликультурная образовательная политика, система образования, мигранты, иностранные студенты.

The article deals with the structural components of multicultural education policies in the United States and Russia. Raises the issue of improving the system of working with foreigners in the field of education in Russia.

Keywords: multicultural education policy, education, immigrants, foreign students.

Чернов А. В., Семенов П. П.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИЗМЕ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ ХРИСТИАНСТВА

Историософия убедительно свидетельствует, что в русском религиозно-идеологическом и социально-политическом онтогенезе отчетливо выделяется ряд последовательно сменяющих друг друга этапов. Используя терминологию Гегеля, можно сказать, что русское соборное церковное самосознание являлось своеобразным историческим тезисом. Ему на смену пришел антитезис в виде коммунистического атеистического мировоззрения, которое тем не менее также являлось коллективистским по своей социальной сути

Ключевые слова: социализм, христианство, философия

Чернов А. В.

Б. М. ТЕПЛОВ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Рассматриваются основные черты концепции музыкальных способностей крупнейшего русского и советского психолога Бориса Михайловича Теплова применительно к формированию личности музыканта-исполнителя на этапе обучения в музыкальной школе и музыкальном училище. Рассматривается типология музыкальных способностей, их детерминированность, предпосылки для дальнейшего развития.

Ключевые слова: Теплов, музыкальная психология, музыкальные способности, одаренность.

Шадрина О. В., Стожко Д. К.

ДИАЛЕКТИКА ПОНЯТИЙ «ИНСТИТУЦИЯ» И «ИНСТИТУТ» В ИСТОРИИ НАУКИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Проведено различие понятий «институт» и «институция». Выявлена зависимость институтов от характера общественного разделения труда и форм социального взаимодействия в обществе. Дан сравнительный анализ конкуренции и партнерства в контексте развития социальных институтов. Сформулирована идея о необходимости планомерного и осознанного осуществления процесса общественного разделения труда как главного условия повышения качества социальных институтов. Высказана критика социобиологической трактовки сотрудничества и разделения труда, сложившейся в западноевропейской социологии и социальной философии.

Ключевые слова: социальный институт, институция, институционализм, не-институциональная теория, социальная конкуренция, социальное партнерство, общественное разделение труда, символическая коммуникация, принцип дополняемости, ценность, опредмечивание деятельности.

The distinction the terms "institution" and "institution" are done. The dependence on the nature of the institutions of the social division of labor and forms of social interaction in the community is identified. A comparative analysis of competition and partnership in the context of social institutions is given. The idea of the need for systematic and informed of the process of the social division of labor as the main condition for improving the quality of social institutions is formulated. The criticism of sociobiological treatment of cooperation and division of labor that has developed in Western sociology and social philosophy is expressed.

Keywords. Social institution, the institution, institutionalism, neo-institutional theory, social competition, social partnership, the social division of labor, symbolic communication, the principle of complementarity, value, objectification activity.

Шайдулов А. А.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СПРАВОЧНОГО ФОНДА В СПРАВОЧНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ЮНОШЕСКИХ БИБЛИОТЕК

Рассматривается электронный справочный фонд как группа ресурсов, предоставляемых для справочного обслуживания пользователей юношеских библиотеки.

Ключевые слова: Электронный справочный фонд, справочное обслуживание.

In the article the author reviews electronic informational stock as a group of resources provided for reference support of juvenile libraries' subscribers.

Keywords: electronic informational stock, reference support.

Шугаева А. В., Хомяков В. И.

СПЕЦИФИКА ОМСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ

Рассматриваются особенности блогосферы как нового явления информационного пространства, анализируется омская блогосфера, определяются группы тем, к которым обращаются омские авторы.

Ключевые слова: информационное пространство, блогосфера, блог, блогер, средства массовой информации

The article is about the features of the blogosphere as a new phenomenon. In the article analyzed the information space of Omsk blogosphere and the tematics which the authors refer in Omsk.

Keywords: information space, blogosphere, blog, blogger, media

Шуленова Н. В.

РЕПЕТИЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МЕНЕДЖЕРА ОРКЕСТРОВОГО КОЛЛЕКТИВА

Осуществляется экспликация репетиционного процесса. Анализируются его функции в разрезе формирования профессиональной компетентности менеджера оркестрового коллектива. Выделяются основные характеристики коллектива высокого уровня развития.

Ключевые слова: репетиция, оркестровый коллектив профессиональная компетентность.

Keywords: rehearsal, orchestra group, professional competence.

Шуляк Е. В.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И СЛУЖБА ЗЕМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА –
АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Одним из актуальных направлений современной исторической науки является история повседневности. В статье рассматриваются важные аспекты повседневной жизни и службы земского медицинского персонала, которые могут стать предметом научного анализа.

Ключевые слова: земский медицинский персонал, земские врачи, повседневная жизнь

Keywords: the Zemstvo medical personnel, Zemstvo doctors, an everyday life.

Шутова Н. Г.

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КОНСТРУКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
И ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ СТУДЕНЧЕСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ЗЕМЛЯЧЕСТВ И МОЛОДЕЖНЫХ
ФОЛЬКЛОРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МОЛОДЕЖНОГО ЦЕНТРА
«КАЛЕЙДОСКОП»)

Представлен опыт организации социокультурной проектной деятельности, способствующей формированию и развитию практик межэтнических толерантных взаимодействий на примере поликультурного проекта «Фестиваль творческих этнических площадок «Культурное разнообразие для диалога и развития».

Ключевые слова: поликультурный проект, культурное разнообразие, межэтническая толерантность, диалог культур.

This article presents the experience of social and cultural organization of project activities that encourage the development and practice of inter-ethnic tolerance interactions in multicultural example of the «Festival of creative ethnic grounds «Cultural Diversity for Dialogue and Development».

Keywords: multicultural project, cultural diversity, inter-ethnic tolerance and dialogue of cultures.

Юлдашева Р. У.

КАЧЕСТВЕННО НОВЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ ВЫПУСКНИКА МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Качественно новый подход в подготовке выпускника медицинского вуза это творческий и осознанный подход в решении проблем качественного медицинского образования путем подготовки грамотного, конвертируемого и конкурентоспособного врача.

Ключевые слова: реформирование, выпускник медицинского вуза, первичное звено здравоохранения

Qualitatively new approach in preparation of the graduate of medical high school is the creative and realized approach in the decision of problems of qualitative medical education by preparation of the competent, convertible and competitive doctor.

Keywords: reforming, the graduate of medical high school, a primary link of public health services

Юровская О. Л.

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНЫХ СТИХОВ НА УРАЛЕ

Статья посвящена собиранию и исследованию жанра духовного стиха на Урале. В ней приведены все публикации сборников напевов и текстов, научных статей, крупных исследований, касающиеся этого жанра за период от начала XIX в. до настоящего времени, называются имена собирателей и ученых. Собрание и изучение духовных стихов в данном регионе представлено в свете общих тенденций, характерных для уральской музыкальной фольклористики этого периода.

Ключевые слова: духовные стихи – духовные стихи на Урале – история Урала – собирание духовных стихов на Урале – фольклористика Урала.

Keywords: spiritual verses – spiritual verses in the Urals – history of Ural – collecting of spiritual verses in the Urals – ethnomusicology the Urals.

Яблонская Е. А.

ОНТОЛОГИЯ ЗВУКА В КОНТЕКСТЕ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Поднимается вопрос о детерминации смыслонаполнения речевой коммуникации не только вербальной, но и звуковой составляющей. Рассмотрена волновая природа звука как механизм считывания мышлением человека внешней природной и социальной информации. Обозначены лого- и мелоцентричность философского знания.

Ключевые слова: коммуникация, информация, логос, мелос, интонация

This article raises the question of the determination of making sense of speech communication not only verbal, but also sound constituent. The wave nature of sound is treated as mechanism of reading nature and social external information by human's thinking. Logo- and melocentrism of philosophical knowledge are denoted.

Keywords: communications, information, logos, melos, intonation

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдразакова Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры педагогики и психологии, руководитель педагогического отряда «Пульс» Челябинской государственной академии.

Аверьянова Светлана Васильевна – аспирант кафедры педагогики и психологии, заведующая курсами дополнительного образования Челябинской государственной академии.

Агеева Ирина Сергеевна – заведующая отделением по специальности Челябинского колледжа информатики, информационных технологий и экономики.

Азнагулова Алина Гаяновна – студентка Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Айназаров Пернебек Дурназарович – студент Челябинского государственного педагогического университета.

Алдошина Марина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры общей педагогики Орловского государственного университета, декан факультета педагогики и психологии, г. Орел.

Алимова Ульяна Александровна – старший преподаватель кафедры общественных и художественно-эстетических дисциплин Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования.

Андропова Татьяна Владимировна – аспирантка кафедры социально-культурной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Антонова Наталья Валерьевна – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Антонова Наталья Ивановна – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, г. Челябинск.

Апанасюк Лариса Ахунжановна – кандидат педагогических наук, докторант кафедры социально-культурной деятельности Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Бабаева Елена Вячеславовна – аспирантка Российского государственного университета туризма и сервиса, г. Москва.

Баштанар Ирина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета книжного бизнеса, документоведения и музееведения Челябинская государственная академия культуры и искусств

Белобородова Екатерина Валерьевна – аспирантка кафедры педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Биче-оол Владимир Кызыл-оолович – кандидат культурологии, доцент Уральского государственного университета физической культуры, г. Челябинск.

Болтаев Камол Жумаевич – кандидат медицинских наук, заведующий кафедрой факультетской и госпитальной терапии Бухарского государственного медицинского института, Республика Узбекистан.

Борченко Ирина Дмитриевна – кандидат культурологи, доцент Уральского университета физической культуры.

Бояркина Юлия Александровна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой естественно-математического образования Тюменского областного государственного института развития регионального образования.

Бредихин Сергей Сергеевич – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Бриске Ирина Эвальдовна – доцент кафедры искусства балетмейстера Челябинской государственной академии культуры и искусств

Бубенков Павел Олегович – аспирант кафедры педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Бубенкова Мария Викторовна – аспирант кафедры культурологии и социологии, преподаватель кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор, кафедры гуманитарных и социальных дисциплин филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, г. Тверь.

Ваганов Александр Александрович – аспирант кафедры истории Челябинской академии культуры и искусств.

Важенина Ольга Анатольевна – преподаватель Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск.

Ванина Екатерина Владимировна – аспирант кафедры истории и теории музыки Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Ветошкин Анатолий Петрович – доктор философских наук, профессор Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург.

Вишнякова Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры этнокультурного образования Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Власова Ирина Александровна – заведующая кафедрой физической культуры Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Волкова Марина Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры физики Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского, г. Ярославль.

Гаврилова Екатерина Михайловна – старший преподаватель кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью Уральского государственного университета физической культуры, г. Челябинск.

Гаврилова Карина Александровна – студентка Уральского государственного университета физической культуры.

Гендова Марина Юрьевна – аспирантка Академии русского балета им. А. Я. Вагановой, г. Санкт-Петербург.

Головина Мария Юрьевна – аспирант кафедры книжного бизнеса, старший преподаватель кафедры информатики Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Горемыко Михаил Владимирович – кандидат педагогических наук, директор Энгельсского технологического института Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина.

Григорьев Илья Николаевич – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории народной художественной культуры МГУКИ.

Григорьева Елена Ивановна – доктор культурологии, профессор кафедры социально-культурной деятельности Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Данилова Анастасия Анатольевна – аспирант Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Даутова Екатерина Владимировна – аспирант кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Демаков Владислав Германович – студент Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Дуранов Михаил Евгеньевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Евсикова Ирина Александровна – аспирант кафедры истории и теории музыки Челябинской государственной академии культуры и искусств, преподаватель колледжа искусства и культуры, г. Миасс.

Ерёмина Людмила Васильевна – доцент кафедры физической культуры Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Ерыкалина Анфиса Юрьевна – аспирант кафедры истории Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Жарылкасынова Гавхар Жанузаковна – кандидат медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой подготовки врачей общей практики, Бухарский государственный медицинский институт, Республика Узбекистан.

Журба Наталья Нигматулловна – старший преподаватель кафедры воспитания и дополнительного образования Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования.

Загорулько Ирина Андреевна – соискатель кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Зайкова Ольга Николаевна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры рекламы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Зайцева Светлана Петровна – аспирантка кафедры социально-культурной деятельности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Замогильный Сергей Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных наук Энгельского технологического института Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина, действительный член академии естествознания, г. Энгельс

Зубанова Людмила Борисовна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Исламов Павел Гильмитдинович – аспирант кафедры социально-культурной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Калинина Вероника Михайловна – магистрант Уральского государственного университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина.

Калугина Татьяна Аркадьевна – старший преподаватель кафедры социальной работы, психологии и педагогики Челябинской государственной медицинской академии.

Капитова Наталия Александровна – аспирантка кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Капустян Надежда Юрьевна – соискатель Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Касьянова Анна Владимировна – аспирантка кафедры социально-культурной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Катаева Екатерина Ивановна – заведующая отделением по специальности, преподаватель Челябинского колледжа информатики, информационных технологий и экономики.

Кокорина Светлана Васильевна – главный библиограф Свердловской областной специальной библиотеки для слепых, аспирант кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств, г. Екатеринбург.

Кокшаров Евгений Николаевич – соискатель кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Коростина Елена Петровна – аспирантка кафедры теории и истории музыки Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Котикова Татьяна Ивановна – преподаватель Белгородского государственного института культуры и искусств.

Кравчук Василий Иванович – кандидат педагогических наук, профессор кафедры физической культуры Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Криницына Екатерина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинская государственная академия культуры и искусств.

Кружкова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург.

Кузнецов Анатолий Николаевич – кандидат педагогических наук, начальник отдела маркетинга и рекламных стратегий Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Кузьмина Ольга Валентиновна – преподаватель Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Куликов Денис Вячеславович – студент Уральского государственного университета физической культуры.

Курмаева Татьяна Владимировна – учитель химии лицея № 1 г. Салават, Башкортостан.

Криницына Екатерина Владимировна – кандидат педагогических наук, руководитель отдела по социально-воспитательной работе Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Лаврова Клёна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Ланганс Елена Геннадьевна – преподаватель кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Лексина Галина Николаевна – соискатель кафедры педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Лешуков Алексей Григорьевич – преподаватель кафедры рекламы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Литвак Римма Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Литвин Евгения Владиславовна – преподаватель МК Белгородского государственного института культуры им. С.А.Дегтярёва.

Ложников Василий Сергеевич – аспирант Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Лыкова Рима Рафиковна – преподаватель кафедры теории и методики танцевальных видов спорта и педагогики балета Уральского государственного университета физической культуры.

Малахова Асоль Николаевна – педагог-психолог высшей категории колледжа «ЛОКОН», Санкт-Петербург.

Мальцева Елена Владимировна – соискатель кафедры педагогики и психологии, специалист по учебно-методической работе отдела по социально-воспитательной работе, преподаватель кафедры информатики Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Маркова Арина Васильевна – старший преподаватель кафедры режиссуры, кино и телевидения Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Мартынова Нэйля Энгелевна – старший преподаватель кафедры этнокультурного образования Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Махмутова Лариса Гаптульхаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики, естествознания и методики преподавания математики и естествознания, заместитель декана по учебной работе факультета подготовки учителей начальных классов, Челябинского государственного педагогического университета.

Мацура Татьяна Анатольевна – магистрант Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Миляева Екатерина Галимулловна – преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Челябинский институт экономики и права им. М. В. Ладощина.

Михайлова Елена Александровна – руководитель Челябинского городского центра реабилитации, аспирант кафедры социально-культурной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Мордасов Александр Алексеевич – доцент кафедры режиссуры, кино и телевидения Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Мошкина Олеся Витальевна – аспирант кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Мугалимова Анна Владимировна – преподаватель кафедры Музыкального образования и Народных инструментов и оркестрового дирижирования Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Мухаммедова Хумор Хамдамовна – ассистент кафедры факультетской и госпитальной терапии Бухарского государственного медицинского института, Республика Узбекистан.

Наврузова Шакар Истамовна – доктор медицинских наук, доцент, зав кафедрой детских болезней Бухарского государственного медицинского института, Республика Узбекистан.

Нагевичене Валентина Яковлевна доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», филиала ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет», г. Миасс.

Новак Ольга Юрьевна – соискатель кафедры педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Орехова М. В. – студентка Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Панасенко Сергей Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, г. Челябинск.

Панькин Игорь Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского Государственного университета физической культуры, г. Челябинск.

Парахонский Александр Павлович – доктор медицины, профессор Кубанского медицинского института, почётный доктор наук РАЕ, Краснодар.

Пельков Дмитрий Евгеньевич – аспирант кафедры истории Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Пелькова Татьяна Юрьевна – аспирант кафедры истории Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Пеннер Регина Владимировна – преподаватель Челябинского государственного университета.

Переверзев Валерий Владимирович – аспирант, ассистент кафедры истории России Магнитогорского государственного университета.

Пермяков Анатолий Константинович – начальник отдела по работе с молодежью Костанайского инженерно-экономического университета им. М. Дулатова, Республика Казахстан.

Пирожкова Марина Анатольевна – аспирант кафедры социально-культурной деятельности Челябинской государственной академии культуры и искусств, преподаватель Южно-уральского государственного института искусств им. П.И.Чайковского, г. Челябинск.

Плахутина Екатерина Николаевна – заведующая библиотекой Башкирского института физической культуры, г. Уфа.

Плеханова Ольга Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

Позднякова Жанна Сергеевна – старший преподаватель кафедры управления и бизнеса, Южно-Уральского института управления и экономики, г. Челябинск

Полушкина Мария Сергеевна – Челябинская государственная академия культуры и искусств

Помелов Владимир Александрович – аспирант кафедры философских наук Челябинской академии культуры и искусств.

Пономарева Анна Викторовна – кандидат педагогических наук, специалист по учебно-методической работе института культуры детства Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Прошкина Мария Павловна – аспирантка кафедры социально-культурной деятельности Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Ребикова Юлия Валерьевна – старший преподаватель кафедры воспитания и дополнительного образования Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования.

Родионов Валерий Владимирович – специалист по изучению истории северных городов Российской Федерации

Рожкова Ксения Евгеньевна – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Романов Павел Евгеньевич – аспирант кафедры книжного бизнеса Челябинской государственной академии культуры и искусств

Рыбникова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и экспериментальной физики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Ряховская Мария Андреевна – аспирант кафедры книжного бизнеса Челябинской государственной академии культуры и искусств, специалист Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования.

Сафонова Наталья Александровна – старший преподаватель кафедры этнокультурного образования Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Свичкарь Илюзя Гасимзяновна – аспирантка кафедры истории Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Сейма Андрей Александрович – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Семенова Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и управления в социально-культурной сфере.

Сергеев Сергей Сергеевич – преподаватель кафедры социально-культурной деятельности Орловского государственного института искусств и культуры.

Синецкий Никита Сергеевич – аспирант кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Синтяева Галина Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Скороходова Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, начальник концертно-творческий отдела, г. Нальчик.

Соколов Павел Игоревич аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Соколова Надежда Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, педагогики и психологии Челябинского государственного педагогического университета.

Соколова Ольга Владимировна – студентка Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Солдаткин Владимир Евгеньевич – соискатель кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Солодовникова Екатерина – студент Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Соломко Дмитрий Витальевич – кандидат философских наук, доцент Южно-уральского государственного университета, г. Челябинск.

Стародубец Юлия Григорьевна – студентка Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Стожко Дмитрий Константинович, кандидат философских наук, доцент, Уральский государственный экономический университет.

Стожко Константин Петрович – доктор, исторических наук, профессор Уральского государственного экономического университета.

Терентьева Наталья Алексеевна – соискатель кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Терехов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Тимошенко Лидия Афанасьевна – преподаватель Белгородского государственного института искусств и культуры, почетный работник среднего профессионального образования РФ.

Тузовский Иван Дмитриевич – кандидат культурологии, специалист по инновациям Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Умурова Нигора Мавлоновна – ассистент кафедры факультетской и госпитальной терапии Бухарского государственного медицинского института, Республика Узбекистан.

Усанова Дарья Олеговна – аспирантка кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Фадькин Константин Николаевич – аспирант кафедры социально-культурной деятельности Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

Федоров Николай Сергеевич – кандидат исторических наук, г. Магнитогорск.

Фокина Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности Пермского государственного института искусства и культуры.

Фукс Дмитрий Александрович – аспирант кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Фурсова Анастасия Юрьевна – аспирант кафедры истории Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Хамидова Зайнаб Норовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры факультетской и госпитальной терапии Бухарского государственного медицинского института, Республика Узбекистан.

Хворостова Яна Геннадьевна – учитель географии школы № 21, г. Озерск.

Хомяков Андрей Владимирович – преподаватель кафедры режиссуры театрализованных представлений, аспирант кафедры культурологии Пермской государственной академии культуры и искусства.

Хомяков Валерий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы и журналистики Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского.

Челтыгмашева Нина Гавриловна – соискатель кафедры педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств; начальник управления образования Аскизского района (с. Аскиз, Республика Хакасия).

Черникова Светлана Владимировна – аспирант кафедры педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Чернов Александр Витальевич – доцент кафедры специального фортепиано Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Чернов Андрей Владимирович – кандидат философских наук, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург.

Шадрина Ольга Владимирович – кандидат экономических наук, доцент Московский государственный финансово-промышленный университет,

Шайдуров Александр Алексеевич – заведующий читальным залом, Челябинской областной юношеской библиотекой.

Шугаева Анастасия Викторовна – корреспондент газеты «Класс», г. Омск.

Шулепова Наталия Владимировна – старший преподаватель кафедры народных инструментов и оркестрового дирижирования Пермского государственного института искусства и культуры.

Шуляк Екатерина Викторовна – старший преподаватель Ханты-мансийской государственной академии.

Шутова Нина Гавриловна – директор Молодёжного центра инновационной и досуговой деятельности «Калейдоскоп», г. Новосибирск.

Юлдашева Рано Уринбаевна – кандидат медицинских наук, Бухарский государственный медицинский институт, Республика Узбекистан

Юровская Ольга Леонидовна – старший преподаватель кафедры этнокультурного образования Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Яблонская Елена Андреевна – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, г. Челябинск.